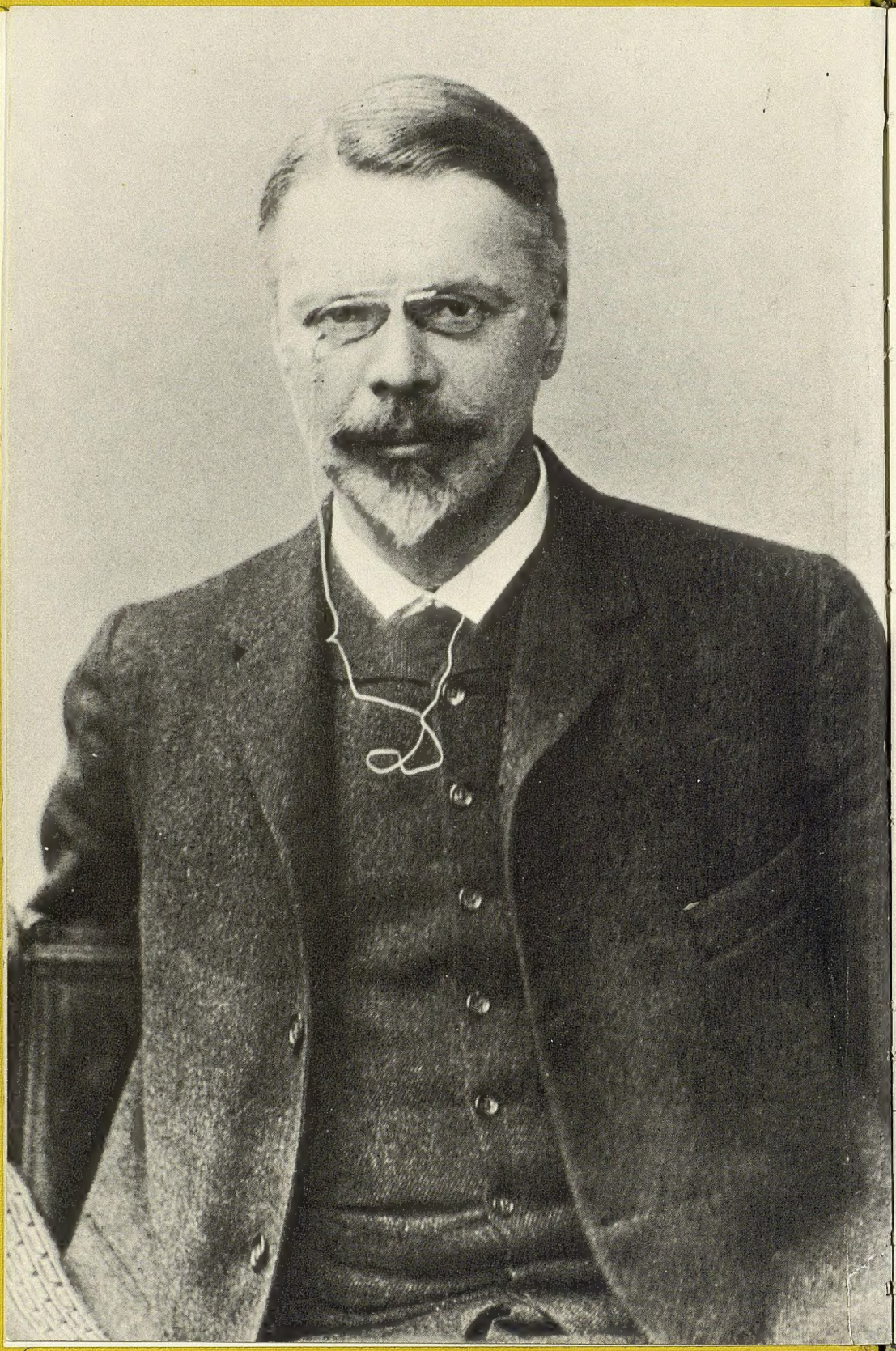
Эр1
195

Fedor I. Rodichev

VOSPOMINANIIA I OCHERKI O RUSSKOM LIBERALIZME

RUSSIAN ARCHIVAL SERIES, 2
HARRIMAN INSTITUTE
COLUMBIA UNIVERSITY



ЭР ЭР1 — 195

Averell Harriman Institute for
Advanced Study of the Soviet Union, Columbia University
Russian Archival Series, No. 2

Родичев Ф.И.
Воспоминания и очерки о русском либерализме.

Fedor Ismailovich Rodichev
VOSPOMINANIIA I OCHERKI O RUSSKOM LIBERALIZME.

Edited, Annotated, and Introduced
by
Kermit E. McKenzie

Oriental Research Partners
Newtonville, Ma.
1983

© 1983 Harriman Institute, Columbia University

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУ-ЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
17829 1992 ГОД

ISBN 0-89250-301-7

The Russian Archival Series is edited by Professor L. Haimson of the Harriman Institute (the former Russian Institute) at Columbia University. The series is published by Oriental Research Partners, Box 158, Newtonville, MA 02160.

TABLE OF CONTENTS

Editor's Preface i

Piographical Sketch of F. I. Rodichev vi

The Memoirs

Chapter I. Detstvo 1

Chapter II. Universitet 7

Chapter III. Vstrechi s Ogarevym 12

Chapter IV. Bakunin i Nechaevshchina 17

Chapter V. Tiur'ma--Akademiia Revoliutsii 21

Chapter VI. Dela Minuvshikh Dnei 25

Chapter VII. Prebyvanie v Mirovykh Sud'iakh 37

Chapter VIII. Molodaia i Staraia "Ves'egoniia" 46

Chapter IX. O Semeistve Bakuninikh i Tverskom Zemstve 51

Chapter X. Zemstvo i Narodnoe Obrazovanie 57

Chapter XI. Posle 1-go Marta 69

Chapter XII. Adres Tverskogo Zemstva 81

Chapter XIII. K Pervoi Dume 90

Chapter XIV. Fevral'skaia Revoliutsiia 96

Chapter XV. Poezdka v Finliandiiu 106

Chapter XVI. Polozhenie v Armii 117

Chapter XVII. Sledstvennaia Komissiia 126

Chapter XVIII. Avgust-Dekabr' 1917 133

Appendices

A. Pis'mo F. I. Rodicheva k E. P. Ushakovoi 148

B. Pis'mo F. I. Rodicheva k A. R. Lednitskomu 157

C. Bol'sheviki i Evrei 171

D. Pervaia Rech' Imperatora Nikolaia 180

Notes to Chapters and Appendices 191

EDITOR'S PREFACE

Fedor Izmailovich Rodichev (1854-1933) was one of the outstanding representatives of the liberal and constitutional movement that developed in Russia during the reigns of the last three Romanovs. As an indefatigable worker in the district and provincial zemstvo institutions of Tver' Province, as a founder of the League of Liberation and later a leader of the Constitutional-Democratic Party, and as one of the two or three foremost orators in the State Duma, he marked out a record of public activity that spanned more than four decades and was studded with many of the milestones in the history of Russian liberalism. With the establishment of Bolshevik power in Russia, Rodichev witnessed the failure of that movement to which he had devoted so many years. Then in his middle sixties, he retired to Western Europe, ultimately settling in Switzerland. There together with his wife, Ekaterina Aleksandrovna, and one of his two daughters, Aleksandra Fedorovna, and in close friendship with Herzen's daughter Natalia, Rodichev lived out his remaining years.

During these years in emigration Rodichev turned to the task of setting down an account of the events that he had experienced and his own role in the liberal-constitutional movement. His efforts, often interrupted by illnesses, did not result in a comprehensive autobiography but rather in a series of essays devoted to subjects about which he felt most deeply. He succeeded in publishing several chapters of memoirs, chiefly in the Poslednie novosti of Paul Miliukov. But at the time of Rodichev's death in 1933 much material remained unpublished, and existed in typescript or in handwriting, either his own or his daughter's. Aleksandra Fedorovna was able to secure publication for several additional items. She also retained the correspondence that her father had carried on with other émigré figures, in particular with his old friend and fellow-worker in the Tver' zemstvo and the Kadet Party, I. I. Petrunkevich. Her own memoirs she set down in several closely-written notebooks. And she continued to collect and file various references to Rodichev in the memoir publications of other émigrés. These materials, lovingly accumulated and carefully preserved over a period of many years by Aleksandra Fedorovna,

constitute an important body of evidence illuminating not only Rodichev's life and values but also much of the history of the liberal movement in Russia. They comprise what may be conveniently termed the Rodichev Collection, now lodged in the Bakhmeteff Archive at Columbia University.

This volume presents a rather full selection of the most important of Rodichev's memoirs and other writings. The selection is the result of the editor's perusal of the Rodichev Collection containing printed material, typescripts, manuscripts, letters, photographs, and miscellaneous items. The bulk of the Collection, as already suggested, was gathered by Rodichev's daughter. Professor George Vernadsky of Yale University, himself a second cousin of Aleksandra Fedorovna, also contributed certain items. From these materials I have sought to prepare for publication those that appeared to be most useful in clarifying not only the sources and content of Rodichev's public philosophy but also the main concerns of his political and social activity.

These selections are presented herein as eighteen separate chapters, followed by an appendix of four additional items. It may be noted at once that this arrangement is partly Rodichev's and partly my own, and I took the liberty, on occasion, of combining or dividing segments of Rodichev's memoirs as I thought best. Where this has been done, I have indicated in the footnotes. The eighteen chapters contain Rodichev's recollections of major successive episodes in his life down to 1919. The contents of these chapters are in more or less chronological order, although it must be noted that Rodichev, in his effort to emphasize certain themes, often linked in one essay events that were separated by a considerable number of years. A strict chronological sequence of events was not everywhere adhered to, as Rodichev was writing each essay ad hoc, so to speak, and did not live to be able to unify the individual essays into one coherent volume. A small measure of overlapping and repetition is the result, albeit not a serious problem, and the editor generally preferred to let essays stand as written rather than to edit out occasional repetitive matter.

The first chapter, dealing with his childhood, commences with Rodichev's acknowledgement of the profound influence exerted upon him by the Era of the Great Reforms. "My first memories begin with the year 1861," he wrote. "All my life has been spent under the sign of liberation." The next four chapters

relate largely to the period of his university years, during which time he became acquainted with the writings of Herzen and experienced an emotional meeting with Herzen's friend Ogarev. Here his memoirs frequently express his horror and repulsion at corporal punishment and other brutal behavior by the authorities toward students and, indeed, toward all citizens. In Chapter VI he recounts his military experience as a volunteer in Serbia in 1876. Chapters VII through X are concerned with Rodichev's zemstvo work in Tver' Province, especially with respect to the two problems that interested him most--the peasant question and public education. Chapters XI and XII find Rodichev active in the broader arena of national politics, as does Chapter XIII, which deals with the beginning of the Duma period. Here there is a hiatus until 1917, and unfortunately Rodichev does not tell of his experiences within the Kadet Party and the State Duma. The remaining five chapters do, however, recount his activities and thoughts during 1917 in considerable detail.

The four appendices do not fit into the category of memoirs, but each is important for special reasons. The first item, a 1923 letter to E. P. Ushakova, is valuable for his experiences during the Civil War and the story of his emigration. There follows a remarkable letter from Rodichev to A. R. Lednicki, written during a period of painful illness in 1932, in which Rodichev gives a final assessment of his career. The next item is a pamphlet, Bol'sheviki i Evrei, a fine example of Rodichev's consistent repudiation of prejudice and discrimination against minorities. The final selection, Pervaia Rech' Imperatora Nikolaia II, is Rodichev's reply, published anonymously in Switzerland in 1895, to the famous "senseless dreams" speech of Nicholas II.

These twenty-two selections contain, in the editor's opinion, the most substantial and important evidence respecting Rodichev's ideas and activities to be found in the Collection. It is regrettable that Rodichev, often seriously ill for prolonged periods during his life as an émigré in Switzerland, was not able to produce a full-scale autobiography. Thus the comprehensiveness and continuity of the self-portraits drawn by other liberal leaders such as Petrunkevich, Miliukov, and Maklakov, is lacking. But the importance of these memoirs is obvious. They constitute an invaluable source for the study of yet another major liberal leader and they shed new light upon the gentry-zemstvo component in the Russian liberal movement. For the student interested in Rodichev's career these memoirs should of course be

supplemented by additional materials, such as other items in the Rodichev Collection but not included herein (described below), Rodichev's articles for the Kadet newspaper Rech', his speeches in the State Duma, the records of the zemstvo institutions of Ves'egonsk District and Tver' Province, and the memoirs of his contemporaries.

In addition to the materials presented in this volume, several other items in the Rodichev Collection should prove useful to researchers interested in Rodichev's career and in the liberal movement. Certain of the more important of these may be noted: (1) a thick folder of correspondence between Rodichev and Petrunkevich, written in emigration; (2) nine notebooks of memoirs by Rodichev's daughter, Aleksandra Fedorovna; (3) correspondence of Rodichev, in emigration, with Countess Sofiia Panina; (4) a copy, marginally annotated and corrected by Aleksandra Fedorovna, of Peter Struve's article, "My Contacts with Rodichev," which appeared in the Slavonic and East European Review (January 1934); (5) an edition of Herzen's Byloe i Dumy (Berlin, 1921), with an introduction written by Rodichev; (6) a diary in typescript, kept by his daughter, of Rodichev's last prolonged period of illness; (7) a short biography of Rodichev, in typescript, also by his daughter; and (8) various newspaper clippings (tributes, obituaries, and recollections of Rodichev written by other émigrés). These, together with the materials published in this volume, comprise the most substantial part of the Rodichev Collection.

It may be noted that in this volume the editor has decided in favor of the new orthography as the more familiar to readers. The editor has also added explanatory notes to help identify persons and events not always well-known. All dates prior to February 1, 1892, are in accordance with the Old Style, i.e., the Julian Calendar.

* * *

My debts to others are considerable. Above all I wish to thank most warmly Mr. Lev F. Magerovsky, former Curator of the Archive of Russian and East European History and Culture at Columbia University. His cooperation and interest at all times exceeded the most generous standards of assistance that might usually be expected. Like many others, I owe much to the humane spirit and encouragement of Professor Philip E. Mosely, who first suggested that I undertake this project, and to Professor George Vernadsky, who was vitally concerned that Rodichev's memoirs be

published. I want to thank also my colleagues in the Russian Department at Emory University, Edgar Lehrman, now at Washington University, and John Bucsela, both of whom gave freely of their time and knowledge. Mr. Joseph A. Loewinsohn of Atlanta gave me invaluable aid in deciphering handwritten materials in the Russian language. I wish also to thank Professor Leopold Haimson of the Russian Institute of Columbia University for his labors in securing publication of this work. I am very grateful to Ms. Lynn Solotaroff, editorial assistant at the Russian Institute, for her careful attention to the manuscript and her excellent cooperation in seeing it through the final stages. My knowledge of the zemstvo institutions and Rodichev's role in those of Tver' Province was greatly enhanced by a fellowship from the Inter-University Committee on Travel Grants, which permitted study in Moscow and Kalinin, old Tver'. Emory University also provided essential financial support in the preparation of this volume. None of these persons and institutions, of course, is responsible for whatever shortcomings this edition of Rodichev's memoirs may have.

Had Rodichev lived to complete his memoirs, he would have dedicated his labors, I should think, to his devoted wife and companion, Ekaterina Aleksandrovna, who steadfastly supported him throughout his career. My own work of assembling, editing, and annotating Rodichev's memoirs I wish most warmly to dedicate to my wife, Mary, whose constant encouragement and companionship I have appreciated more than I can adequately express in words.

BIOGRAPHICAL SKETCH OF F. I. RODICHEV

Fedor Izmailovich Rodichev was born in St. Petersburg on February 9, 1854 and died in Lausanne on February 28, 1933.[1] This seventy-nine years spanned an extraordinary period in Russian history that was delimited by the Crimean War and the ordeal of peasant collectivization. From the conservative autocracy of Nicholas I to modern totalitarianism ran the violent course of Russian political development during these eight decades. Inconsistent, incomplete, and belated efforts at modernization by the Imperial government, its relapses into political and social reaction, and its incomprehensible ignoring of warnings and even the actuality of revolution--all these doomed to failure that cause to which Rodichev devoted his life, the emergence of a liberalized Russia in which the dignity and worth of the individual would not only be acknowledged but would have the protection of law. Rodichev's long years of public activity, initially in the provincial arena as zemstvo deputy and justice of the peace and later at the national level as a participant in the liberal movement and Kadet deputy to all four Imperial Dumas, were to be cancelled by the Bolshevik victory of October 1917. Thus the liberal alternative for which Rodichev had long struggled was not to come to successful fruition. But his career in all its phases deserves recognition. He belonged to that galaxy of talented and devoted zemstvo figures that made Tver' Province famous as a stronghold of Russian liberalism. He was a stalwart in the pre-1905 liberation movement. As a frequent enunciator of Kadet policy in the Duma he was recognized as a peerless orator, as the "Knight of Liberty."

Rodichev, like most of the earlier participants in the Russian liberal movement, was of gentry origin. His family held estates in Ves'egonsk District of Tver' Province, situated adjacent and to the northwest of Moscow Province. His paternal and maternal forebears, however, had been counted among the ancient aristocracy of Novgorod, when that principality had flourished before its conquest by Muscovy. The Rodichevs did in fact trace their family origins to a certain Novgorodian boyar named Roda. In the fifteenth century the family was banished from newly conquered Novgorod by Ivan III the Great.[2]

Apparently even many generations later the family remained conscious and proud of its non-Muscovite origins.

Ves'egonsk District, in which Rodichev spent his earliest years and where he was to become a zemstvo deputy, justice of the peace, and marshal of nobility, constituted in the mid-nineteenth century an unpromising and undistinguished backwater of old Russia, a veritable "bear's corner." Located in the most northeasterly part of Tver' Province, it was a forested and swampy area cut by tributaries of the Mologa river, on the right bank of which stood its capital, the small town of Ves'egonsk. Even in the closing years of the century Ves'egonsk had less than three thousand inhabitants, and all but a very few of these townsmen dwelled in simple wooden houses.[3] The name shared by both town and district derived from the ancient West Finnic tribe of the Ves', whose primitive settlements in the tenth and eleventh centuries had extended over a broad region northwards of what is now Moscow. Centuries later, however, on the eve of peasant emancipation, the population of Ves'egonsk District had become overwhelmingly Russian and almost completely Orthodox. This homogeneous people were chiefly engaged in agricultural pursuits, which activity however was insufficient to make unneeded the regular importation of grain. And to sustain themselves these North Russian peasants had for centuries turned to handicraft production, just as later, in the nineteenth century, they were compelled to leave to seek work in the industrial centers of Moscow and St. Petersburg and elsewhere.[4]

If Rodichev's native district seemed to offer little that was stimulating, Tver' Province as a whole presented a quite different picture. Geography and history had combined to give it a rich past, centered upon its capital city of Tver', which in the twelfth century had arisen at the confluence of the Volga and Tvertsa rivers. Lying to the northwest of Moscow, the region in medieval times was long a disputed zone in which Novgorodian power confronted Suzdalian and, later, Muscovite power. Annexed by Ivan III in the fifteenth century, the old Tver' principality lost its independence.[5] Subsquently, after the founding of the new imperial capital of St. Petersburg, the Tver' region lay astride the bustling routes of communication and trade linking the old and the new capitals--whether by water, highway, or the new railroad completed just a few years prior to Rodichev's birth.

The more westerly portion of Tver' Province is almost entirely embraced within the Valdai Hills region, and it is here that are located the sources of the Volga and the Western Dvina, as well as lesser rivers. The more easterly and somewhat larger part of the province is lowland and contains numerous marshes and peat bogs. Roughly between these two halves of Tver' Province there had arisen in Kievan times a north-south belt of vigorous towns dotting the route of political, commercial, and military contacts between, firstly, Novgorod and Suzdal-Moscow and, later, St. Petersburg and Moscow. Besides the town of Tver', capital of the medieval principality and home of the merchant traveller Afanasii Nikitin, first Russian to visit India (in 1466), there lay to the northeast Torzhok, originally a Novgorodian fort or ostrog, and Vyshnii Volochek, the most important portage between Novgorod and the upper Volga (at the sources of the Msta and Tvertsa rivers).

In the latter part of the nineteenth century these lively towns were, along with Rzhev to the southwest, the largest urban centers of Tver' Province. The town of Tver' had attained some degree of prominence in the early part of the century, for there the Grand Dutchess Catherine Pavlovna, younger sister of Alexander I, had held court. Near Torzhok was the "nest" of the Bakunin family at Priamukhino, where the future great anarchist Mikhail Bakunin entertained such luminaries of the thirties and forties as Stankevich and Belinskii. But the Bakunin nest also produced a healthy brood of younger brothers of liberal and constitutional persuasion. Rodichev was to enjoy the congenial comradeship of the Bakunin family and often in his memoirs attested to the strength of its influence on him. Besides the Bakunins there were other enlightened landowners in sufficient number to make Tver' Province a stronghold of progressive thought and activity in the mid-nineteenth century. "If any one place in Russia served as the birthplace of constitutionalism," writes Professor Fischer, "it was Tver'. . . . Since the 1850's Tver had been the center of the most vocal and the best-known gentry constitutionalists."[6] The radical position adopted by the Tver' gentry during the preparation of the peasant emancipation has been recently detailed.[7] And in 1862, led by their marshal of nobility, A. M. Unkovskii, the Tver' gentry in a famous resolution alarmed official Russia not only by demanding a popularly elected national assembly but also by declaring its renunciation of all class privileges. In 1864 the Imperial government established zemstvo institutions in numerous provinces, among them Tver', and these new organs of

local self-government offered a legal arena for the activity of progressives. Surely all this was propitious for the future career of Rodichev, and soon after attaining adulthood he was to join the ranks of the Tver' liberal-minded gentry.

Fedor Rodichev was the second of three sons born to Izmail Dmitrievich Rodichev and his wife Sofiia Nikolaevna (née Ushakova). Izmail Dmitrievich had received the traditional training offered at military schools, like several of his forebears.[8] After the emancipation of the serfs he was to serve as a peace arbitrator and later was elected to several terms as a zemstvo deputy and, briefly, as a justice of the peace. His career does not appear otherwise distinguished, and his name is not to be found among those radicals grouped around Unkovskii. Rodichev's mother was apparently of superior intellect and education, and the Ushakovs had some degree of literary talent and achievement.[9] The mode of life set by the parents on their estate of Izmailovskoe, as Rodichev recalls in his memoirs, was conservative and old-fashioned, e.g., the New Year began on September 1st, all fasts were fully and strictly observed. And whippings punished infractions of domestic rules or too frequent errors made by the children in their studies.[10] This regimen governed Rodichev's first years. Punishment by whipping or beating seems to have been especially abhorrent to Rodichev, for at several points in his memoirs he refers to the brutalizing consequences of this common form of chastisement in Russian life, whether of schoolboys, peasants, soldiers, or prisoners. To him, since early childhood, beatings were the most debasing and de-humanizing symbol of the oppressive and unenlightened Russian autocracy that he struggled to change.

In 1861, when Rodichev was seven years old, the conservative domestic regime of the household underwent radical transformation. In August his elder and favorite brother Dmitrii went off to school in St. Petersburg, leaving Fedor in tears of loneliness. Soon thereafter the family moved to a different estate near the village of Viatka, three versts from Izmailovskoe. Rodichev's grand-uncle had decided, following the emancipation of the serfs, to give up farming and had turned over Viatka to Rodichev's father. "In the new place a new life began," Rodichev recalled--a new life with more personal freedom, no whippings, and a new governess who held progressive views. Undoubtedly remembering this year as one of emancipation both for himself and for the millions of Russian serfs, Rodichev many years later wrote the

initial sentence of his memoirs: "My first memories begin with the year 1861--all my life has passed under the sign of liberation."

The new governess was Mariia Evgrafovna Pavlovskaia, who exercised a positive influence warmly acknowledged by Rodichev. In the absence of his elder brother he enjoyed a virtual monopoly of her attention, as his younger brother Nikolai was as yet too young for schooling. The young Rodichev learned by heart Russian poetry, beginning with the verses of Nekrasov, and also studied mathematics and history. A quick and eager student, he read avidly a history of the Catherinian general Suvorov, and to his mother's horror declared he would become a soldier. But this was a temporary infatuation, and a more lasting impression on him was made by the enlightened views imparted from Mariia Evgrafovna, who instilled in him "democratic ideas about the equality of people." Given a virtually free hand, Rodichev's governess brought a new life-style along with instruction, and the overall satisfaction felt by the youngster was only reinforced by her companionship on long walks and horseback riding.

Mariia Evgrafovna stayed with the Rodichevs at Viatka until the fall of 1863, when she left to teach music in St. Petersburg. A few years later she married the famous populist thinker, N. K. Mikhailovskii. Rodichev was in attendance at the wedding, and during subsequent visits became acquainted with the friends of the newly-weds, including the poets Nekrasov and Uspenskii and the journalist Skabichevskii. It is worth noting that Rodichev in his memoirs explicitly denies that this populist circle exercised any influence upon him. As he puts it, "I was never charmed by them."

Formal education began for Rodichev in 1863, for shortly after his governess' departure he himself left rural Ves'egonsk for the Russian capital, enrolling as a student in an English boarding school on Vasilevskii Island. There instruction was indifferent and unsystematic. Three years later, in the spring of 1866, he entered a realgimnazium, where the teaching was excellent and the mode of student life, under the supervision of a humane director, was free of that harshness and brutality so common to Russian schools of that day. As his memoirs testify, the school director, V. F. Eval'd, who was also the teacher of history, earnestly desired that some of his students might enter a university, and to prepare them for this unusual step he gave an additional course in Latin. Rodichev was one of the recipients of Eval'd's

encouragement, and at his Latin examination on graduating in 1870 no less a dignitary than Count D. A. Tol'stoi, then Minister of Education and Procurator-General of the Holy Synod, was an examiner, quizzing Rodichev on the history of the Roman Empire.

While still at the gimnazium Rodichev began to be influenced by the political events of the last years of the Second French Empire. The courageous activity of opponents of Napoleon's authoritarian regime aroused his admiration and deepened his political consciousness. "My thinking was stimulated . . . by the speeches of Jules Faure and J. Simon in the legislative chamber, by the speeces of Gambetta, by the irreconcilable struggle with the Bonapartist regime."[11] His interest in modern French history was aroused. To him French history beginning with the great events of 1789 was the history of struggle for freedom. He read all he could find on the French Revolution, including Hamel's biography of Robespierre, which however did not suceed in making the Jacobin one of his heroes. "Most of all the romanticism of liberation attracted me . . . but along with this I adopted the Declaration of the Rights of Man, first as a discovery, then as an ideal." He was thrilled by Gambetta's 1868 speech at the trial of the anti-Bonapartist Delescluze. Terming it "boldly revolutionary," he learned it by heart. When war broke out between France and Prussia in the summer of 1870, the sympathies of the sixteen-year-old Rodichev were fully on the side of the Germans. Only after the proclamation of the republic in France, following the abdication of Napoleon III, did Rodichev change front. Bismarck's punitive victory he deplored, and in later years he assessed as essentially baleful the German statesman's subsequent influence upon European history.

In 1870 Rodichev entered the University of St. Petersburg, where he was to spend the next six years, and enrolled in the mathematics section of the department of physics and mathematics. It was a brilliant period for the university. In the natural sciences talented scholars were abundant--Mendeleev and Menshutkin in chemistry, Mechnikov in bacteriology (later to join the Pasteur Institute in Paris), and Famintsyn in botany (a staunch defender of Darwin); in mathematics there were the academician Cherbyshev and his pupil Korkin. Rodichev completed this course of study in 1874 and thereupon switched to the school of law. In his memoirs he gives no explanation for this change; it is clear however that he was pleased with his studies and instructors in each of these rather different fields. During the summer of 1875 he

interrupted his academic career to fulfill, in the field artillery, his military obligation.

Among his law teachers were the famous historians of Russian legal and state institutions, V. I. Sergeevich and A. D. Gradovskii. In the spring of 1876 he passed the kandidatskii eksamen, having written his dissertation on the volost' or cantonal courts of the peasantry. Gradovskii was so impressed with Rodichev's work that he urged him to pursue a university career.[12]

These university years constituted the period during which Rodichev came to refine his fundamental convictions in respect to man and society. He was stimulated by developments both within and outside Russia, and by his own studies, travels, and reading. In Russia the late 1860s and the early 1870s were abundant with ideas of radical change--socialist, anarchist, nihilist--which were countered by the oppressive measures of the ministry of education and the Third Section. Outside Russia the great processes of German and Italian unification were taking place, linked with the struggles of liberals and constitutionalists. Rodichev's own devotion to liberalism and the Rights of Man placed him outside the mainstream of Russian university circles. "In Russian political currents of that time," he writes, "socialism was the ABC of political understanding. I never shared this view."[13] But his dislike was not of socialism per se, but of what he perceived as "caesarist" or bondage socialism.

He recalls that he was never close to the famous Chaikovskii circle and that, in fact, he entered into hostile clashes with it and other such groups at the university. He did not however regard these circles as dangerous, and believed that in time they would have withered away, had not the government created martyrs of the young revolutionists. For Rodichev, such persecution by the government was unnecessary, ridiculous, and self-defeating. He accuses the Minister of Justice, Count Pahlen, of fashioning penal institutions into "academies of the Russian revolution." Inordinate punishment of the revolutionaries simply attracted other youth to worship them as martyrs and to offer themselves in similar sacrifice to the cause of social revolution.

It was in 1872, while on a European trip with his mother, that Rodichev "discovered" that writer and thinker who was thereafter to be the single greatest inspiration and the fullest articulator of his own developing principles. That individual was Alexander

Herzen, one of the outstanding philosophers of modern Russia and famous as the propounder of populist or agrarian socialism. But Rodichev worshipped Herzen as the great teacher of the absolute worth and dignity of the individual, as the defender and advocate of individual liberty as the supreme value. Rodichev rightly perceived that Herzen's agrarian socialism was not an end in itself but the precondition for realization of human dignity and freedom.

It was while sojourning in Berlin during his European trip that Rodichev happened upon a volume of Herzen's articles. "I could not tear myself away from this book. For me it was the revelation of a free spirit." In Paris Rodichev obtained Herzen's "Prison and Exile." In Geneva he acquired Herzen's autobiography, My Past and Thoughts. "Thus I became acquainted with this amiable man and all my life loved him." Henceforth Herzen was to remain for Rodichev his most revered teacher.

> Herzen represented for me the living tradition from the first heralds of free thought, from Novikov and Radishchev, from the Decembrists, to the men of the sixties.
>
> He was the vital link between Russian liberation and the European movement.
>
> But above and beyond all else, the value of Herzen lies in the freedom of his spirit--he bent his knee before no dogma whatsoever.

Herzen died two years before Rodichev's "discovery," but still living was Herzen's famous associate Nikolai Ogarev, who, fortunately for Rodichev, was then residing in Geneva. Rodichev was able to locate him and obtain a meeting. In an emotional state, with tears in his eyes, Rodichev talked long with Ogarev about his new hero. There was a second interview before his return to Russia, and the following year another visit. Thus began the life-long admiration Rodichev felt for Herzen. As Rodichev puts it,

> Herzen--not just the writer--but the man remained my love throughout my life. Today, when his life with all its flaws has been made public for us, he is not in my eyes surrounded with that aureole with which he was adorned by my youthful

> feeling, but he is closer, more understandable, more human. To Herzen I am eternally obligated.

Returning to the university after his discovery of Herzen, Rodichev began enthusiastically to preach his idol's philosophy to his comrades right and left. But he found few converts in that generation of students. The conservatives feared Herzen, the more numerous radicals were not attracted. Many scorned the gentry upbringing of Herzen, comparing him unfavorably with the man of the people, Chernyshevskii. Moreover, as Rodichev recalls, "The university youth of the seventies was little interested in questions of political freedom." Their ideal was social revolution; to the matter of a constitution they were indifferent or negatively disposed. "I did not share this tendency, and remained true to the ideal formulated in the Declaration of Rights." True, he then accepted Herzen's teachings about the great significance of the peasant commune, but "for me the chief question of Russian life was the question of freedom." In later years, after beginning his service in the countryside as a justice of the peace, Rodichev began to alter his view of the commune and to look upon it more critically. In this respect he proved to be not totally and permanently accepting of Herzen.[14]

Upon completing his university studies in law in the spring of 1876 Rodichev was caught up in the wave of Pan-Slav enthusiasm developing in Russia in reaction to the Slav uprisings in Bosnia-Herzegovina against Ottoman rule. At this time Rodichev was still undecided about his career, and the opportunity to postpone a decision was perhaps not unwelcome. When it became known that the Russian General Cherniaev had offered his services to Serbia and that Serbia had declared war on the Ottoman Empire, many Russian youths, male and female, responded to the appeals of the Slavonic Benevolent Societies and became crusaders in the Balkans. After attending funeral services for one of his university friends who had died as a war correspondent in Serbia, Rodichev delivered his first public speech before the mourners. Referring to LaFayette and Kosciuszko, he urged his audience to follow their example and fight for liberty on foreign soil, in the belief that "the cause of Slavic freedom is the cause of Russian freedom."

Rodichev himself signed up, proudly informing the recruiting agents at the Benevolent Society that he was not a mere student without military experience but a non-commissioned officer in the artillery.

Travelling by train from Petersburg to Budapest and thence by boat to Belgrade, Rodichev and his fellow volunteers arrived in the Serbian capital amidst the confusion and bustle of wartime activity. His initial service was as a medic with a unit headed by a Russian doctor, but a chance encounter with another native son of Tver' Province, V. N. Lind, led him to join the latter's combat unit as a rifleman.[15] In Serbia Rodichev saw action, suffered a slight wound, and, despite his limited military experience, was made an officer by his Russian commander, who believed that no Russian should be outranked by a Serb![16]

Rodichev's sojourn in Serbia was not to last long. By mail came news of his election as a justice of the peace by the zemstvo of his native Ves'egonsk District.[17] Rodichev and Lind had already begun to doubt their usefulness in Serbia, and now Rodichev's election (plus a severe accidental scalding of Lind's hand) caused them to return home. Before departing, they presented the Serbian Metropolitan with a sum of money, in payment of the expenses of their stay in Serbia.

Now Rodichev was to begin a period of almost two decades of service in his native district and province as, in his words, "a rural dweller, a village landlord, and a zemstvo worker (zemets)." He threw himself into his new mode of life wholeheartedly and energetically. A mere listing of the several positions held by him during these years suggests the scope of his activity and the esteem accorded him by his countrymen of Tver' Province. As already noted, he had been elected in 1876 justice of the peace by the Ves'egonsk zemstvo assembly. He continued in this capacity until 1891. From 1885 he was also chairman of the congress of peace justices in his district, a kind of supervisory and appellate court. In 1878, at the young age of twenty-four, he was chosen to be district marshal of nobility, a post also held until 1891. As marshal of nobility he enjoyed the prerogatives of that influential position in the Russian countryside and was ex officio chairman or member of several local administrative bodies. More productive and satisfying to him was his position, also by virtue of being marshal of nobility, as chairman of the Ves'egonsk zemstvo assembly. Rodichev was also elected, beginning in 1878, to seven three-year terms as one of the deputies of the Ves'egonsk assembly to the Tver' provincial zemstvo assembly. Thus his zemstvo career at both district and provincial levels was to last continuously from 1878 until early 1895. In 1891 he was chosen to the highest elective office in local government, i.e., to

the chairmanship of the executive board (uprava) of the Tver' provincial zemstvo assembly. But, regarded with deep suspicion by the governor of the province, he was not confirmed in this office.[18] His replacement, an individual appointed by the governor, was none other than B. V. Stürmer, who in 1916, enjoying the confidence of the Empress Alexandra, was to become the chairman of the Imperial Council of Ministers.[19] Despite this setback Rodichev continued his cherished zemstvo activity until 1895, when he was to suffer a much more serious repulse, this time from Nicholas II himself.

When Rodichev entered upon his zemstvo career in 1878 there already existed in Tver' Province, as previously noted, a progressive and enlightened tradition. At the district level this tradition was exemplified most fully in the activity of the zemstvos of Ves'egonsk and Novotorzhok and, to a lesser degree, by the zemstvo of Tver' District. In Ves'egonsk those who espoused this tendency were known as "Young Ves'egonsk," as distinguished from the conservatives and reactionaries, who were labelled "Old Ves'egonsk." The progressives were headed by Pavel Korsakov, to whom Rodichev in his memoirs offers a generous tribute: "He exerted a decisive influence upon my life; he attracted me to zemstvo service when after finishing the university I hesitated about what to do." Pavel's brother Ivan and P. E. Gronskii were also among the leaders of "Young Ves'egonsk," and all were active when Rodichev arrived on the scene from Serbia.[20]

In Novotorzhok District the progressive element was centered upon the Bakunin family, and more particularly upon the younger brothers of the great anarchist Mikhail Bakunin. Rodichev is full of admiration for the family: "The whole family, close-knit, a living tradition of the forties, was in fact a knightly order of culture in poor, wild, Gothamite Russia, a ray of light." Of the brothers two, Nikolai and Aleksei, had participated in the protest of February 8, 1862, made by thirteen peace arbitrators, against the terms of serf emancipation.[21] They had also demanded a national assembly, to be formed without distinction as to class. This bold effort evoked the wrath of the government. Rodichev notes in his memoirs that both brothers were deprived of the right to vote in gentry and public elections. As neither petitioned for pardon, they did not take part in the further zemstvo institutions.[22] But two older brothers, Pavel and Alexander, did enter into zemstvo work in Torzhok, and Pavel became in fact the recognized leader of the

liberals not only in his district but also in the provincial assembly.[23] He had been the first chairman of his district zemstvo executive board and served as deputy to the provincial assembly from 1865 to 1889. His brother Alexander served even longer, from 1865 to 1906. Pavel, a philosopher, seems to have been that Bakunin most admired by Rodichev. Also in Novotorzhok District was the physician M. I. Petrunkevich, who was a zemstvo deputy and the senior physician at the Tver' hospital. He was the younger brother of that individual who was to emerge as the first great leader of the liberals throughout Russia, Ivan Petrunkevich, then in the late seventies an activist in the Chernigov zemstvo. Ivan was to settle in Novotorzhok District in 1890 and thereafter remained a close co-worker with Rodichev.[24]

All this suggests that a galaxy of talented and dedicated zemstvo activists already were on hand when Rodichev began his service. Indeed, their ranks had been steadily strengthened. In successive provincial zemstvo elections of 1874 and 1977 the progressives had increased their number and were able to elect the liberal N. P. Olenin of Novotorzhok as chairman of the provincial executive board.[25] Working under more favorable conditions than in the first decade of Tver' zemstvo history, the liberals expanded the activities of the zemstvo and employed more personnel of the so-called "third element," i.e., the hired teachers, doctors, veterinarians, statisticians, etc. These employees of the zemstvo, Rodichev recalls, were largely of a "democratic-populist tendency," and strove for the renewal of Russian life, but "not by the way of revolutionary violence or of bureaucratic decree." Their labors resulted in the construction of schools, organization of statistical work, creation of a mental hospital, organization of agricultural credit for peasants, fire insurance, and a host of other achievements.

The natural and primary concern of all this activity was the peasantry, which even in 1878 comprised over 85% of the population in Tver' Provice.[26] Rodichev, now face to face with the North Russian peasants, recalls that he initially believed he understood well the peasants and their institutions. And that he shared the view, quite common among university students and for him reinforced by Herzen's teachings, that the peasant commune was a positive phenomenon, protecting Russia from the painful and disorderly development of a rebellious proletariat and offering positive benefits and a basis for future progress.

> The commune, we believed, was that soil on which would be created a new social order. Avoiding the bourgeois period and freed from the poison of an impoverished proletariat, Russia would peacefully realize the ideal of socialism.

Rodichev recalls that, while in Serbia, he told the Italian journalist Brabanti that the commune would protect Russia from social upheavals: "The commune serves as the guarantee of the right of each to land. For us only freedom is needed, the rest will follow." But life soon taught Rodichev otherwise. He came to see the commune in an entirely new light--as an institution retarding progress, enhancing the power of the wealthier peasants, and exhibiting little if any of that spirit of cooperation through which all members of the commune would be concerned with the welfare of all. The commune appeared to Rodichev moreover as an instrument used by the state to exact taxes, and in this sense it was a means of enserfment. He also came to perceive the persisting influence of past centuries of serfdom and the enormously difficult task of overcoming this baleful tradition and replacing it with a new consciousness of human worth and personal dignity.

Rodichev's changing views on the peasant question found full expression in a remarkable memorandum submitted by him to the abortive Kakhanov commission of 1881-85, which had been set up to study and recommend changes in local governmental institutions.[27] This document, which in many respects anticipates the famous Stolypin agrarian reform of later years, is deserving of attention. In it Rodichev first points to the very limited rights of the peasant even after emancipation. "The condition of bondage means the obligation of a man to work for some one else's benefit, the guarantee of the fulfillment of that obligation being the limitation of his personal freedom and above all his attachment to the land." In the post-emancipation period the lord's powers had been assumed by the commune and the government, which subordinated the interests of justice to the interests of the treasury. In recommending that the head-tax should be immediaely abolished and the redemption dues lowered, Rodichev saw these as still only half-measures, "so long as there remained in force the attachment of the peasants to the land and other limitations upon his person." The passport system, joint responsibility, in fact all controls exercised by the commune should be abolished. The peasant must have access to higher education and to state service, and must no longer be

subject to corporal punishment, which destroys "respect for man." All these things, Rodichev concludes, "amount to the liberation of the peasants from attachment to the land and to the destruction of those restrictions on his rights that place the peasant in the special position of a man living not for himself and not as he wishes but for the treasury and to the advantage of the treasury." Rodichev saw these steps as indispensable pre-conditions for the emergency of a self-reliant and self-respecting peasantry.

This remarkable memorandum, which encompassed Rodichev's new--and apparently lasting--views on the peasant question, evoked no official endorsement or implementation at that time, and the Kakhanov commission to which it had been submitted was terminated in 1885 without bearing fruit. But the memorandum did attract attention in opposition circles. Paul Miliukov attested that it was reprinted many times.[28] It was much admired by Peter Struve, who reproduced it in Novoe slovo, a Marxist periodical of the 1890s.[29]

One means immediately available to improve the lot of the peasantry was the power of the zemstvo to foster education by the establishment of primary schools. By 1878, when Rodichev began zemstvo activity, there already existed at least one school in each of the twenty-four volosti in Ves'egonsk District. but this network fell far short of Rodichev's goal of universal primary education. The main figure in educational work at that time was Rodichev's close friend, Pavel Korsakov, who created a kind of model zemstvo village school, by which the school building was to be provided and maintained by the commune, and the teachers' salaries to be paid by the zemstvo. Thanks to Korsakov, Ves'egonsk was the first district in Tver' Province, and perhaps in all Russia, to arrange regular congresses of teachers.[30] His work was not without opposition, for Rodichev recalls that school inspectors constantly harassed the teaching staff of these village schools, and made regular inquiries respecting their attendance at church, observance of fasts, personal libraries, and friends.

After Korsakov's departure in 1885 for service in the ministry of finance, his educational work was carried forward by the interesting personage Prince Dmitrii Shakhovskoi, who was in later years to become a major figure in the liberal movement and to serve in the Provisional Government of 1917.[31] Rodichev as district marshal of nobility was chairman of the

school council (uchilishchnyi sovet) and invited Shakhovskoi to serve with him as deputy chairman: "This means real work for the benefit of the people, that direct acquaintance with its needs, about which you dream." Shakhovskoi, then in St. Petersburg and preparing to become a teacher, was a member of an extraordinary circle that included the future historian A. A. Kornilov, the brothers Ol'denburg, and the scientist V. I. Vernadskii, father of the American historian George Vernadsky.[32] The circle was strongly influenced by the teachings of Leo Tolstoy, functioned as a brotherhood, with members reporting to each other on their conduct, and believed in the regeneration of Russia through education. They adhered to a simple life, periodically met in a "common shelter," and acquired such an establishment in Ves'egonsk District. But of the group, only Shakhovskoi was to come and settle there for some time. Dressed as a muzhik and engaging in common labor, this prince and son of a general made a profound impression upon the local teachers. Rodichev recalls that Shakhovskoi's "democratic mode of life" (members of the brotherhood, for example, could not have servants) was regarded as sinful by the authorities but viewed with admiration by those constituting the "third element" (zemstvo employees).

Working with Shakhovskoi was the peasant A. S. Medvedev, son of a volost' starshina and a member in 1906 of the First Duma. On Rodichev's suggestion, together they drew up in 1894 a plan for the achievement of universal education in Ves'egonsk District. According to Rodichev, this goal was realized in 1906. And he claims that the 1894 decision to achieve universal education was the first such decision in all Russia. His pride in its fulfillment is obvious:

> In remembering the past, it must not be left unsaid now that from 1866 to 1906 an enormous task was accomplished. If the original initiators of the zemstvo school effort had foreseen the entire process of the realization of their hopes, they would not have believed it.

The experience of the Ves'egonsk school program made easier similar efforts in other districts of the province. By 1914, Rodichev writes, universal education had been realized in Novotorzhok and Tver' Districts as well.

In these endeavors Rodichev found moral support, warm companionship, and unending devotion from his

wife. Time and again his memoirs testify to the strength of their relationship. He had married Ekaterina Aleksandrovna Svechina on January 9, 1880, a month before his twenty-sixth birthday. Interesting to note are the family ties of Rodichev's wife with the family of the eminent historian, George Vernadsky. Ekaterina Aleksandrovna's maternal grandfather, I. A. Zarudnyi, was a great-grandfather of Vernadsky, and her niece, Nina Vladimirovna Il'inskaia, became Professor Vernadsky's wife. Rodichev's wife bore two daughters--Sofiia, born in 1881, and Aleksandra, in 1883.[33]

Rodichev's years as a zemstvo worker coincide with the beginnings in Russia of the zemstvo-constitutionalist movement. In the years of crisis of the Russian autocracy during 1878-1881, against a background of the poorly waged Russo-Turkish War and its unpopular peace settlement, the growing extremism of populist-revolutionaries produced an unprecedented rash of assassination attempts. Induced to appoint the reform-minded General Loris-Melikov head of a supreme commission to restore order and revive public confidence, the emperor himself appealed for support in his Moscow speech of November 1878 to representatives of the several estates. In reply, a majority in the zemstvo of Chernigov Province, led by I. I. Petrunkevich, supported an address emphasizing zemstvo autonomy and guarantees of personal liberties--without however mentioning either a constitution or a parliament--as necessary preconditions of restoring public trust. Later, in March 1879, Petrunkevich was the prime mover behind a secret meeting in Moscow of constitutionalists from Chernigov, Tver', Khar'kov, and Kiev. In the later judgment of Rodichev, who was at the Moscow meeting, "Petrunkevich must be regarded as the originator of the first serious constitutional movement in Russia."[34]

Rodichev's own participation in the young constitutional movement had already found expression in the address of the Tver' zemstvo, which was largely drafted by him and which closely followed the Chernigov address. But Rodichev's address went a step further. It pointed to "those blessings of lawful freedom and free institutions," i.e., a constitution, which the emperor had bestowed upon recently liberated Bulgaria, and added:[35]

> The zemstvo of Tver' Province dares to hope that the Russian people . . . will enjoy those same blessings, which alone can give it the possibility, in the Sovereign's words, of setting forth upon

the path of gradual, peaceful and lawful development.

The Tver' address was in effect an appeal to the tsar to continue the spirit of the Great Reforms. It warned that the basis for further progress must be a more enlightened atmosphere, which would proceed not simply from educational institutions but, more broadly, from genuine self-government, strictly protected individual rights, an independent judiciary, and a free press. Those evils that thwart enlightenment must be eradicated, e.g., actions of the government restricting zemstvo work, the undermining of the judicial reform of 1864, and in general the arbitrariness of the administration. Rodichev asserts that Loris-Melikov was not afraid of the new life and aspirations that began to stir in 1879-1880 in several zemstvos.[36] What was needed of course was encouragement and support from the throne.

But all hopes came to naught with the assassination of Alexander II on March 1, 1881. Rodichev was temporarily living in St. Petersburg at the time, trying to arrange with colleagues, including his old friend Pavel Korsakov, the purchase of a periodical that they hoped would become the organ of the progressive elements in the zemstvos. While these efforts were in progress Rodichev's wife gave birth, somewhat earlier than expected, to their first daughter, Sofiia, on February 28. All his attention now turned to this event and its attendant needs. He recalls that on the morning of March 1, a clear frosty day, he had set out along the Nevskii Prospekt on chores, which included the purchase of a hot-water bottle for his new daughter, when he heard the sound of a heavy explosion. At his tailor's he learned that revolutionaries had made an attempt upon the tsar's life. Only that evening did it become known to him that Alexander II had been mortally wounded.[37] That night, having warned the servants not to say anything of the sovereign's death to his wife, Rodichev lay awake for hours pondering the future. At the fumeral services on March 13, held in the cathedral of the Peter and Paul fortress, Rodichev was in attendance as a member of the provincial deputations. After the services the provincial deputations proceeded to the ministry of internal affairs to express their thanks to Loris-Melikov for permitting them to be present in the cathedral. Rodichev, standing near the minister, could not, from shyness as the youngest deputy present, bring himself to speak and urge Loris-Melikov to continue in office. Some days later the provincial deputations were received by the new emperor, Alexander III. It is perhaps a testimony to the

feverish excitement of those days that all kinds of rumors were rife, including the intoxicating currency that Alexander III would proclaim a constitution. In Rodichev's account of the reception his disappointment with the new tsar's brief and banal remarks is obvious.

Even more discouraging for Rodichev were the series of events that followed in the 1880s--the dismissal of Loris-Melikov and other progressive ministers, the installation of reactionaries like Dmitrii Tolstoi and Durnovo, the failure of the Kakhanov commission, the establishment of the office of land captain, and the new zemstvo and urban statutes of 1890 and 1892. It was in protest against the introduction of the office of land captain and the simultaneous abolition of the office of peace justice that Rodichev resigned in 1891 his position as Ves'egonsk marshal of nobility. In that office he would have had to preside over the meetings of the land captains of his district, and he did not wish, even to this extent, to identify himself with an institution designed, he thought, to restore gentry control over the peasantry. For Rodichev, the government had taken since 1881 a profoundly incorrect and dangerous course. Years later, he wrote in his memoirs: "If the memory of the movement begun under Alexander II remains so strong, even stronger is the memory of the collapse of all hopes in the subsequent horrible thirteen years, . . . so that I cannot fail to pause at this question: What would have happened if Alexander II had not been killed on the first of March?" Recognizing that the tsar was already an ill man and in any case would not have lived much longer, Rodichev argued that some further continuation of reforms under Alexander II and the absence of a violent death would have so strengthened the progressive movement that no reversal of the government's overall policy could have occurred when Alexander III succeeded to the throne.[38]

The accession in 1894 of Nicholas II stimulated an action by the Tver' liberals that was to bring to a dramatic end Rodichev's career in the provincial arena. "It would be a great misfortune," Rodichev writes, "for me to die without telling of that event which was a turning point in my personal life and which, along with this, marked a turning point in the fate of Russia." The event was the famous address of the Tver' zemstvo to the new sovereign that evoked the notorious response "senseless dreams," revealed Nicholas' hostility to reform, and resulted in Rodichev's being deprived of the right to engage in zemstvo work.

According to Petrunkevich, in late 1894, just prior to the regular annual meeting of the provincial zemstvo, members of the "left group" in the assembly gathered in his brother's quarters to draft an address to the new emperor. In addition to the Petrunkevich brothers, this group included A. A. Bakunin, A. A. Golovachev, the Korsakov brothers, Rodichev, and others. It was recognized that the "left" was a minority in the assembly and that a judiciously worded address was needed to draw support from the moderate or center members. After presentation and discussion of views the group entrusted Rodichev with the delicate task of drafting the address, a task requiring that each word be carefully considered. On December 7, the eve of the opening of the assembly, Rodichev read the final draft to his friends. It was unanimously approved.[39]

On the next day Rodichev presented the draft of the address to the assembly of deputies for its approval. The text, replete with expressions of loyalty and devotion to the monarchy and devoid of even indirect appeals for a parliament or a constitution, simply affirmed the zemstvo's hope for the rule of law and the protection of the rights of individuals and public bodies under the new ruler. The boldest section follows:

> We look forward, Sire, to the possibility and right of public institutions to express their opinions on questions concerning them, so that to the heights of the throne may reach the expression of the needs and thoughts not only of the representatives of the administration but also of the Russian people.

Rodichev, concluding his reading of the address, then said: "Gentlemen, at the present moment our hopes, our faith in the future, our strivings, all are turned toward Nicholas II. To Nicholas II our 'Hurrah!'" After the applause and hurrahs had died down, it was decided to send the address by telegram to the minister of the imperial court. The assembly then elected a three-man deputation to the tsar, with Rodichev as chairman and, as members, the veteran liberal, A. A. Golovachev, and the conservative marshal of nobility in Ostashkov District, S. P. Utkin, who had not signed the address. But one or two days later word came from the minister of the imperial court that the address could not be received as sent, that it must be presented through the governor and must bear the signatures of the assembly

chairman and all the deputies. Alarmed at this initial setback and anticipating possible danger to themselves in signing the document, several deputies now reconsidered. "It was already clear," Rodichev recalls, "that signing the address was an act of political unreliability." But a majority--thirty-five deputies in all--did sign the address, now to be copied with special care onto parchment.

On arriving in St. Petersburg for the new tsar's reception of the provincial deputations, set for January 17, 1895, the Tver' deputies were dismayed to learn from the minister of internal affairs that only Utkin would be allowed at the reception, that Rodichev was to be forbidden further zemstvo activity, and that the newly elected board of the Tver' zemstvo was not to be confirmed.[40] More was to follow. At the reception Nicholas II, in a short speech to the deputations, delivered what was universally interpreted as a rebuke of the Tver' zemstvo and a warning to others:

> It has become known to me that in recent times there has been heard in certain zemstvo assemblies the voices of persons attracted by senseless dreams of participation by the zemstvos in matters of internal administration. Let all know that I, while dedicating all my strength to the people's welfare, shall preserve the principle of autocracy just as firmly and unswervingly as did my late, never to be forgotten, father.

Rodichev recalls that at once he was placed in a position of disgrace. But he rejected the urgings of friends that he, and even his wife, should address petitions of mercy to the emperor and empress. Instead, Rodichev wrote in reply a lengthy pamphlet, which he had published anonymously in Geneva.[41] This pamphlet does not go beyond the guarded hopes expressed in the Tver' address, but seeks to understand the tsar's rebuff. Did Nicholas actually see *in toto* the Tver' address, or only excerpts chosen by Durnovo, the minister of internal affairs, who may have discredited and distorted the address with false and damning commentary? At any rate, Rodichev points to a "factual mistake" made by the tsar: zemstvo representatives had indeed taken part for years in the internal administration of the country, and there could be no basis in fact for terming such participation "senseless dreams." Rodichev speculates that Nicholas may have been deceived, that he may even have been told the fantastic rumor that Rodichev had once

hidden from justice the conspirators who killed Alexander II.[42] Rodichev concluded his pamphlet without expressions of disloyalty or desire for revenge, but emphasized that the new sovereign had to choose one of two paths--either that of advancing together with his people on the basis of justice, freedom, and law or that of relying solely as before on his bureaucracy and police.

There is no doubt that Rodichev was dismayed by the tsar's rebuff of the Tver' address and deeply hurt by the tsar's punitive measure against him personally. Whereas the other signers of the address were merely reprimanded, Rodichev found the door shut to further activity in his cherished zemstvo work. Years later, after the great revolution had forced him into exile, Rodichev asked in 1923: "What kind of mind and heart must a man have had, to be affronted by that address, and to reply to it in the way that Nicholas replied?"[43] Near the end of his life, in 1932, Rodichev recalled the impact of Nicholas' punishment in his letter to his old friend Lednitskii. With bitterness he charged that he had been treated by Nicholas "as if I were a swindler accused by a court . . . In all my life no one dealt me such a blow as did Nicholas II. And all because of stupidity."[44]

The first, zemstvo, phase of Rodichev's public career was now terminated. The immediately following years, from 1895 to 1905, constitute an interlude between his earlier activity in the provincial arena and his later prominence nationally as a Duma orator and Kadet Party leader. Barred from public activity during this intermediate decade, Rodichev turned to the practice of law to sustain his family, all the while maintaining his association with like-minded spirits in the growing liberal movement. For this period his memoirs are quite slight, but his letter to Lednitskii shows that these were years of financial difficulty and police harassment. Rodichev admits that his attempt to practice law was unsuccessful, and the family had to rely upon additional income from agricultural activities. Other problems arose. His wife's health compelled him to take her abroad to sanatoria in Silesia and Nice. In 1901 an incident of police brutality towards students participating in a demonstration at the Kazan Cathedral led him along with others to sign a statement of protest, addressed to the ministers of justice and internal affairs. For this he was put under house arrest for a month, and then banished from the capital by Sipiagin, the Minister of Internal Affairs, for a period of two years. This latter punishment Rodichev did not suffer

to completion, for Sipiagin's successor Plehve cancelled the penalty. And it was Plehve's successor, Prince Sviatopolk-Mirsky, who in 1904 restored to Rodichev his right to take part in public activity. He was not to return to zemstvo work, however, for a greater role of leadership was in the future.

Already before 1904 Rodichev had begun to activate his political instincts through clandestine participation in the growing but illegal liberal movement. In association with like-minded individuals such as Petrunkevich he sought to foster that component of the rapidly developing oppositional movement that emphasized individual liberty and the rule of law. He was one of twenty leaders--from zemstvo and non-zemstvo backgrounds--who met in Schaffhausen, Switzerland, during the month of July 1903 and planned the formation of what came to be called the Union of Liberation. In this mixed assemblage of liberals and socialists Rodichev stood on the right wing.[45] Rodichev was also active in the Union of Zemstvo-Constitutionalists, which, coming into being in November 1903, was undoubtedly more congenial to him. And in 1904 began Rodichev's participation in the series of Russian-Polish conclaves held in the Moscow home of A. R. Lednitskii, a prominent leader of the Polish national movement. Rodichev's letter to Lednitskii, given herein as Appendix B, testifies both to the warm and lasting friendship between the two men and to the strong affection and sympathy that Rodichev developed toward Polish national aspirations.

In the quickening political climate of 1904-1905 and against the background of the worsening war with Japan and the rising revolutionary movement, Rodichev took part in numerous gatherings of the Union of Liberation and the Union of Zemstvo-Constitutionalists, as well as all-zemstvo congresses. At the critical congress of zemstvos that met in November, Rodichev sided with the majority in endorsing the demand for a representative assembly having legislative powers. Two months later the floodgates of revolution were opened by the country-wide reaction to Bloody Sunday. Amidst a tide of strikes and sympathy demonstrations the more politically-minded leaders began the formation of unions of all kinds, and in May a Union of Unions was created, with Paul Miliukov at the head. It included representation from fourteen unions, among which was the Union of Zemstvo-Constututionalists. Rodichev believed that participation by the Zemstvo-Constitutionalists in the Union of Unions would allow the former to exercise a "healthy moderating influence."[47] Rodichev also

took part in the forming of the Union of Lawyers, and as presiding officer welcomed the appearance of a Polish delegation and was successful in persuading the Union to admit the Poles.[47] Still finding the zemstvo arena more congenial than that of the Union of Unions, Rodichev took part in May in yet another all-zemstvo congress, one that adopted a conciliatory address to the throne. As a member of its delegation to the tsar on June 6, 1905, Rodichev must have experienced mixed emotions as he stood before the sovereign who, ten years before, had forbidden his presence in the Tver' delegation.[48] In October, as a member of those two groups that were to comprise the core of the Constitutional-Democratic Party--the Union of Liberation and the Union of Zemstvo-Constitutionalists--Rodichev helped in the creation of the new, legal party and was elected later to its central committee at its second congress, held in January 1906.

Following the upheaval of 1905 and the granting of a parliament--the State Duma--the Russian Empire entered upon what was to be its final period of political experience prior to the 1917 Revolution. In this semi-constitutional phase (1906-1917), Rodichev became a well-known figure at the all-national level. He was elected to all four Dumas, representing Tver' Province in the short-lived first two dumas and the city of St. Petersburg in the third and fourth. Only a handful of deputies shared his record of membership. Unlike numerous members of the First Duma Rodichev did not suffer the consequences of the ill-fated Vyborg appeal, a protest against the dissolution of that body. Having been honored by election to the Duma's six-member delegation to the Fourteenth Inter-Parliamentary Conference, meeting in London during July 1906, Rodichev was absent from Russia when the Duma was dissolved.[49] Not having been a signer of the appeal, Rodichev did not suffer the penalty of three months imprisonment and loss of right to be elected to the next Duma. The esteem in which he was held by the Kadet Party and the populace ensured his repeated election to all four compositions of the Russian parliament.

In the Duma Rodichev quickly emerged as one of its most gifted orators. Endowed with unusual natural talent reinforced by his obvious sincerity and lack of self-seeking, he became one of the major Kadet spokesmen. Called by one admirer the "most talented orator of the First Duma" and "an artist with words, an orator by the grace of God,"[50] Rodichev was judged by more dispassionate contemporaries to rank among the very foremost speakers in Duma history. Peter Struve regarded Rodichev, V. A. Maklakov, and

Peter Stolypin as the three great orators of modern Russia.[51] Bernard Pares considered that the "two most eloquent orators ever produced by the Duma" were Maklakov and Rodichev,[52] while Maklakov himself generously judged Rodichev to have been the "best Duma orator."[53] What is especially remarkable is that Rodichev's speeches were invariably delivered without notes in hand. He relied on his sensitivity to his audience and upon the inspiration of the moment. Among his most notable speeches were those, in the First Duma, on political amnesty and on abolition of the death penalty, and, in the Second Duma, his speech on famine relief, in which he warded off leftist pressures to violate the constitutional order. In the Third Duma, Rodichev's most dramatic presentation was the famous "Stolypin necktie" speech of November 17, 1907, in which he uttered remarks deemed by the Duma majority as well as Stolypin himself to constitute a personal insult to the Chairman of the Council of Ministers. Rodichev was punished by being excluded from the next fifteen sessions of the Duma.[54] In the Fourth Duma Rodichev's orations joined the growing chorus that demanded, during the baleful ordeal of the World war, a ministry of confidence and other reforms.

During the last pre-war years Rodichev was in the habit of summer vacationing in Switzerland. One result of these visits was the development of close relations between the Rodichevs and Herżen's daughters, Natalia and Olga. In their later years of exile in Lausanne the Rodichevs were to renew and strengthen this congenial friendship. It was while on one of these trips that Rodichev, travelling alone on this occasion, found himself abroad when the First World War broke out. He had just crossed from Germany into Switzerland, already alarmed by the war-like atmosphere he had found in Berlin, when there came the news that the German Empire had declared war on Russia. For safety's sake Rodichev decided to return home by sailing from Italy to Constantinople, and thence into the Black Sea. On his arrival in Odessa he at once telegrammed his wife to dispel erroneous newspaper reports of his arrest by the Germans.

By the time the Russian Empire had entered upon its third winter of war Rodichev had become convinced of an imminent collapse of the monarchy. In those days of quickening political unrest he was compelled to turn his attention, at least in part, to business matters in order to bolster his family against the worsening economic situation brought on by the war. He recalls that much time was spent during the early weeks of 1917 on business trips. The last days of February (Old Style) found him in Moscow, arranging

the sale of certain forest land, when news came of those demonstrations in Petrograd that were shortly to bring about the abdication of Nicholas II.

Returning at once to the capital, Rodichev found the city in confusion and turmoil. As he was later to recall vividly,[55] buildings were burning and bullets were whistling. The time, he remembers, was a "paradise" for thieves, and his own quarters were robbed as well as those of his friends. But the new Provisional Government and the new revolutionary era now demanded that he turn his attention from personal matters to greater concerns. His first assignment in the early days of March was to visit units of the Petrograd garrison and attempt to persuade them to maintain order and discipline. Among the units visited was that artillery brigade in which he had served in 1875. Stressing the need to refrain from disorderly actions Rodichev pointed to the continuing challenge presented by the military forces of the Central Powers. In brief, the war still held first priority. But the response of the troops in his old unit did not hearten him, although he noted some signs of sympathy for his words.[56]

After the first Provisional Government was formed Rodichev was appointed its Commissar for Finnish Affairs, doubtless in recognition of his well-known record of opposition to discrimination against the national minorities of the old Empire. His duties began dramatically. On March 5 the new government received an urgent message from Admiral Nepenin, commander of the Baltic Fleet, requesting Rodichev to come quickly to Helsinki, where disturbances and mutinous actions had already led to several officers being arrested by their men. Rodichev left at once, accompanied by a representative of the Petrograd Soviet. On his arrival he learned that Nepenin himself, together with about sixty other officers, had been killed by mutinous sailors only a few hours before. The immediate tasks for Rodichev were to try to restore order in the naval forces and to secure the release of other officers held by the sailors. For the next few days he visited ship after ship, speaking until he became hoarse and finally lost his voice. But the results of his efforts were at least in part gratifying--the arrested officers were released. Later Rodichev toured installations on shore, and then met with the Finnish leaders to discuss their demands. He recalls his belief at the time that nothing could be done to prevent the separation of Finland from Russia, should the Finnish leaders so desire. Two more trips were to be made before his

service as commissar was terminated in early April with his replacement by a native Finn.[57]

During the spring and summer months of 1917, as the revolution failed to bring stability and order to Russia, Rodichev endeavored in speeches and other activities to persuade his countrymen of the merits of certain propositions: that there should be no separate peace; that the foremost duty of all was to support the war effort to a successful conclusion; that discipline should be maintained, despite efforts by the soviets and by German propaganda to undermine Russia's will to fight; and that major reforms, including the much awaited land reform, should await the convening of a Constituent Assembly. Dismayed by the growing disintegration of the armed forces and by the weakness exhibited by the successive Provisional Governments, Rodichev reveals himself in his memoirs to have become acutely alienated by the progression of events and to have been indeed uncomprehending of the true realities of the Russian scene. It was in vain that he sought to repulse the forces of disintegration swirling about him.

For Rodichev the most serious problem was that created by the growing domestic opposition to Russia's war effort. At the Seventh Congress of the Kadet Party he spoke on March 26 of the "world union of freedom" that was signified by America's entry into the struggle against the Central Powers (i.e., on March 24, Old Style). He evidently saw no contradiction between such a struggle for freedom and the continued pursuit of annexationist war aims, and argued that acquisition of the Turkish Straits was a matter of Russian independence, of ending Turkish interference with trade routes vital to Russia.[58] The war effort must be sustained, and Rodichev bent his talents to this purpose in frequent addresses at military gatherings. In early April, by invitation of General Gurko, Commander of the Western Front, he spoke at the first congress of workers' and soldiers' deputies of that military sector held in Minsk, but with moderate success. His visit was further marred by a dispute with a travelling companion, the Bolshevik Badaev, who deeply offended Rodichev by suggesting that he, Rodichev, would also have journeyed home to Russia from Switzerland under Germany auspices, had he been in Lenin's shoes. In May, at a congress of officers in Petrograd, Rodichev was depressed by the clearly evident and virtually equal split between those officers who supported the Provisional Government and those who declared allegiance to the soviets. At Kadet Party meetings Rodichev, fearing that the soldiers were becoming

increasingly anti-war, proposed unsuccessfully that soldiers not be allowed to vote in the election of the Constituent Assembly.

While much of his energy was being expended in these efforts Rodichev also served on that extraordinary investigative commission that, under the chairmanship of the lawyer N. K. Murav'ev, was to look into alleged violations of the law by officials of the old regime. As representative of the Duma Rodichev appears to have been a reluctant member and in his memoirs judges that Murav'ev's conduct of the proceedings was sometimes improper. Rodichev indicates confusion among the members in respect to the purpose of the commission, and himself does not believe that its aim was to bring persons to trial but simply "to reconstruct the history of what had happened."[59] Eventually he came to believe that his continued participation on the commission was no longer useful. Having been invited by the Kadet committee in Rostov to come and visit and being concerned to remove his wife to a more healthy climate, he resigned from the commission and journeyed in early August to the Don Region. There he met with local party members and observed dismally the seeds of army decay. Accompanied by friends, he attended the krug of the Don Cossacks at Novocherkassk, where he spoke with the ataman Kaledin and addressed the assemblage along the themes of patriotism and no separate peace.

Returning to Moscow to attend the State Conference called by Kerensky, Rodichev found the delegates sharply divided, socialist versus non-socialist, each group looking at the other with hatred. Rodichev and two others were delegated by the Kadets to welcome General Kornilov, Commander-in-Chief of the Russian Army, on his arrival by train from headquarters. In his memoirs Rodichev is able to recall the sense but not the precise words of his welcoming remarks at the railroad station: that one need not despair so long as at the head of the army stood a person resolved to save Russia, that in General Kornilov lay "our hopes."[60] After his return to the Northern Caucasus following the conclusion of the Moscow State Conference, Rodichev heard the news of Kornilov's uprising and predicted that the army, under the strong influence of the soldiers' committees, would not support Kornilov.

Rodichev's pessimism deepened in the following weeks. He visited the old beloved places in Tver' Province, the familiar scenes of zemstvo activity. In October he attended sessions of the Pre-Parliament in

Petrograd, and was present at the last desperate efforts of Kerensky to secure support from this body on the eve of the Bolshevik takeover. After Lenin's coming to power in Petrograd, Rodichev's hopes turned to the Constituent Assembly. But only a handful of Kadets were elected, among them Rodichev, whose name stood fourth on the Kadet electoral list in Petrograd. At a meeting of about fifty deputies, held on November 28, Rodichev was elected to a rules committee designed to maintain the orderly conduct of business and to set the date of the opening session after the arrival of a sufficient number of deputies. But the same day the Bolsheviks ordered the arrest of the Kadet leaders and began to carry into effect this decision. Rodichev was warned in time and went into hiding. Contemporary newspaper reports to the contrary, he was not among that group of Kadets--including Shingarev, Kokoshkin, Vinaver and others--who were shortly arrested.[61]

For almost a year, with the exception of two months spent in Moscow, Rodichev remained in Petrograd, frequently changing his hiding place. During one month, he recalls, he stayed at no less than six different friends' homes. A close call occurred soon after his Moscow sojourn. He was arrested by Bolshevik authorities for not having a passport, but was not recognized and was soon released. In late September 1918 he decided to quit Petrograd for good and go to live in non-Bolshevik Ukraine. Accompanied by his wife and daughter Sofiia, Rodichev journeyed south to Kiev under a false passport identifying him as a Pole named Rodionov.[62]

In Kiev, where he stayed two months, Rodichev shaved his beard and acquired a new and correct passport from the government of Hetman Skoropadskii. With the withdrawal of German occupation forces and the collapse of the Hetman's regime, Kiev became unsafe and Rodichev took his family to Odessa, which was protected by a small French contingent. There the family spent Christmas, before visiting the Petrunkeviches in the Crimea. In all these places of his peregrination Rodichev was invited to give public lectures, the income from which was by then desperately needed.

Early in 1919 Rodichev became active with a group of Kadets in Rostov seeking to provide civilian political aid to the Volunteer Army based in south-eastern Russia. Together with the Petrunkeviches his wife had already left the Crimea, soon to be overrun by Bolshevik forces, and had settled in Athens. Rodichev himself left Russia on May 1, 1919,

on a mission to generate support in the countries of Eastern Europe for the White armies within Russia. He was never to return to his homeland.

For the better part of the next two years Rodichev labored in behalf of the anti-Bolshevik cause, travelling constantly throughout Europe. While in Poland in 1919 he was to learn of the death of his older brother Dmitrii. In the autumn of 1920, at which time the issue of the civil war in Russia was no longer in doubt, Rodichev and his family settled in Lausanne. There they maintained close relations with Herzen's daughters, Natalia and Olga. Rodichev's daughter Alexandra lived with her parents and loyally and devotedly cared for them in the years of illness and penury that were to come. The other daughter, Sofiia, remained in Russia.

Rodichev's remaining years, spent in self-exile from his native land, were not to be easy. A constant struggle to make ends meet and recurring illnesses were persistent companions, while permeating his every conscious moment was the realization that the cause to which he had devoted his life's efforts had ended in failure. But he busied himself with writing and lecturing, rejoiced in the companionship of the Herzen sisters and also of the Petrunkeviches, living in nearby Geneva. Visits, correspondence, and gatherings with other exiles helped to sustain his hope. When the Petrunkeviches left Switzerland to settle in Prague in 1924 there was a sad farewell, but a mutual cherishing of their relationship and cooperation in the liberal movement in old Russia was sufficient to maintain a regular correspondence until Petrunkevich's death in 1928.[63]

Among his writings one that undoubtedly brought him great satisfaction was his introduction to the first complete edition of Herzen's My Life and Thoughts, which appeared in Berlin in 1921.[64] Another work was his pamphlet, Bol'sheviki i Evrei, in which Rodichev sought to refute the popular allegation that Jews dominated the new regime in Russia.[65] In this work he revealed once again all his fundamental decency. He also undertook the writing of his memoirs, several parts of which were to be published in Poslednie novosti and Rul'.

Thoughout this last phase of his life Rodichev enjoyed and reciprocated the love and devotion of his wife Ekaterina and his daughter Alexandra. His wife's death in February 1932 left him heartbroken. Thereafter his own health deteriorated badly, and his death followed slightly more than a year later. On

February 12, 1933, after a memorial service for his wife, the ailing Rodichev insisted, despite the protests of his concerned daughter, on visiting Nataliia Herzen, who liked to have him present on those occasions when the British scholar E. H. Carr came to interview her in connection with his research to be later published as The Romantic Exiles, a study of the Herzen family. After dining at the Herzens Rodichev returned home, but at once began to suffer from nose-bleeding and inflammation of the lungs. He was taken to a hospital on the following day. There, despite operations, he continued to weaken. Frantic efforts were meanwhile made to provide his daughter Sofiia with funds so that she could travel from Russia to Switzerland to fulfill her father's deep desire for one final reunion. But death came on February 28, eight days before Sofiia was able to arrive. Rodichev was buried beside his wife in the Bois de Vaux cemetery in Lausanne. In these pitiful circumstances the life of the once vigorous and ever high-minded "Knight of Liberty" came to a close.[66]

FOOTNOTES

1. All dates before February 1, 1918 are given in the Old Style.

2. "Biografiia F. I. Rodicheva," typescript in the Rodichev Collection. This short sketch was written by Rodichev's daughter, Aleksandra Fedorovna.

3. Entsiklopedicheskii slovar' (St. Petersburg-Leipzig: Brokgauz-Efron, 1892), VI, 126. To be exact, in 1890 the capital's population numbered 2,813. There were eight stone houses, 759 wooden. During the Soviet period the construction of a hydro-electric station and the Rybinsk reservoir caused the removal of the town to a higher location.

4. One such peasant from Tver' Province, working as a lathe operator at the Putilov factory in St. Petersburg during the 1890s, was M. I. Kalinin, future President of the Soviet Union, after whom the province was renamed in 1931.

5. Rodichev recalled the Muscovite conquest of Tver' in his famous "Stolypin necktie" speech in 1907. In that speech, delivered before the Third Duma, Rodichev in effect equated Stolypin's avowed intention to govern on the basis of "all-Russian principles" with the earlier Muscovite practice of subjugating once independent peoples and principalities. See Gosudarstvennaia Duma, Tretii sozyv, Stenograficheskie otchety, Part I (St. Petersburg, 1908), column 394.

6. George Fisher, Russian Liberalism (Cambridge: Harvard University Press, 1958), p. 28.

7. See Terence Emmons, The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861 (Cambridge: Cambridge University Press, 1967), Chapter 4.

8. A genealogical chart at the State Archives of Kalinin Oblast' shows a sprinkling of military titles of the middle ranks among the male members of the Rodichev family. Gosudarstvennyi arkhiv Kalininskoi oblasti, fond 645, god 1872, opis' 1, no. 3530, list 5.

9. Sofiia Nikolaevna's uncle, V. A. Ushakov, was the author of Kirghiz-Kaisak, praised by Belinskii. See V. G. Belinsky, Selected Philosophical Works (Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1948), p. 87.

10. See herein, Chapter I, "Detstvo." Rodichev remarks that his whippings were the consequence of his obstinacy in refusing to eat children's dishes and in demanding adult fare, rather than for mistakes in his studies.

11. See herein, Chapter III, "Vstrechi s Ogarevym."

12. See herein, Chapter VII, "Prebyvanie v mirovykh sud'iakh."

13. See herein, Chapter III, "Vstrechi s Ogarevym."

14. See ibid. for Rodichev's evaluations of Herzen.

15. Lind was already a zemstvo deputy from Novotorzhok District and was to have a distinguished career as one of the Tver' liberals. Rodichev notes that Lind was at the time unsuccessfully courting a niece of Michael Bakunin, then serving in a military hospital as nurse.

16. Rodichev describes his Serbian experience in Chapter VI herein.

17. According to Rodichev's daughter, his friends in Ves'egonsk District wanted to save him from possible death in combat, and contrived this means to recall him from the war in Serbia. See her "Biografiia F. I. Rodicheva."

18. In his report for 1891, Pavel Akhlestyshev, governor of Tver' Province, pointed out that his aim was to end the "dictatorship of the liberal party" in the Tver' zemstvo by not confirming the "clearly compromised and politically unreliable" Rodichev. Central State Historical Archive (TsGIAL), fond biblioteka, 1886, opis' 1, delo 98, list 35.

19. On Stürmer's appointment see I. I. Petrunkevich, Iz zapisok obshchestvennago deiatelia: vospominaniia (Berlin, 1934), pp. 268-72, and V. I. Gurko, Features and Figures of the Past (Stanford, 1939), pp. 185-7.

20. Described by Rodichev in Chapter IX herein.

21. See Emmons, Russian Landed Gentry, pp. 344-6.

22. See herein, Chapter IX, in which Rodichev discusses the Bakunin brothers at length.

23. For Pavel's role as a liberal leader in the early history of the Tver' zemstvo, see the account of Rodichev's comrade in Serbia, V. N. Lind, "Pervye shagi Tverskago gubernskago zemstva," nos. 2, 3, and 4, Zemskoe Delo (1910).

24. On Petrunkevich see especially Timberlake's essay, "Ivan Ilich Petrunkevich: Russian Liberalism in Microcosm," in Charles E. Timberlake, ed., Essays on Russian Liberalism (Columbia: University of Missouri Press, 1972), pp. 18-41. For an overall history of the Tver' zemstvo, see B. B. Veselovskii, Istoricheskii ocherk deiatel'nosti zemskikh uchrezdenii Tverskoi gubernii (1864-1913 gg) (Tver', 1914).

25. Veselovskii, Istoricheskii ocherk, p. 562.

26. See the breakdown according to classes in V. I. Pokrovskii, Istoriko-statisticheskoe opisanie Tverskoi gubernii, vol. I, part 2 (Tver', 1879), p. 126. It may be noted that personal and hereditary nobles made up only 0.71 percent of the population at that time.

27. For the text of Rodichev's memorandum see Russkii vestnik, no. 6 (1887), pp. 273-82, and Materialy komissii po krest'ianskomu voprosu, no. 2 (Tver', 1882), pp. 7-17. For the latter reference I am indebted to Mr. Carsten Pape, Research Associate at the Slavic Institute of Copenhagen University.

28. See Miliukov's tribute to Rodichev on the occasion of the latter's seventy-fifth birthday, "Narodnyi tribun," Poslednie novosti, February 24, 1929, p. 2. Miliukov errs in his assertion that the basic idea of the memorandum was a progressive tax on large estates that would result in the transfer of land into the hands of the peasantry.

29. Peter Struve, "My Contacts with Rodichev," The Slavonic and East European Review, XII (January 1934), pp. 361-2.

30. I. K. Gudz', P. A. Korsakov (Tver', 1909), pp. 12-18.

31. Shakhovskoi chose to remain in Russia after the Bolshevik takeover, served in the cooperative network and engaged in literary studies on the philosopher Chaadaev. Caught up in the Stalinist purge, he died in 1939. The post-Stalin leadership has granted a posthumous rehabilitation. See Sovetskaia istoricheskaia entsiklopediia, XVI (1976), column 143.

32. On this circle see the four-part article by George Vernadsky, "Bratstvo 'Priiutiuno'," in Novyi Zhurnal, vol. 93 (1968), pp. 147-171; vol. 95 (1969), pp. 202-215; vol. 96 (1969); pp. 153-171; and vol. 97 (1969), pp. 218-237.

33. Sofiia Fedorovna, who married G. G. Bernatskii, died on July 31, 1962. Aleksandra Fedorovna died in Lausanne in 1971. (Letters to the editor from Professor George Vernadsky, dated August 10 and September 19, 1972.) On Vernadsky's contacts with the Rodichevs see his "Iz vospominanii," Novyi Zhurnal, vol. 100 (1970), p. 211, and "Perm'-Moskva-Kiev," Novyi Zhurnal, vol. 104 (1971), p. 186.

34. F. Rodichev, "The Liberal Movement in Russia (1855-1891)," The Slavonic and East European Review, II (June 1923), p. 7.

35. The text of the Tver' Address of 1879 is in Mneniia zemskikh sobranii o sovremennom polozhenii Rossii (Berlin, 1883), pp. 85-90.

36. Rodichev, "The Liberal Movement in Russia (1855-1891)," p. 10.

37. Oddly, Rodichev recalls only one such explosion, although in fact two bombs were thrown.

38. See Chapter XI herein.

39. Petrunkevich, Iz zapisok, p. 289.

40. Both Petrunkevich and Rodichev recall that the circumstances so unnerved the sole Tver' deputy, Utkin, that the dropped the plate bearing the traditional bread and salt. See Petrunkevich, Iz zapisok, p. 290, and Rodichev's account in Chapter XII herein.

41. Presented herein as Appendix D.

42. How was it known that Rodichev had been the main author of the Address? Petrunkevich speculates that B. V. Shtürmer, who had replaced Rodichev in 1891 as chairman of the uprava, was the informer (Iz zapisok, p. 290).

43. F. Rodichev, "The Liberal Movement in Russia (1891-1905)," The Slavonic and East European Review, II (December 1923), p. 250.

44. From his letter to A. R. Lednitskii, presented herein as Appendix B.

45. See the account of the Schaffhausen meeting in Shmuel Galai, The Liberation Movement in Russia, 1900-1905 (New York, London: Cambridge University Press, 1973), pp. 177-87, and in Nathan Smith, "The Constitutional-Democratic Movement in Russia, 1902-1906" (Ph.D. dissertation, University of Illinois, 1958), pp. 130-32. Rodichev was not elected to the first council of the Union.

46. See the Prilozhenie to No. 78/79 of Osvobozhdenie (5/18 October 1905), p. 10. Rodichev was elected to the first central bureau of the Union of Unions (Galai, Liberation Movement, pp. 248-49).

47. See Rodichev's letter to Lednitskii in Appendix B.

48. Rodichev as well as Petrunkevich at first declined membership in the delegation, fearing their presence might be damaging, but were persuaded to participate. See Smith, "The Constitutional-Democratic Movement in Russia," p. 364.

49. For a brief report on the delegation, see the London Times, July 17, 1906, p. 5.

50. A. Tyrkova-Vil'iams, Na putiakh k svobode (New York, 1952), p. 276.

51. Struve, "My Contacts with Rodichev," p. 363.

52. Bernard Pares, "Fedor Rodichev," The Slavonic and East European Review, XII (July 1933), p. 199.

53. V. A. Maklakov, Vtoraia gosudarstvennaia duma (vospominaniia sovremennika) (Paris: La Renaissance, 1947), p. 101.

54. On the "Stolypin necktie" speech, see my essay, "The Political Faith of Fedor Rodichev," in Charles E. Timberlake, ed., Essays on Russian Liberalism, pp. 42-3 and notes. Rodichev wrote in detail of this incident in his letter to Lednitskii (Appendix B herein).

55. On his return to the capital Rodichev, confronted by the spectacle of revolutionary workers and soldiers, did not shout "Long Live Nicholas!," as stated in William G. Rosenberg, Liberals in the Russian Revolution (Princeton: Princeton University Press, 1974), p. 49. A careful reading of his lengthy memoir on 1917, presented herein as Chapters XIV-XVIII, will reveal that Rodichev's friend Kavos, who had accompanied him from Moscow, merely expressed the wish to utter such a challenge. The document cited by Rosenberg, "Vospominaniia o 1917" (manuscript in the Hoover Institution) is the same as the document in the Rodichev Collection entitled "Zapis' F. I. Rodicheva o 1917 gode." Moreover, in light of Rodichev's feelings toward the emperor he could hardly have expressed such enthusiasm. It might also be noted that Rosenberg errs in asserting that Rodichev called Stolypin a "hangman" in his Duma speech of 1907; to be precise, Rodichev had simply uttered the phrase "Stolypin necktie" as a synonym for the hangman's noose.

56. See Chapter XIV herein.

57. For Rodichev's service in Finnish affairs see Chapter XV herein.

58. For this speech see Rech', March 28/April 10, 1917, p. 4.

59. See Chapter XVII herein.

60. See Chapter XVIII herein.

61. Rodichev was erroneously reported as arrested in Delo naroda, November 30, 1917, p. 3 and in Novaia zhizn', November 30, 1917, p. 3. This error is repeated in A. L. Fraiman, Forpost sotsialisticheskoi revoliutsii (Leningrad, 1969), p. 166, and in Rosenberg, Liberals in the Russian Revolution, p. 278.

62. Rodichev briefly relates his last days in Bolshevik-held Russia in his letter to Lednitskii (Appendix B herein).

63. Rodichev paid tribute to his deceased friend in his "The Veteran of Russian Liberalism: Ivan Petrunkevich," The Slavonic and East European Review, VII (January 1929), 316-26.

64. A. I. Herzen, Byloe i dumy, first complete edition, I (Berlin, 1921), 9-23.

65. Presented here as Appendix C.

66. Of the final illnesses and death Rodichev's daughter Alexandra has left an account in the form of a typescript in the Rodichev Collection entitled "Bolezn' i smert' F. I. Rodicheva."

1

ДЕТСТВО

Мои первые воспоминания начинаются с 1861 года, — вся моя жизнь прошла под знаком освобождения.

В шестидесятых годах прошлого столетия освобождены не одни только крестьяне, освобождены купцы и духовенство, семинаристы и офицеры, семья, женщины и дети. Во всех слоях народа, кроме крестьянства, совершилось и освобождение детей. В крестьянстве оно началось только в XX столетии и закончилось великим бунтом войны и большевизма.

В 1861 г. в августе отвезли в Петербург в училище правоведения моего любимого брата Димитрия,[1] и я горько плакал о нем. Но скоро мое внимание было отвлечено переездом в другую усадьбу, село Вятку, в трех верстах от отцовского имения Измайловского. В Вятке было два господских дома. Один большой принадлежал моему деду, дяде отца, Федору Ивановичу Родичеву, другой, поменьше, моему отцу. В нем когда-то жили его тетки, им принадлежала половина имения. Еще долго, чуть ли не до конца, можно было по лесным зарослям видеть, где были полосы дедушкиных, где бабушкиных дворовых. На дедушкиных рос плотный, густой лес, на бабушкиных редкие, слабые деревья, так как были в свое время выпаханы эти полосы: бабушка и дедушка владели именьем по полосно, как мужики.

После освобождения крестьян, дедушка Федор Иванович отказался от хозяйства, передал его отцу, и отец переехал в Вятку, где земли было больше, чем в Измайловском.

В новом месте началась новая жизнь. В Измайловском образ жизни был старозаветный. Новый год считался с 1-го сентября, когда служили в доме всенощную. Соблюдали строго все посты, среду и пятницу. Крепостные девки плели кружева, ткали скатерти и полотенца, детей кутали, учили французскому языку и... секли. Положение было такое: за 10 ошибок в диктовке в десять строк — сечься. Одно из смутных воспоминаний: около моей матери, брат Митя кружит в одной рубашке, подгоняемый розгой. Я едва достиг совершеннолетия (6 лет) в этой области, но подвергался сеченью не за учение, а за упрямство. Помню, великим постом 1861 года, я требовал гороху, который давали всем большим, и отказывался от супа, приготовленного детям. Тут же из-за обеда был вынесен на крыльцо, выходившее в сад и окруженное молодыми березами, и был сечен, и после порки водворен обратно доедать обед, на манер отошихинских бояр, которых за

местническое озорство, бывало, вытащат из-за царского стола, под который они спустились, не желая сесть ниже такого-то. Отдерут боярина и вернут на старое место доедать пироги и курей пряженных.

Переехали мы в Вятку. Прошло несколько времени, и мать моя, приехав из Петербурга, привезла новую гувернантку, Марию Евграфовну Павловскую, в сущности, для меня одного: младший брат Николай еще не учился. Тут началась для меня новая жизнь. Во-первых, стали выпускать меня на улицу одного. Правом этим я широко пользовался и злоупотреблял, то есть вместе с мальчиком, который был в дедушкином доме на посылках, убегал в лошадиный выгон, кататься верхом на невзнузданных и неоседланных лошадях. В сущности катался один Палладий, а я, не умея взнуздать лошадь, смотрел и завидовал. Когда это преступление обнаружилось, тетка моя, Серафима Дмитриевна, всем распоряжавшаяся в доме, определила меня выпороть, и меня уже тащили наверх в детскую, уж я ревел неистовым образом, но Мария Евграфовна энергично заступилась: порка была отменена, и, на этот раз, навсегда. В Вятке меня уже не пороли.

Мария Евграфовна заставила меня учить наизусть русские стихи, — начал я со стихотворений Некрасова: осень, несжатая полоса... Учился я легко и раньше, нетрудно было учиться у Марии Евграфовны, которая центр тяжести перенесла на обучение русскому языку. Она меня приучила читать, и, получив в руки историю Суворова с картинками, я сделался страстным чтецом и, к ужасу моей матери, объявлял всем, что буду военным, и даже арифметику усердно учил, потому что военные должны знать математику. Но ценнее всего было освобождение, которое принесла с собой Мария Евграфовна: она страстно любила кататься на лошадях и брала меня с собой, любила прогулки, в которых я не чувствовал себя на привязи. Она мне внушала демократические понятия о равенстве людей, и я эти внушения усваивал очень охотно и завидовал свободе крестьянских мальчиков, мечтая о равенстве с ними в правах и свободе. Но в усадьбе крестьянских детей не было: был один Палладий или Палатька, с которым я был очень дружен.

Да и весь строй жизни переменился. Не было ткацкой, ни вязанья кружев, ни целой орды дворовых. Мать моя и осенью, и весной уезжала в Петербург и старалась продлить пребывание там. Отец занял должность мирового посредника[2] и часто уезжал.

Мария Евграфовна сделалась в значительной мере, распорядительницей нашей жизни. Дед мой, которого родители мои очень слушались, очень настаивал, чтобы нам было дано наилучшее образование, и, ценя педагогические успехи М. Е., не противоречил новым методам воспитания. А только рассказывал, как в его времена дети ничего не смели без разрешения родителей, не видели никакой свободы, и как их пороли. Когда, бывало, явишься с синяком, он сердился и говорил: "В мое бы время тебя б за уши за это и высекли бы, и чем сильнее ушибешься, тем сильнее высекут".

Пробыла у нас Мария Евграфовна до осени 1863 года, затем уехала в Петербург, где давала уроки и училась музыке с большим успехом, и в 1867 году вышла замуж за Николая Константиновича Михайловского.[3] Я был на ее свадьбе "мальчиком" и нес образ. На свадебном вечере видел сонм литераторов, самого Некрасова, который поразил меня своим хриплым голосом. Мне казалось, что такой голос вовсе не приличествует поэту. Впоследствии я бывал у супругов Михайловских. Помню вечера, где были завсегдатаями Глеб Успенский, Домерт, всегда выпивший, певший патетические песни, тихий Скабичевский...[4] Успенский

вносил особое оживление комическим талантом и не отставал в выпивке. Влияние на меня этот кружок не имел. Никогда я им не был очарован.

Когда М. Е. Павловская уехала, отец увез меня в Петербург и отдал в английский пансион Гирса, на Васильевском острове. Пансион был бессистемный, без правильных курсов. Принимали, смотря по познаниям, в тот или другой класс, не разбирая возраста, так что 12-летние дети были вместе с 18-летними парнями. Преподавание, в сущности, было недурное, но тоже страдало отсутствием системы. Преподаватели были больше из Ларинской гимназии по- соседству, но часто менялись... Весной 1866 года я оставил пансион и поступил в реальную гимназию, ту, что потом была 1-м реальным училищем. По познаниям я бы мог поступить и в 4-й класс, но для этого дирекции пришлось бы закрыть галаза на недостаток лет. Я вспоминаю ее с теплым чувством благодарности. Эта гимназия показала, чем бы могла быть русская средняя школа.

Судьба ее очень оригинальная. В эпоху реформ 1862 года, в морском ведомстве решено было уничтожить младшие классы в морском корпусе, те классы, в которых учение имело общеобразовательный характер. Для учеников этих младших классов, — их было, кажется, человек 300, где они были, как и в корпусе, на полном содержании казны, пансионерами, — открыли особую гимназию. Разместили их по классам, смотря по познаниям, по результату экзаменов.

Сколь ни были экзаменаторы снисходительны, все-таки сказывалось, что к весне 1866 года в 3-м классе сидели 18-летние здоровенные парни с бородкой. Помню рядом со мной такого молодца Спицына. Он увидел у меня булку, приготовленную для завтрака:

"Дай булку. Хочешь, я встравлю Мака" (Мак немец, учитель). Я соглашаюсь.

Доходит очередь отвечать до Спицына. Он читает по-немецки рассказ про Иова. Мак сперва поправляет его, потом сердится... Спицын запнулся и упорно повторяет свое... "Ступайте в угол, — вон из класса"... "Ну, и пойду".

Спицыну было все равно. Он был уже второй год в том же классе и знал, что его выгонят. И таких была масса. Шалости этих парней вовсе не были детскими шалостями.

Пили водку, обрезали подошвы у сапог, бросали на улицу табуретки в прохожих. Драки были обычным явлением, спортом. Когда я поступил в 3-й класс, там увлекались дракой жгутами. Из свернутых газет, туго перетянутых веревками, делали жгуты, которыми одна партия гимназистов поражала другую, стараясь попасть по голове, по лицу. К учению полное равнодушие. Высшим успехом было дотянуть кое-как до 5-го класса, откуда весной, без экзамена, переходили в морское училище. Но больше половины не доходило до этого предела. Эти нравы походили более на нравы арестантских рот, на нравы бурсы, описанные Помяловским.[5] И ведь эти нравы переносились потом во флот, в армию, в полицейский обиход, в помещичью усадьбу, в семью.

Разврат, побои, порка. Все царствование Николая I тон этот был выдержан неизменно. Только в конце 50-х годов в корпусах через какие-то щели начал проникать другой дух, в старших классах, конечно. В морском корпусе перестали пороть в самом начале 60-х годов. Я помню рассказ моего приятеля Бирюлева

(не министра) о том, как его, гардемарина, хотели выпороть, но начальство отменило порку, встретив взгляд Бирюлева. (Бирюлев был человек необыкновенной силы, и в гневе и в сопротивлении был опасен.)

Как оценить усилия, — не будем бояться слов, как оценить подвиг того поколения педагогов и офицеров, которые вывели эти дикие нравы. И мы не должны забыть имена министров Головнина, Милютина и великого князя Константина Николаевича.[6] И ведь в какое короткое время произошло это очеловечение. Я отбывал воинскую повинность в Красном Селе, летом 1875 года. В то время в гвардии порка была выведена. В петербургском гарнизоне едва оставалось несколько офицеров, строго соблюдавших право истязаний и обычай рукоприкладства.

Думаю все-таки, что в русской армии, перешедшей в 1877-1878 гг. Балканы, порки не было. К несчастию России, это гуманистическое движение прекратилось. С уходом Милютина, порка снова стала поднимать голову...

Педагоги 7-й гимназии, под руководительством Владимира Федоровича Эвальда (по специальности историка) и Александра Дмитриевича Дмитриева, вынесли на плечах своих всю тягость борьбы с арестантскими нравами мерами кротости, спокойной твердости, мудрого снисхождения. За четыре года пребывания в гимназии я не помню ни одного резкого слова, ни одного жеста. Тогда мы считали это естественным, — иначе не могло быть... Потом, поняв значение гр. Дм. Андр. Толстого,[7] публицистики Каткова,[8] всей реакции после 1866 года,[9] мы поняли, чего это стоило, сколько силы характера, преданности, выдержки нужно было, чтобы устоять перед поветрием.

Перед самым выпуском, уже после экзаменов, В. Ф. Эвальд рассказывал нам о первых годах гимназии. Встретясь с грубостью нравов новых гимназистов, директор и его товарищ А. Д. Дмитриев решили обходиться с мальчиками без крутых мер взыскания, главным образом без порки. — "Вы не можете себе представить, — говорил В. Ф., — какой ужас в детских душах поселяла порка, какой страшный след она оставляет".

Когда В. Ф. сам учился в гимназии, по субботам происходила ликвидация всех прегрешений, совершенных за неделю: грешников пороли в присутствии всего класса.

— "До сих пор помню, — говорил В. Ф., — нежного, хорошенького мальчика, которого вели сечь. Он в слезах бросился на колени перед директором с воплем: "Всемогущий Карл Карлович, простите"... Всемогущий Карл Карлович не простил.

Когда мне доказывали пользу порки, я всегда вспоминал этот вопль. Порка как наказание хуже, чем преступление, ее вызывающее. Я с гордостью говорю: "Мы обошлись без порки и справились без порки в трудные годы".

В. Ф. Эвальд организовал физический кабинет, химическую лабораторию. По специальности преподаватель истории, он, уже пожилым, стал изучать естественные науки, слушал в университете лекции ботаники и физиологии растений. Гуманизм, проникавший всю жизнь гимназии, был, главным образом, его заслугой. Он очень желал, чтоб реалисты поступали в университет, и по утрам давал

для желающих уроки латинского языка. Наш выпуск был, кажется, первый выпуск из реальной гимназии. Из него поступили в университет два: Лев Львов, впоследствии Новоржевский уездный Псковской губернии предводитель дворянства, и я.

Кстати тут вспомнить, что из латыни экзаменовал меня сам граф Дмитрий Андреевич Толстой. Он приехал на экзамен в Ларинскую гимназию. Знал я латынь неважно. Переводя экстемпорале с русского на латинский язык, заглядывал в листик соседа Грота (впоследствии профессора и философа) [10] и делал нарочно ошибки, чтобы было правдоподобно. На словесный экзамен меня взял к себе министр. На мой перевод с латинского не сказал ничего, а начал меня расспрашивать из Римской истории. Должно быть, вопросы были не мудреные — я на все вопросы отвечал, помятуя преподаванье Ивана Николаевича Аконисимова... "Ну, желаю Вам успеха", закончил экзамен министр, которого я уже посреди экзамена перестал бояться, почуяв, что он сам в латыни не Бог знает как тверд.

Преподаванье в гимназии было поставлено блестяще. Учителя математики Р. Н. Гришина вспоминаю с удовольствием и с благодарностью: за 4 года он ни разу не запнулся в объяснениях, не запутался, отчетливо и уверенно ведя класс. И всех выучил.

Из ряду вон удачно было преподаванье немецкого языка К. К. Мааком. Строгий, настойчивый, резкий, он заставил класс выучиться. Выходя из гимназии, все свободно читали по немецки, знали в общих чертах немецкую литературу, прочли Шиллера "Валленштейна", Гете "Торквато Тассо".

Имели понятье о немецкой философии — знали, кто такие были Лейбниц и Кант. Об Канте читали страницы из истории культуры — мало поняли, уловили только, что Кант был слаб по части религии и поклонник свободы. Многие — и я в том числе — в гимназии выучились говорить по немецки.

Русскую литературу преподавал В. И. Скопин. Прошли мы всю программу до Пушкина и Лермонтова еще в 6-м классе, а потом Скопин требовал от нас знакомства с Тургеневым, Некрасовым, даже Достоевским. Я излагал на Рождественских Праздниках "Преступление и Наказание". Долго это была единственная вещь Достоевского, которую я прочел до конца — по обязанностям службы.

И историю мы знали толком: преподаватель истории Анонимов требовал, чтобы мы читали по истории. По его требованью я читал "Богдана Хмельницкого" Костомарова и "Последние годы Речи Посполитовой" его же.

Широка была программа, завещанная Головниным, — впоследствии ее очень урезали, хотя проходили 8 лет, но учителя наши, умевшие пробудить одушевление, — выучили нас гораздо больше, чем было в программе.

Не раз, вспоминая впоследствии гимназию, задавал себе вопрос — где источник этого одушевления, этого духа? Мало ли было людей, талантливых людей — впоследствии, кроме В. Ф. Эвальда, остались те же люди, но дух отлетел. То было одушевление гуманизма, характеризующее 60-е годы. В полемике последующих годов 60-е годы обозначались как годы отрицанья, нигилизма... Была, конечно, в общественном движении и эта струя, но гораздо характернее для 60-х годов — проповедь гуманизма, человечности. Эта проповедь наложила печать

на лучших людей во всех сферах деятельности — в науке, преподавании, в земстве, положившим основы народного образования, в суде, в войске. В педагогии особенно: имена Ушинского, Стоюнина, Водовозова, Стронина долго были памятны. Еще недавно кн. Волконский поминал добрым словом своего учителя русского языка Виктора Петровича Остроморского.

К несчастью крепостническая реакция подняла голову после Каракозовского выстрела 66-го года. Граф Д. А. Толстой и Катков стали во главе того движения, которое озлобило целое поколение... а когда Александр II спохватился, было уже поздно. Волна озлобленья разбилась только 1-го марта 1881 г. И кому же был нанесен сугубый удар системой каторжного классицизма? — Российскому дворянству. Неудавшийся гимназист — это чисто дворянское явление. Гр. Д. А. Толстой заготовил их десятками. А потом, чтоб дать им место и положение, выдумал земских начальников, кои уже подорвали значение дворянства окончательно и безвозвратно.

Когда вспоминаешь гимназию, надо вспомнить товарищей наиболее выдающихся — все стариков: Дитятина, бывшего потом профессором государственного права,[11] Чайковского Николая Васильевича, сыгравшего такую роль в истории русского движения,[12] Евгения Ивановича Кедрина, гимназистом он был, кажется, смирным, бурнопламенным объявился уже в университете, потом в Думе.[13] Умер милейший Евгений Иванович в Париже, все такой же неугомонный и рвущийся до последних дней. Когда я вступил в гимназию, еще помнили имена Гаршиных.

Первые гимназисты 7-й гимназии пошли толпой во флот. Я не уверен, но кажется помню и фамилию и физиономию Петра Дурново, — не директора ли Полиции и Министра Внутренних Дел, излюбленным графом Витте?[14] Во флот пошли Подтян, Остелецкий.

Последующие выпуски дали большое количество инженеров путей сообщений — Саблина, Ададурова, Валуевых, Вилькена и других.

11

УНИВЕРСИТЕТ

В 1870 году я поступил в университет на математическое отделение физико-математического факультета. То было блестящее время для естественного отделения и математического. На математическом отделении читал еще лекции академик Чебышев, увлекательный преподаватель Коркин, восходящая звезда, полный энтузиазма Золотарев, так без толку погибший в 1876-м году (входя в вагон, он оступился и попал под колеса).[1]

На естественном отделении с наибольшим блеском обставлена была кафедра химии — Менделеев, Меньшуткин, Бутлеров,[2] — люди широких обобщений, огромного знания, оригинального ума, прокладывающие новые пути в науке, энергические работники, увлекавшие студентов, побуждавшие их к самостоятельному труду. Особенно выдавался в этом отношении Бутлеров. Помню в лаборатории его работавшего Николая Васильевича Чайковского, к всеобщему огорчению преподавателей отвлеченному от науки — тюрьмой, политикой, эмиграцией, Вышеградского, покончившего самоубийством, Горяинова, сделавшегося помещиком.

В аналитической лаборатории помню немолодого, казалось мне, офицера в казацкой форме, к которому я, мальчик еще, очень был склонен отнестись с вопросом: "Чего этот старик сюда суется?" Офицер этот был кн. П. А. Кропоткин,[3] что я узнал только много времени спустя.

В ботаническом доме — только что отстроенном — работал Андрей Николаевич Бекетов,[4] проповедник науки, популяризатор, организатор, благороднейший чистый человек, и Фаминцын,[5] впоследствии академик, гуманист, энтузиаст науки. Какая чистая нравственная атмсофера господствовала в этом доме.

На биологических кафедрах того времени торжественно проповедовался только что победивший дарвинизм — в зоологическом кабинете его проповедовал Вагнер, более прославленный, впрочем, не как зоолог, а как сказочник: "Кот Мурлыка".[6] В зоологическом кабинете помню еще студента с калмыцким лицом, черноволосого, с красными часто глазами добрейшего Ивана Семеновича Полякова,[7] вывезенного из Сибири Кропоткиным. Он кончил курс, получил степень кандидата, сделался хранителем зоологического музея, но молодым еще умер.

Анатомию и физиологию человека преподавал Ф. В. Овсянников,[8] товарищ Мечникова,[9] отличавшийся необыкновенным добродушием и бесконечной снис-

ходительностью по отношению к студентам. Помню его ассистента, пресмешного Бакста, про которого студенты не знали, что он был близок к Герцену, но очень ценили его фигуру и приемы, возбуждавшие веселость. Появился еще новый профессор физиологии Илья Фаддеевич Цион. Ему предшествовала громкая слава: "Это он открыл новый нерв". Не знаю удержалось ли это название в науке до сих пор. Сам Цион не удержался в науке, а кончил жизнь в Париже — претендентом на биржевые роли. Тогда трубачи его славы объявили: "Знаете, Илья Фаддеевич в бытность свою в Германии был близок с Лассалем".

Потом Илья Фаддеевич был сотрудником Каткова. К преподаванию Овсянникова Цион отнесся с великим пренебрежением, особенно к его слабости ставить студентам пятерки. "Я Вам не Овсянников", грозил Цион перед экзаменом. "У меня фуксом не проскочите". Помнится все было хвастовством. Преподавание его было неинтересно. Завел он только непрерывные упражнения в вивисекции, где отличались его ассистенты. Мой друг Василий Ник. Великий, о коем с 18-го года, когда он еще читал лекции на Киевских женских курсах, ничего не знаю, и высокий худой студент Павлов-младший, ныне притесняемый большевиками неведомо за что, академик Павлов.

Потом в минералогическом кабинете помню ученого М. В. Ерофеева, его ассистента, прославившегося Докучаева.[10] Ребиндера, раздавшего имущество и уехавшего в Америку.

Геологию читал молодой еще Иностранцев[11] — студенты не очень ценили его. Я лично не делил этого отношения и вспоминаю Иностранцева с благодарностью. Думаю, что история русской науки тоже его не забудет.

Я кончил курс естественного факультета в 1874-м году осенью. Зимой ходил слушать лекции юридического факультета, летом отбыл воинскую повинность и снова вернулся к университету в качестве вольнослушателя и весной 1876 г. сдал кандидатский экзамен по юридическому факультету.

И этот факультет был блестяще обставлен. Во главе его стоял П. Гр. Редкин,[12] читавший историю философии права и энциклопедию права. Иной год он читал историю философии права и в конце прибавлял краткий курс энциклопедии. Иной год курс энциклопедии продолжался целый год. И тот и другой курс был серьезным, ученым трудом, трудноусвояемый молодыми людьми — мальчиками еще.

Редкин был грозой студентов. Требования его к студентам были серьезны и строги. Экзаменатор он был беспощадный. Несмотря на старость, на кафедре Редкин проявлял одушевление, я бы сказал, апостольское. Помню увлечение, с которым он читал диалоги Платона, помню ранним утром конец его лекции о Сократе — "ибо тот не философ, кто не готов умереть за свои убеждения".

— "Что Вы будете требовать на экзамене" спрашивал я Редкина недели за две. — "Науку, — отрубил он и добавил, — не какой-нибудь курс, а науку. Все что спрошу, то и знать должны".

Кафедра уголовного права занята была Таганцевым,[13] молодым тогда, оживленным и неустанным критиком старого уложения, и Фойницким,[14] читавшим интереснейший курс тюрьмоведения.

Глубокий ученый, блестящий лектор, Сергеевич,[15] тогда еще не сделавшийся столпом полицейского подтягивания студентов, еще не обозлившийся на самого себя за перемену курса по реакционному ветру, уяснял древнюю Россию, давал слушателям осязать здоровые начатки свободного развития вечевой Руси, еще не захваченной в азиатское рабство.

А Градовский[16] с одушевлением работал над выработкой основ нового правового строя. Его курс государственного права европейских держав был историей развития идеи свободы, осуществленной в государстве. В курсе русской истории Градовский в то время пробовал еще искать сочетания самодержавия с правом. Он еще надеялся на развитие реформаторства, на воспитательное к свободе значение славянского движения. Тогда Градовский и Сергеевич внедряли в сознание слушателей убеждение в органической необходимости освобождения неравновременного, запоздавшего, но являвшегося законом и условием жизни. Ход событий заставил Градовского иначе определить свое отношение к основному вопросу русской государственности, к вопросу о самодержавии.

Вообще с середины 70-х годов осью обсуждений в среде русской интеллигенции является вопрос о конституции. Но об этом после. Градовский, к несчастью, слишком скоро умер, не создав русской конституционной школы государствоведения. К этому влекло развитие мыслей и чувств. Градовскому во времена Лорис-Меликова[17] пришлось явиться не только теоретиком, — ему пришлось играть роль советника по вопросам текущей политики и реформаторских предположений. Все рухнуло 1-го марта 1881-го года.

Градовский умер от болезни сердца. И кто знает, в какой мере болезнь эта явилась последствием крушения его надежд, боли, причиненной ему реакцией.

Кафедру политической экономии занимал добрый и бездарный Вреден. Из толстого учебника его студенты вылавливали как курьезы бессмысленные фразы. Никакого влияния он не имел.

Статистику читал Янсон, популярный и влиятельный профессор. Он организовал статистический кабинет и семинарий, но не успел образовать школы. Он рано умер. Его книга[18] о недостаточности крестьянских наделов имела сильное влияние, она считалась обязательной к прочтению и усвоению почти так же, как появившаяся после диссертации, Посникова[19] об общинном землевладении.

Недостаточность крестьянских наделов была аксиомой для тогдашней молодежи, так же как начало общинного владения землей. — Россия избегнет образования пролетариата — община спасет ее. Таково было распространенное верование. Вопрос политический мало интересовал молодежь того времени. Но жизнь с упорством ставила его...

Таковы были профессора. А что же студенчество?

Первая половина 60-х годов была годами назревания народнического движения. Я застал университет едва еще оправившимся от наследства волнений 68-69 года. Студенты старших курсов помнили еще репрессии 69-го года, исключения, административные ссылки. Рассказывали о сходках, об ораторах на этих сходках... но это было воспоминание о прошлом, к которому относились спокойно, — без мечты о возобновлении движения.

В чем же оно состояло?

В 1868 году, по случаю 50-летия университета, Император Александр дал университету капитал для устройства, не помню скольких, стипендий 300 рублей в год. Тогда это казалось более чем достаточной суммой. Кто будет указывать кандидатов на стипендии? Студентам хотелось самим указывать стипендиатов. Начались сходки для обсуждения сих вопросов. На сходках к студенческому вопросу очень быстро присоединилось революционное течение. Появились прокламации, звавшие к революции, появился Нечаев.[20] Он был вольнослушателем университета и на сходках 68-69 года проповедовал революцию — "начинайте революцию".

В 1871 году судили целый выпуск "революционеров", в процессе-монстре. А через год в Москве суд присяжных за предумышленное убийство приговорил Нечаева к каторге. Политическое обвинение к самому Нечаеву предъявлено не было. На этом условии он был выдан швейцарским "властям".

В русском революционном движении правительство сыграло выдающуюся роль организатора. Сперва судейским и административным преследованием оно соединило воедино молодых людей, друг друга не знавших, друг с другом ничем не связанных, кроме общего настроения. Оно создавало как бы революционный орден, обрекая людей, раз затронутых политическим преследованием, на карьеру заговорщика, создавая повышенное настроение подвижников-мучеников, закрывая для них всякое поприще. Можно наглядно проследить те толчки, которыми политические процессы двигали и ускоряли, обостряли движение, сбивая его с разумных путей. Из студенческих беспорядков, из пустяков, — создали Нечаевский процесс,[21] посадив на скамью подсудимых сотни полторы-две молодежи — да со сколькими расправились административно. После Нечаевского процесса, знаменитый процесс 193-х,[22] продержанных года по два в тюрьме. Сколько людей отбыло этот революционный стаж, не попав на суд, а в тюрьму административной расправой. А те, кто не были оправданы судом, безнадежностью будущего вынуждены были перейти на нелегальное положение. Была искусственно создана революционная среда, отрезанная от воздействия мысли, питающаяся ограниченным запасом революционных писаний, вырабатывающая свое настроение в раздражении и отчаянии. Создано было своего рода братство верных, с своими святыми, мучениками, с своим преданием. Они не могли не придавать себе чрезвычайной важности, когда за детскую демонстрацию у Казанского собора[23] ссылали в каторгу, когда мирных, безвредных и бесплодных пропагандистов, старавшихся через опрощение слиться с народом, ссылали на поселение. Гнали, гнали и доиграли до выстрела Засулич,[24] а потом, продолжая наполнять тюрьмы, решились без суда ссылать в Восточную Сибирь. Негодование против этой меры вызвало убийство шефа жандармов Мезенцева,[25] в свою очередь породившее Временное Положение об усиленной охране, благополучно просуществовавшее до 1917 года, т.е. до революции, и возобновленное Временным Правительством.

В 1878 году уже созрело то настроение безнадежности, отчаяния, готовности к смертельному бою, в котором создалась так называемая Народная Воля. Сперва сопротивлялись с оружием в руках аресту. Начали беспощадно вешать и оружие было обращено уже на Александра II.

С революционным терроризмом покончила не репрессия. Движение погибло от страшного впечатления, произведенного на общество, на народ убийством

Александра II... 1-го марта убит не только Александр II — убита революция. "Где ты революция?" взывал в конце прошлого столетия в своих воспоминаниях Дебогорий-Мокриевич.[26]

Неподвижна и мертва.

Второй прилив революционного движения и террора также создан правительством. Впечатление 1-го марта надолго сделало нравственно невозможным террористические акты.

Но выросло новое поколение, не знавшее паники 81-го года. А власть распоясалась до невероятного цинизма. Порка сделалась орудием управления. Нагайка орудием воспитания молодежи. Наконец, издали позорные правила о сдаче студентов в солдаты... Студенты демонстрировали... Их избивали... Выстрел Карповича[27] был местью за молодежь...

Создалось настроение, при котором молодые люди фантазировали и в слепом ожесточении шли на убийство... Началась организация. И сразу внедрилась в нее охрана. Есть основание думать, что уже и убийству Сипягина[28] не чужды агенты ее. Сипягину наследует Плеве,[29] правительственный террор при них усугубляется. За стрельбу в рабочих платится жизнью губернатор Богданович.[30] За порку мужиков стреляют в Оболенского.[31] "Я пью только sec, ибо я сек", говорил сей муж. Наконец, сам Плеве убит, и убийство его организовано охраной.

Настает золотая пора террора, организованного охранниками, и, считая с Вел. Кн. Сергея Александровича, все убийства 1905 и 1906 года. Взрыв Столыпина — в нем участвует охранник, но Столыпин увлечен охраной и защищает провокатора и убийцу — Азефа. Без своих организаторов обойтись не могут и вместо разоблаченного Азефа берут Петрова, взорвавшего Карпова.[32] Не унимаются и этим уроком, и, наконец, сам Столыпин убит охранником.[33]

Так, на казенный счет совершались убийства.

И таким же порядком на казенный счет организуют рабочие движение. В Москве Трепов[34] устраивает казенное воспитание рабочих, вроде как Наполеон III помог организовать Интернационал. В 1903 году в Одессе организованные охранником стачки, потом, с переездом Трепова в Петербург, империалистический социализм находит своего апостола Гапона,[35] организующего движение 9-го Января... Потом на казенный счет сажают в Государственную Думу большевика Малиновского.[36] Во всех организациях рабочих свои казенные проповедники, во всех заводах то же. На Путиловском заводе не помню кто, охрана или контрразведка имели 70 агентов. "Мои агенты были все оборонцы", успокаивал свою совесть Климович.[37] Что он об этом знал? Легко себе представить, что эти люди проповедовали, если вспомнить, что хозяева поручали Малиновскому произносить речи, изготовленные Лениным и поправленные в Департаменте Полиции.

Казенными руками готовили гибель общественного порядка.

ВСТРЕЧИ С ОГАРЕВЫМ

Хотел бы я проверить свое прошлое, — дать отчет себе и другим. Вижу свои ошибки, но думаю, что путь правильный и верный. Если бы я мог заново начать свою жизнь, может быть, я поколебался бы в начале поприща: не избрать ли вместо общественной деятельности работу научную? — я бы избрал ее в области естественных наук. Но в прошлом меня увлекла любовь и стремление к свободе. Этим чувством определилось и направление моей мысли, и содержание моей жизни, даже до сего дня. Я не сделался ни чиновником, ни социалистом...

Моя мысль пробудилась под влиянием французской проповеди конца второй Империи, речей Жюля Фавра и Ж.Симона в законодательном корпусе, речей Гамбетты, борьбы непримиримой с бонапартовским режимом.[1] Пробудился интерес к французской истории, к истории французской революции, к истории Франции в Х1Х столетии, истории борьбы за свободу. Я с трепетом перечитывал все, что мог достать по истории французской революции, даже скучнейшую, хвалительную монографию Амеля (Hamel) о Робеспьере,[2] которого никак не мог произвести в герои. Меня больше всего увлекал романтизм освобождения, привлекали личности того времени, но вместе с тем я воспринял декларацию прав человека, сперва как откровение, потом как идеал. Вместе с тем, я следил за развертывавшимися событиями, за происходившей во Франции борьбой. Помню впечатление от процесса по поводу памятника за свободу Бодэну, помню впечатление того процесса, на котором Гамбетта произнес свою революционно-смелую речь, сразу сделавшую его знаменитым.[3] Я наизусть повторял ее и желал падения Империи.

Одновременно с идеей свободы вырывались на свет Божий идеи социализма.

В русских политических течениях того времени социализм был азбукой политического понимания: я никогда не разделял этого взгляда. Только позже познакомился я с пламенным протестом Прудона[4] против социалистического порабощения личности: "Я чист от социалистической мерзости" ("Je suis pur des infamies socialistes").

Мне и тогда благо человека не представлялось возможным без свободы. Я никогда не пугался слова социализм, но всегда был противником социализма цезаристского, социализма крепостнического, всегда боялся грядущего рабства, которое просвечивало сквозь социалистические теории, того рабства и тира-

нии, того каторжного равенства, которое ныне торжествует в России.

Какое огорчение было, когда Франция весной 1870 года дала 7.000.000 голосов империи. Казалось, силы империи обновились и работа освобождения терпит крушение. Этим вотумом Франция готовила себе крушение. Увы! Народ поверил, что империя это мир. Действительность показала, что империя это война.[5]

Объявление войны поразило меня: я ведь, как все сверстники, с благоговением читал "Историю цивилизации в Англии" и верил, что период войны прошел навсегда.[6] Вначале я сочувствовал германцам, рисовал карикатуры на Наполеона III, искавшего смерти и смиренно сдавшегося в плен, после того, как ее не нашел. Но во Франции провозглашена республика, и я переменил фронт.

Помню отчетливо то раннее солнечное, августовское утро, когда я шел домой по Большому проспекту Васильевского острова, весь сияя, неся газету с именами членов правительства народной обороны: Трошю, Жюль Фавр, Гамбетта... и даже с Рошфором...[7] Но этим и кончились радостные вести с войны. Мрачная петербургская осень с дождем и снегом так соответствовала вестям о безнадежных поражениях французов, настроению, ими порожденному.

Вся жизнь прошла в кошмаре этой прусской победы и расправы с Францией. Цинизм Бисмарка наложил печать на историю Европы на 50 лет почти. Всякий насильник, презирающий право, находил себе оправдание в принципе реальной политики силы вместо права. Милитаризм сделался законом жизни народов. Война была тем концом, который сам собой разумеется, к которому шла вся жизнь.

Русская молодежь моего времени относилась пренебрежительно к вопросу свободы, она освобождалась от крепостнической, сословной традиции социализмом, народничеством, мистическим преданием Чернышевского (читала "Что делать?"),[8] неопределенным чаянием анархической революции.

В 1872 году в Берлине мне попались в руки сочинения Герцена, сборник посмертных статей. Я не мог оторваться от этой книги. То было для меня откровение свободного духа.

Я ехал, сопровождая свою мать, из Берлина в Париж, из Парижа в Женеву. В Париже моим сильнейшим впечатлением были письма из Франции и Италии, "Тюрьма и Ссылка". В Женеве я добрался до "Былого и Дум".

Точно я с милым человеком встретился и на всю жизнь полюбил его...

Герцен представлял для меня живую традицию от первых провозвестников свободной мысли, от Новикова и Радищева, от декабристов, до деятелей 60-х годов. Он был живой связью русского освобождения с европейским движением.

Но раньше всего и прежде всего ценность Герцена в свободе духа — он не гнет колени ни перед какими догмами. Писатель поразительно смелый. С одной стороны, он выражает сожаление, что неаполитанцы упустили случай, когда Бурбон, прозванный потом бомбой, находился от толпы на расстоянии пистолетного выстрела, с другой — он заявляет, что ему не жаль псковских оброков, которые пошли на образование Пушкина.[9]

Герцен не заговорщик, не бунтовщик: он свободный человек. Это сознание свободы поднимает его над окружающей средой, делает его независимым, внушает ему простую, спокойную непреклонность во время процесса, импонирует и судьям, и впоследствии полицейским, и самому Дубельту.[10] Со времени декабристов исчезли в России характеры. Герцен за 30 лет николаевского царствования был исключением, бодрящим душу, — один из немногих не сдавшихся. Он служил русской свободе не только тем, что сделал, а и тем, чем был.

Помню летние дни, когда я в Женеве с утра принимался читать "Былое и Думы", "С того берега", "Полярную Звезду", "Записки декабристов", — все, что мог достать из изданий Герцена и Огарева.[11] Мне было больно от слов, в которых выражалась боль Герцена от сознания разрыва с молодым поколением.

Как мне хотелось выразить ему свое горячее чувство, свой энтузиазм.

Но Герцена уже не было в живых. А был Огарев, живший в Женеве, — где, я не знал. На всех женевских изданиях стоял адрес типографии Чернецкого. Я отправился к Чернецкому. — "Чернецкий умер", — объявила мне женщина, отворившая дверь. — "Знаете ли вы адрес Огарева?" "Rue du Conseil General, 10 ", — сказала женщина и захлопнула дверь. Я написал Огареву письмо, прося свидания. Я шел к нему, превозмогая волнение и застенчивость. Уже не помню, что мне сказал Огарев, помню только, что у меня слезы стояли в глазах, да и у него, кажется. Он меня расспрашивал, знаю ли я студента, его родственника Всеволожского (я его потом встречал, когда он был прокурором новгородского окружного суда). Огарев рассказал про Татьяну Петровну Пассек,[12] показывал копию портерта Галилея, писанного Татой Герцен (Натальей Александровной), фотографический портрет красивого юноши Александра Александровича Герцена с надписью: "Папа Ага от Саши..." Перед отъездом из Женевы я зашел второй раз к Огареву. Он позвал Генри Сутерлянда, сына англичанки мисс Мери, которая с ним жила.[13] Генри начал немедленно рассказывать про деятельность Бакунина в Интернационале, стал меня расспрашивать про шансы проповедовать Интернационал русским рабочим. Я относился скептически к этой возможности. "Да ведь ведут же они какие-нибудь разговоры, когда собираются вместе? Что они делают?" — Я сконфузился, не зная, что отвечать, и ответил нечаянно правду: "Они пьют". — "Как и я" ("C'est comme moi ") — сказал Огарев и показал пальцем на себя. Генри не унимался и стал мне проповедовать, что надо основать тайное общество и для укрепления связи между ними убить кого-нибудь. Это напомнило мне теорию Нечаева и его практику убийством Иванова. Я спорил, Огарев молчал.

На прощанье Огарев дал мне свою карточку и стихотворение:

Тихая могила
От начала века
Поглотила много
Жизни человека
Сгнили все до кости
Иль с водой умчались,
Только, скаля зубы,
Остовы остались.
Цели жизни новой
Видны в тусклой дали,
Мудрецы людские
Их не разгадали.

В своих записках Пассек рассказывает, что он и ей тоже подарил эти стихи. Огарев дал мне письмо в Петербург для передачи своей сестре Анне Платоновне Плаутиной. В следующем году, осенью, я опять был в Женеве, опять зашел к Огареву, жившему уже на другой квартире, должно быть на Bd des Tranchees. Он был гораздо живее прежнего, производил впечатление человека, оправившегося от болезни и снова интересующегося жизнью. Я завтракал у него, и он за завтраком рассказывал про семью Герцена, оказывавшую ему материальную поддержку. Читал начало своих мемуаров. Помню рассказ про отца Огарева, который кончал каждый день, давая плюху своему лакею. После этого старик ложился спать. Помню страницы, посвященные Васильчикову, должно быть, тому Васильчикову, про которого несочувственно рассказывает Герцен, вспоминая, как тот испугался, когда Герцен рассказал ему об аресте Огарева. В противоположность Герцену, Огарев с благодарностью и очень тепло отзывался о Васильчикове. На этот раз Генри не было. Огарев сдал меня на руки Озерову,[14] бывшему офицеру, эмигранту после польского восстания. Озерова заподозрили в полку в польских симпатиях, начали о нем дознание, он безжал и вступил в польские отряды. Озеров рассказывал, как он после подавления восстания жил в Петербурге, вплоть до 1866 года, когда муравьевская инквизиция, после каракозовского выстрела,[15] сделала пребывание в Петербурге опасным. Из Петербурга Озеров съездил в Пензенскую губернию, откуда увез сосланную жену Домбровского,[16] впоследствии командующего войсками парижской коммуны.

Озеров с умилением говорил о доброте Огарева, противопологая его язвительности Герцена, который умел восстановить против себя едкими словами большинство русских эмигрантов. Сам Озеров с ним не ссорился.

Озеров был поклонником Бакунина, вместе с ним проделал в Лионе попытку провозглашения коммуны, когда оба, сейчас же после занятия Hotel de Ville, подверглись опасности быть арестованными и бежали: Озеров вспять в Швейцарию, Бакунин хотел ехать до Парижа, да денег не хватало, он поехал в Марсель, где префект дал ему сколько надо на проезд в Швейцарию, через Италию.

Озеров снабдил меня брошюрками Бакунина, — скучными прежде всего; не помню их содержания, кроме негодования на увлечение философией.

Герцен — не только писатель, а человек остался моей любовью на всю жизнь. Теперь, когда жизнь его открыта нам со всеми изъянами, он не окружен в глазах моих тем ореолом, которым его украшало когда-то юное чувство, но он ближе, понятнее, роднее. Герцену я бесконечно обязан.

Вернувшись в Петербург, я стал проповедовать Герцена своим товарищам направо и налево. Увы, оказалось его молодежь того времени просто не знала, да, пожалуй, и знать не хотела. И Герцен не увлекал, потерял свою власть над умами юношества. Одни , консерваторы, — их, правда, немного было — боялись его, другие, считавшие себя радикалами и социалистами просто не вкушали Герцена. Они с одной стороны искали готовых лозунгов, догмы революционного откровения и символа веры — у Герцена они его не находили. Другие враждебно относились к нему за то, что он был богат, за то, что он вырос в барской среде.

Помню одного сотрудника "Отечественных Записок", — "Ну что Герцен — барин, никогда он не знал нужды, той боли за семью, за детей, которой исходил несчастный Чернышевский. Да и народолюбие его не подлинное — барин не без таланта — вот и все".

Другой, уже не студент, прочитав рассказ о том, как подсудимый Герцен вышутил председателя судившей его комиссии князя Голицына,[17] даже возмутился негодованием Герцена на одного из подсудимых, который в ногах валялся, прося прощения. — "Ему просто было держать себя независимо по отношению к судьям князьям и генералам, когда он их видал с детства. А что же взять с того подсудимого, которого Герцен осуждает — когда он, может быть, в первый раз в жизни видит князя. Герцен, его осуждающий, — высокомерный барич".

Это поколение искало новых форм жизни. Они отрекались от старых чувств, но старые чувства жили в них. Молодое поколение жило особенными своими интересами, интересами нового общественного слоя, подымавшегося к другой жизни, более широкой и светлой из нравов темного царства семинарии и бурсы. Мои товарищи по университету делились на два слоя — гимназистов и семинаристов. Гимназисты были образованнее, семинаристы трудолюбивее. Политической разницы между ними не было: все или почти все были народолюбивы. Все были свободомыслящими, но семинаристы искали новой жизни, искали решения вопроса, рецепта, что делать, даже, как комнаты располагать. Все были социалистами, нигилисты носили длинные волосы.

Прошло десять лет — остриглись волосы, завелись крахмальные рубашки, начали делать карьеру и после 1-го марта 1881 года, отлично чувствовали себя в роли гонителей нигилизма, кто мог почувствовать себя столбовыми дворянами, лезли с упорством в дворянство.

Надо оговориться, что политические гонения и процессы 70-х годов отбили у этого поколения способность к идейному увлечению, сломали многим жизнь, отбросили их надолго из участия в общей жизни.

Университетская молодежь 70-х годов мало интересовалась вопросами политической свободы. Идеал, руководивший наиболее пылкими, был идеал социальной революции, весьма смутным — мечталась Россия как огромный союз свободных общин. К вопросу о конституции относились отрицательно, к юридическому обеспечению социальной свободы — равнодушно. (Мужиков порют. Что же такого недопустимого, если и меня выпорют.) — Утопическое народолюбие, — так охарактеризовал бы я тогдашние настроения.

Я не отдался этому течению, оставаясь верным идеалу, формулированному в "Декларации Прав". Я оставался верен внушениям Герцена о великом значении общины, пока не столкнулся с общиной на практике, но и для меня главным вопросом русской жизни был вопрос свободы. В 1876 году я так же, как и в 1906 году, думал о земле для народа. — "Будет свобода, будет и земля". А без свободы и земля ни к чему. В общине я видел, со слов Герцена, залог развития русского народа — только была бы свобода. Долго держался я этого взгляда, пока не столкнулся воочию с вопросом об общине в делах Весьегонского съезда мировых судей и присутствия по крестьянским делам, пока не увидел бессилия общины в делах крестьянского благоустройства, ее угнетения, несправедливости...

"Россия не найдет себя, пока не разделит всей земли по тяглам", — так или почти так писал мне наставление Огарев. С тех пор, как я стал наблюдать крестьянскую жизнь, я увидал одно стремление к личной собственности, к той собственности, которая для крестьян означала свободу.

1У

БАКУНИН И НЕЧАЕВЩИНА

Живой рассказ г-жи Елены Извольской в книге[1] о Бакунине разбудил во мне целый рой воспоминаний из дальних лет юности, из деятельности зрелых лет, из рассказов почти современных.

На первом плане память о семье Бакуниных,[2] о живых представителях умственного движения 40-х годов прошлого столетия, о работниках освобождения в период реформ, о неустанных проповедниках свободы и прав... О них буду говорить особо, не желая, походя, касаться их деятельности.

Яркое воспоминание моей юности — это Нечаевский процесс[3] летом 1871 года. Шел я в залу суда с сочувственным любопытством к подсудимым, а вышел оттуда с почтительным уважением к суду. Я присутствовал при разборе дела первой группы самых важных обвиняемых, помню много заседаний по делу второй и других групп.

Это было первое судебно заседание, на котором я присутствовал. Председатель судебной палаты, Любимов, вел процесс с непререкаемым авторитетом, с торжественным спокойствием и достоинством. Из лиц, сидевших за судейским столом, помню живописную фигуру царскосельского предводителя дворянства — Платонова — сословного представителя от дворянства, в парадном мундире, увешанном разными блестящими атрибутами. Фигура была внушительная отнюдь не антипатичная — лицо приятное и открытое, с выражением скорее благосклонным. Судьи страха не внушали. Прокурор Половцев, плотный, чтобы не сказать жирный мужчина, в профиль напоминавший Наполеона. Он говорил страшные вещи уверенным, спокойным, приятным голосом. Из защитников помню князя А. И. Урусова,[4] очень важно приезжавшего в карете. Дамы из публики очень им занимались, с большим сочувствием оценивая его фигуру, его лицо, des traits chiffonnes.

Когда наступила очередь Урусова говорить защитительную речь, он потребовал, чтобы ему поставили особую кафедру. Речь его с цитатами из Гизо, полная общих мест, впечатления не произвела.

Впервые тут увидел я благообразное лицо К. К. Арсеньева,[5] услышал его речь, прямо идущую к благородным чувствам слушателя. Каким я его тогда видел, таким он и остался до нашей последней встречи в 1917 году, на митинге в Царском Селе, где ораторы, не стесняясь, восхваляли "Немца"... Арсеньев уже не мог по слабости говорить.

Спасович[6] своей речью произвел незабываемое впечатление, более сильной речи я не слыхал. Точно сейчас вижу его с поднятой рукой, потрясающего платком и рассказывающего легенду о колдунье, с кровавым платком летавшей над землей. Где падали с платка брызги крови — там появлялись болезни, чума, смерть. — Таков был Нечаев — где он ни появлялся, следом за ним шли преследования, аресты, тюрьма, ссылка... Только он был не колдун, а Хлестаков.[7]

Подсудимые первой группы обвинялись в устройстве заговора, а четверо из них — Успенский, Кузнецов, Прыжов, Николаев — в убийстве студента Иванова. Остальные — Ткачев и Дементьева — обвинялись в заговоре, составлении и распространении революционной прокламации к обществу.

Подсудимые были молодые люди. Старшим был Прыжов, писатель 42-х лет, автор "Истории кабаков в России".[8] Он пробовал объяснить свое участие в предприятии Нечаева тем, что ему, пережившему две реакции, переживать 3-ю было не под силу. Говорил Прыжов дрожащим голосом, вздымая руки, потрясая головой. — Как мог он участвовать в убийстве? Разве под влиянием алкоголя, утратив волю и подчиняясь напору Нечаева?

Успенский, плотный мужчина с черной бородой, приказчик в книжном магазине Черкесова,[9] женатый на Засулич,[10] сестре знаменитости, тогда еще не прославившейся, пробовал защищаться и оправдываться и по поводу убийства Иванова говорил о своей готовности пожертвовать жизнью. Но патетическая выходка ему не удалась — он не мог выдержать тона и растерянно замолчал.

Кузнецов, скромный голубоглазый студент, кажется, ничего не говорил. Не помню и объяснений Николаева, молодого человека, по паспорту мещанина. Он, кажется, фигурировал в качестве "народа".

Выяснилось, что Нечаев, приехавший из-за границы, рекомендовал себя уполномоченным международного общества рабочих и международного революционного комитета, учил слушателей программе революционера, для которого, как для нынешнего большевика, не было закона и морали, кроме блага революции. Революционер должен был готовиться истреблять врагов, не бояться лжи, предательства, преступления.

Ложь была вообще любимым приемом Нечаева. Его выступление на политическом поприще началось с университетских беспорядков 1869 года. По случаю 50-летия СПБ-го университета, Император Александр 11 учредил для студентов 50 стипендий по 300 рублей. Студенты хотели распоряжаться этими стипендиями, хотели учредить свою кассу, заволновались.

Эту взволновавнную толпу прокламации звали к революции. К ней обращался с революционной проповедью Нечаев. Не знаю, насколько он имел успех. Знаю, что он по поводу одной речи подрался с 18-летним студентом Корсаковым,[11] впоследствии моим большим другом. За произведенное буйство Корсаков был выслан в деревню к родителям. А Нечаев, когда начались аресты, исчез. Говорили, что он сидит в крепости. Девице Засулич принесли записку, которую Нечаев будто бы успел выбросить из окна кареты, когда жандармы везли его в крепость. А потом получено было известие, что Нечаев бежал из крепости и укрылся за границу, в Швейцарию. Там он нашел новые пути — через Бакунина. Бакунин сразу уверовал в Нечаева.

Герцен рассказывал про Бакунина, что у того была способность верить тогда, когда он хотел верить. В свое время Бакунин в Швейцарии уверял, что в России заговорщики, члены "Земли и Воли", готовы к революции. Герцен смеялся: — Ведь, ты не поверил же собственным словам, что попы, генералы, женщины, массы, птицы и пчелы — все составляет мощную корпорацию.

Теперь, со слов Нечаева, Бакунин верил в революционную энергию Лихутина. Такой энергии, писал Бакунин, не было со времен декабристов. А на процессе выяснилось, в чем проявилась энергия Лихутина.[12]

Нарядившись жандармским офицером, он явился с обыском к приезжему провинциалу, нашел у него прокламацию, хотел его арестовать, но согласился оставить провинциала на свободе, когда тот подписал вексель на 3000 рублей. Это был сбор на революцию. Бакунин нашел для Нечаева новый способ добывать деньги. Еще в 50-х годах, во времена наибольшего успеха "Колокола", некий фантазирующий россиянин, Бахметьев, отправляясь на Маркизовы острова для устройства социалистической колонии, оставил Герцену на нужды пропаганды, по его усмотрению, 20 тысяч франков.[13] Герцен принял — с условием, что деньги даются ему и Огареву. Оба и подписали расписку Бахметьеву. Герцен строго охранял целость капитала, отказывая в пособиях в тех случаях, когда нельзя было ждать возврата. Так, он отказывал в ссуде Бакунину, а давал ему безвозвратные пособия из своих средств.

Когда явился представитель русского революционного комитета Нечаев, Бакунин потребовал денег для него. Герцен, сразу отнесшийся к Нечаеву отрицательно, отказал. А Огарев выдал все же некоторую сумму на том основании, что и он мог распоряжаться бахметьевским капиталом. Герцен решил разделить капитал и выдать Огареву половину. Но не успел этого сделать при жизни. (Умер 21 января 1870 года).[14]

Бакунин начал поход на этот капитал, требовал от Огарева выдачи его Нечаеву, представителю русского революционного комитета. Огарев был под влиянием Бакунина и верил в существование комитета. Предприняты были Нечаевым меры для утверждения сей веры. Привезена была из России акушерка Александровская, живая представительница комитета. Александровская была в числе подсудимых по нечаевскому процессу. На суде она рассказывала о поездке в Женеву, о посещении Огарева.

Не знаю, прикидывалась ли Александровская дурочкой, чтобы облегчить свою судьбу, но рассказ о посещении ею Огарева, о безмолвном выходе его с большой собакой был бы издевательством, если б не звучал полной искренностью. Очевидно, Александровская не знала настоящей цели своего посещения и была под впечатлением таинственной обстановки. Она верила в серьезность революционного центра в Женеве и внушала эту веру судьям. Ведь Нечаеву Огарев даже посвятил особое приветственное стихотворение. Стихи были посвящены памяти друга Астракова, а Бакунин определил: "Посвящаю молодому другу Нечаеву". Так и напечатали, на отдельных листках, распространявшихся в России.

На процессе защита и прокуратура спорили, — мог ли поэт Огарев написать такое дурное стихотворение? Тогда не знали подноготной о капитале. Не знали, что тут была нечаевско-бакунинская хлестаковщина. Поход на капитал начался уже после поездки Нечаева в Россию. Приютом его в Москве было общежитие в Петровской Земледельческой Академии, где под каждым листком был готов и

стол и дом, где образовалась ячейка верных — Кузнецова, Николаева, Иванова, с участием Успенского и Прыжова. Революционный пыл и революционную дисциплину поддерживал Нечаев. В кружке появился дух сомнения, возражения, противодействия — все студент Иванов. Нечаев требовал по уставу революционера безусловного повиновения и решил смирить Иванова. Позвали его на тайный суд товарищей в грот в Петровском парке. Иванов явился. Заговорщики опешили. Один Нечаев нашелся и стал душить Иванова. Тот защищался энергично, успел глубоко прокусить большой палец Нечаеву. Заговорщики помогли. Иванова повалили, Нечаев окончательно придушил его. Тело сволокли в пруд, где оно и было найдено на следующий день. Убийцы были арестованы и признались.

Темное, нелепое и отвратительное дело. Как и все дело нечаевской пропаганды, оно в основе имело тупость и бездонное невежество той среды, в которой Нечаев действовал. Там верили всей нелепой хлестаковщине, всем нелепым легендам, — вроде, например, того, что какой-то Дараган бежал из Сибири и поднимает восстание на Дону, верили, что Нечаев агент Интернационала... А довольно было прочесть две книжки процессов Интернационала во Франции,[15] чтобы понять, что Нечаев не мог быть его агентом.

У

ТЮРЬМА — АКАДЕМИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Время пребывания моего в университете было началом хождения в народ. Близким к первоначальным кружкам революционным, к кружку Чайковского я никогда не был. Во время моего университетского курса я даже был во враждебных столкновениях с этими кружками. Ежегодно в феврале месяце устраивался студенческий бал. Устраивался выборным комитетом и получал деньги, вырученные от бала. Установилась традиция — утаивать часть вырученных денег и отчислять их на цели революционные. Агитация при выборах бального комитета на том и велась — утаивать деньги на революцию или не утаивать. Я всегда отстаивал неприкосновенность сумм, назначенных на помощь студентам, предлагая деньги на революцию под этим заглавием и собирать, и в этой борьбе всегда был побежден. Не знаю, как стало дело после 74-го года, когда я уже не принимал участие в студенческих делах.

Кружок Чайковского задавался задачей печатать и распространять книги с социалистическим направлением — книги издания Полякова,[1] сочинения Лассаля, "Положение рабочего класса в России" Флеровского, "Азбуку Социальных наук" его же.[2] Не помню остальных. В сущности это были кружки самообразования — с романтическим революционным настроением. Ничего в них не было опасного, и революционная струя испарилась бы очень быстро не будь преследования, которое от времени до времени выхватывало жертву и создавало напряженное настроение жертвенной опасности, потом и фанатизм.

Теперь опубликованы воспоминания о хождении в народ (Морозов,[3] например). Какая это была прекрасная школа отрезвления. И какое опьяняющее действие производит на молодежь преследование — безгранично бессмысленное. Помню до сих пор негодование юношества по поводу смертей заключенных по делу 193,[4] по случаю смерти студента, кажется Богашалова. Удалось сделать неожиданно демонстрацию. Какое облегчение, что удалось выразить свое негодование.

Министр юстиции гр. Пален[5] устроил из тюрем академию русской революции. За народолюбивой или свободолюбивой молодежью устраивалась охота. Пойманных сажали в тюрьму и держали до белого каления, до фантазирования. Держали молодых людей по три, четыре года. И потом устроили суд, — суд, который компрометировал судей, суд, который раскрыл воочию всю никчемность. О несправедливости преследования что и говорить: — все тупоумие политики правительственного террора. И никого не испугали. Только показали, как легко ис-

пугать правительство. Какой соблазн. И молодежь не унимается. Пошли, заказали в Казанском соборе панихиду, собрались на площади, даже не сотня студентов, выкинули красное знамя и прослушали, сказали речь и — пожалуйте в тюрьму, ступайте на каторгу. И в тюрьме Трепов, глава берущей полиции, распорядился высечь мечтателя. Руками злобной власти вскормлен террор, погубивший Александра 11. Если бы дьявольская злоба замыслила погубить Императора собственными руками, она внушила бы ему ту нелепую злобу, которую любимые его слуги обрушили на молодое поколение.

Порабощение, как зло за зло, всегда влекло ожесточение. Треповская порка повлекла за собой выстрел Засулич.[6] Но это еще не было началом террора, это не было холодным актом политической борьбы. То был протест негодования. Засулич выразила радость, когда узнала, что Трепов остался жив. Засулич, будь она террористкой, имела бы достаточно времени, чтоб участвовать во многих террористических кампаниях. Она осталась в стороне движения. Оправдание ее было вполне естественно и встречено горячим сочувствием. Я был в деревне и узнал об оправдании из газет. Вместе с Павлом Асикритовичем Корсаковым мы наслаждались речью Александрова,[7] вместе радовались оправданию. Да что мы? Рассказывали, что аплодировал оправданию канцлер Горчаков. Про скольких реакционеров последующего царствования рассказывали, как они радовались оправданию Засулич.

То было первым предостережением судьбы. Не было никакой нужды Александру 11 и его правительству солидаризироваться с Треповым, за которым установилась репутация взяточника. Я знаю доподлинно, что в дом градоначальника,[8] тогда еще на Большой Морской, носились взятки по всякому поводу, крупные взятки, и вполне открыто. Отец мой носил за каждую поправку в доме. Все знали, что их носят с Мойки и называли фамилию чиновника, которому нужно было давать. С падением Трепова это центральное взяточничество прекратилось, но осталось только местное. В кустарном виде оно удержалось до революции, когда бедных полицейских погнали в армию. Знаю, что до конца евреи платили дань.

До 1902 года я был домовладельцем в Петербурге и платил праздничные, как при Сквозник-Дмухановском.[9] В то время говорили, что будто на Петербургской стороне был пристав, который не берет. Так что очевидно было улучшение, только медленное. Рассказывали будто Александр 11, по поводу ожидавшейся смерти Трепова, узнал об его богатстве, неведомо как нажитом. Трепов, во всяком случае, не был водворен на старое мест.

Не было никакого повода пугаться приговора, нелепо было стремиться к кассации. Чего этим достигли, чего можно было достигнуть и каким путем? Для этого пришлось Сенату установить правило о допросе свидетелей, явно противоречащее закону. Ну судили бы второй раз Засулич и не дали бы защитнику говорить о порке Боголюбова. Судоговорение превратилось бы в борьбу суда с защитой. "Не говорите о мотивах преступления", объявлял председатель. Еще тогда, в 1878 году состоялся бы варварин суд. Не могла родиться правда из решения второго суда. Засулич приговорили бы к каторге. Какая от сего была бы польза, какое чувство было бы удовлетворено? Не чувство справедливости, а чувство мести тех, кто вместе с Треповым радовался истязаниям политических.

И какой был бы посев злобы? Этот посев сделан был таки: шеф жандармов Мезенцев исхлопотал Высочайшее Повеление о праве 3-го Отделения администра-

тивным порядком ссылать в Восточную Сибирь. Ответом на эту неслыханную меру было убийство Мезенцева 4 августа 1878 года. Мы забыли прежнее значение административной ссылки. Решительно неизвестно, на основании какого закона ссылали. Никакого закона не было, на какой срок ссылали — без срока, в какие места — куда начальство захочет. Покойный Алексей Михайлович Унковский[10] рассказывал, как он хлопотал у Мезенцева о помощнике присяжного поверенного[11] Фаворском (впоследствии член Государственной Думы, октябрист). Фаворский как-то был примешан к Нечаевскому процессу. "Эти семинаристы, голоштанники, сердился Мезенцев, — все от зависти бунтуют, надо с ними быть беспощадным. Его в Архангельскую губернию сошлю, куда ворон костей не заносит. Надо их в Сибирь ссылать". — "Ну, смеялся ему Унковский, — коли Вы хотите сделать его безвредным, дайте ему возможность взять богатую невесту — сошлите его в Пермь".

На какой срок — быть может, навсегда.
Сколько лет провел в ссылке Шелгунов?[12] Лет 20.
Сколько лет Берви-Флеровский? Всю жизнь.

Это было хуже каторги, быть может, страшнее смертной казни — тут была угроза неопределенная, страшная неизвестностью и безнадежностью. И ее усугубляли: прежде ссылали в европейскую Россию, теперь будут ссылать в Якутскую область... холодная Гвиана. И это не в силу объявленного закона, а в силу неопубликованного Высочайшего Повеления. И это в царствование Освободителя. Большая публика об этом не знала. Она только знала, что на Большой Итальянской, в людном месте, к шефу жандармов подошел человек, ткнул его в живот ножом, сел на пролетку и был таков.

Впечатление от этого убийства было не слабее, чем от выстрела Засулич. Не было такого сочувствия, как тогда. Но было удивление больше прежнего. Какова смелость и каковы люди! Мстители без страха и колебаний.

В ночь на 5 августа я ехал из Москвы в Петербург по Николаевской железной дороге. По всему поезду бродил молодой человек, подсаживаясь то к одному, то к другому пассажиру. Он громко восхищался убийством. Публика немножко мялась. Но никто не протестовал.

Примерно такое же настроение я наблюдал в июле 1904 года на поезде Рыбинской железной дороги, во всем поезде толковали об убийстве Плеве. В 1904 году настроение было определеннее. Никто не боялся и никто не огорчался.

Как я сам относился к этим убийствам? Я стараюсь исследовать свою совесть и восстановить свое отношение к пережитым политическим убийствам — не то, которое выработалось годами, а то, каким оно было в свое время. К убийству Мезенцева, вернее, к убийцам, я отнесся иначе, чем к Засулич. Я до сих пор считаю, что убийц следовало обыкновенно судить судом присяжных. И тогда, после убийства Мезенцева, я говорил, что не оправдал бы убийц, если бы был присяжным заседателем: что их присяжные не оправдали бы. Убежден теперь, что только суд присяжных мог бы прекратить политические убийства. Осуждение не могло быть воспринимаемо ими как акт политический, враждебной партии. Осуждение присяжных уничтожило бы ореол мученичества, увлекавший юношей, приносящих себя в жертву, низводило бы преступление с пьедестала. И каждое судебное разбирательство было бы поучением и для общества и для власти. Все военные и чрезвычайные суды ни разу не повлияли на анимус политических

убийств, только легенду создавали. Никого правительственный террор не устрашил. — "Все равно и для нас нет возврата, мы обреченные" — таково было настроение людей, раз навлекших на себя преследование власти. Началось с романтического хождения в народ, с определения сказки о четырех братьях.[13] Кончилось длительным заговором, в который люди кидались, как одержимые, кончилось охотой на Александра 11: покушение Соловьева, необнаруженный подкоп под Александровском, подкоп в Москве, взрыв в Зимнем Дворце и год, наконец, убийства Александра.

Во время покушения Соловьева я был в Петербурге. Это было в апреле 1879 года, кажется 2-го числа, почти в годовщину 4 апреля (Каракозовского).

Вслед за выстрелом назначение генерал-губернатором Гурко[14] с правами решить и вязать, учреждение дворников, которые будут стеречь и спасать город, гонение на печать, виселица — и ничего, никакого результата. Во всей стране шли легенды о силе заговорщиков — к осени взрыв на Курской дороге под Москвой — темное ожидание чего-то страшного, точно что-то нависло, опять аресты.

Все время через некоторые промежутки известия о смертных казнях в Киеве, в Одессе. "Правительственный Вестник" сообщал о казни обвиненных по Киевскому процессу, закончил рассказ фразой: "обвиненные преданы забвению". — "Нет, не забвению", провозгласил Генри Джорж ("Прогресс и нищета"). Чувства Джоржа были чувствами русской молодежи.

Простые обыватели говорили о казнях с ужасом. Ведь это мы теперь, после 1906-1908 годов, после войны, после большевиков, считаем приговор к смерти делом обыкновенным. Россия, пережившая 1861-й, была бесконечно далека от этой дикости. Надо, впрочем, вспомнить, что и тогда убийства и казни пошли, перемежаясь, после войны, начались они в Одессе при царстве ограниченного тупицы Тотлебена, который плохо понимал, что делал, и вторил Александру 11 в приказах пресечь, беспощадно подавить и т.п. Для военных людей, воспитывавшихся при Николае 1, — быть энергичным значит быть жестоким. Жестоким был Тотлебен в Одессе, будто по чужому совету. При отъезде Тотлебен громко разносил своего правителя канцелярии Панютина, советовавшего ему жестокость. Жесток был Дрентелн, вешавший в Киеве, Гурко в Петербурге не имел случая проявить жестокость, он был только нелеп: теперь обнародованы его распоряжения о высылке студента Короленко за якобы намерение убить шпиона.

Учреждением дворницких дежурств — институт остался до конца дней. А в большевистские времена устроили дежурство жильцов. И я ходил ночью сидеть на скамеечке в воротах дома № 10 по Херсонской и стерег его не то от разбойников, не то от правительства.

У1

ДЕЛА МИНУВШИХ ДНЕЙ

Летом 1876 года созрела у меня решимость отправиться за Дунай, "отыскивать свободы".[1] Мне все мерещился Лафайет, отправляющийся в Америку, или Костюшко.

"Дело свободы славянской есть дело свободы русской". Такая фраза в 1876 году являлась вполне допустимой.

Приехав утром в Петербург (в июле, должно быть, а то и в июне), я купил газету и прочел телеграмму из Белграда, гласившую, что убит на фронте А. Г. Ерошенко — корреспондент "Биржевых Ведомостей".[2] Ерошенко я очень хорошо знал в университете. Он был добрый, речистый, бойкий студент, окружавший себя легким ореолом конспиративности, весьма популярный (вроде студента Никольского,[3] впоследствии зятя Суворина и министра земледелия, или Шульца, сына директора департамента 3-го отделения).[4]

Кажется, я тут же отправился в университет и попал на панихиду, которую служил об Ерошенко отец Горчаков, профессор церковного права. Когда по окончании службы, молившиеся вышли на большую площадку перед актовым залом, я произнес первую свою политическую речь на тему: "Дело свободы славянской есть дело свободы русской". Я приглашал слушателей подражать Лафайету и Костюшко. И имел большой успех.

"Очень хорошо, — говорил отец Горчаков, — только напрасно о Костюшке помянули".

Я сразу попал в положение вождя или учителя, у которого спрашивают.

Продолжал агитацию; завтра отслужим обедню и панихиду для большой уже публики в Симеоновской церкви, а пока собирайте деньги, покупайте оружие и посылайте новых воинов.

Для получения паспорта я обратился в Славянское благотворительное общество,[5] куда снес университетский диплом. Нам отвечали в комитете.

"Не нужны добровольцы из студентов, нужны военные".

Я с гордостью ответил, что имею чин фейерверкера 20-ой гвардейской бригады, да еще, кроме того, ничего не прошу, кроме облегчения процедуры с паспортом...

Во время панихиды в церкви Симеона делали сбор на отправку добровольцев. Не помню, сколько набрали денег, не так уже мало. Какая-то барышня, Злобина, положила в шапку брошку и серьги. На часть этих денег отправился в Белград студент Бубнов, впоследствии крупный адвокат.

Делали еще одно собрание в память Ерошенка у Александ. Александ. Ольхина.[6] Но там славянофильская нота звучала не очень сильно. Ерошенко хвалили за его надежды демократические и, пожалуй, революционные. Скоро сказка сказывается, но не скоро дело делается.

Поехали, однако.

На Варшавском вокзале опять взволнованная толпа нас провожала. Дали едущим в Сербию особый вагон 2-го класса. Ехали офицеры: капитан Сикорский, георгиевский кавалер, друг Черняева[7] (кажется, правду про себя говорил). Ехал очень красивый и симпатичный гусар — Гавриил Суханов. Про него говорили, что он везет много денег сербскому королю; юнкер-конногвардеец Гирс, племянник товарища министра иностранных дел.

К нам подсел серб по фамилии Протич.

"Кажется, я вас видел у дяди, — говорит ему Гирс (сербский посол в Петербурге был тогда Протич).

"Нет — вы видели моего двоюродного брата. Он остался с миссией, а я еду".

Так у нас Протич и пошел за послова кузена и за доктора. А был он просто служащий в аптеке в Рыбинске, вез Черняеву походную церковь, пожертвованную, кажется, Хлудовым...

Ехал с нами еще Михаил Альбертович Кавос, впоследствии известный во многих кругах петербургского общества.

После Варшавы к нашей компании еще присоединилась порядочная кучка: сын сенатора Любимова, очень бойкий юноша, отставной офицер Булонель — потомок крестоносцев, везший Михаилу в подарок саблю своих предков (мы уверяли, что он споет романс: "Duchesse de Gerolstein: voici le sabre de mon pere"), полковник Депрерадович прямо из Сахалина, где он командовал гарнизоном.

В Будапеште на пароходе прибавилась еще кучка добровольцев, компания клиентов славянского комитета, людей развязных и шумных.

"Беда с ними, — жаловался консул в Будапеште, — шумят и скандалят. Чуть не каждый день приходится вызволять людей из-под ареста. Сговариваюсь о том, что они уедут из Венгрии".

Главным развлечением шумящих добровольцев была ругань. Они никак не понимали, что добрая половина венгерских полицейских понимает славянскую речь и славянские ругательства. На пароходе велись политические разговоры. Ругали венгерцев и поносили и власть и народ. Помню я даже восстал против этих выходок, прося представить себе, что по России едут из Австро-Венгрии добровольцы в турецкую армию и так себя ведут, как мы ведем себя. Что бы с ними было...

Приехали в Белград поздно в сумерки. Куда деться? — Не знаем. Для добровольцев приготовлена комната для ночлега — одна на 40 человек. Спать пришлось на полу. Утром распорядителем оказался некий капитан, который, подкрепившись чем-то не слабым, повел нас к митрополиту Михаилу[8] и отрапортовал приветственную речь. Я отделился от группы сербских добровольцев и кое-как нашел себе помещение в Сербской Кроне. Шумная эта была компания. Попали эти люди в положение героев, которых сербы не прочь были угостить. Да и вино было неожиданно дешевое, за медные деньги можно было напиться. Ну и напивались. В 9 часов в силу военного положения жители должны были возвращаться домой. Туземцы и возвращались. А русские не думали. С пьяными песнями бродили по улице и при первом поперечном слове лезли в драку. Не раз я был пристыжен итальянскими волонтерами, державшимися вместе вполне приличной группой и возмущавшимися поведением русских. "Разнузданные холопы, переставшие чувствовать над собой палку" — говорил я тогда про них магистру международного права Даневскому, записавшемуся в русский батальон. Были среди них пропащие люди, совсем спившиеся; они уезжали из Сербии, не слыхав ни одного выстрела.

Но большинство потом молодецки вело себя в бою. Этого, к сожалению, никто не видел, а белградское безобразие было у всех на виду.

"Умытая" часть русского добровольчества собиралась в Сербской Круге, где жил начальник Черняевского штаба, полковник Беккер, чистокровный авантюрист, и только что прогремевшая на всю Россию Каирова. Она была оправдана присяжными за покушение на убийство своей соперницы, законной жены своего любовника. Из Белграда она посылала Суворину[9] в "Новое время" живые статьи, полные информации (информация была от Беккера). Там она прославляла Милана[10] и Черняева и доблести россиян. Нельзя сказать, чтобы "умытые" добровольцы поведением своим доставляли много чести русскому имени. Блестящие офицеры занимались тем, что громко на всю залу требовали "курица и спичек" — созвучия на сербском языке вовсе неприличные и недопустимые в порядочном обществе.

Таких невоспитанных озорников было немного. Но славу о поведении русских они распространили на весь город.

Другим местом сборища было здание русского консульства (где теперь русское посольство). В одном из окон часто можно было видеть черноокую красавицу, м-м Карцеву и под окном всегда толпу офицеров.

Мне нужно было попасть в армию мимо русского отряда — не нравился мне проектированный начальник — полковник Депрерадович. Он крутил свой ус и с презрением говорил: "Очень мне нужна славянская свобода. Мне нужен доход 10.000 рублей и pommade hongroise для усов — больше ничего".

Полковник, говорят, проявил в боях храбрость, а в повседневной жизни грубость. Рассказывали, как он высек украинского этнографа Манжуру. Восстав от порки, Манжура сказал, что он застрелит Депрарадовича. — Смотри не промахнись, а то запорю, — будто бы сказал Депрерадович. Так рассказывали его почитатели.

Стал я искать протекции. Кажется, Бубнов, очутившийся в Белграде, свел меня к полковнику Влайковичу. Влайкович в 1866 году стал во главе белград-

ского восстания, выгнав турок из Белграда.[11] Он оставался в стороне от армии, от верховного командования. Но был почетной персоной и имел влияние. Чернобородый, с блестящими глазами, с резкими жестами и оживленной речью, хромой полковник (одна нога была у него отрезана), украшенный русским георгиевским крестом, имел очень геройский вид. Он слыл за радикала, и на его глазах был убит Ерошенко. Полковник потерял ногу и приобрел Георгия в Севастополе. Но говорили, что не в России были его первые военные подвиги, а в отряде Елачина,[12] при подавлении Венгерского восстания в 1849 году. Говорили, что Влайкович богат и что начало его богатству положено серебром, взятым как добыча в магнатских домах Венгрии.

Влайкович не похож был на дикаря и грабителя — скорее, это был профессиональный повстанец. Мне он был симпатичен. "Россию, — говорил он, — я люблю, но не люблю ее грубых нравов, страсти к ругательству русских начальников".

Жил Влайкович в своем скромном доме. Он угощал нас виноградом со своей стены и научил есть свежие грецкие орехи. Предлагал взять с собой на Дрину, но мы хотели на главный фронт к Черняеву. М. А. Кавос представил меня Елене Иосифовне Лихачевой, жене товарища председателя петербургского суда. — В Петербурге Вл. Ив. Лихачев энергически защищался против сплетен, как он говорил, будто он участвует в издании "Нового Времени".

"Новое Время" начало с левых нот, был приглашен в сотрудники опальный Драгоманов.[13] Но скоро Суворин отправился в Константинополь. Там его обошел посол Игнатьев,[14] или сам Суворин понял свои выгоды, но он вслед за пламенными статьями, прославляющими славянское освобождение, начал пропускать статьи одну за другой против русского либерализма, нигилизма, вилял хвостиком и чести Лихачеву в том обществе, где до того времени оба вращались, — не приносил. Да и положение в суде не очень допускало постоянное пребывание под политическим обстрелом. Связь Лихачева с "Новым Временем" в Петербурге отрицалась. А в Белграде эта связь была очевидна, и влияние Елены Осиповны, заведовавшей госпиталем, было велико.

Через Елену Осиповну я познакомился с Ник. Ив. Ладыженским, секретарем Русского консульства. Они порекомендовали мне записаться в санитарный отряд д-ра Колюбакина, только что прибывший из России и отправляющийся к Черняеву. Д-р Колюбакин (мы встретились с ним много лет спустя на земских съездах, где он был представителем от Воронежской губернской управы, коей он был председателем). Колюбакин записал меня в число своих санитаров, предложил мне выбрать санитарский костюм, австрийскую куртку и брюки, и я, надев оный, приобрел вид сербского офицера.

Я ждал, когда Колюбакин отправится на фронт, чтобы ехать с ним и скучал в Белграде. М. А. Кавос уехал на фронт. Завелась у меня дружба с итальянскими добровольцами, людьми идейными, умевшими объяснить свои идеалы: они мечтали о федерации свободных балканских республик в союзе с Италией. Среди них были бывшие волонтеры Гарибальди. Из молодых людей помню нежного юношу по имени Барбанти. Барбанти потом написал книгу о Сербии и войне 1876 г.

Непривлекательна была картина нравов в тылу. Собрались было праздновать приглашение Милана независимым королем, да не удалось... и гордые воск-

лицания "Живио, краль" прекратились. Милана я видел один раз: на краю города, на площадке производилось ученье какого-то отряда. Милан вышел к отряду, похлопывая себя хлыстиком по брюкам. Хотя с ним было два или три важных военных, все было очень просто. Невдалеке стояла кучка любопытных, а в числе них "Живио, Обренович" прокричал кто-то из нашей кучки. Простота его меня поразила. Что если бы в Петербурге или в Москве закричали бы царю: "Здорово, Романов"... Помню раз на краю города видел я проводы русского офицера, ехавшего верхом в армии на Дрини (запад). То был Бабянский — впоследствии в звании генерала и депутата от Перми — мой товарищ по Государственной Думе.

Мои ожидания и томление кончились внезапно: я встретил на улице Василия Николаевича Линда,[15] гласного от Повоторжского земства.

Линд был в сербском мундире и на груди уже имел медаль "За храбрость". Он на несколько дней приехал в Белград и собирался обратно в армию и брал меня. — "А документы?" — "Никаких не надо. Просто я приведу вас в свою часть", — успокаивал Линд. Я не стал справляться, я взял и поехал с Линдом в Смедерево. Ехал на пароходе с нами и военный министр Николаич,[16] не помню, кто представил ему. "Вот вы помогите мне проехать". — "Охотно" — и написал мне "объяву" — не то паспорт, не то подорожную.

В Смедереве для меня выяснилась причина воодушевления Линда. Там в русском лазарете доктора Марконета была сестрой милосердия Варвара Николаевна Бакунина. Линд был обожателем старшей сестры Ольги Николаевны. Когда О. Н. вышла замуж за Т. Н. Повало-Швейковского, обожанье Линда перешло на В. Н., но никакого успеха не имело.[17]

В. Н. была с нами очень мила, познакомила с доктором и угостила чаем. Здесь кстати сказать о роли русских докторов в Сербии. Поистине мы могли гордиться их деятельностью, их познаниями, их самоотвержением.

От Смедерева до Демирада 130 верст. Возницы ехали по наряду, отбывая повинность. Получение от нас денег было приятной неожиданностью. За них благодарили, но лошадей своих берегли паче ока. Как мы ни уговаривали возчиков ехать скорее — ничего не действовало. "Ни, конь гладан" — таков был равнодушный ответ на понукания. "Айд, айд" — и конь уже знает, что надо идти ровным шагом. И его не собьешь.

До Демирада ехали двое суток. На второй день мы встретили М. А. Кавоса, возвращавшегося восвояси. Он рассказывал, что накануне было большое сражение, но решительное. Дальше к ночи на станции Ражаны мы встретили обоз раненых, ночевавших под открытым небом...

Рано утром мы приехали в Демирад. Высшее начальство еще спало. — "Незачем вам к нему являться", — говорил Линд. — Берите ружье вместе со мной и вместе пойдем на нашу позицию".

Вошли мы в склад оружия, помещавшийся под открытым небом, в пространстве, окруженном валом.

При входе мы предъявили наши бумаги, Линд — отпуск, я — объяву, подписанную военным министром. Нам выдали ружья и патроны, и мы прямо отпра-

вились на гору, на которой расположен батальон, где служил Линд.

Перешли по мосту реку Мораву, потом пришлось идти версты три все в гору. Мы пришли на гору, называвшуюся Дьюниш.[18] Офицеры жили в длинной землянке, вырытой в горе. Не помню фамилии начальника батальона, капитана русской службы. Из офицеров помню Набокова, впоследствии игравшего роль пронунциоменто в Болгарии — и там сложившего голову. Набоков был в гостях в каком-то имении в Бессарабии и оттуда сбежал вместе с служившим в имении румыном Грипарой. Грипаро, как Фигаро, был на все руки — доставлял на дом кур, вино, орехи, виноград, варил рис с шашлыком, имел всегда довольный вид, только воевать не любил, и в решительные минуты он куда-то исчезал.

Старшим в чине был офицер генерального штаба майор Столетов, брат московского профессора физики. Но серьезный и ученый Столетов на Дьюнише был подчинен молодому артиллерийскому офицеру Недзвецкому. Недзвецкий сухопарый, рослый юноша, с энергическим лицом был назначен начальником позиции, т.е. всех войск, расположенных на Дьюнише, за какое-то отличие. Он был очень энергичен, очень распорядителен.

Ему охотно и без спора подчинялись. Недзвецкий и в моих глазах был молодец. Глядя на него, я часто вспоминал молодого артиллерийского офицера Бонапарта под Тулоном... Через несколько лет я в России встретил Недзвецкого в чине штабс-капитана. Он жил в какой-то захолустной батарее в Западном крае, был женат, толст, играл в карты и со вкусом выпивал...

Одним меня смущал Недзвецкий. В той же компании был офицер серб, с которым Н-кий беспрестанно спорил, ругал сербов и не щадя самолюбия офицера, который не всегда мог возражать, но иногда задавал ехидные вопросы: ''Что в России офицеры стремятся к свободе и у себя так же, как на Балканах?'' Недзвецкий молчал.

Офицеры встретили меня дружелюбно, предложили кофе, предложили завтрак.

Все они страдали от вшей. Я удивился и вознегодовал. — ''Подождите и с вами то же будет''. Я горячился: ''Никогда''. И конечно получил урок: никогда не говорить ''никогда''.

Вши завелись после первой ночи, проведенной на голой земле. Это была настоящая египетская казнь. Мы носили через плечо ленты, намазанные ртутной мазью. Ничего не помогало. Бывало ночью вскочишь, снимешь с себя рубашку и держишь ее над огнем: насекомые так и валятся. После этой чистки делалось легче.

Но все это мы испытали много позже. А в день прибытия только успели закусить — прискакал какой-то ординарец — требует в дело батальон. — ''Пойдет омальский батальон'', — говорит. Наше начальство предлагает отправиться и мне. Я, конечно, согласен. И Линд тоже отправился. Нас повели на позицию, называвшуюся ''кревет'', что значит кровать. Вся позиция у Дьюниша была расположена подковой, обращенной выемкой к туркам. На левой стороне высокая гора Дьюниш, на середине плоская возвышенность, ровная, как кровать. Оттуда ее название. Вся местность была покрыта редким дубовым лесом. Деревья были огромные, великолепные. Внизу был густой подслед. Идти было совсем сво-

бодно. Прошли мы часа два и расположились отдохнуть. Было, судя по солнцу, часа два пополудни, когда опять прискакал толстенький офицер, русский, и скомандовал по-сербски: "напред, надесно" и поскакал, а мы бегом за ним, стараясь не отставать.

Вот вошли в молодой сравнительно лес, довольно густой. Вперед было видно только на несколько шагов. Засвистали пули чаще и чаще. И в ответ свисту пули каждый раз раздается пение птиц...

Идем или бежим под гору. Вдруг впереди меня вижу солдат как-то очень смешно ковырнулся носом в землю, точно пьяный споткнулся. Я не сразу понял, что это значит.

Раздалась команда: "напред, напред" — и я тороплюсь. Вот вышли на редкое место — офицер кричит — "напред надесно" — только его мы и видим... Площадка почище, кой-где толстые деревья. Пули свистят. Я бегу, стараясь подбежать к большому дубу. Я стал за дуб и навел ружье, откуда стреляли, и шагах в тридцати вижу турку, который в нас целится. Офицер выставился за дуб и вдруг упал навзничь с криком: "Убиен есмь". Я не знаю, что делать, помогать ли офицеру или стрелять. И в это время получаю здоровый удар в лицо. Хочу стрелять — не могу: патрон застрял, не выскакивает. Хочу выбить шомполом — шомпол скривился и его не вытащить. Растерянный оборачиваюсь. Два серба тащат офицера в лес. Кроме них, никого. Один Линд.

Линд подходит ко мне, ласково обнимает меня и спрашивает: "Что с вами? Вы ранены? У вас все лицо в крови и грудь". Тут только я взглянул на свою грудь. Куртка была расстегнута, а рубашка во всю грудь залита кровью. Вот что означал удар кулаком. Мы пошли в лес, я присел, обтер кровь. Она остановилась.

Нос к успокоению моему остался цел. Несколько металлических крупинок было в нем. Они долго и понемногу выходили наружу. Все обошлось благополучно, боли не было.

Оглядевшись, мы увидели, что мы одни. Какой-то серб солдат ковыляет. — "Куда?" — спрашиваем его. "До кучи" — тихим голосом отвечает он. — "Что с ним поделаешь". По-соседству слышна трескотня. Мы идем по ее направлению и выходим на открытую площадку. Свистят пули. Но мы видим "шанац", то есть вырытую канаву с бруствером, насыпанную землей перед ней.

Бежим в шанац и спокойно располагаемся в полной безопасности. Турки стреляют в нас очень усердно, но никому не вредят. Мы стреляем тоже очень усредно и тоже, должно быть, без толку. Пока было светло, были видны фигуры турецких солдат. А когда стемнело (очень скоро), была видна огненная линия выстрелов...

Я не удерживал сербов от бестолковой пальбы. "Не пуцать, не пуцать". — "Пуцать, когда турки дойдут". Я вспоминал уроки из тактики Драгомирова. Но никто не слушал. Стреляли, чтобы себя подбодрить. И если бы перестали стрелять, струсили бы и убежали. Принесли откуда-то воды. С наслаждением припал я к кружке и с усилием оторвался от нее, чтобы оставить что-нибудь товарищам — Линду и откуда-то появившемуся студенту Горного института — Долинину.

Ночью пальба прекратилась. Я вылез и, прислонившись к толстому дубу, пробовал заснуть. Но не мог. Лихорадка била, била меня так, что зубы стучали, я весь дрожал. А заснуть мог только утром, когда солнце уже пригрело.

Турки отошли со вчерашних своих позиций, а мы начали мало-помалу собирать свои части. Вчера в одну кучу были сбиты всевозможные части. Мы сидели своей компанией — русские — и рассказывали свои вчерашние впечатления, свои переживания, события последних дней.

Тут я слышал рассказ о бравом кавалеристе, начальнике русского отряда М., который с утра объявил: "Никакого распорядка — смотрите на мою папаху и следуйте за ней". — Засвистели пули, завизжали ядра и великолепный вождь поскакал назад "настрачь" — любимое сербское выражение. Тут была и погублена русская карьера М. Он вышел в отставку.

Офицеры рассказывали про нравы Черняевского штаба и негодовали... Это, кажется, явление, общее всем армиям. Не скажу, чтобы сербская армия была блистательно устроена в смысле военном. Каждая военная часть набиралась из определенной местности. Наш, например, Омольский батальон — набирался из округа Омолье, и содержание его возлагалось на общины этой местности — вероятно, с платой от правительства. Доставка продовольствия также ложилась на общину. И, когда приходил транспорт продовольствия для батальона, привозились с ним и разные добавления — баловство, приложенное матерями и женами для сыновей и мужей: куры, орехи, сыр, вино, табак и т.д.

И наш Фигаро, Гипара, умел уловить момент привоза и добыть разные добавления к нашему столу... Как сейчас вижу одну из наших трапез на открытом воздухе. После обеда мы пришли в благодушное настроение, стали знакомиться друг с другом, рассказывать свое прошлое.

"Вот и не ждешь, куда тебя судьба толкнет, — говорил толстенький офицер с добродушным лицом. — Весной этого года я в Польше униатов сек; ни за что бы не поверил, если бы мне сказали, что осенью я буду сражаться за свободу славян".

Не помню, сколько времени мы кочевали на правом фланге кревета. Помню два события. Назначили нас на ночь охранять место, где офицер Шведов из Одессы закладывал мины. Это было не так далеко от турецких позиций. Шли мы туда длинной колонной через лес. Ничего не видно, что за лесом. Кажется, бояться нечего. Вдруг кому-то почудилось, что слышны голоса турок. Лица войников побледнели. Шепчут друг другу: турци, турци; идут на цыпочках, пугаются, когда под ногой сучок хрустнет. Раздайся тут выстрел или просто закричи кто-нибудь: "Турки" — убежали бы наши в ужасе и без оглядки, куда глаза глядят.

Пришли к Шведову. "На что мне столько народу прислали?" — спрашивает. — "Охранять вас будем". — "Самое лучшее, что вы сделаете, если прикажете всем им лежать смирно, не шевелиться и не шуметь". Что и было исполнено со страхом Божиим и турецким.

Другой эпизод этого кочевья — это постройка или насыпь укрепления.

Ночью меня поставили во главе 50-ти работников, которые должны были копать землю и насыпать защитные стены. Грунт был очень твердый, приходилось

работать киркой. Рабочие ежеминутно отдыхали и работа плохо подвигалась. Что делать, чтобы они усердней работали? Я взял кирку и сам стал работать. Через некоторое время оглядываюсь: вся команда стоит сложа руки и смотрит на меня. Я бросил кирку, стал ходить сзади солдат, повторяя: "Радите, радите!" (что значит: работайте, работайте). Вдруг отколе ни возьмись появился сербский офицер и накинулся на меня. Я только понял, что он ругает меня за шум, повторяя — "турци, турци". А я, чувствуя себя нижним чином, стою руку к козырьку (которого не было) и ничего не отвечаю. Серб ругается. "Да пойдемте до начальника позиции". Он был тут недалеко. Он сидел за столиком перед палаткой. Рядом горел котел, что-то кипятили. Турки, если и слышали шум от нашей работы, но не могли не видеть костра и не могли сомневаться в близости враждебного войска. И, может быть, также волновались от страха, как и наш офицер.

Офицер рассказал начальству про мои преступления. Рассказал и я, доказывая, что никакой моей вины нет. "Чего тут разглагольствовать, — сказало начальство, — набейте ему морду, вот и весь сказ".

— Да ведь я нижний чин, как же мне бить его в морду? — Да так и бейте. Ну, довольно, ступайте по местам.

Оказывается, что я напрасно считал себя нижним чином. Мой мундир санитара имел по нашивкам вид капитанского мундира. Только вид мой с едва пробивающейся бородкой не приличествовал званию капитана. Но офицерское мое достоинство не внушало сомнений. А скоро и подтвердилось. Приехал офицер из штаба с большой записной книжкой. "Кто офицеры Омольского батальона?" Капитан Набоков, два серба поручики, ротные командиры... А это кто? — указывая на меня и Линда. Мы назвали себя. "Ну, я вас запишу полубатальонными командирами — не можете же вы быть ниже сербов". — Так я стал официально офицером.

Не помню, сколько времени были мы на отлете и когда вернулись на Дьюниш. Жизнь потянулась в полном однообразии и без всяких событий. Событием было, когда Недзвецкий ездил в штаб с докладом и возвращался с рассказами. Иногда нас посещали штабные гости. Помню толстого Хлудова, возившего с собой складной стул, стройного офицера М. П. — другого beau tenebreux — фамилию забыл, бывшего гвардейца, бежавшего зачем-то из России. Впоследствии во время уже русско-турецкой войны его имя прогремело. На какой-то румынской станции он подстерег императора Александра 3-го с какой-то просьбой, должно быть об аминистии. Император отказал, и офицер тут же заколол себя кинжалом.

Эти господа составляли свиту довольно красивой дамы — Деста-Садовской.

Одно из посещений этой компании кончилось трагически. Приехали они верхами и забрались на самую вышку Дьюниша, где стояла батарея. Не знаю, кто распорядился, но напоказ важным гостям выпустили снаряд, другой. Турки отвечали. На нашей позиции часто появлялся из штаба юный кавалерист по фамилии Милордов.

Он был что-то вроде ординарца при ком-то. Лицо у него было круглое, безусое, а ум небольшой. Мы смеялись над его рассказами все про какую-то важную родню и про свою храбрость. Очень довольный сопровождать такое великосветское общество и, желая показать свою ловкость, Милордов взлетел во всю прыть на своем коне на вершину Дьюниша. А турецкая граната по брюхо разор-

вала его на две части, только соединенные спинным хребтом. Тут и случился Милордову конец.

Кавалеры Садовской мгновенно улетучились. Наши товарищи, рассказывая об этом, дрожали от негодования. Недзвецкий отправился немедленно в штаб с жалобой и вернулся поздно вечером. Кончилось тем, что интересную даму и кого-то из кавалеров выслали из армии.

Большим развлечением для всех было получение писем. За ними по очереди ходили в штаб, где была почтовая контора. Уже во второй половине октября настала моя очередь. Почта помещалась в огромной палатке рядом с домом Черняева. Когда я вошел туда, часов в 12, я застал сидящего в кресле подвыпившего офицера. — "Что вам надо, поручик?" — "Письма для офицеров с Дьюнишской позиции". Я представил доверенность и начал перечислять фамилии. — "Ну, я вам этого искать не стану". — "Ищите сами". Офицер потащил из-под дивана огромный тюк писем, завернутых в простыню, и не мог. — "Тащите сами и разбирайте". Я вытащил тюк и развернул его. Письма лежали в куче в совершенном беспорядке. — "Что же я стану делать?"

— "Да ищите. Найдете, что адресовано вашим, и берите". Я стал искать, а офицер стал было помогать мне, но скоро ему это надоело. — "Будем, — говорит, — читать письма". — "Что вы? Да разве это можно?" — "Очень можно и очень интересно. Такие есть интересные письма, что, читая, заплачешь. Тут офицер один получает письма от любовницы, не от жены даже, а удивительно нежные. Вот поищите, нет ли на его имя". — "Вот я расскажу про вас, что вы письма чужие читаете" — "Не расскажешь, брат, я сам про тебя расскажу, коли ты так глуп. Я тебе письма предлагаю, хочешь, вина налью, а ты мне напакостить хочешь... Уходи-ка, брат".

Все это проделывалось в двадцати шагах от дома Черняева, от его кабинета.

Уже месяц длилась наша праздность. Турки не наступали. Мы не хотели и не могли наступать.

Все, кого мы могли слышать, говорили о мире. Я получил известие, что в Белграде у уполномоченного Красного Креста есть для меня письма и деньги. Надо было поехать и получить их. Мы рассудили с Линдом, что история разрешится не здесь. Игра, очевидно, разыграна, и нам, пожалуй, лучше уезжать... Так и порешили. Процедура отъезда оказалась столь же простой, как и процедура приезда. Распростились с жителями землянки, с которыми прожили столь дружно. Пожелали им всего лучшего.

Захватили вещи — их не много было — и отправились в Демиград, где без больших хлопот получили подводу (оружие оставили в батальоне). При самом выезде мы встретили ехавшего со мной Протича и начальника санитарной части — забыл его фамилию. Его я встретил в Белграде в 1919 году, удалившимся от дел, еще не дряхлым стариком. Без приключений, кроме проволочки, проделали мы обратный путь до Смедерева.

Я ехал в Белград, а Линд решил ждать меня в Смедереве. Это для него было не лишением, а утешением, ибо В. Н. Бакунина была тут. Ее любезность по отношению к нам чуть не имела трагических последствий. Когда мы явились к ней, она предложила нам чаю и больше того: предложила нам умыться в бане госпи-

таля. Но баня была так мала, что умываться в ней двоим зараз было нельзя. Решено было, что пойдет Линд, а я остался ждать его возвращения... Не успел я допить чай — Линд возвращается красный, трясется, одну руку поддерживает другой и чуть не плачет... — Что такое? Оказывается, он всю горячую воду, которая была приготовлена, пролил на одну руку. Обжег ее очень серьезно и лишил меня возможности умыться в бане, ибо другой горячей воды, кроме пролитой, уже не было.

Судьба Линда была решена: он выбыл из строя и должен был возвращаться в Россию. А за компанию решился и я.

В Белграде я узнал, что выбран весьегонским земством в мировые судьи. Меня звали скорей домой. И если были у меня колебания, они были устранены.

На случай отъезда мы решили, что Сербии не принесли никакой пользы, что совестно нам за съеденный сербский хлеб, совестно за полученные услуги. Оценили все — сколько это примерно стоит, и решили стоимость эту вернуть Сербии. Я должен был отдать деньги Митрополиту Михаилу.

В Белграде я задержался недолго, получил от генерала Дандевиля письмо и деньги и отправился к митрополиту. Митрополит был очень удивлен, отговаривался от получения от нас денег. — "Ведь вы сражались, вот и заплатили Сербии. И что я стану делать с деньгами?" — спрашивал митрополит. — "Сделайте, что хотите". — "Ну, хорошо, — согласился митрополит, — я ваши деньги употреблю на возвращение русских добровольцев".

Я торопился назад и никого не повидал в Белграде.

Когда в Смердеве мы стали садиться на пароход, чтобы переехать в Венгрию, на станции железной дороги оказалось, что с нами едет покидающий Сербию помощник, генерал Комаров — русской службы полковник, вместе с молодой женой, очень красивой дамой. А в это время, это было 19 октября, турки одним взмахом взяли позицию Дьюниша. Обстреляли мост по реке Мораве, учинили полный разгром сербской армии. И не только разгром, но и бойню, ибо все беглецы вынуждены были столпиться у единственного места через реку Мораву. Тут с ними не сражались: их убивали.

Трудно было понять, как это могло случиться, как могли взять Дьюниш. Ведь надо было подниматься по крутой трехэтажной горе. На ней целый ряд шанцев, откуда сербы, скрытые за защитой, могли поголовно перестрелять лезущих наверх и открывающих грудь турок. Очевидно паника охватила сербов сразу, раньше всяких потерь, раньше всякого сопротивления.

Нашествие турок было остановлено ультиматумом Императора Александра 2-го.[19]

Я не видел Сербии в разгроме и унижении. У меня сохранилась о ней светлая и добрая память, память о ласковом привете, о добром народе, о демократической простоте нравов. Помню, я зашел во двор университета, осматриваюсь. Ко мне подошел сторож и, узнав, что я русский, зазвал к себе, наговорил, какие умел, любезности, угощал ракией и все жал мою руку, повторяя: "руси, добри руси". Да и за пребывание в Сербии я не слышал недоброго слова, не видел косого взгляда, кроме от одного офицера. Да это не в счет. В страхе мало что скажешь.

В 1919 г. я снова проделал на камионе, на лошадях и по железной дороге путь от Алексинаца, через Делеград до Смередева. Как изменилась местность. Все распахано. Великолепные дубовые леса, по которым я бродил, исчезли. Кое-где окруженные полем стоят одинокие дубы, как исторические памятники.

И нравы переменились. Белград в 1919 г. не то, чтобы очень обстроился — остался в прежнем стиле. Тогда в 1876 году Белград напоминал хороший русский уездный город вроде Торжка, теперь это вроде Твери, где тоже есть дворец. Но изменились нравы. Военные с 1912 г. привыкли в течение 7-и лет к войне. Она не могла не отразиться на их привычках, на их настроениях, на привычке командовать. Ничего другого. Но нынешний военный министр не сядет за общий стол в извозчичьей харчевне. Но нынешнему королю (он был очень популярен в 1919 г.) никто не крикнет: "Живио, Карагеоргиевич". Его приветствуют: "Живио, Король". При нем двор.

Меняются нравы. В общество влились нравы австрийской оккупации в Боснии, в городах Далмацкого побережья. Как разовьется в будущем этот народ, по темпераменту столь симпатичный? Благоприятны условия богатой природы Югославии, но остались кое-какие старые предания, привычки, ненависти. — **Unnutzes erinnern und vergeblicher Streit** (ненужные воспоминания и никчемный раздор).

Будем надеяться, что свобода и труд все перетрут.

У11

ПРЕБЫВАНИЕ В МИРОВЫХ СУДЬЯХ

1. Община и личность

В то время, когда я находился в Сербии,[1] Весьегонское[2] земское собрание выбрало меня в мировые судьи. Мне не было 25-ти лет, и я мог быть избран только единогласным избранием. При баллотировке в участковые мировые судьи я получил один шар неизбирательный, в почетные мировые судьи избрали единогласно.[3] И постановлением мирового съезда[4] я был назначен исполнять должность участкового мирового судьи.

Я колебался раньше: не принять ли предложение проф. Ал. Дм. Градовского остаться при университете. Избрание в мировые судьи положило конец моим колебаниям. Я поехал в деревню и сделался деревенским жителем, сельским хозяином, земцем.

С ноября 1876 года я жил с крестьянами, разбираясь в их делах в качестве мирового судьи, члена присутствия по крестьянским делам,[5] председателя этого и других уездных присутствий, гласного[6] земских собраний, наконец, в качестве хозяина. Думаю, что я знаю, вернее, знал крестьянский быт, знал и понимал крестьянина. Что крестьянину русскому нужно — знаю, и знаю отчетливо: то же, что и мне, и вам, и всякому. Никаких глубин народного духа, отдельных от духа других слоев народа, никакой особенной народной правды я не видел. А видел, как в течение 40 лет разрушалось, но еще не разрушилось до конца, предание крепостных времен: видел, как долго и крепко держались в народной среде эти крепостнические навыки, как туго поддавалось темное царство, как медленно росло сознание человеческого достоинства, чувство личности.

Занимаясь крестьянским делом, я, прежде всего, был принужден считаться с вопросом о земельной общине. Приступил я к работе с распространенным тогда среди молодежи убеждением в великом значении общины, с верой, что, благодаря общине, в России не образуется пролетариата и социальный вопрос будет разрешен мирным развитием общины. Мы восприняли слова Герцена: "Успокойтесь, господа, у нас есть община".

Я был, конечно, противником взглядов Чичерина,[7] видевшего в общине, в переделах, последствие влияний крепостного права. Я ждал, что жизнь свободного крестьянства покажет быстрое развитие и торжество общины. Община, верили мы, это та почва, на которой создастся новый общественный строй. Минуя буржу-

азный период, свободная от язвы нищенствующего пролетариата, Россия мирным путем осуществит идеал социализма.

"Чего вы ждете?" — спрашивал меня в 1876 г. в Сербии итальянский журналист и доброволец Брабанти. — "У нас не будет рабочего вопроса, — говорил я. — Община предохранит нас от социальных потрясений. Община служит гарантией права на землю. Нам нужна только свобода — остальное приложится".

С этим верованием я через 2-3 месяца очутился судьей, разбирающим споры, возникающие из общинного владения.

В качестве мирового судьи, опираясь на сенатское решение, я принимал к разбору все споры, подсудные волостному суду, раз ответчик не делал возражения о неподсудности. Его никогда никто не делал.

С удивлением увидел я, что на купленных крестьянами в собственность землях общинного владения нет, что у владельцев этих земель очень острое, беспощадное сознание своего права собственности, которое защищается всеми силами.

Увидел я и то, что сама община не способна приобретать землю. Те, кто умеют купить землю и оплатить ее, не хотят общины, не хотят брать в товарищи "неспособников", хотят неподвижных границ и неизменного пользования.

Я смотрел, как на великое несчастье, на ту статью положения о выкупе, которая предоставляла члену общины право, заплатив капитальную сумму, закрепить в личную собственность владеемый надел, и ждал того озарения, которое даст мне проникновение в народную душу, в общественное правосознание; к тем же самостоятельным крестьянам, как, например, к члену управы Кузнецову, которые, как только скопили немного денег, выкупили надел, — я относился с затаенным упреком. Точно они совершили дурное, изменническое дело. И кончил тем, что по поводу жалоб на обиды от схода советовал внести выкупные, если есть возможность.

Жизнь научила другому. Община оказалась, прежде всего, орудием податной раскладки, податного нажима. — "Все против одного" — ее девиз. Не пустить парня на заработки, постановив приговор, чтобы ему не давали паспорта; продать старухину корову за то, что она содержала в неисправности свой участок забора, через который деревенская скотина вырывалась на потраву; обложить бобылку несносным побором за пастьбу на деревенском выгоне, — это дело общины.

"Община" — орудие в руках взыскивающей власти. Часто община была орудием эксплуатации в руках богачей. У сильного хозяина, кроме надельной, есть купленная земля. Зимой он откормит скот сеном с купленной земли и может содержать скота вдвое, втрое против соседа. А летом травит мирской выгон, мирскую отаву.

Бывали, конечно, случаи, когда нотариус-народник делал купчую на имя общины. Эта форма не соответствовала существу сделки. Покупали собственность товарищи, жившие в общине, и владели по соразмерности внесенных денег.

Все мирские предприятия — рытье канав, починка дорог, расчистка из-под леса — делались самым нелепым образом. В общих предприятиях всякий член

мира заботился только об одном: "как бы не переработать на соседа". Весь фронт равнялся по неспособному, по слабому. Вот ставят мирской забор: каждому домохозяину отводится столько-то саженей, в таком-то месте. Будет неисправно одно прясло, — и весь забор никого не оградит. Но когда своя скотина вырвется на потраву, — будут искать через чье прясло, — тот и виноват.

То же и с дорогой: всякий обязан чинить свои сажени. Один хозяин починит свой участок хорошо, другой похуже, третий совсем не починит: живет и так. Из-за одного неустойщика пропала работа всех остальных, — так уже повелось: за другого работать никто не станет.

То же и с мирскими платежами. "Я-то заплачу, — говорил сборщику состоятельный хозин, — ты с недоимщиков-то собери. Когда они заплатят, тогда и с меня взыскивай. Я не хочу, чтобы деньги мои на них пошли".

Этой психологией объясняется некредитоспособность общины. Никогда она долгов не платила. Чем больше общество, тем больше долг на нем. Этим объясняются и фантастические недоимки крестьянскому банку, — даже в тех случаях, когда земля покупалась в исключительно благоприятных условиях.

Раз запустят платеж — кончено. Всякий боится платить: за другого заплатить. Платежи стали. И никто не верит, что их взыщут. И их, на самом деле, взыскать нельзя. Можно применить жестокие меры, но, кроме горя и боли, эти меры ничего не приносили. Денег круговой порукой[8] не соберешь. Помощь слабым, призрение больных, общественные магазины — все это существовало, как обязательная повинность и почти никогда, как свободное, сознательное предприятие. Участие сельского схода в опеке было тягостной формальностью, а иногда и поводом для распития водки, которую ставил опекун, переданный начальством на учет сходу.

В бывших удельных имениях, в деревнях бывших государственных крестьян стояли еще в 1918 году прекрасные здания общественных амбаров, — это, так называемые, "магазины". Первое время после 1861 года продолжали собирать зерно. Мало-помалу зерно делалось все хуже и хуже, сдавали охвостье. Потом перестали возвращать ссуды. Взыскать зерно по круговой поруке никто не решался. И подать-то взыскивать властям осточертело. В магазинах оставался хлеб только самостоятельных хозяев. Что же? Ждать, когда и его отдадут неимущим в долг, и те не отдадут. Нет, давай лучше делить магазины, и пусть каждый берет свое.

С точки зрения закона, раздел магазина был преступлением. Но до земских начальников власть никогда не решалась стать на эту точку зрения. Штрафовали сельских старост за бездействие. И тем дело кончалось. Земские начальники ретиво принялись за магазины, сажали под арест целые деревни. Да, ведь, всех не пересажаешь... Иные магазины пополнялись... Но... "рука бойцов колоть устала"... И магазины опустели.

А видели вы пожары в деревне? Загорелась одна крыша. Разметать бы ее скопом и залить огонь. Где тут! Каждый кидается к своей избе, тащит на улицу свое добро. Бабы воют. Воришки снуют. Хозяева ждут в ужасе, когда огонь доберется до их домов... А если бы в начале пожара разобрать горящую постройку или две соседних, тем бы дело и кончилось.

Стали в последнее время организовывать пожарные отряды — поприще молодого удальства. Это не было делом мирского почина. Большею частью это было делом земских страховых агентств.

То же бессилие общины в деле улучшения земледелия. В Тверской губернии надел на душу населения составлял четыре с половиной десятины, из них пашни, наверное, больше трех. Озимого посева на душу не менее десятины. Это больше, чем досталось на долю черноземного крестьянина, и будь хороший, постоянный урожай, — дело достаточного питания было бы гарантировано. Но для постоянного хорошего урожая нужно удобрение, — значит, скот, значит, сено, значит, луга. Их часто недоставало. Их может заменить травосеяние. Но как вспомнишь судьбы травосеяния, увидишь воочию задерживающее влияние общины, вспомнишь слова того же Герцена: "Задачи общины совсем не в преуспеянии сельского хозяйства".

Первый факт крестьянского травосеяния в нашем краю у меня обнаружился во время одного процесса о краже клеверного сена. Это было в начале 80-х годов. Оказалось, что в подгорном поселке из трех человек на купленной земле сеяли клевер. Когда у другого крестьянина в сарае нашли клевер, то очевидно было, что клевер краденый: его нигде нельзя было иначе достать.

В начале 80-х годов в городе Кашине[9] в лавках иных купцов держали клеверные семена. В 90-х годах прошлого столетия, в начале нынешнего, агрономы подмосковных губерний ломали себе головы над изобретением способа, как заставить сеять клевер на общинных землях. Находили способы очень остроумные. Но около себя я видал клеверные посевы лишь на отдаленных пустошах. Дело двигалось крайне медленно вплоть до 1907-1910 годов, когда пошло повальное стремление на хутора.[10] Поля новых хуторян расцветились клеверным цветом.

А другое условие поднятия северного хозяйства — минеральное удобрение. Как медленно убеждались крестьяне в его значении. — "Хорошая у тебя земля, — говорили, видя урожай на удобренной земле. — Такая же, как у всех". — "Ну, нет. Наша не такая". — Наконец начинали просить: "Отпусти порошков" и слушать, как надо их применять. И применяли на своей земле, отнюдь не на деревенской.

Община выросла, при условии примитивного хозяйства, когда хозяин не возделывает землю, а только использует силы природы, когда земля, действительно, Божья, когда человеку ничего не нужно, чтобы владеть ею.

Возьми плуг, запряги волов и паши. Дар Божий, действительно, справедливо делить поровну. — "О, если бы община была похожа на муравейник". — Так, в порыве искренности, восклицал Энгельгардт,[11] обязанный, по правоверию своему, преклоняться перед общиной. Если бы община была похожа на муравейник, она давно была бы хозяином земли.

Все эти мысли давались мне с трудом. Жизнь опровергала мнение, усвоенное из книг, воспринятое, как верование. По этому поводу не могу не вспомнить о диссертации А. С. Посникова об общинном владении.[12] Среди молодежи 70-х годов знать эту книгу считалось обязательным. Книга была интересная. Давая картину высокого уровня сельского хозяйства в Англии, Посников доказывал, что сельское хозяйство может процветать независимо от того, принадлежит ли хозяину земля, им возделываемая, в собственность. В Англии хозяйство цветет на арендованной земле, — процветает и в России на общинных, временно владе-

емых землях. Жаль Посников не указал одного условия процветания хозяйства на чужой земле: обеспечение законом интересов хозяина-арендатора. Английское законодательство об аренде, ирландское земельное движение, к сожалению, прошли незаметно для русской народнической мысли. Русская община не выработала обычного права для ограждения интересов пользователя.

Центром тяжести в подъеме русского сельского хозяйства был и оставался вопрос личной свободы, вопрос о воспитании свободного человека. Вопрос о правах человека, о личных правах, как говорили, чтобы не употреблять слишком громких слов, был основным вопросом русской жизни... Здесь же я попал в судьи с живой верой в эту особую, крестьянскую правду, с надеждой видеть ее откровение. В частности, волостные суды были предметом моей кандидатской диссертации. Я с сочувствием выписывал тираду Кошелева[13] в его записке, поданной в защиту волостных судов в редакционную комиссию по освобождению крестьян. Кошелев доказывал, что подчинение крестьян общему суду, имеющему другие понятия о праве, приведет к потрясению самого понятия о праве. Вместе с славянофилами редакционных комиссий и вместе с народниками я думал, что в решениях волостного суда открывается то особое правосознание, на котором зиждется община, — особое наследственное право, основанное на трудовом начале.

С первых шагов на поприще судейском я увидел, что крестьяне, напротив, с необыкновенным упорством ломятся в мировой суд со своими исками, увеличивая действительную сумму иска на 100 рублей, чтобы только сделать ее подсудной мировому суду. Можно бы сказать: —"Это — нарушители крестьянской правды: они-то и лезли в формальный суд по 10-му тому".[14] Если бы так, то ведь ничего бы не стоило противной стороне доказать неподсудность и требовать перенесения дела в волостной суд. Но этого никогда не было.

Когда при Александре III воскресли и возобладали дворянские домогательства крепостных времен, то нео-крепостники постарались расширить подсудность волостных судов, установить должность председателя суда, дать ему жалование; словом, крепостники возвеличили волостной суд. Они лучше славянофилов и народников понимали, что это за учреждение, знали, что значит изъять крестьян из общей подсудности.

Мои сомнения относительно волостных судов укрепились потом во время участия в делах присутствия по крестьянским делам.

Конечно, применять 10-й том к правоотношениям, вытекающим из общего владения, было нелепо. Тут суду следовало исходить из общих понятий права, творить его.

Нужен был суд по совести, по справедливости, отнюдь не сословный суд.

Если бы крестьянские споры были подчинены мировому суду, — сенатская практика установила бы основные начала общинного права. Эта работа началась бы. Но учреждение земских начальников, подчиненных администрации, а не сенату, уничтожило эту возможность.

При отсутствии такого права лицо в общине не имело никакой защиты. Право было устранено из целой области крестьянской жизни. Так и осталась эта общая собственность, чрезполосная, без переделов, без всякого правового порядка, — судили, как Бог на душу положит. Больше решали споры, как древляне, — дрекольем.[15]

Но если в области гражданских споров, волостные суды являлись недостаточными, то в уголовных делах они были просто вредными. Я не говорю о кражах: украл петуха у дворянина — тюрьма не меньше 6-ти недель; украл теленка у крестьянина — максимум 20 розог. Страшное дело подсудность волостным судам дел о драках. Либо такие дела (когда драка кончалась увечьем) шли в окружной суд, либо оставались в волостном, с арестом на неделю.

Наслаждение озорством исстари признавалось законным. В год призыва на военную службу, после уборки хлеба, в сентябре и в октябре призывной не работал. Он надевал лучшее платье, ему давали лошадь для катанья, для него варили пиво. Он "гулял".

К концу второго месяца от такого гулянья наступало отупение и скука, охота озорства — охота удивить, выкинуть небывалое, вышибить зубы, стекла, оскорблять девиц. Царило всеобщее убеждение: "Ничего мне за это не будет". И в дни набора езда по улицам деревни и по дорогам была исстари делом небезопасным.

Деревенские жители в 1916 году с ужасом рассказывали о невероятном взрыве озорства, который был вызван призывом 1916 года, тем призывом 18-летних мальчиков, который Николай 11 непременно хотел сделать перед этим летом (1916 г.).

С первых же дней их призыва надо было ждать трагического конца.

Прежде рекрута били окна, наслаждаясь звоном падающих стекол, клали на дорогу камни, упиваясь предположением, что кто-нибудь ночью с разбегу наедет и сломает лошади ногу, а себе нос... Но людей не трогали. На этот раз, по всем свидетельствам, озорство было направлено против женщин, как молодых, так и старых. "Старух и тех не щадили", — был единогласный отзыв, свидетельство всех рассказов. — "И ничего нам за это не будет", — был припев озорников.

К 1881 году мои убеждения, вынесенные из наблюдения за крестьянской жизнью, уже сложились. Когда я был в комиссии Тверского земства, мне досталось на долю формулировать ожидания земства по вопросу о личных правах крестьян. Я составил записку, которая, в числе других, была доставлена в Кахановскую комиссию[16] и вызвала некоторый интерес в самом Каханове. Но мысли, в ней выраженные, не пошли в ход. Записка была перепечатана в "Русском Вестнике" неизвестным публицистом, рассказывавшем о судьбах Кахановской комиссии.[17] Она была напечатана в "Новом Слове" П. Б. Струве, когда неомарксисты подняли вопрос о личной свободе.[18]

Помню, как я докладывал о работах губернского земского собрания в Весьегонском земском собрании. Когда я употребил выражение: "личные права крестьян", — пожилой, уважаемый гласный Авдеев, волостной старшина старого закала, консерватор честный и властный, с ироническим недоумением спросил: "Это что же такое — личные права крестьян?" Я объяснил ему разницу прав крестьян и лиц других сословий, ограничения крестьянской свободы, подчинение лица общине, его права передвижения, свободы труда, выбора местожительства, переселения, доступа к образованию, к промыслу, к государственной службе. "Это что же такое? **Declaration des droits de l'homme?**" — спросил меня представитель удельного ведомства.[19] — Старички гласные — крестьяне были спокойны, если не равнодушны. А у молодых зато были ушки на макушке. Это было летом 1881 го-

да, когда еще не разлетелись мечты об ожидаемых реформах, а пожалуй, и о "реформе". Когда, при Александре III, движение замерло, вопрос о свободе личности не находил себе места даже в народолюбивой среде. Появилось в эти годы мечтательное ожидание социализма, осуществленного самодержавием. Такое воззрение было формулировано Воронцовым,[20] определенным антиконституционалистом. За идею свободы взялись неомарксисты. Народники и эсеры мало уясняли себе значение эмансипации лица от власти мира.

В Тверском земском собрании — странное дело — сторонники освобождения, люди 40-х годов были противниками общины, защитниками личной собственности, а защищали общину немногочисленные славянофилы, и очень настойчивыми защитниками ее были крепостники, ценившие больше всего круговую поруку. Крестьяне совсем не проявляли охоты к надельному владению. Все дела о земле в присутствии по крестьянским делам были жалобами на навалку надельной земли. Ее никто не хотел брать. Лежавшие на ней платежи делали безвыгодным владение ею. Существенным интересом крестьян на севере было облегчение платежей, а не увеличение землевладения.

2. Податные походы на крестьян

"Мужик, который раб был встарь,
Закабаленный стал платитель".

Этот стих Огарева хорошо определил положение крестьян в 60-70-х годах.

Мужик был закабален, привязан к земле, никуда не смел двинуться: нужен был паспорт, нужно было разрешение власти, без которого паспорта не давали. Владение землей было не правом, а обязанностью. В случае неуплаты следуемых платежей, мужик лишался всякого права: о праве передвижения мы уже говорили, — пропадало право труда. Недоимщика могли отдать на посторонние заработки без его спроса. Помню, как в иных захолустьях происходил наем на зимние месяцы. Лесной приказчик приезжал в волостное правление. Брали список недоимщиков и писали контракт, по которому все недоимщики поименно нанимались в рубщики и возчики леса. На каждого писали задаток, вносилась вся сумма недоимки, а на руки будущему возчику давалась небольшая сумма сверх недоимок. Ставилась водка, смотря по великодушию нанимателя. И все разъезжались довольные. Пьяные недоимщики довольны были тем, что погуляли, что старшины[21] и становой[22] отвяжутся. Старшина был доволен тем, что заслужил у начальства, приказчик тем, что обеспечен работниками. Только это не был свободный труд, на который манифест 19 февраля призывал благословение Божие. Если все-таки не были пополнены недоимки благодетелем-нанимателем, то принимались иные меры.

Начинали с того, что недоимщиков вызывали в волостное правление и там "власти" — старшина и становой, а иногда и сам исправник[23] "увещевали".

Если увещание не действовало, приступали к действиям.

В 1873 году еще помню мирового посредника, который, входя в переполненное волостное правление, надевал цепь, садился и кричал: — "Деньги. Розги". И тех, кто ничего не платил, — секли.

Порка была высшей мерой взыскания. Начинали с ареста. Старшина постановлял: "Недоимщика подвергнуть аресту". Недоимщик что-нибудь платил, и арест снимался.

Если у недоимщика был сын в отхожем промысле, писали в полицию того города, где он жил, и там околодочный[24] взыскивал недоимку.

Сообщали на почту: если придут деньги на имя таких-то недоимщиков, — передавать деньги в волость. Потом смягчались и требовали только списки получателей; старшина уже дома получал сам. Ultima ratio одно время была порка. Мировые посредники сами имели право пороть до 20 розог — расправятся и довольно.

Теперь нужно было постановление волостного суда. Сельский судебный устав — курьезное уголовное и полицейское законодательство — предусматривал преступление "нерадение" и "пьянство", за которое полагалось 20 ударов розог. Правда, я знал станового, который распорядился высечь недоимщика — пациенту дали 20 розог. "Теперь довольно, больше не смеешь", и пациент хотел встать. "А вот и посмею", — возразил становой и приказал дать еще 20 розог.

Становой не имел никакого права сечь и получил выговор.

В силу названной статьи закона полиция передавала неплательщиков волостному суду, а тот приговаривал недоимщика к порке. Платились недоимки — отменялась порка. Если у крестьянина чувство собственного достоинства заменялось сознанием, что у него нет недоимок, то то же нужно сказать про крестьянскую выборную власть. — Собирает старшина повинности успешно — он и хорош, все ему прощается. Волость платит плохо: и старшине приходится ехать в уездный город[25] и вместе с пьяными драчунами и ворами кормить клопов в полицейской арестантской. А в отставку попросится, его не пустят. Ибо служба по выборам не право, а повинность. И до такой степени, что волостные сходы возьмут да и выберут в старшины интересных богачей. — "Приезжай, проси об увольнении и угощай сход, ставь ему вина".

Все эти меры воздаяния и ущемления не давали, однако, денег. Их добывали продажей крестьянского имущества. — Сельские власти составляли опись имущества каждого недоимщика. Эти описи отправлялись в присутствие по крестьянским делам, которое отмечало, что может быть продано. Продажа крестьянином описанного имущества приравнивалась к растрате вверенного на хранение имущества.

На этом вопросе о взыскании платежей с крестьян и сокрушилась впервые моя репутация политической благонадежности.

Первым моим грехом было сопротивление порке и произвольным арестам. Присутствие по крестьянским делам отменяло аресты, наложенные становым, — так как дисциплинарная власть над крестьянами и лицами крестьянского управления принадлежала только исправнику. Присутствие никогда не разрешало к продаже ни лошадей, ни коров, ни последних трех овец. Свободно разрешали к продаже только кур и самовары.

Процедура взыскания податей не представляла и для полиции особенной сладости. Но за успешное взыскание платежей следовали награды, не только хо-

рошим отзывом, а и крупными денежными премиями. Исправнику — 500 рублей. Это был приз соблазнительный. А младшие чины полиции, становые знали: нет успешных сборов, нет и повышения. Не диво собрать подати с богатой местности, а вот собрать их с недоимочного бедного края — это отличие, это карьера.

Представьте себе хозяйство людей, у которых с осени до весны все имущество описано, и неизвестно, что будет назначено в продажу. Какой тут прогресс? Какие улучшения? Откуда тут взяться энергии труда и какая деморализация власти занимающейся этим делом?

Это невыносимое положение продолжалось до 1882 года, когда последовало понижение выкупных платежей. Для северной России жизненным вопросом являлось именно понижение выкупных платежей, а не прибавка земли.

Податные походы на население прекратились до 1906 г., когда насилие и взыскание платежей стали практиковаться как акт усмирения. Полиция являлась в деревню в сопровождении казаков, готовых подавить сопротивление и отбиравших крестьянское имущество для доставления в город. Все тут было: и ругань мужиков, и слезы, и вой баб; были убийства казаков, служивших бессмысленным орудием финансового и полицейского озорства. Впрочем, в нашем краю этого озорства не было. При приступе к взысканию земский начальник получил несколько тумаков и сразу утратил энергию. Казаки тоже оказались совсем особенные. Они брали бабьи пожитки (на них особенно охотились взыскатели), клали их в ясли под сено и таким образом спасали от продажи; помогали выносить из домов все, что могло соблазнить взыскателей. "Казакушки -братушки", — так поминали их после ухода. Долго потом пелись казацкие песни.

Этот поход, в 1906 году, был ответ на Выборгское воззвание. Когда не было никаких недоимок, их выдумывали. Взыскивали, например, продовольственные ссуды, не подлежащие взысканию.

У111

МОЛОДАЯ И СТАРАЯ "ВЕСЬЕГОНИЯ"

Пребывание мое в мировых судьях окончилось не без "истории", т.е. не без сомнения в благонадежности.

Во время борьбы с "молодой Весьегонией" — "старая Весьегония" с помещиком Кисловским[1] во главе, главным образом, надеялась на то, что новые гласные не сумеют организовать мирового съезда, не наберут людей и на этом провалятся.

Но мировые судьи нашлись. Бывший заведующий конторой "СПБ Ведомостей" — И. Д. Образцов, бывший мировым судьей до конца этого института, впоследствии городской судья тоже до конца. Б. Е. Кетриц — впоследствии петербургский мировой судья. Один участок[2] сократили было, а когда сенат не утвердил сокращения, выбран был И. А. Калитеевский, впоследствии земский начальник.

Заведование четвертым участком взял на себя, к удивлению всего собрания, мой отец. Он не долго пробыл судьей, и его должность исправлял И. Д. Караулов, непременный член присутствия по крестьянским делам. Председателем съезда и мировых судей был П. А. Корсаков,[3] служивший раньше в сенате, впоследствии товарищ прокурора в Киеве. Съезд составился. В нем было три юриста по образованию. Прежде не было ни одного. Эта позиция "молодой Весьегонии" оказалась неприступной.

Тогда пошли в обход. Начались обвинения во вражде к помещикам, в революционизировании крестьян. Человек безудержный, Кисловский кричал "против социалистов", клялся изобличить их и отправился со своими обвинениями прямо к министру юстиции Палену, с которым был знаком. В то время директором одного из департаментов министерства был некто Адамов, женатый на дочери крупнейшего землевладельца, генерала Шварца (Адамовой принадлежало 25.000 десятин в восточной, более лесистой части уезда). Бывшие крепостные генерала Шварца имели весьма скудные наделы, никаких лугов — значит, с ничтожным количеством скота, с малоплодородной землей. Окруженные лесом, они могли жить только промышляя этим лесом.

Управление Шварца не продавало ни прутика, а из вотчины его на базаре продавалось из лесного товара все что угодно. Все это нужно было увезти из барского леса. И работали артистически. Маленькие лошаденки приучены были про-

дираться через такой кустарник, перед которым останавливался всякий непривычный. Лес прятали в таких трущобах, которых незнающий человек и найти не мог. Были, конечно, такие знающие люди в этих же деревнях. Они и служили лесниками. Но они, во-первых, боялись своих односельчан, а во-вторых, получая маленькое жалование, брали с порубщиков мзду.

Конечно, от времени до времени, приходилось порубщику и поплатиться. Часто попадался и лесной сторож. Его выгоняли. Он начинал сам воровать лес и через несколько времени являлся в суд в качестве обвиняемого, а прежний подсудимый оказывался его обличителем. На всех жителях этих деревень лежали такие штрафы, что им было решительно все равно. Уплатить их было нельзя, разве при помощи нового воровства. Так и длилась эта нескончаемая война нищих мужиков со стражей Шварца. Порубка была не только промыслом, но и увлекательным спортом, в котором принимали участие все. Со стороны владельца за совесть играли эту роль лишь высшие чины управления.

Так продолжалось дело до тех пор, пока дача не была продана петербургскому купцу, который завел лесную заготовку и не гнался за выручкой от лесных угодий, лугов, выгона, ягод, грибов. И мужики уже законно, в полном порядке делали то, что и прежде: рубили Шварцевский лес.

Директор департамента министерства юстиции получал от своих раздраженных управляющих неутешительные сведения о хозяйстве: мало денег и много жалоб на неблагоприятные условия, на слишком снисходительных судей, в том числе на меня. "С одной стороны слышу обвинения против Весьегонских судей, с другой стороны — то же самое", — говорил министр юстиции граф Пален. И решил обвинения проверить (так оставлять этого было нельзя) — и назначить ревизию.[4]

Ревизором был назначен Головин, председатель Кашинского окружного суда.[5]

Головин — фигура, на которой стоит остановиться. Великан, с огромными усами, широкой грудью, могучим басом — он производил впечатление вождя. Поставить бы его на капитанский мостик, как его предка, адмирала Головина, или посадить на коня и булаву в руку, чтобы он зычным голосом командовал в бою. А он между тем председательствует в окружном суде.

При своей внушительной наружности Головин отличался большой смышленостью, тонким, добродушным тактом и живым чувством справедливости. После 1861 года он был мировым посредником в Кашинском уезде. В его участке все до единой уставной грамоты, были составлены в течение года. Все наделы были отведены по соглашению и приняты крестьянами без всякого спора. Такое необыкновенное явление вызвало со стороны Александра 11 необыкновенную демонстрацию. В город Кашин был прислан флигель-адъютант, специально, чтобы объявить Головину высочайшую благодарность.

Когда образовался Кашинский окружной суд, министр юстиции (кажется, уже гр. Пален) пожелал познакомиться с Головиным и так им пленился, его старо-дворянской фигурой, что в нарушение всех правил представил его на должность председателя суда. До конца жизни Головин оставался председателем суда и с великим успехом провел свою ладью через все рифы и утесы гражданских и уголовных законов, о которых раньше имел весьма смутное понятие.

Старый и близкий друг доносителя Кисловецкого, Головин в качестве ревизора, открывающего крамолу, представлялся особенно авторитетным. Никакой крамолы он не усмотрел, хотя с большою тщательностью пересмотрел все дела экономии Шварцев. Головин представил в министерство хвалебный отзыв о весьегонских мировых судьях, объяснил председателю суда Корсакову, как вышло все дело, говорил, что он очень, очень рад, что все так хорошо кончилось. А через короткое время я получил от министерства юстиции письмо с приглашением к участию в заседаниях присутствия по крестьянским делам. Я согласился.

Меньше чем через год, я вступил в должность предводителя дворянства и пробыл в ней 13 лет, до 1891 года. В течение 6-ти лет я еще был председателем съезда мировых судей.

С точки зрения эгалитарного формализма мое пребывание в должности предводителя дворянства было парадоксом. Но я этого никогда не чувствовал. Вступил я в должность без всяких помыслов сословности — не для осуществления дворянских привилегий, а с стремлением к равенству и к установлению всеобщего равноправия. Такое стремление разделялось большинством моих избирателей. Это понимали и друзья и враги.

Надо сказать, что в то время, в конце 70-х годов, специфически дворянские тенденции были весьма слабы. Дворяне-землевладельцы для обозначения своего звания обыкновенно не употребляли слова "дворянин". Не принято было выделять себя в первенствующее сословие.

Какие были тогда дворянские привилегии? Если не считать одиозных привилегий, вроде более строгих наказаний за некоторые преступления, это были: право поступать в некоторые учебные заведения, права по службе для малограмотных, свобода от телесных наказаний. Такие привилегии, по разуму, подлежали не уничтожению, а распространению на всех. В этом состояло уравнение, а не в том, чтобы дворян "секли, так как мужиков секут же". Другие привилегии — по службе, напр., — фактически уничтожились. Не происхождение, а образование сделалось главным фактором карьеры.

Крушение дворянства как привилегированного сословия, подведение его под общий уровень, совершилось на севере, в России нечерноземной, гораздо резче, чем на черноземе. Реакция Александра III и Николая II несколько задержала этот процесс. Но сначала, немедленно после 19-го февраля, ликвидация совершалась весьма круто.

Оставшаяся за наделом земля, едва-едва имела какую-нибудь цену. Мы знали случай, когда крестьяне приобретали десятину земли по цене — привезти в барскую усадьбу кубик дров. Вдали от железной дороги земля почти не имела цены. Я знаю случаи продажи леса, — векового леса на берегу судоходной реки — по 20 рублей за десятину с большой рассрочкой. Вот большое лесное имение: 12 тысяч десятин предлагают крестьянам за 40.000 рублей. Крестьяне отказываются. Они, в сущности, не умеют и долго еще не будут уметь совершать такие сделки. Покупает купец за 60.000 рублей. Рубит, рубит, вернул все деньги — и продал еще за 150.000 рублей. Потом после нескольких лет новой рубки, имение было продано за 100.000, снова продано за 400 тысяч и, наконец, за 1.200.000. Дворянская выручка — 5 рублей за десятину векового леса.

В конце 70-х годов 10 рублей за десятину в отдаленных местах было крас-

ной ценой за землю. После 19 февраля богатыми остались только те помещики, которые получили серьезные суммы в виде выкупных.

Оброков крестьяне просто не платили... Старое дворянское поколение коекак доживало свой век — молодые, кто мог, — шли в отхожие промыслы, проходя через высшие учебные заведения и увлекаясь идеями века.

Вот почему в отдаленных лесных уездах мы видим целые дворянские собрания, настроенные народолюбиво, — таково Весьегонское, Череповецкое,[6] таково все Костромское дворянство, которое приняло в свою среду исключенных из дворян "выборжцев", кн. Долгорукова и других... Таково Новоторжское дворянство, проникнутое традицией декабристов, традицией сороковых и шестидесятых годов.

Уже к началу семидесятых годов надо было набирать дворян в мировые судьи, а в девяностых годах, — когда, чтобы занять должность земского начальника, требовалось, по выражению А. Хвостова, "уметь считать до 300", нельзя было набрать достаточно местных дворян недорослей.

Тверской дворянский либерализм времен освобождения крестьян был другого происхождения: то было последствие влияния Московского университета, литературы 40-х годов, влияния кружков. В центре достижения тогда стоял, с одной стороны, Новоторжский уезд с его традицией, шедшей от Пушкина до Белинского,[7] с его дворянскими усадьбами, с богатейшими садами, с гумнами, построенными по манере греческого Парфенона (такова усадьба Львовых — рисунок этого гумна, сделанный художником Воробьевым, находится в Румянцевском музее). Тут семья Бакуниных, друзей и воспитанников Белинского, задавала тон. К ним присоединились молодые люди из Московского университета — губернский предводитель Унковский, Головачев,[8] бывшие члены кружка Петрашевского, как Европеус.[9] Кружки 40-х годов вышли на арену и осилили дворянское имение. А обаятельная личность Унковского и нелепое преследование властей сплотили некоторую часть дворянства в этом порыве.

Дворянство подало адрес с указанием на необходимость созыва народных представителей.[10] 13 мировых посредников подали заявление о недостатках положения 19 февраля, о необходимости уравнения прав сословий и созвания представительства. Они были преданы суду и лишены права общественной службы.[11]

Но в мое время вожди того поколения больше не участвовали в общественной жизни губернии. Один Харламов из Вышнего Волочка, потеряв весь блеск одушевления, являлся по временам в земское собрание, да раз появился А. А. Головачев, чтобы завершить свою общественную роль участием в депутации, вызвавшей знаменитый ответ "о бессмысленных мечтаниях".[12]

В петербургских кружках требовался демократический образ жизни — тот самый, который ставился в вину чиновникам и служил поводом к закрытию карьеры.

Были две дворянские традиции: одна традиция пошехонской старины, прав крепостничества, воспоминаний о предводителе Хвостове, который, объясняя недочет в суммах, заключил: "что с возу упало, то пропало". Другая традиция 60-х годов — Унковского с товарищами — традиция эмансипации. Дворяне делились на две партии: правых — мы называли их "белыми арапами", а левых их

противников честили "красными". Были люди центра — консерваторы в своей домашней жизни, готовые быть и консерваторами и в общественной жизни, но люди чистые. Им претила грязь и злоба пошехонской старины. На словах они были против нас, а на деле в голосованиях всегда оказывались на нашей стороне. Я вспоминаю братьев Квашниных-Самариных, Степана и Николая Дмитриевичей.[13] Всю жизнь они отрицали наше направление — и всю жизнь (кроме немногих случаев) на выборах и в постановлениях голосовали вместе с нами.

Губернским предводителем я застал князя Мещерского.[14] В глубине души он был крепостник. Но это был крепостник ручной, скрывавший свои вожделения. Он дорожил своим положением не только предводителя, но и председателя управы и избегал столкновений с левыми, которых побаивался.

Под конец против Мещерского восстали и многие из правых, которые хотели провести в предводители и выбрали Оленина.[15] С точки зрения представительства Оленин был не ниже Мещерского, но по личным связям он был с левыми. Студент 60-х годов, он сохранил от студенческих лет печать освободительных настроений. За Олениным шел Всеволожский,[16] бывший с детских лет своим для новаторов.

Я уже не участвовал при смене Всеволожского тверским уездным предводителем — комическим Трубниковым и земским начальником Паскиным.[17]

Я вернулся в дворянское собрание в 1905 году — и встретился там со своими прежними противниками и ругателями. Встретил там уже состарившегося Столпакова и выступавшего с молодой энергией Гурко. — Друзья предложили мне выбираться в губернские предводители. Я отказался. Я объяснил, что желаю весь отдаться борьбе с приказным строем и не хочу себя связывать с положением, обязывающим к беспристрастию. — Но я просил, чтобы меня выбрали кандидатом в уездные предводители. Меня выбрали. Я не имел намерения переезжать из Петербурга в деревню, но только через дворянские выборы я мог попасть в губернское собрание. Я уговорился с настоящим предводителем Н. А. Калитеевским,[18] что во время губернского собрания он будет брать отпуск, а я заступлю его место. Однако прошло месяца два и Калитеевский взял да и подал в отставку. Ему угрожал суд за допущение на Весьегонском земском собрании заявления о необходимости созыва Учредительного Собрания.

И я сделался снова предводителем дворянства,[19] — против желания, конечно, — да и смысла в этом не было никакого.

IX

О СЕМЕЙСТВЕ БАКУНИНЫХ И ТВЕРСКОМ ЗЕМСТВЕ

В Тверских дворянских собраниях эпохи освобождения и в земстве, с первых дней его существования, роль центра сыграло семейство Бакуниных. В заявлении 13 посредников,[1] требовавших равноправия и созыва земского собора, принимали участие Николай и Алексей Александровичи Бакунины,[2] а в земстве руководящую роль играли Павел и Александр Александровичи Бакунины.[3] Николай Александрович Бакунин был в 1861 году членом губернского присутствия, Алексей Александрович был тогда новоторжским предводителем дворянства. Оба были осуждены по приговору сената, оба были лишены права участвовать в выборах сословных и общественных, оба не просили о прощении и поэтому не участвовали в земской жизни Тверской губернии. Николай Александрович даже и жил не в Тверской губернии, а в казанском имении Бакуниных, по временам приезжая в Новоторжский уезд. Он был старший из братьев после Михаила Александровича и больше всех остальных братьев имел с ним сходство: широкий, плотный, могучий богатырь. Он отличался от Михаила Александровича и от всех других братьев расположением к жизни на открытом воздухе, к движению: наездник, охотник, сельский хозяин. Я только раз в жизни видел Николая Александровича и слышал его рассказы о надеждах 1861 года, когда весной, после 19 февраля, он с товарищами ехал в Тверь на дворянское собрание в большой лодке, по половодью Тверцы, когда кругом и на душе была торжествующая весна.[4]

Алексей Александрович был худощавый, стройный, с седыми кудрями; изящный старик (в юности, говорят, был красавцем), болезненный, ботаник и музыкант. Я его застал уже неизлечимо больным, кашляющим стариком. Николай Александрович был другом Белинского, Алексей Александрович — другом Тургенева, посвятившего ему шуточную сказку.

В Тверском земстве руководящую роль играли Павел и Александр Александровичи. Павел Александрович — философ;[5] ловец человеков, идейный руководитель земского кружка, и Александр Александрович, бывший профессор, солдат севастопольской войны, георгиевский кавалер и гарибальдиец второй высадки Гарибальди в Реджио, — энтузиаст и оратор. Помню, как раз мы с ним ночевали в одной комнате дома-усадьбы Константиново у Михаила Ильича Петрункевича.[6] Раздевшись и повязав голову по старой моде ночным колпаком, он вдруг заявил: "Знаете о чем я думаю? Чтоб меня посадили в Петропавловскую крепость; я бы читал Гегеля, думал и был счастлив".

Павел Александрович был деятельный учитель философии. Он в совершенстве усвоил себе метод Сократа. Чуть бывало заполучит человека, способного связать две-три мысли, Павел Александрович бросит ему вопрос, вслед за ответом другой, и, смотришь, внимание собеседника прикована к философскому вопросу — о значении религии, о Едином сущем, о Вечном духе или о женском вопросе, и следует, в форме диалога, развитие интересующей Павла Александровича мысли. Он держал окружающих на уровне философского и морального одушевления. Для него деятельность в земстве, политическая деятельность были делом нравственного подвига.

Вся семья, тесно сплоченная, живое предание 40-х годов, была точно рыцарским орденом культуры в бедной, дикой, пошехонской России, светлым лучом. Для первоначальных земцев их дело было готовальней культуры и свободы, долгом, подвигом самоотвержения, апостольством. Скольким людям пример Бакуниных поднял настроение, помог сохранить душу живу, веру в лучшее будущее и энергию к работу среди невероятно тяжких условий.

"Русская история делалась кружками", — говаривал Н. Д. Кавелин.[7] Он утверждал, что можно проследить деятельность таких кружков, подготовивших реформу Петра Великого. Он сам принадлежал к тем московским кружкам, где сосредоточилось умственное движение 40-х годов, где подготовлялись освободительные реформы. Тверской кружок был "кружковым" ответвлением, и мы можем далеко проследить его влияние в политическом движении, в развитии конституционной мысли.

В Тверском земстве были два таких центра: Новоторжский уезд, где культурная традиция Пушкина и декабристов сменилась традицией 40-х годов, Белинского, Тургенева; потом влиянием семейства Бакуниных, около которого сплотилась и молодежь 60-х годов: Повало-Швейковский,[8] Линд,[9] Михаил Ильич Петрункевич, позже Иван Ильич Петрункевич.

Другой центр, выступивший на сцену в 70-х годах, был в Весьегонском уезде, который сохранил свою физиономию в самые трудные времена.

Бакунины не были только "культурниками" (слово изобретено впоследствии), их идеалом была свобода, свобода политическая. В ней и к ней они хотели воспитать народ и общество. Его надо было создавать не насилием или бунтом, а долгим подвигом труда.

"Не забегайте бесполезно вперед", — учили Бакунины, — "воздерживайтесь от бесплодных попыток". — "Народ нас не знает и знать нас не хочет", — предостерегал Александр Александрович.

К 1874 году прочно укрепилось просветительное предприятие Тверского земства, — школа Максимовича.[10] Новоторжская семинария, увы, была уже казенной. В те времена вопрос о народном образовании делил земство на две части. Одна часть, так называемые, левые, видели в народном образовании основу новой России и готовы были не жалеть денег, всеми силами звали земство к расходам на это дело, другая часть — правые (мы их называли белыми арапами) считали все это пустой и излишней забавой, даже вредной. Середину занимали люди, которые желали просвещения, но не хотели тратить на него много денег.

Как безнадежно казалось тогда это дело.

Надо признать, что Тверское губернское земство вступило на правильный путь. Оно стало готовить учителей для школы, понимая, что ими двинется дело народного образования. Тверское земство фактически встало в деле народного образования в первый ряд, не имея ни средств московского земства, ни средств северо-восточных губерний, где богатыми плательщиками земских сборов являлась казна или заводы.

Школу Максимовича основал на свои средства член управы П.П.Максимович в самых скромных размерах. Потом земство стало выдавать субсидию, начав с 2.000 руб. Школе посчастливилось. Сначала ее директором был А. Н. Робер, бывший директор тверской гимназии, устраненный за излишнюю мягкость.[11] Не знаю, нужна ли была большая суровость с гимназистами; с девочками школы Максимовича довольно было одной доброты. Робера любили, у него отлично учились. В школе сложилось дружное товарищество, само поддерживавшее слабых, школьное общественное мнение, требовавшее серьезного труда, уважения к будущему призванию. Школа была как бы орденом, просветительным братством, общиной. Начальница школы, Надежда Павловна Дьяконова, из дворянской семьи Долгово-Сабуровых, осталась бездетной вдовой.[12] Она нашла в школе свое призвание, все содержание, весь смысл своей жизни. Школа ей заменила детей, семью. Постоянным напряжением любви она сумела привязать к себе своих воспитанниц, умела высоко поднять весь строй мыслей и чувств юных девиц, внушить им энтузиазм к делу просвещения. Школа помещалась в наемном неприспособленном доме. Рядом была городская школа, где ученицы начинали свое преподавательство. Выходит девица учительствовать в глухие деревни, в крестьянские избы с маленькими окнами, с плохим отоплением, на скудном содержании, заброшенная, часто без книг, без доброго слова, и несет свой искус, не сдаваясь в борьбе с окружающей беспросветной темнотой, поддержанная внушением с юности, сознанием святости своего призвания. Безукоризненная чистота и твердость характера Надежды Павловны импонировали не одному персоналу школы. Злобная клевета провинциального города не посмела ее коснуться. И когда, во вкусе гр. Д. А. Толстого, поднялся поход на школу, за нее заступились и гебурнатор и консерваторы земского собрания, с председателем Кашинского окружного суда Головиным во главе, и князь Борис Васильевич Мещерский.

Поход против земства вообще и против школы Максимовича, в особенности, вел директор народных училищ Малов, человек ограниченный, темный, злой обскурант. Николай Петрович Оленин,[13] тогда еще новоторжский предводитель дворянства, избрал своею специальностью травить Малова. Оленин говорил ему "ты". И Малов, не зная обижаться ли ему на эту фамильярность аристократа или принимать ее как знак дружбы, отвечал широкой улыбкой на обращение Оленина. — "Вот, друг мой", — говорил Оленин. — "В наши времена дело было просто, не то, что теперь. Нехорош человек, значит, не допороли или перепороли. Вот тебя так явно не допороли". Малов вопросительно улыбался. — "Да ты не обижайся, ведь у тебя есть будущность: тебя еще могут допороть". И Малов отходил со словами: "Ведь всегда что-нибудь такое выдумает Николай Петрович".

Школа Максимовича была популярна в губернии. Если девочка поступала в школу, можно было достоверно знать, что ей по окончании обеспечено место учительницы. Платы за обучение не было. Значит, только поступить и получить стипендию и судьба твоя устроена. Это было разрешением семейного вопроса в среде небогатого духовенства и открывало поприще для учениц народных школ. Эта школа сделалась любимым учреждением населения Тверской губернии.

С 1874 года Максимович не входил более в состав губернской земской управы, но до конца жизни оставался попечителем школы. Его участие было больше демонстративное. Ежедневным работником в школе сделался Павел Асигкритович Корсаков.[14]

Назвав Павла Асигкритовича Корсакова, надо о нем сказать несколько слов. Павел Асигкритович сделал много не только для женской учительской школы, а и во всех областях земской деятельности, как губернской, так и уездной. На мою жизнь он возымел решительное влияние: он привлек меня к земской деятельности, когда, кончив курс в университете, я колебался, что делать? Не остаться ли при университете, как предлагал мне профессор Градовский? Корсаков объединил тот кружок, который получил название "Молодой Весьегонии", и определил надолго направление деятельности Весьегонского уездного земства. В юности Корсаков принимал деятельное участие в кружках петербургского университеа, готовился быть профессиональным ботаником. Но уйдя из числа студентов, вследствие какой-то истории, он выдержал экзамен на степень кандидата прав, поступил на службу в сенат и очень скоро был уже следователем в Черниговской губернии, потом товарищем прокурора в Киеве. По смерти отца, Корсаков должен был поселиться в имении Весьегонского уезда, где сделался влиятельным гласным, руководителем земского собрания. Попав в губернские гласные, Корсаков был выбран членом губернской управы. Вместе с ним был выбран Алексей Борисович Врасский.[15] Они оба дали направление губернской управе. Они двое, Корсаков в особенности, были центром, около которого сошлись в деятельном содружестве все прогрессивные работники земства: Михаил Ильич Петрункевич, гласный от Торжка и старший врач больницы, Василий Иванович Покровский,[16] основоположник земской статистики, Алексей Павлович Апостолов, секретарь управы, А. Сюрлов, работавший до старых лет в страховом отделе, Александр Николаевич Дьяков, племянник Бакуниных, философ и тверской мировой судья, по временам предводитель дворянства. К ним примыкал Н. В. Верещагин, зачинатель артелей и сыроварения. Все эти люди заслуживали бы каждый отдельной характеристики и жизнеописания. Они привлекали к своему одушевлению и деятельности, так называемый, третий элемент.[17] Помню Дмитрия Ивановича Рихтера,[18] впоследствии статистика дворянского и крестьянского банков, и Ивана Ивановича Бочкарева,[19] не раз помянутого в воспоминаниях о Л. Н. Толстом. Все эти люди были по направлению демократами-народниками, все стремились к обновлению России, к освобождению. Но они шли путем не революционного насилия или бюрократического приказа. Земской деятельности они дали огромный толчок. Трудно перечислить все, что было ими начато: опыты с артелями, из коих вырастали иногда прочные и полезные учреждения, вроде школы молочного хозяйства в селе Евдокимове; организацию статистики, столько послужившей в Тверской губернии в деле понижения выкупных платежей и в деле раскладки; обновление тверской губернской больницы, основание губернского аптекарского склада, обслуживавшего все уездные земства, организацию больницы для душевнобольных, заменившую собою старый, страшный сумасшедший дом, организацию земельного кредита для покупки крестьянами земли, раньше учреждения земельного банка, и с блистательным успехом — организацию эмеритуры[20] и, наконец, блестящую и солидную организацию страхового дела. Всему этому дан был толчок новой земской управой, выбранной в 1874 году.

Впоследствии имущественные дела заставили Корсакова искать работы в бюрократическом Петербурге, где он быстро занял выдающееся положение в финансовом ведомстве. Карьеру его покончил Витте, устранив его за подписание

адреса Тверского земства. Пришлось Корсакову искать работы в Торгово-Промышленном банке. И там сказался его организаторский талант, и работа его увенчалась успехом.

Умер директор школы А. Н. Робер, и надо было найти кого-нибудь на его место. Корсаков предложил Ф. Ф. Ольденбурга.[21] Попечительный совет согласился, и Ф. Ф. Ольденбург до конца дней своих, т.е. до 1914 года, остался в школе. Широко образованный, преданный своему делу, добросовестный труженик, бесконечно добрый человек, Ф. Ф. сам был примером и поучением: вот чем должен быть педагог. Он целиком воспринял старые заветы А. Н. Робера и Н. П. Дьяконовой: заветы бескорыстной преданности народному образованию, любви к ученицам школы. Он внес, кроме того, элемент порядка и строгой дисциплины. Главной чертой его характера я бы назвал благочестие и благодушие. В деле воспитания надо быть добрым, справедливым и гуманным. Надо, чтобы все эти свойства проявлялись демонстративно и были при этом искренни, — не были бы деланными, не переходили бы в слащавость. В этом, пожалуй, весь педагогический талант, и он был в полной мере у Ф. Ф. Ольденбурга. Я никогда не видал, — и никто, я думаю, — Ф. Ф. спорящим. Он мягко старался убедить противника. Это, конечно, не всегда ему удавалось. Но противник уходил, если не согласный с ним, то умиротворенный. Редкая мягкость характера Ф. Ф. избавила его от нашествия и столкновений с казенными блюстителями просвещения. Счастьем Ф. Ф. было и то, что он имел дело с таким директором народных училищ, каким был А. М. Безобразов,[22] в котором тоже не было ни тени лукавства или ненависти.

После 1905 года Ф. Ф. очень определенно присоединился к партии к.-д., которую тверские октябристы, старые враги земского движения, терпеть не могли. Но кандидатуру Ф. Ф. всегда ставили в своих списках.

И вот этого человека тверские черносотенцы избили до полусмерти вечером 17 октября 1905 года. Били на глазах военного отряда, который окружил место побоища и спокойно смотрел, как черносотенцы подожгли здание земской управы, где собрались служащие в земстве, и дымом выкурили на улицу членов собрания.[23] Там их избивали всласть, сколько черной душе угодно было. Раньше этого, губернатор приезжал на площадь — посмотреть на толпу, осаждавшую земский дом, посмотрел на солдат, занимавших площадь, и уехал спокойно восвояси. А черная сотня докончила свое дело. Те, кто мог двинуться после избиения (Ф. Ф. Ольденбурга в их числе не было), приехали в Петербург, обратились к Витте через И. И. Петрункевича. — "Прогоните губернатора", — говорили депутаты. "Расследование может показать, что он не был так виноват", — отвечал Витте. "Вы найдете способ его вознаградить. Но теперь сделайте немедленно демонстрацию. Это остановит погромы вернее всякого другого средства. Губернаторы поймут, как опасно равнодушно относиться к избиениям".

Витте согласился с этим аргументом, послал депутатов сейчас же с их рассказами к Дурново. Дурново ничего определенного не сказал, прислал потом для следствия генерала Толича. Толич ничего не открыл. Но губернатор остался на месте. Впоследствии, во время земского собрания для выборов в Государственный Совет, весной 1906 года, губернатор Слепцов был взорван брошенной в него бомбой.[24] Виновников не нашли.

Ольденбург не только был педагогом учительской школы, он был докладчиком губернского земского собрания по вопросам народного образования. Я

не говорю об его литературной деятельности, о разработке вопроса всеобщего обучения. Для дела народного образования бесконечно ценно его личное влияние, неустанно поддерживавшее его бывших учениц. Тверскому земству посчастливилось. Оно с первых шагов взяло правильное направление, начав с организации учительских школ. И земству удалось найти людей, целиком отдавшихся этому делу.

Во время директорства Ф. Ф. Ольденбурга школа переехала в свое собственное помещение — одно из заметных зданий города Твери. Школа Максимовича (под этим названием она осталась до конца) сделалась тверским учреждением. Способные девочки, ученицы народных школ, мечтали о школе, которая открывала им новый широкий мир. Помню одну трогательную историю: Павел Ефимович Гронский (отец Павла Павловича Гронского),[25] проходя мимо школы, увидел сидящую на ступеньках крыльца плачущую девочку лет 13-ти. Девочка оказалась родом из Весьегонского уезда, откуда прошла пешком 180 верст, чтобы поступить в школу, и не знала, как в нее попасть, как попроситься. П. Е. взял девочку под свое покровительство. Уладили вопрос об ее подготовке, и девочку приняли в школу стипендиаткой Весьегонского земства. Девочка эта жива до сих пор, получает пенсию, как бывшая учительница, и сохранила душу живу.

В последнее время появились новые учительницы народных школ, — из окончивших курс женской гимназии. К концу первого десятилетия XX века в каждом городе Тверской губернии уже имелась женская гимназия, иногда две. Гимназии стали прочно. Так называемый Солодовниковский капитал, помимо городских и земских ассигновок, обеспечил их существование. Гимназии не пустовали. Отвезти девочку в уездный город и содержать ее там — дело недорогое. А окончание курса в гимназии сулило верный заработок. И женские гимназии сделались крестьянскими. Они снабдят школы учительницами и, главное, внесут в крестьянские массы потоки света и просвещения... Повторялось, быть может, американское явление: женщины могли делаться в массе образованнее мужчин. Какая назревала перемена в нравах. Если бы не прошел смерч...

X

ЗЕМСТВО И НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

1.

К 1914 году из всех уездов Тверской губернии,[1] только в трех — в Тверском, Новоторжском и Весьегонском было введено всеобщее обучение, и все призывные оказались грамотными. Дело первоначальной школы было прочно обосновано. Почему всеобщее обучение было легче всего устроить в Тверском уезде, понять нетрудно. В городе школы были городские, одна только содержалась за счет земства. В уезде на содержание школ было достаточно одного поступления земского сбора с фабрики Морозова.[2] Да кроме этого, и на самой фабрике было устроено несколько образцовых школ.

Трудно было наладить дело народного образования в Новоторжском и отдаленном Весьегонском уездах. В Весьегонском земские школы были впервые заведены по почину гласного Кисловского.[3] То был человек заметный и своеобразный, бывший офицер Нижегородского драгунского полка на Кавказе, образованный, славянофил, демократ и барин-самодур. В уезде все ему подчинялось, и он слыл прогрессистом, в губернии из ревности к влиянию Бакуниных он готов был играть роль консерватора и даже реакционера. В Твери ему предшествовала репутация горячего поборника освобождения крестьян в Киевском губернском комитете. Рассказывали, что в Киеве он имел резкое столкновение с генерал-губернатором Васильчиковым. Приехав в Весьегонск в свое имение, Кисловской при образовании волостей, поступил писарем в соседнее волостное правление и заявил о своем намерении записаться в общество крестьян соседнего села, куда просил его принять. Не могу не вспомнить по этому поводу презабавного анекдота, рассказанного А. М. Унковским — вождем в работе крестьянского освобождения в Твери.

В 1861-63 годах Унковский жил в Москве и был близок с И. С. Аксаковым, с которым постоянно спорил.

— "Вот вы утверждаете, что крестьянские наделы недостаточны, — говорил как-то Аксаков, — а между тем у вас же в Тверской губернии, небогатые помещики просятся на крестьянский надел". — "Не слыхал. Кто же такой?" — "Кисловской". — "Кисловской небогатый помещик? Да у него 10.000 рублей дохода". — Аксаков обомлел. — "Он у вас бывает?" — "Да, иногда, проездом через Москву". — "Приведите его ко мне"... — И вот через несколько времени Унковский приводит к Аксакову широкоплечего, огромного, бородатого мужчину в крас-

ной шелковой рубашке, поддевке, плисовых шароварах, с серебряным гребешком на поясе. — Знакомятся, садятся, разговор все живее. Аксаков ходит вокруг да около вопроса о личной неприкосновенности, если бы Кисловской был принят в крестьяне.

— "Попросту сказать, вы хотите меня спросить, как я не боюсь, если буду крестьянином, что меня и выпороть могут?" — "Ну, да". — "Иван Сергеевич! Да при моей-то комплекции 20 розог, что могут значить?" — Аксаков был в восторге. Когда Кисловской ушел, Аксаков обнял Унковского, благодаря его за знакомство. — "Вот истинно русский человек!"

"Истинно русский человек" произнес в Весьегонском земском собрании патетическую речь о необходимости просвещения и школ для освобожденного народа. Почитатели Кисловского ассигновали 6.000 рублей и постановили для начала открыть, по крайней мере, по одной школе в каждой волости.[4] Добром помянем Кисловского.

Вместе с земским почином проявился и частный. Сам Кисловской открыл школу в соседнем селе. Там учительницей была его дочь. В нашей волости была построена и открыта школа молодой девицей фон Райзер. Было построено прекрасное школьное здание. Его Райзер передала земству.

Первая земская ассигновка на школы была, кажется, в 1866 или в 1867 году. К 1878 году во всех волостях было по крайней мере по одной школе. Скоро школы сделались любимым детищем земства. Член училищного совета[5] от земства П. А. Корсаков пользовался в совете руководящим влиянием. Члены совета старались посещать все школы, весной производили экзамены в полном своем составе, чтобы установить единоообразие в производстве экзаменов, одну меру в оценке успехов. Земскому собранию представлялся подробный отчет о ходе обучения в школах. Не помню, в каком году именно, но к концу 70-х годов при призыве новобранцев грамотных оказалось 40 проц.

Открытие новых школ совершалось без затруднений.

Легко находились учителя или учительницы, на месте всегда находился доброжелатель, обеспечивавший помещение. Приезжал учитель, после молебствия сразу появлялись ученики и дело шло. Но усиленная работа в деле школ вызывала усиленное внимание министерства народного просвещения и внимание было далеко не доброжелательное. Правительственное око — инспектор принимал деятельное участие в заседаниях училищного совета, стремился перемещать учителей согласно заявляемым ему просьбам и, объезжая школы, мало интересовался ходом преподавания, задавал неизменно вопрос, аккуратно ли ходит учительница в церковь, не ест ли скоромного в постные дни, какие книжки читает, с кем знается? Одним словом, это было не педагогическое руководство, а полицейский надзор. Хорошие учителя из семинаристов иной раз пробовали держать себя независимо, у них был выход: идти в священники. А девицы смиренно подчинялись или должны были уходить. Помню историю с учительницей из известной духовной семьи, рекомендованной инспектором и подавшей ему в постный день горшочек сливок к чаю. Учительнице пришлось уйти. Не обошлось и без формального объяснения с министерством.

При первоначальном устройстве школ земство, конечно, начинало с того, что обращалось за помощью к местному священнику. Когда школы открыва-

лись, священник, естественно, становился законоучителем или руководителем преподавания Закона Божия. Согласно правилам, только окончивший курс семинарист имел право преподавать Закон Божий. Вначале тверские архиереи, сперва Филофей, потом Алексей, предписывали священникам преподавать в школах Закон Божий. Об особом вознаграждении не было и речи.

Земство берегло каждую копейку и, когда заходила речь о жаловании законоучителям, становилось на ту точку зрения, что преподавание Закона Божия в школах входит в обязанность священника, как всякое религиозное служение. Директор требовал назначения жалования, обращаясь в управу, управа ссылалась на неимение ассигновки на вознаграждение. Тогда последовало распоряжение министра народного просвещения: объявить училищному совету и земской управе, чтобы они потребовали от земского собрания особой ассигновки на вознаграждение законоучителям с предупреждением, что если собрание этой ассигновки не даст, — все школы Весьегонского уезда будут закрыты, как те, где учителя преподают Закон Божий, так и все остальные. Земское собрание безмолвно подчинилось.

В начале 80-х годов количество школ равнялось 42. И не росло. Определившаяся реакция отразилась и на школьном деле. Много труднее было приискивать учителей на место семинаристов, уходивших в священники. Учительство менее чем прежде привлекало молодежь. П. А. Корсаков, вернувшийся снова в Тверь, не мог уже, как прежде, объезжать школы. А скоро он и совсем перебрался в Петербург на казенную службу.[6] В учительстве стало замечаться падение интереса к делу. Школы как будто остановились в своем развитии.

Но в 1885 году делу народного образования дан был толчок, после которого начался новый период развития. Уже 47 лет прошло с тех пор, как в школьном деле в Весьегонском уезде принял участие князь Д. И. Шаховской,[7] впоследствии член 1-ой Государственной Думы и министр Временного правительства.

Зимой 1884-85 года Кавелин часто рассказывал о кружках университетской молодежи, не социалистов, не революционеров, — очень идейных юношей. Среди повального отупения тогдашней молодежи это было редкое явление. У Кавелина же вскоре я встретился с одним из членов такого кружка, князем Д. И. Шаховским. Молодой, застенчивый, с наивным внимательным взглядом, Шаховской проповедовал учение Льва Толстого, аскетизм, самопожертвование, любовь. К политике он был равнодушен и собирался идти в учителя русского языка. Он горел жаждой подвига. Кавелин оспаривал его аскетизм, нападал на Толстого, вызывая Шаховского на спор. Спорил и я с юношей, любуясь им. Я был поражен новым для меня явлением.

Оказалось, что, кроме Кавелина, есть другая нить, соединяющая нас с Шаховским. Шаховской принадлежал к университетскому кружку, один из членов которого, И. М. Гревс,[8] скоро женился на двоюродной сестре моей мамы, Марии Сергеевне Зарудной, другой член кружка, В. И. Вернадский,[9] женился тоже на двоюродной сестре моей жены, Наталии Егоровне Старицкой. В родственном кругу имя Гревса было каким-то пугалом. Папеньки и маменьки очень боялись влияния Гревса на своих дочерей. Belle mere Гревса, В. А. Зарудная, с ужасом рассказывала об образе жизни Гревсов: они отказывались от дорогой обстановки, от кареты, и когда З. А. однажды приехала за ним в карете, beau-fils сел на козлы, рядом с кучером. Мамаши даже удерживали дочерей от образования, дабы они не подпали под влияние Гревса и гревсистов.

Университетский кружок этот стоит, чтобы о нем рассказать поподробнее. Основу ему положила компания бывших варшавских гимназистов: Шаховской (отец его был начальником штаба в Варшаве), А. А. Корнилов, братья Ольденбурги.[10] Кроме них, Вернадский, Гревс и три барышни Зарудные: Мария Сергеевна, Екатерина Сергеевна и впоследствии Анастасия Сергеевна. Объединился кружок под влиянием американца Фрея. Настоящая его фамилия была Гейнс.[11] Брат его был туркестанским генерал-губернатором.[12] Фрей уехал в 70-х годах в Америку, побывал во многих коммунах и ново-религиозных общежитиях. В 80-х годах он вернулся в Россию проповедником новой религии по Конту: братство, общность имущества, открытая жизнь. На одном из собраний кружка, в доме Ларинской гимназии, после речи Фрея, присутствовавшие в общем порыве энтузиазма дали друг другу обет: они объявили себя братством, которое должно пересоздать мир на новых началах общей собственности, трудовой жизни только от плодов рук своих, в буквальном смысле, жить открыто. Проповедь Толстого сильно влияла на братьев, особенно на Шаховского. От политики братья уклонялись: мир надо было спасать внутренним перевоспитанием людей. Братья каждую субботу сходились и давали друг другу отчет в своем поведении. Отсутствующие присылали письма. Кружок этот наложил на своих членов печать на всю жизнь. Теперь эти люди перешагнули за 60 лет. Все они остались чистыми, преданными своим идеалам, подвижниками любви к людям, к правде, к науке... Вскоре члены братства женились на "сестрах": И. М. Гревс — на М. С. Зарудной, В. И. Вернадский — на ее двоюродной сестре, Н. Е. Старицкой, С. Ф. Ольденбург — на А. П. Тимофеевой. Д. И. Шаховской — на А. Н. Сиротининой. Братья уговорились: как бы не разбросала их судьба, периодически сходиться в "общем доме", который надо было приобрести и который служил бы приютом. В будущем именьице братья должны были собственными руками возделывать хлеб и зарабатывать свое пропитание. Имение должно было называться "Приютиным". Его и обрели в Весьегонском уезде. Однако братству не пришлось пожить в нем: Гревс остался в университете при кафедре истории, получил командировку за границу и отправился в Италию и Францию. Вернадский — в Берлин и в Париж, С. Ф. Ольденбург — в Лондон, изучать в Оксфорде восточные языки. Д. И. Шаховской поехал в Весьегонский уезд.

Я соблазнил его: — "Вместо учительства в гимназии поезжайте заведовать народными школами, ваше дело будет и административным, и педагогическим. Вы будете помогать нам заводить школы. Вы будете помогать учителям в преподавании, будете связью между ними. Это подлинное дело на пользу народа, то непосредственное знакомство с его нуждами, о котором вы мечтаете".

Шаховской не сразу сдался. Вероятно, братья обсуждали вопрос. Но они одобрили, и он согласился. Смерть Кавелина,[13] вызванный ею подъем этических народолюбивых стремлений, помогли. Да и родственная связь между сестрами тоже. В учреждении училищных советов, где председателем **ex officio** являлся предводитель дворянства, предусматривалась должность пом.предводителя. Шаховского я представил кандидатом на эту должность. На наше счастье, Дмитрий Иванович оказался весьегонским землевладельцем. Назначение его носило все внешние признаки дворянской благонадежности. И утверждение последовало немедленно. Вместе с тем, мы провели в земском собрании учреждение должности уполномоченного для заведования хозяйской частью училищ, на жалование 1200 рублей. Шаховской находил, что это слишком много и брал всего 600 рублей. Приехал он с женой в Весьегонск осенью 1885 года. Его работа там продолжалась недолго, но оставила глубокий след, проведя черту, с которой начинается новая эра. Ему мы обязаны в значительной мере постановкой нового идеала

в деле народного образования: всеобщего обучения. Мы провозгласили его в 1894 году и осуществили в 1906 году.

2.

Противники народного образования в те времена (в 80-х гг. прошлого века), редко выступали с открытым забралом. Раз только, помню, один гласный доказывал невозможность всех обучить, никчемность обучения неспособных. Он требовал небольшого количества школ для обучения крестьянских мальчиков, отдаваемых в учение по сельским приговорам. "Сельский сход, — говорил Е. И. Недзвецкий,[14] — знает способности всех детей и определит безошибочно, что из мальчика выйдет: Гладстон или дурак?" Весь вопрос о народном образовании был вопросом об ассигновке и об окладном листе. Мы наперед знали, что крестьяне-гласные всегда поддержат ассигновку на народное образование. В нашей собственной среде были разные взгляды на возможность увеличения расходов. Была объективная мера этого увеличения, — рост недоимок земского налога, при увеличении обложения. "Не бойтесь этого обложения, — говорили одни. — Никогда ни одна страна не разорялась от увеличения расходов на народное образование". — "Да, — возражали другие, — страна не разорялась, а земская касса может опустеть. И ваши школы окажутся на бумаге, ибо учителя, не получая жалованья, разбегутся".

Лавируя между этими воззрениями, мы увеличивали год от году ассигновки на народное образование, увеличивали и число школ. Ничего не было легче: дайте только денег. Как-то само собой делалось: и помещение находилось, и учитель, и, главное: школа сразу наполнилась учениками.

В те времена сразу возник вопрос о церковно-приходских школах, возбужденный исполненной религиозной поэзии статьей Рачинского об его школе.[15] Вопрос возник частью и по почину мракобесов, желавших не столько обучения в церковно-приходских школах, сколько изъятия земских школ из рук земских людей. Мы относились к этому вопросу просто. Я вспоминал изречение Маццини об итальянском единстве: " Fate L'Italia anche col diavolo " Сделайте Италию, хотя бы в союзе с дьяволом" — "Уничтожьте невежество, — говорил я, — в союзе с кем хотите, хотя бы с дьяволом. Пусть открывают новые школы, пусть открывают новые средства, — доброе дело! Но, да не будут церковно-приходские школы средством борьбы с земством".

Поколение 60-х годов дало из среды духовенства много горячих и бескорыстных поборников народного образования. Эти люди принимали участие в земской работе в качестве членов училищного совета, преподавателей Закона Божьего, иногда просто учителей. Попы полицейского направления появились много позже.

Мне на память приходят трогательные образы людей, на которых осталась печать духа освобождения. Шаховской и в эту среду направил свои поиски. Он сумел толкнуть некоторых людей из этой среды на путь служения народу, не только в церкви, но и в школе. Было положено начало нескольким церковно-приходским школам. С уходом Шаховского школы эти вошли в общее число заурядных церковно-приходских школ и атрофировались, сделавшись по духу казенными.

Среди учителей земских школ появление Шаховского произвело необыкновенную сенсацию. Молодой князь, сын военного генерала, мужиком в полушубке и в валенках, норовит идти пешком и ездит на одиночке. В Весьегонске своими руками возделывает огород, не допуская никакой помощи и при этом незлобив и скромен, как девица. В нем нет ни тени самохвальства, — совершенная искренность и простота обезоруживает насмешку и осуждение. Все, в ком была способность духовного подъема и одушевления, были приподняты влиянием Шаховского: учителя, служащие в земской управе, священники и дьячки, врачи и гласные, кроме немногих, имевших личные цели. Стыдно вспомнить. Появились завистники жалования в 1.200 р., которые Шаховской получал. В политическом отношении Шаховской был безусловно безупречен, но все-таки власти обеспокоились его эксцентричностью: губернатор Сомов[16] отправился отдавать князю визит. Оказалось, что Шаховской остановился у поднадзорного А. И. Эртеля,[17] и вход к нему по весьма непарадной лестнице.

Во время пребывания Шаховского в уезде были основаны летние курсы для учителей — суррогат съездов, которые не разрешались, устроены были школьные поездки по реке Мологе, в Рыбинск, Ярославль, Москву, Тверь и обратно вниз по Волге и вверх по Мологе. Я не сумею передать того всеобщего подъема среди земского третьего элемента,[18] особенно учителей и учительниц, среди молодого духовенства. Я только что упомянул о безусловной политической благонадежности Шаховского. Он тогда, стоя близко к толстовскому воззрению и отрицая всякое насилие, был равнодушен к вопросам государственного устройства. Но в те времена реакции, демократический образ жизни был грехом, которого не прощала власть придержащая. А Шаховской по приезде в Весьегонск, наняв квартиру, не завел прислуги (член братства должен был быть без нее), а сам принялся за огород, для того, чтобы питаться овощами, собственноручно возделанными.

Появление Шаховского в Весьегонском уезде внесло огромное оживление в среду, так называемого, "третьего элемента". Шаховской начал с того, что вытащил из-под спуда номинально существовавшую Весьегонскую библиотеку, выпросил у кого только мог книг на ее пополнение, добился субсидии земства, устроил посылки книг для чтения по уезду для учителей. В Весьегонске стал устраивать любительские спектакли. Подбивал учителей и поповские семейства на устройство домашних спектаклей. В Весьегонске спектакли имели большой успех, а в деревне дело не шло. Урядники прерывали репетиции и разгоняли актеров, если бы не было испрошено исправницких разрешений. Теперь трудно поверить: запрещали не только спектакли, тут хоть тень публичности есть, запрещены были, так называемые, съезды учителей, т.е. попросту говоря, запрещено было учителям ездить друг к другу в гости... Исправники и инспектора тщательно следили за этим, производили следствие о том, сколько на именины у учительницы имя рек было гостей, учителей и учительниц, делали выговор за такие собрания, грозили увольнением. Впрочем, этот глупый террор разразился не при губернаторе Сомове, а при его преемнике, диком Ахлестышеве.[19]

У чинов министерства появилось по отношению к Шаховскому ревнивое отношение, настороженность, готовность противодействия. Характер Шаховского не давал повода, а его родственные отношения с шефом жандармов и единодушная поддержка со стороны земцев и членов училищного совета оградили его от нападений. Но когда отношение Шаховского к членам училищного совета пошатнулось, начались немедленные столкновения. Может быть, они были даже провоцированы. Шаховской очень тягостно переносил их. Неустроенная обстановка

личной жизни также тяготила его. Первый порыв подвига прошел. Рост школ и просветительных предприятий в уезде приостановился вместе с остановкой в увеличении сметы на народное образование, которое, по почину Шаховского, вырос на 10.000, с 22-х до 32-х, кажется. Неопределенность положения заведующего хозяйственной частью училищ, помощника предводителя, не имеющего власти непосредственного распоряжения, стала живо чувствоваться Шаховским, и, когда по вопросу о перемещении учителей Шаховской в училищном совете остался в меньшинстве, он решил уйти. То дело, которое он должен был сделать, было сделано. Вести ежедневную борьбу из-за минимальных результатов Шаховской не хотел. А главное, он не попал в гласные.

К этому времени воззрения Шаховского на государство, на значение принуждения изменились настолько, что его можно было уговорить баллотироваться в мировые судьи. Но у него не было достаточно ценза, и для избрания нужно было единогласие. И Шаховской решил уйти из уезда. Он занялся своими имущественными делами, поселился в Твери, занялся статистической работой, потом переехал в Ярославль, где также занимался статистикой, да еще ликвидацией доставшегося ему с братьями Щербатовского имения. С тех пор не прекращалась дружеская связь и теплое чувство, соединяющее меня с Шаховским.

Шаховской, дав огромный толчок делу народного образования, ушел, но участие его в школьном деле Весьегонского уезда не кончилось. Ему еще не раз пришлось поработать для школьного дела в этом уезде.

В начале 90-х годов, членом училищного совета, особенно много поработавшим, был Александр Семенович Медведев,[20] сперва страховой агент в Весьегонском уезде, потом помощник заведующего страховым отделом губернской земской управы. О Медведеве тоже нужно сказать несколько слов.

Первоначальные годы крестьянского самоуправления выдвинули на должность волостных старшин целый ряд энергичных, талантливых людей, авторитетных администраторов. Раз попав в волостные старшины, эти люди долго держались, особенно если умели ладить с начальством. Не встречая обыкновенно ни противодействия, ни критики в своей среде, эти люди очень скоро приобретали самоуверенность самодержавных правителей и считали себя способными занять любой пост в уездной иерархии, особенно в земстве. Положение члена управы считалось там законным достоянием гласных крестьян. Но для этого требовалась грамотность, полная, хорошая грамотность. Правда, бессменный член управы Кузнецов не так уж бойко писал, но первое его избрание было Бог знает когда. Семен Афанасьевич Медведев (отец), бессменный старшина, бессменный гласный, во что бы то ни стало хотел "научить" своих сыновей и "вывести в люди", — он их и послал в тверскую семинарию. Не кончив там курс, старший сын Александр не пошел в священники. Скопив малую толику денег от учительства, он поступил в Ярославский лицей (на юридический факультет), прошел весь курс и явился в Весьегонский уезд страховым агентом земства. Потом он был помощником заведующего страховым отделом в Твери, ушел со службы после великого крушения 1895 года, сперва в общество "Россия", потом в Торгово-Промышленный банк, был управляющим отделения банка в Самаре на линии обеспеченной денежной карьеры. Но как только явилась возможность вернуться в Тверское земство членом губернской земской управы, Медведев немедленно отказался от посулов банковской карьеры и вернулся к общественному делу, сперва в земство, а потом и в 1-ю Государственную Думу. Медведева никогда не покидала забота о народном образовании, где бы то ни было, чем бы он ни

был занят, земством ли, банком ли, страхованием ли, он принимал участие во всяком просветительном деле. Он не разрывал с крестьянской средой, искал в ней и умел находить людей, стремящихся к свету, старых и молодых. Медведев стремился к обновлению России. Но, в отличие от большинства своих сверстников, он залогом и началом обновления считал воспитание народа. Центр тяжести для него был не в экономическом вопросе, а в вопросе воспитания народа в условиях свободы. ''Будет свобода, — готов он был сказать крестьянам при выборах в Государственную Думу, — добудете и землю. А без свободы и земля ни к чему".

Каким светлым настроением был он охвачен весной 1906 года, когда великолепным солнечным утром ранней весны 1906 года мы после весьегонских выборов ехали на железнодорожную дорогу, чтобы добраться до Твери. Бывшая до того метель улеглась, сияло солнце, было тепло. Сани скользили по чуть замокшей дороге. Хотелось раскрыть шубу и прокричать в будущее: "Здравствуй, новая, свободная Россия!" В Государственной Думе Медведев отдался работе в комиссии по земельному вопросу. Наступил роспуск Думы, выборгский процесс, возвращение в Самару. Летом 1908 года Медведев должен был отбывать тюрьму. Но прежде хотел достроить школу в своем именьице. Поданы были уже лошади ехать до станции. Медведев, прежде чем садиться в экипаж, пошел посмотреть постройку, упал в обморок и, не приходя в сознание, скончался... То было последствие тяжелых побоев, которым он подвергся 17 октября 1905 года при погроме Тверской управы.[21] Медведев пока оставался в Весьегонском уезде, был членом училищного совета от земства. Ему принадлежит доклад в 1894 году о введении всеобщего обучения. Доклад этот написан им вместе с Дмитрием Ивановичем Шаховским, по моей просьбе. Я исходил из той мысли, что первоначальной задачей обучения является обучение мальчиков. Конечно, грамотность и просвещение закрепляются только тогда, когда женщины столь же грамотны, как и мужчины, когда читают и пишут в семье все, когда дети являются в школу не маленькими дикарями, а маленькими гражданами. Этот идеал, это достижение, ныне, увы! отодвинуто вспять.

3.

В прошлом столетии идеал всеобщей грамотности казался целью отдаленной. Уже только мужская грамота представлялась шагом огромной важности, но и она рождала сомнения в ее исполнимости. Страннолюбский[22] рисовал удручающую картину господствующего, черного невежества и считал всеобщую грамоту делом полустолетних усилий. Педагогическое ответственное мнение разделяло эту точку зрения. Я не смею утверждать, что мысль о возможности организовать всеобщее обучение принадлежит мне. Во всяком случае, я ухватился за эту идею. И убедил в ее осуществимости Шаховского и Медведева. Рассчитывая по 45 учеников на каждую школу, и принимая 3-верстный радиус для одной школы, мы пришли к выводу, что надо открыть (кажется) 40 новых школ, считая по 400 рублей расхода на школу. Это составило бы увеличение сметы на 16.000 р. при 32.000 прежней сметы. На первый год можно было ограничиться 10.000. Так и было предложено в докладе.

Как я жалею, что должен цитировать эти цифры на память, что не могу точно, по документам, восстановить историю этого первого в России постановления о всеобщем обучении. Помню, как я радостно был поражен выводом о возможности всеобщего обучения. С волнением выступил я на земском собра-

нии. И ясно предоставившаяся возможность, блеснув перед гласными, увлекла их. Возражений по существу не было. Были только требования детальных разъяснений. В смету нужно было внести всего треть суммы, необходимой на годовое содержание предполагаемых 40 школ. И это было главным доводом, склонившим земское собрание: сумма никого не испугала. Дело было сделано. В основу школьного дела положено было новое начало. Всеобщее обучение признано было непосредственной целью. Это было осенью 1894 года. В декабре было первое губернское собрание при новом царе. А в январе 1895 года я "сокрушился", и на десять лет был устранен от земской деятельности.[23] Устранен был от всяких касательств к школе. Даже жена не была утверждена попечительницей в школе, выстроенной мной по ее почину. Когда дочери мои устроили на Рождество там елку, всполошился тверской губернатор и произвел дознание.

Преступления не нашли, но учительницам сделали внушение, чтобы не якшались с моим домом. И всем вообще учителям был "преподан совет" ко мне в дом не ездить и сношения со мной прекратить.

Когда я вернулся к общественной деятельности, план 1894 года, худо ли, хорошо ли, был уже полностью осуществлен. Состав учителей, правда, несколько понизился. Рядом со школой Максимовича, поставляла учительниц весьегонская гимназия. Но дело школы стало твердо, прежде всего, в сознании населения. Следующий шаг земства был: постройка собственных школьных зданий. Надо было отречься от тесных помещений в крестьянских избах и начать строить специальные школьные помещения. Я сам приступил к постройке такой школы в деревне Костыгово. Скоро после этого выяснилось, что правительство выдает ссуду на постройку и возьмет на себя уплату жалования учителям всех школ, если земство представит план всеобщего обучения с радиусом для каждой школы не свыше 2-х верст.

Требуемое постановление было принято собранием, большинство школ открыто, и, таким образом, всеобщее обучение стало фактом в жизни Весьегонского уезда.

Строили до сих пор школы деревянные. Конечно, это было проще. Чтобы строить каменные, земству надо было заводить выделку кирпича и затратить на постройку не менее двух лет (год на кирпичи, другой год на постройку). "Но все-таки, — проповедовал я, — школу надо строить навек. Школьное здание останется, в сущности, бесхозяйным. Некому будет исправить и маленькое повреждение, например, в крыше образуется маленькая течь, которая повлечет за собой гниение потолка. Некому будет следить за открытием летом отдушин под полом. И не надолго надо рассчитывать существование деревянного, школьного здания. Школа, как и церковь, должна стоять прочным, незыблемым учреждением".

Я хотел действовать примером. Давно, по почину жены, я выстроил большое, каменное здание для Монаковской школы в Михайловской, самой бедной волости в уезде. Теперь, возвращаясь к работе в земстве, я дал обет выстроить школу в деревне Костыгово. Раньше школа помещалась в старом доме, в нашей Измайловской усадьбе. До школы там был приемный покой и лечил доктор. После октября 1917 года большевики продали этот дом из огромных, толстых бревен германскому канцлеру Вирту для строившейся в то время железной дороги.

Вспоминая прошлое, нельзя не сказать теперь, что с 1866 по 1906 год была

сделана огромная работа. Если бы первоначальным инициаторам земского школьного дела предсказали весь ход осуществления их чаяний, они бы не поверили.

После опыта Весьегонского уезда осуществление всеобщего обучения в других уездах Тверской губернии было много легче.

Вслед за Весьегонским уездом всеобщее обучение было достигнуто в Тверском и Новоторжском. Я не могу последовательно рассказать ход развития школьного дела в Новоторжском уезде. Знаю только, что условия были более благоприятны; там население было более развитое, благодаря отходу в Питер,[24] купечество более образованное, в городе учительская семинария, две женских гимназии. Земское собрание, издавна руководимое прогрессистами (братья Бакунины, потом братья Петрункевичи, дворянские предводители Повало-Швейковский, Всеволожский, Михаил Иванович Петрункевич), не останавливалось перед увеличением расходов на народное образование. Новоторжское земство определенно стремилось создавать хорошие школы с образованными учителями, с хорошо оборудованными помещениями... Школьная сеть была разработана. Здания школ возводились по намеченному плану...

В пору реакции, возглавляемой Плеве, земство наткнулось-таки на препятствия со стороны властей. В земстве установился обычай, каждый год намечать к постройке определенное количество школ и необходимую для этого сумму вносить в смету. В 1901 году собрание постановило: в будущем году построить 8 новых школ и внесло в смету потребную для этого сумму. Смета по тогдашнему закону (произведение Витте) пошла на рассмотрение губернского присутствия, которое нашло ассигновку на постройку школ преувеличенной и, сократив наполовину, отменило постройку 4-х школ в поименованных местностях. Земское собрание решило этому постановлению не подчиняться и школы все-таки строить. Решение это было опротестовано губернатором и отменено присутствием. В течение сметного года земская управа построила только 4 училища, то есть столько, сколько было разрешено.

Посещая Новоторжский уезд для ревизии дел земской управы, Штюрмер[25] (в то время директор департамента общих дел) вместе со своим помощником, известным Гурляндом[26] — врагом всего земского, выражал мнение: "Чересчур торопятся с народным образованием. Надо потише". И в то же время подготовлял удар по Новоторжскому земству в лице управы. За превышение власти управа была предана суду. В чем состояло превышение власти? В том, что управа построила 4 школы в местах, где постройка школ была отменена. А о том, что смета в пределах, указанных губернским присутствием, была соблюдена и что остальные предположенные 4 школы не построены, — о том забыли или умолчали.

Летом 1903 года Новоторжскую земскую управу судили. Московская судебная палата выехала в Тверь. Старший председатель палаты, почтенный судебный деятель Попов, уклонился от этого дела. Приехал товарищ председателя, тот самый, который через 10 лет обвинил Маклакова. И Новоторжскую управу: Балавинского, Цирга, Бакунина обвинили в превышении власти. Пришлось подавать жалобу в сенат. Разбор дела в сенате доставил и обвиняемым, и земству нравственное удовлетворение. Докладывал дело секретарь Акимов. Не берусь вспоминать и судить об его деятельности в качестве министра юстиции. В сенате, в роли докладчика, он был бесподобен. Не приводя никаких заключений, он изложил дело с такой подробностью и ясностью, что в последующем оправдании подсудимых не было никаких сомнений. Дело было ясно. Обвинители знали, что

преступления не было, но нужно было делать угодное начальству. А начальство дало политический поход против тверского земства. В этом штурме главной позицией, которой надо было овладеть, было тверское уездное, а не новоторжское земство.

Тверское уездное земство, не в пример прочим северным земствам, было богато. Одного поступления с Морозовской мануфактуры было достаточно для содержания всех земских школ, сыздавна хорошо оборудованных. Направление тверского уездного земства нередко менялось. Большей частью земство было прогрессивное, но стараниями В. Н. Трубникова[27] и А. Н. Столпакова (некогда член "Земли и Воли", а потом делавшего карьеру под крылышком Каткова), к 20-му веку там оказалось большинство, угодное властям. Штюрмер хотел заслужить у Победоносцева и поднести ему клерикальную демонстрацию тверского земства. Деятельным помощником ему явился предводитель Трубников. Последний давно целился на место губернатора. Для "угодных власти" тверитян карьеру открывали "тверичи в случае": Т. И. Филиппов, государственный контролер и эпитроп "Гроба Господня", и Вышнеградский, министр финансов.[28] Теперь к нему пристал и Штюрмер, директор департамента общих дел.

Трубникову, однако, надо было поправлять свою репутацию в глазах влиятельных покровителей. Он скомпрометировал себя во время истории с знаменитым тверским адресом.[29] Будучи тогда председателем собрания, он, за своей подписью, отправил адрес телеграммой на имя министра двора. И к нему, главным образом, относилось изъявление императорского недовольства: "Чего же смотрели предводители?"

Трубников не только не смотрел, но даже подписал единолично. Теперь он хотел искупить вину, для чего и надумал провести в земском собрании столь приятное власти и единственное за всю историю русского земства постановление о передаче духовному ведомству всех земских школ. Оставалось ехать в Петербург и пожать плоды усердия. Но, увы! И на этот раз неудача: губернское собрание вспомнило, что все сборы с промышленных заведений считаются губернскими, что платеж морозовской мануфактуры — это губернский сбор, и оставался он в распоряжении уездного земства, по согласию и допущению губернского земства, которое одно только и могло им распорядиться по своему усмотрению. Губернское земство и распорядилось: объявило, что тратить суммы губернского сбора на школы, изъятые из-под надзора земства, не намерено. Тогда губернская управа распорядилась, чтобы платежи морозовской мануфактуры оставались на счету губернского земства. Эффектная демонстрация не удалась. Отсюда гнев, приведший к разгрому тверского земства.

8 января 1904 года последовало Высочайшее повеление о предоставлении министру внутренних дел и тверскому губернатору особых полномочий по отношению к тверскому земству. Последовал полный разгон тверского губернского, и новоторжского уездного земств. Удалены выбранные члены управы, назначены другие. Все предположения выборных управ оставлены без рассмотрения. Оставлены без исполнения сметы прошлого года. Удалены из тверской губернии члены губернской земской управы: фон Дервиз, Тиц, Н. К. Милюков. Из новоторжских гласных: доктор Литвинов, А. И. Бакунин, Цирг и Иван Ильич Петрункевич. В Новоторжском уезде оставили места все врачи, почти все фельдшерицы, техники, агрономы, многие учителя, всего считали, что удалилось до 100 человек служащих. Таков был результат ревизии Штюрмера.[30]

Через 14 лет мы встретились со Штюрмером в комнате Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, в заседании следственной комиссии. Великолепный сановник превратился в согбенного, седого старика, который, приступая к показанию, обратился ко мне: "Федор Измаилович, в разгроме тверского земства я не при чем. Я предлагал только: назначить председателя и членов тверской управы". — Я сухо ответил: "Мне очень хорошо известны обстоятельства крушения тверского земства". Старик замолк. Потом я очень жалел о сухости своего ответа. Штюрмер, пришибленный судьбой, боялся мести, Бог знает чего, и, конечно, заискивал. Мне казалось, что его надо было приободрить, и я жалел, что не нашел более добродушного тона... А потом прочел в записках Богдановича, что в июне 1905 года, когда в Петербурге земская депутация во главе с князем С. Н. Трубецким ждала приема у императора, Штюрмер в салоне у Богдановича говорил об опасности приема земцев: "За Родичева и Шаховского не поручусь, что они не принесут под полой бомбы"... — Не беда, значит, что клеветник немножко пострадал страхом.

XI

ПОСЛЕ 1 МАРТА

1.

В зиму 1880-1881 года конституционное движение чрезвычайно оживилось. Земские собрания прошли очень бойко. Чувствовалась потребность в печатном органе, выразителе движения. Под впечатлением слухов, что издатель "Биржевых Ведомостей", Полетика,[1] склонен уступить свою газету, иные из друзей моих пробовали собрать капитал и организовать редакцию предполагаемой газеты.

Мой друг, Иван Асигкритович Корсаков, вызвал меня в Петербург — помочь этому делу. Я связался со многими охотниками принять участие в газете — больше из земской среды. Но деятельным товарищем оказался один Иван Григорьевич Жуковский, бывший издатель "Слова", — уфимский земец.[2] Руководителем предприятия все-таки был Иван Яковлевич Савич, бывший Новгородский земец и директор Волжско-Камского банка. Савич соглашался на нашу комбинацию — поставить редактором Леонида Полонского[3] и надеялся получить согласие князя Александра Илларионовича Васильчикова[4] дать свое имя для издания. Савич обещал обеспечить и финансирование газеты.

Дело пошло на лад.

27 февраля 1881 года я вместе с Иваном Григорьевичем Жуковским возвращался поздно вечером от Савича. Князь Васильчиков принципиально согласился. Для подробных разговоров я должен был пригласить Полонского на вторник.

Но, вернувшись домой, я сразу выскочил из сферы вопросов общих. У моей жены роды пришли немного раньше, чем мы ожидали, и шли трудно. К утру 28-го родилась девочка. Весь день ушел на разные устройства в нашей почти пустой квартире...

1 марта, помню, был ясный морозный день. После завтрака я отправился на Невский в магазин Крюмбюгеля, против Аничкова дворца, покупать грелку для новорожденной девочки. От Крюмбюгеля — на извозчике — на угол Большой Морской и Невского, к портному. Подъезжая к Конюшенной, я услышал какой-то тяжелый звук взрыва.

У портного я замешкался и уже там узнал, что слышанный мной взрыв — была бомба, брошенная в царя.

В 5 час. я провожал свою тетку, уезжавшую в деревню, на Николаевский вокзал. Ничего определенного об исходе покушения мы еще не знали. Но, когда вернулся домой, то мне сказали, что царь убит. Акушерке и прислуге было категорически запрещено что-либо рассказывать моей жене. На квартире же моего отца только и разговаривали о случившемся. Никакого сомнения не было: царь убит.

Помню, я спал тогда в большой пустынной комнате, посреди которой стояла моя кровать. Долго горела свеча, долго я не мог заснуть: мысли не вязались, и среди них, точно давящий груз, в мозгу повторялся вопрос: царь убит, что-то будет? — Ответа не было. Ясно было только одно, — в городе никакого движения, всеобщее оцепенение. С делом газеты, конечно, придется подождать.

Мало-помалу выяснилась реакция общества на событие. Все дамы, даже равнодушные и даже наклонные прежде к фрондированию, к заигрыванию с революционерами, надели траур.

В придворных сферах, в сферах высшей бюрократии впечатление было потрясающее. Рассказывали, что такой-то, получив известие об убийстве царя, умер. Теперь фамилии не примню, но помню, что рассказывали правду.

Вместе с тем, особенно после открытия подкопа из лавки на Малой Садовой,[5] поползли всевозможные легенды; ждали покушения уже на нового императора; рассказывали о попытках отравления, о посылке взрывчатых снарядов в коробках с лекарствами... В печати — истерика. Появились проекты невероятной дикости: Суворин в "Новом Времени"[6] предлагал оцепить солдатами Петербург и обыскивать каждого въезжающего и выезжающего... Л. А. Полонский в "Стране" попробовал спокойным тоном заговорить об ответственности реакции... "Страна" была временно закрыта.

В кругах, близких к революционным, тоже не без паники. Помню, впоследствии я где-то читал об одном вечере 1 марта, на котором были в сборе литераторы "Отечественных Записок" — Успенский, Станюкович и другие. Там будто бы произносились речи пламенных надежд. Может быть, 1 марта и произносились подобные речи. 2 марта таких речей никто уже не мог произносить. Всем было ясно. Полная техническая удача, осуществление целей заговора и безнадежное крушение политического замысла.

Что происходило в дворянской среде? В памяти встает одно собрание тульских дворян вечером на Моховой, в квартире Левашова, где остановился мой шурин, Ф. А. Свечин. Были там все тульские предводители, А. А. Арсеньев, Глебов, И. Н. Шатилов, имевший репутацию просвещенного человека, и другие. Присутствовал и один гусарский офицер, Александр Александрович Стахович. Он молчал и играл с борзой собакой. Вдохновенные речи произносил И. Н. Шатилов. "Говорят, Петербург минирован, — вот уж не жалко гнилого города". Уже в 4-й Думе кто-то из правых мне закричал: "Откуда вы депутат? От гнилого Петербурга".

— "Видел я сегодня, — говорил Шатилов, — памятник Петра. Вот от кого пошло все зло. Вот чей памятник надо взорвать. Назад, в Москву, в Москву", — повторил он возглас, популяризированный потом Чеховым в другом тоне... "И казнить беспощадно!" И. Н. был не только просвещенный, но и добрый человек и, вероятно, припадок его недолго длился... Но тогда его ожесточение поразило меня. Это было отражение коллективного психоза.

Было собрание дворянских делегатов у петербургского предводителя дворянства, графа Бобринского.[7] И там произносились пламенные речи и клятвы. Дворянская реакция начиналась, но устойчивого движения не было. Главная беда была в том, что отпора не было. Беспрепятственно раздавалось только взаимное, реакционное накаливание. Рассказывали о речи Соловьева[8] в зале городского Кредитного Общества. Соловьев говорил о помиловании убийц. В ответ в зале раздался гневный протест какого-то генерала: "бить их надо". Кажется, большинство публики было с генералом.

13 марта были похороны. В похоронном шествии я не был. Помню замечание одного остроумца, который в расписании церемониала заметил, что впереди шла "собственная Его Величества лейб-пферд, ведомая и пр.". В процессии на похоронах Александра 111 шел уже "конь Его Величества". Придворную жизнь перевели на русский язык.

На отпевании в Петропавловском соборе я был в числе провинциальных депутаций, для которых была установлена особая привилегия: их пустили в собор, не в пример прочим. Допущены были русские и иностранные депутации. Рядом с нами стояли германские военные чины. Они поразились пением. "Wie schoen! " повторяли немцы. Пение было, в самом деле, удивительное. Прощание с телом после семейства Императора приняло совершенно беспорядочный вид — ограбления венков. Теперь мне кажется, что я помню припавшую на гроб женскую фигуру в черном платье, покрытую черным вуалем. Это была вторая жена Александра 11 — княгиня Юрьевская, рожденная Долгорукая. В соборе еще кто-то пустил лозунг: едем в Министерство Внутренних Дел благодарить министра за допущение депутатов в церковь.

Многие из нас, я в том числе, не догадались оставить за собой извозчиков и пришлось возвращаться из собора пешком и идти по Неве, на которой уже стояли огромные лужи, снег был рыхлый и мокрый. Мы промочили сапоги и нанесли на ногах снегу в приемный зал Министерства Вн. Дел на Фонтанке. Долго мы толпились, ожидая выхода Лорис-Меликова. Наконец, нас пригласили в соседнюю комнату поменьше, в которую через несколько минут отворились торжественно двери, и вошел худой, с впалыми глазами Лорис-Меликов. Он отчетливо, приятным грудным голосом сказал: "Благодарю Вас за оказанное мне внимание. Верьте мне, где бы я ни служил, на том ли посту, который я теперь занимаю, или в качестве рядового солдата, я исполню свой долг. Я люблю Россию". Тон был искренний и проникновенный, присутствующие были тронуты, но ничего не сказали в ответ на очевидный вызов к этому. Только прокричали: ура! — что было очень глупо. До сих пор не могу простить себе, что промолчал тогда из-за застенчивости. Я стоял близко к Лорис-Меликову: передо мной две огромные фигуры — московского городского головы, Третьякова,[9] и московского предводителя дворянства, Бобринского.[10] Оба пробормотали что-то невнятное — банальную благодарность... Надо было громко сказать: "Мы надеемся, что Вы будете служить России на том же посту". Чувство подсказывало мне, что слова эти удадутся. Но во всем зале я был самый молодой, киты уже свое слово сказали, и демонстарция не удалась. Лорис не нашел деятельного сочувствия.

Пришлось опять увидеть его во дворце, во время приема депутаций. Это было уже порядочно позже. Утром мы собрались у губернского предводителя, кн. Мещерского. Говорили, что Александр 111 возвестил о конституции, готовились услышать нечто чрезвычайное. Так как верили в мою память, обещали мне хорошее место, чтобы я все услышал и записал. Но мест нам выбирать не приш-

лось. Нас расставили по алфавиту. Тверская депутация против тульской в конце зала, как в конце алфавита. Недалеко от нас финляндцы в простых фраках. Появилось шествие: впереди Лорис-Меликов и какие-то чины; император с императрицей, Марьей Федоровной, под руку; наследник Николай Александрович в куртке с отложным воротником.

Император, пройдя мимо всех депутаций, подошел к финляндцам и тихим голосом что-то им сказал по-французски, — я слышал одно слово (charme).А потом прошел в соседний зал, вернулся и стал у двери, лицом к нам. Он хочет говорить, мы напряженно слушаем.

— Благодарю Вас, господа, за то внимание, которое Вы оказали памяти моего покойного батюшки. Поверьте, что я никогда этого не забуду...

Что ж дальше? Ничего!

Император повернулся и ушел... Ура, Ура, Ураа!!!

Мы пробыли в Аничковом дворце часа два. До появления императора среди депутаций все время бегал, быстрый, как блоха, новый градоначальник Баранов,[11] шептался с знакомыми, острил, жестикулировал.

Когда император ушел, вновь появился Баранов, выставил ножку и с пафосом начал речь: "Господа, я получил известие, что если Вы явитесь на место убийства, то в Вас бросят бомбы. Пойдемте туда отслужить панихиду, покажем злодеям, что они нам не страшны".

С великим трудом, пожертвовав калошами, оделись и пошли на Екатерининский канал. Там уже был поставлен налой, приглашено духовенство. Храбрые — вперед! Отслужили панихиду, затем щелкнули... фотографические аппараты, и мы мирно разошлись по домам.

Весна 1881 года в Петербурге ушла на сокрушение Лориса.

После первого оглушающего удара 1 марта общество несколько оправилось. Положим, манифест Александра 111, прозванный "ананас" за слова, что "Бог призвал к себе Александра 11, а на Нас возложил и т.д.", провозглашал задачей нового царствования охрану самодержавия, но Лориса сменил Игнатьев, казавшийся отнюдь не реакционером (когда-то он дружил в Сибири с Бакуниным Мих. Алекс.), а на место Абазы назначен был Бунге, связанный с преданием 1861 года и редакционных комиссий.

Кахановская комиссия продолжала работу, министром народного просвещения оставался Николаи, человек культурный и просвещенный.

Помню этой весной разные встречи с В. А. Яковлевым, делопроизводителем Кахановской комиссии. Через него — я познакомился с сенатором Барыковым,[12] человеком чрезвычайно интересным. Умница и циник, он создал для себя особое положение человека, позволяющего себе в бюрократической среде независимое мнение. После падения Лорис-Меликова он знал, что его карьера кончена. Оставалось доживать в звании сенатора вновь созданного 2-го крестьянского департамента.[13] Связи в бюрократических сферах у Барыкова были огромные — не было человека, когда-либо бывшего у власти, про которого Бары-

ков не знал бы всей подноготной, всех уязвимых мест. Он не стеснялся пройтись на их счет, пустить острое слово, воспеть в шуточном стихотворении.

Уходя, Лорис очень беспокоился за судьбу Барыкова. "Ах, Ваше Сиятельство, не до поросят, когда свинью палят", — успокаивал его Барыков. Редакционных членов Кахановской комиссии он донял своим остроумием. Сонм дворянских корифеев — Пазухин, Хвостов, Бехтеев — ненавидели его от всей души и поносили, как могли и где могли.

Из его стихов помню посвященные наследнику, ездившему на Восток:

Происшествие в Отсу,
Вразуми Царя с Царицею.
Сладко ль матери, отцу,
Когда сына бьет полиция?
Ты ж, царевич Николай,
Когда царствовать придется,
То почаще вспоминай,
Как полиция дерется.

Были ли у Барыкова убеждения? Была, несомненно, демократическая ненависть к бюрократическому аристократизму. Было в юности народолюбие, было очень живое зрение ума.

* * *

Барыков в юности не устоял перед соблазном. И цинически признавался в грехах своих: "Польшу делили — взял (и очень хороший кусок). Уфу делили — взял, тоже недурной кусок (3000 десятин лесу при слиянии 2-х больших рек Белой и Камы, кажется). Я в юности служил в Сенате, — говорил Барыков, — и видел, как князь Д., ничего не понимая, брал куши, а я должен был за него обрабатывать дела и смотреть на него. — Ну, я и перестал только смотреть на него".

В бескорыстие чиновников и правителей он решительно не верил и к Бунге относился с некоторым сомнением. "Ведь я не возьму к себе в повара тощего человека. Что может понимать в кушании человек, который сам не любит есть? Пусть ест — только в меру. Пей, да дело разумей. Бунге — тощий повар".

Истинно русский человек, Барыков думал, что "умный человек не может быть не плутом".

И, тоже русская черта, — когда Барыков встречал человека безусловно, безукоризненно чистого, он преклонялся перед ним безгранично. Таково было отношение Барыкова к Кавелину. "Ведь надо помнить, что за человек Кавелин, — говорил он. — На этой совести нет ни пятнышка, — и при том вовсе не от глупости".

Интересам крестьян, — скорей, чем правам их, — Барыков был предан искренно и совершенно. Он тянул Лорис-Меликова в сторону равноправия изо всех сил. По его словам, Лориса и тянуть не следовало: вопрос был только до каких границ можно втянуть. При Александре II — в последний год — крестьянское дело шло бойко и ходко, согласно вглядам людей, стоявших у власти. И Барыков был ловким кормчим крестьянского дела, рассчитывавшим на то, что сама жизнь расширит узкие рамки первоначально поставленной программы.

Может быть, при Лорисе его честолбие и шло довольно далеко, но после падения всесильного министра, Барыков понял, что и его личная карьера кончена. Он сделался совершенно независимым и бескорыстным. Крестьянское дело вполне его поглотило.

2.

Как отразилось 1 марта в деревне среди крестьянства? Тетка моя 1 марта в 4 часа дня отправилась в деревню. В Бологом надо было пересаживаться на Рыбинский поезд. Там пассажиров почтового поезда нагоняли пассажиры курьерского, которые и привезли уже несомненную весть, что царь убит. Таким образом, на станцию Брусово эта весть пришла через тетку. В тот же день в Петербург полетело донесение, что старуха Родичева (девица 65-ти лет, весьма толстая, плохо двигающаяся) участвовала в убийстве и похвалялась: "Чего хотели, того и добились". Так рассказывал некто Голяшкин, сын нашего лесника. Он прибавлял, что и старик Измаил Дмитриевич Родичев тоже участвовал в убийстве и тоже опрометью бежал из Петербурга. И в то время, как я в Петербурге шествовал в Петропавловский собор и в Аничковский дворец, в деревне у нас производилось жандармское дознание — о благонадежности и об участии в событиях 1 марта стариков Родичевых... В усадьбу к нам догадались не приезжать, а свидетелей — священника села Вятки и нашего сыровара, швейцарца Самуила Яковлевича Ребера, которого напугали на всю жизнь, — вызывали в волостное правление верст за 15.

Подобные легенды распространялись по всей России, всюду открывали дворянские заговоры, дворян — убийц царя.

Редко удавалось откровенно говорить с крестьянами об убийстве Александра 11. Знал я очень почтенного умницу, содержателя почтовой станции, Любегощ. Старик Михаил Семенов был большой прогрессист, относившийся с явным дружелюбием к деятельности земства и вступавший со мной в откровенные разговоры. Он был убежден, что царя убили дворяне. Я ему рассказывал, кто такие заговорщики и какие у них были цели.

(Правду сказать, мы и до сих пор не знаем, какие у них были цели. Они сперва стали действовать, а потом ставить цели. Знаменитое письмо к Александру 111, написанное вместо заговорщиков Михайловским, на простой язык переводится так: — "сделайте революцию, тогда мы не станем стрелять в вас".) Михайло Степанов ничего не внимал. — "Да из них только одна дворянка была, Перовская". — "Так что же? Все-таки дворяне их наняли". — "А как же Вы думаете, сколько надо взять за такое дело, когда знаешь, наверно, что идешь на смерть?"

"Ну, да думали, что не попадутся"... — "Да как же они могли думать, что не попадутся?" — Михаил Семенов, все-таки не сдавался. "Уж не знаю как, а все-таки это дворяне сделали..."

В селе Молокове на Средокрестье была большая конская ярмарка. Приехал туда помещик Горбатов на тройке и с колокольчиком. — "Зачем ездишь с колокольчиком, как смеешь!" Горбатов выругался. Его схватили, вытащили из саней, изрядно помяли, колокольчик сломали. С криком "бей дворян, они царя убили", — бросились на всех, кто приехал с колокольчиком, но погром кончился одним Горбатовым.

На следующее воскресенье базар — отдание ярмарки — был в заштатном городе[15] — Красном Холму. Красный Холм — бойкий городишко, небольшой центр льноводной местности. Население — бойкие питерцы, торгующие всем на свете: маслом, льном, сорочьими хвостами, поддельными грибами, чем угодно...

Обедня кончилась, открылся базар: вся площадь перед собором заполнена санями приезжих. Толпа народа собралась у большой гостиницы Панова. Идет шум, говор, конечно, про то, что случилось в Питере. Подъезжает к гостинице тройка с колокольчиком. В санях исправник. "Отвязывай колокольчик" — "С чего вы взяли?" — "Бей его, ребята, он тоже в этом деле с господами!" Исправник замахнулся на нападающих, может быть, даже ударил. За это он чуть не поплатился жизнью. Его схватили. Но, бросив шинель, он успел вскочить в гостиницу, где за ним захлопнули дверь. Толпа набросилась на сани, на лошадей. Сбруя была мгновенно сорвана. Дугу не могли сломать, грызли зубами.

Потом осадили гостиницу, ломились в запертые двери, в окна. Наконец послышались голоса: "Тащи соломы, поджигать будем"...

Хозяин гостиницы собрал своих гостей, поднес по стаканчику. Решили защищаться. Внезапно раскрыли окно. Несколько парней выскочили и ударили в зубы стоявших впереди. В ту же минуту с колокольни собора раздался набат. Толпа мгновенно метнулась, бросили все, спасайся, кто может. Люди кидались в сани, свои или чужие, и уезжали. Площадь мгновенно опустела. А через два дня губернатор, жандармский полковник и отряд солдат явились в Красный Холм усмирять бунт. Но бунта не было. Бросились искать революции. Но ничего не нашли. Отобрали у одного питерщика книжку похабных рассказов. Ночь напролет читали ее следователи. Не найдя в ней ничего революционного, отдали ее собственнику. А тот ее послал архиерею с письмом, в котором клялся и обвинял духовенство в нерадении, от чего и он, автор письма, "соблазнился".

Через два месяца кое-каких виновных судили. Прокурор был милостив и хвалил заблуждавшихся, но преданных крамольников. Их приговорили к кратковременному аресту...

Но в чем дело? Откуда гонение на колокольчик? Вспомнили старинный обычай приезжать на похороны с подвязанным колокольчиком — в знак траура. В глазах населения, те, кто ездил с колокольчиком, не хотели показать, что жалеют о царе.

Через несколько дней было в Весьегонске заседание съезда мировых судей. Вечером судьи собрались пить чай. Пришел и член управы, Кузнецов, бывший крепостной, редкий умница — дипломат и делец. Заговорили об Александре II и, подводя итоги царствования, жалели о его судьбе. "Вам-то что, господа, — вмешался в разговор Кузнецов. — Вы разбираете, хороши ли реформы, все ли сделано, как следует. А для меня дело совсем другое. Меня помещик сек, а без этого Царя и до сих пор..." и Кузнецов заплакал.

Крестьян приводили к присяге новому царю. Они шли с радостью и с одушевлением. В иных местах священники объясняли, что раньше крестьяне не присягали царю, как лица других сословий. На коронацию Александра III были приглашены волостные старшины — по одному от уезда. Как домогались получить это приглашение! В уездных городах отпраздновали коронацию всенародным торжеством.

Ездил к нам на съезд товарищ прокурора, Н. И. Крылов, — прокурор, как прокурор, не либеральный, да и не особенно преданный самодержавию, никто его не замечал.

В Кашине в гостинице был устроен местными властями банкет с музыкой. Играли во время тостов: "Боже, Царя храни". На площади перед гостиницей собралась толпа. Крылов вышел в некотором одушевлении. Толпа стоит плотной стеной. "Расступись народ — царский слуга идет"...

Толпа кричит "ура!" Крылова подхватывают и на руках доставляют домой.

3.

После коронации Александр 3-й, проезжая через Тверь, остановился там. Опять от каждого уезда вызваны были старшины. В уезде опять домогательства попасть на встречу царю. А на платформе перед поездом старшины неудержимо лезли вперед: "хотим встречать своего царя"...

* * *

Мой друг Лонгин Федорович Пантелеев рассказывал такое свое приключение. Ехал он из Москвы в Вологду. В вагоне 1-го класса никого не было, кроме него, Пантелеева, и какого-то генерала с адъютантом. Подходит к Пантелееву адъютант, говорит: "Генерал спрашивает Вашу фамилию". Потом является снова и передает приглашение к генералу. Пантелеев идет и застает генерала за бутылкой. Генерал оказывается Черевиным, близким к новому двору человеком. Он спрашивает Пантелеева, не родственник ли он генералу Пантелееву? — "Нет". — "Ну все равно, позвольте предложить Вам стакан вина". Пантелеев принимает предложение. Завязывается разговор, заходит речь об Александре 11. — "Совсем из ума выжил Александр 11, — говорит Черевин. — Хорошо, что вовремя остановили".

— "Что значит остановили?"

— "Ну, да... Давно пора было унять его, и хорошо, что с ним покончили, а то бы он, Бог знает, чего наделал".

Пантелеев не настаивал на разъяснении этих слов. Да и Черевин был достаточно пьян.

Что это было? Пьяная болтовня или пьяная откровенность?

* * *

По снегу еще я торопился вернуться в Петербург. Процесс убийц 1 марта происходил при открытых дверях, но только для привилегированной публики. Помню, я сидел на Кирочной у Сергея Ивановича Зарудного[16] (который из зала суда вернулся с полковником или генералом Несветевичем). Несветевич рисовал во время суда. Пристав хотел его за это вывести, но С. И. Зарудный вступился за него, и Несветевича оставили в покое. В знак благодарности Несветевич должен был вместе с С. И. прийти к нему на дом и показать всем домашним С. И. свои зарисовки подсудимых. Помню только благообразную фигуру Желябова да еще Геси Гельфман. Говорили про суд. С. И. был очень осторожен, говорил

больше о речи Муравьева и о его фразе: "Когда Россия плачет, Желябовы смеются".[17]

Подсудимые держали себя с достоинством. К облегчению своей совести, они не понимали, не верили, что народ, простонародье, в самом деле плакали — что они, убийцы, 1 марта своими руками создали торжество Муравьевых, беспринципных карьеристов, поехавших на коньке монархической верности, — создали праздник на улице фанатиков реакции, как Победоносцев, злецов реакции, как Катков.

Не ведали, что творили.

С. И. Зарудный был в числе тех, кто пробовал спасти жизнь приговоренных к смерти. Не помню, царю ли он писал и хотел отправить письмо через Победоносцева, или к Победоносцеву, своему старому другу, написал о необходимости отстоять жизнь приговоренных. Знаю только, что Победоносцев отвечал С. И. злобным письмом, — не щадить нужно этих негодяев, а отыскивать их в их норах и там убивать.

Знаменитой речи Соловьева о помиловании преступников в зале Кредитного Общества я не слыхал. Рассказы очевидцев, которые я слышал, были смутны. Публика, слушавшая Соловьева, была не единодушна. Напор казнителей был сильнее, громче, во всяком случае, чем отпор сторонников Соловьева.

Конечно, при наличии душевных ощущений Александра 111 и среды, его окружающей, дарование преступникам жизни было невозможным. — Так отвечал военный министр Милютин Кавелину, старому своему знакомцу с давних лет, на его просьбу передать Александру 111 письмо с просьбой о помиловании.

Александр 111, по-видимому, не находил наслаждения в жестокости, но был человеком малочувствительным. Он способен был, например, сечь своего сына, будущего императора, — ему просто была чужда и непонятна всякая мысль о допустимости оставить жизнь убийцам своего отца.

Александр 111 и при жизни отца отрицательно относился к освободительному направлению. Близким ему человеком уже и тогда был князь Владимир Петрович Мещерский, издававший "Гражданина", потребовавший точки к реформам. Фрондирование наследника при жизни Александра 11 вовсе не носило характера либерализма и не далеко шло.

С. И. Зарудный по делу о запрещении Аксаковской "Москвы" произнес в сенате горячую речь в защиту Аксакова и свободы печати (по первоначальному закону о печати 6 апреля 1855 г. для запрещения временного издания нужно было постановление сената). Этого было достаточно. Вскоре в Аничковском дворце у наследника Александра Александровича был бал, на который получил приглашение и Зарудный. Зарудный с кем-то разговаривал. Император Александр 11 подошел к собеседнику и, не глядя на Зарудного, не замечая его, — как будто это было пустое пространство, — завел речь с собеседником Зарудного, который не смел отойти, и проговорил о пустяках довольно долго. Потом Александр Николаевич подошел к наследнику: "Зачем у тебя Зарудный приглашен?" — "Просто как сенатор, по очереди".

Все это на другой день рассказал Зарудному кн.Мещерский, приехавший к

нему, по поручению наследника, звать его вечером на чай, но уже не в Аничков дворец, а в дом Карамзина, на Большой Морской, где у Мещерского была холостая квартира.

Там Зарудный встретился с наследником. Тот был очень любезен. Но этим их отношения и кончились. Больше Зарудного не звали ни в Аничков дворец, ни к Мещерскому.

Во время царствования Александра 11 говорили, что наследник славянофил. И в этом была доля правды. Александр Александрович сочувственно относился к славянскому движению, был близок к Игнатьеву, бывшему послом в Константинополе, пил квас в Киле. Ко времени царствования у него осталось общего с славянофильством только одна ненависть к либерализму. Но эта ненависть гораздо подлиннее была у Каткова и Победоносцева, чем у Аксакова. Политические убеждения Александра 111 определялись не только ненавистью к либерализму, но и ненавистью к великому князю Константину Николаевичу, одному из ратоборцев освобождения. Рассказывали про грубое обращение Константина Николаевича с наследником. Александр 111 не забыл этого. Вступив на престол, он прежде всего удовлетворил этому чувству злости. Константин Николаевич был уволен от всех должностей и должен был уехать в Крым. Останься он в Петербурге, его непременно замешали бы в какой-нибудь заговор. Победоносцев постарался бы, постарался бы Баранов, новый градоначальник СПБ-га, назначенный за то, что ненавидел Константина Николаевича.

Неопределенное настроение Александра 111 определилось спустя год, — из деятелей освобождения остался на первом плане один Бунге, но и его вскоре сменил чистокровный реакционер Вышнеградский — изменник убеждениям юности. Крепостники взяли верх в окружении Александра 111. Опираясь на императора, они справились с движением, заморили его...

А ведь не так слабо было движение при Александре 11. Молодежь, окружавшая своим сочувствием террористов, которым тогда под каждым кустом "был готов и стол и дом", не сразу отшатнулась в реакцию...

Литература не сдавалась... Ее не так-то легко было прикончить. И все-таки прикончили.

В высших учреждениях Государственного Совета и Сената тон задавали старые работники реформ, — их не легко было свести на нет.

В армии по всей линии шло движение вперед... Среди генералов сколько было людей нового века. Их надо было заменить новыми типами. Да и этих новых надо было еще создать.

Сколько усилий, сколько лет понадобилось на опустошение университетов.

Откуда взялась эта упорная, тупая сила?

Ведь не в личности императора было все дело.

Почему Александр 11 — в сущности, консерватор, чтобы не сказать реакционер, — попятился, не устоял в реакции, уступил движению. Потому что он чувствовал против себя общественное мнение и не чувствовал в реакции поддержки народа. Там, где Александр 11 чувствовал, что опирается на народное со-

чувствие, он был очень решителен, как в польском деле.

Александр 111 был с каждым днем упорнее, решительнее, настойчивее, потому что народные массы, с ожесточением готовые накинуться на врагов царя, были к этому времени на стороне реакции, не разбираясь. И Александр 111 чувствовал это. Сторонники культуры видели, как один за другим замирают побитые морозом всходы, как сдаются одна за другой позиции, как наносятся удары свободе мысли, науке, литературе, праву в суде.

Да то же самое, скажут мне, было бы и в том случае, если бы Александр 11 остался жив. Легко и часто бесполезно рассуждать о том, что могло бы быть. Но у меня так жива память о движении, начавшемся при Александре 11, еще более жива память о боли от крушения всех надежд в последующее ужасное тринадцатилетие, так ощутительны причины этих крушений, что я не могу не остановиться на этом вопросе, что было бы, не будь Александр 11 убит 1 марта.

Вскрытие тела показало, что Александру 11 жить оставалось недолго. Вступил бы на престол после него тот же Александр 111. И, надо думать, он стал бы тянуть в сторону реакции. Да, она, вероятно, наступила бы, но, во-первых, до того были бы в направлении реформ сделаны бесповоротные шаги, а кроме того, и реакция не имела бы той силы народного сочувствия, которую придало ей событие 1 марта. А сопротивление ей имело бы за собой всю приобретенную силу движения, всю силу непрерванной освободительной традиции. Реформы, зачатые при Лорисе, осуществились бы при Александре 11, еще больше — при Александре 111.

При Александре 11 отменен был соляной налог, против которого особенно восставало общественное мнение. При Александре 111 были созваны совещания сведущих людей по вопросам о понижении выкупных платежей, о переселении. Выкупные платежи были понижены, введен обязательный выкуп, и положен конец временной неопределенности крестьянских прав; отменена подушная подать — уничтожено, таким образом, деление России на податные и неподатные сословия; введена фабричная инспекция, налог на наследства. Осуществлен крестьянский банк. Это было как бы завершением крестьянской реформы. Для меня нет сомнения, что, если бы осуществился проект Лориса, если бы созваны были государственные гласные — крестьянская реформа была бы завершена введением всесословной волости,[18] настоящего местного самоуправления. Вопрос о крестьянском малоземелье был бы решен введением дополнительного надела, для дарственников было бы положено начало организации переселения, было бы введено крестьянское равноправие, которое тогда не вызывало такого сопротивления, как во времена Александра 111, когда снова реорганизовалось сопротивление "благорожденных". А главное, какое движение в области просвещения! Ведь одна смена Толстого Сабуровым дала огромный толчок во всех отраслях народного просвещения. Не приостановилось бы движение в науке, литературе. Попросту сказать, дело реформы Александра 11 было бы завершено — освободилась бы сила народная, творчество народа по всей линии.

А разве остановилась бы деятельность террористов?

Старые террористы были почти все переловлены. Гольденберг всех выдал, даже Желябов был арестован. А новые едва ли появились бы.

Но общественное движение, реформаторское, конституционное, росло

быстро, захватывая все более и более широкие круги. Оно отрывало бы один за другим круги интеллигенции от революционных кружков, где в отчуждении от общества, в отдалении от народа люди накалялись, заражаясь друг от друга фантастическими представлениями, легендами и мечтаниями. Открывшиеся возможности непосредственно работать для народа ослабляли весьма быстро революционное настроение. Земская работа очень быстро размагничивала революционеров. Если бы в начале 80-х годов открылось широкое поле для культурной работы в народе — благодаря учреждению всесословной волости, — поредели бы ряды революционных заговорщиков. Терроризм исчез бы не той бесконечно дорогой ценой, которою оплачено было его крушение после 1 марта; исчез бы благодаря свету мысли и гуманного чувства. Ведь террор у нас никогда не подвергался иной критике, чем уголовной. Никогда с ним не боролись орудием ума — только преследованием, которое очищало преступление, придавая ему значение жертвы, окружая его ореолом поэзии, как у Тургенева в "Пороге". Испытанию мысли террор не подвергался. Перед фактом мученичества критика умолкала. Революция 1905 года освободила от длительного заключения немногих выживших из числа старых заговорщиков. Их встретили, как мучеников... Страдание многое искупило...

X11

АДРЕС ТВЕРСКОГО ЗЕМСТВА

Было бы для меня большим несчастьем умереть, не рассказав о том событии, которое было переломом в моей личной судьбе и вместе с тем отметило перелом в судьбе России.

Я говорю об адресе Тверского земства, по случаю вступления на престол Императора Николая 11, о несчастных словах его по поводу адреса, определивших направление его царствования в первое десятилетие 1895-1905 года.

Я пережил, — не скажу равнодушно, но спокойно, — ту лавину осуждения, которая обрушилась на меня вместе с репрессией, но в последнее время задет был тем неодобрением со стороны людей, достойных уважения, о которых поведал В. А. Маклаков,[1] вспоминая о семействе Любенковых.[2] Такое неодобрение было бы понятно в устах молодых людей, увлеченных теорией доброжелательного самодержавия, но не могло бы исходить от деятеля и сторонника реформ Александра 11, каким был старик Любенков, пережившего тяжелые годы реакции 1881-1894 гг.

Попятное движение началось не сразу после вступления на престол Александра 111. Манифест об охране самодержавия, отставка Лорис-Меликова, Милютина и Абазы, — были только вехи нового направления. Политика графа Игнатьева не сразу порывала с реформаторскими попытками конца прошлого царствования.[3] Просветительное, а не притеснительное направление Министерства Народного Просвещения держалось, даже определялось при министре Николаи. Абазу сменил просвещенный Бунге, сам деятель реформы. Подушная подать, остаток крепостного порядка, была отменена, готовилось понижение выкупных платежей, вопрос о переселениях (пожалуй, о земельной тесноте) не был снят с очереди. Вопрос о местном управлении (заключавший в себе и крестьянский вопрос) обсуждался в так называемой Кахановской комиссии, — надежды права еще не были убиты. В угоду императору Александру 111 воздвигнута была новая агитация о борьбе с пьянством как основе реформированной жизни.

Граф Игнатьев оттирал эпоху реформ осторожно. Печать, конечно, "обуздал", но не провозглашал себя наследником императора Николая Павловича и, как славянофил, даже заговорил о земском соборе, не противоречил надеждам народным. Точку к реформам, давно проповедуемую другом царя ретроградом князем Мещерским,[4] поставило назначение министром внутренних дел графа Дмитрия Андреевича Толстого.

Едва два года прошло тогда, с тех пор как Россия праздновала, как Светлое Воскресенье, увольнение графа Толстого от должности министра просвещения. Года не прошло, как Зарайский, Рязанской губернии, съезд землевладельцев для выбора земских гласных, забаллотировал Толстого. Вспомнили записку его, поданную Александру 11 в защиту крепостного права.[5]

Он сам сделал демонстрацию, взяв в правители канцелярии Алатырского предводителя дворянства Пазухина. Пазухин принадлежал к тому дворянскому трио — Пазухин, Хвостов, Бехтеев, — которое в Кахановской комиссии отстаивало точку зрения сословности и дворянской власти в уезде.[6] Сам Пазухин был человек бескорыстно-темных настроений. Он был добросовестный крепостник и думал, что весь народ склоняется перед авторитетом дворянства. — "Ведь, конечно, и на том свете господа будут поставлены выше простонародья", — говорила ему его старая нянюшка, и Пазухин верил, что в этих словах скрывалась не ирония, а наивное верование.

Расправа с заветами реформ пошла по всей линии, министром просвещения был уже Делянов,[7] откровенно признававшийся, что боится расширить Томский университет из страха революции.[8] Объявлен поход на университеты и университетскую автономию. Печать была обрезана. Помню дни, когда в Петербурге издавалась только одна большая газета, "Новое Время", приветствовавшая дворянскую эру и власть "благорожденных". "Отечественные Записки" за проповедь народничества были с треском запрещены. Объявлен поход на судебные уставы, на мировой суд. Уничтожена Кахановская комиссия и в Государственный Совет внесен проект положения о земских начальниках.

Государственный Совет, как и Сенат, в те годы был прибежищем старых деятелей реформы... Пазухинский проект[9] вызвал жестокую и деятельную оппозицию и наконец был отвергнут большинством. Но Император согласился с меньшинством и положил: отменить мировой суд.

Враг — "Освобождение" — был повергнут. Земские начальники возвещали новую эру — не закон, а дух нового положения должен руководить ими. "Мужики не сумели воспользоваться свободой, и вот Царь поставил нас, чтобы подтянуть вас", так проповедовали рьяные начальники. "Пороть" — вот лозунг того времени. Пороли земские начальники оптом и демонстративно, пороли губернаторы и виновников и правых. В армии тоже повеяло духом тления. И старый воин времен освобождения, Драгомиров, должен был взывать к обузданию "рукоприкладства" и поучал командиров, что в случае бунта дело армии усмирять бунтовщиков, а не пороть усмиренных.

Не только "близкая к населению" власть давалась дворянству, — давались и средства к новой жизни. Стали вспоминать, как обидно терпело дворянство, когда при выкупе крестьянских наделов из сумм, причитавшихся помещику, была вычтена вся сумма долга старому Опекунскому Совету. Чтобы вознаградить эту обиду, дворянам был устроен новый кредит — Дворянский Банк, с процентами платежей по ссудам ниже, чем по ссудам Крестьянского Банка. Новая привилегия дворян. Новые оценки, новое повышение цен на землю.

Вновь появилась мода носить дворянские фуражки с красным околышем. Из уст дворянских стала раздаваться фраза: "Мои крестьяне". Открылась новая эра — "дворянская", так и называемая. А льстецы называли Александра 111 мужицким царем. Называли его царем-миротворцем. Может быть, установление

добрых отношений с Французской Республикой и было актом миротворства, но надо помнить что в это царствование был момент, когда до войны было не так далеко. Вслед за известием о занятии болгарским князем Александром южной Болгарии по всем воинским присутствиям были разосланы пакеты для волостных правлений уезда с приказом: "Немедленно по получении телеграфного приказа разослать с нарочным пакет". — То готовилась мобилизация.

Режим по мысли и чувству князя Мещерского проводился последовательно и неукоснительно во всех областях жизни. Вспоминался стих Шевченко: "На всех языках все молчит, бо благоденствуе".[10]

Глухо всюду, глухо всюду. Россия была на темном дне.

За 13 лет, с 1881 по 1894 год, общественная жизнь, движение мысли шли понижаясь. Попытки сговора земских людей делались все реже и реже, все малолюднее были собрания реформистов.

Усните силы, вы ненужны,
Усни ты, дух, давно пора,
Рассейтесь все, кто были дружны
Во имя правды и добра.

* * *

В 1894 году понеслись тревожные слухи о болезни императора, все определеннее. Зовут Захарьина,[11] говорят о нефрите, зовут отца Ивана Кронштадтского.[12] Улучшения здоровья нет. Царь едет в Крым. Ему все хуже и хуже... И, наконец, появляется известие о смерти Александра III.

Новый царь вступает на престол.

О молодом человеке ничего не знали. Он путешествовал на Восток вместе со своим братом Георгием. В Японии полицейский ударил его саблей по голове за непочтительное поведение в храме. Сенатор Барыков сочинил по этому случаю стихи:

Происшествие в Отсу
Вразуми царя с царицей.
Сладко ль матери-отцу,
Когда сына бьет полиция.
А царевич Николай,
Когда царствовать придется,
Ты почаще вспоминай,
Как полиция дерется.

Помню, на обедах, называемых обедами 19 февраля, допрашивали Ивана Ивановича Боргмана, преподававшего наследнику физику. "Ничего, мальчик добрый, — говорил Иван Иванович и дипломатически прибавлял, — вот брат его Михаил очень хорошо учился".

Один из сослуживцев наследника по полку рассказывал, что он был очень склонен к насмешке. Очевидно было, молодой человек еще не определился. Впечатление было, что натура не злобная. Ожидания доброжелательных настроений не были исключены: "Не может быть, чтобы он не отозвался на свободный порыв". — И зашевелились надежды.

Надо было дать тон, ноту движению. Я составил проект обращения к царю и подверг его обсуждению друзей, дополняя и изменяя текст адреса. Помню, пожелание, чтобы закону подчинилось не одно население, но и носители власти, вставлено было по совету моего друга Павла Асигкритовича Корсакова.

Принципиальных возражений против самой мысли о подаче адреса никто не делал.

* * *

8 декабря 1894 года открылось Тверское Земское Собрание.

Накануне я прочел окончательный проект адреса в собрании единомышленников. Адрес, прошедший уже через все критики, был единодушно одобрен, вызвав только одно замечание Анастасии Сергеевны Петрункевич,[13] предсказывавшей, что наибольшее неудовольствие или даже гнев, вызовет первая фраза адреса: о "начале служения Царя русскому народу". (Ан. Сер. оказалась права. В этой фразе увидели дерзость. Тщетно мои защитники, из коих могу назвать Михаила Александровича Стаховича,[14] указывали, что даже в молитве перед коронацией есть слово "служение".) Я заступился за фразу, выражавшую высокое представление о призвании императорской власти. Меня одобрили.

При открытии собрания почин принадлежал земской управе. Но управа была без председателя. Борис Владимирович Штюрмер, блистательно́ справившийся с крамолой Тверского земства — тем легче, что никакой крамолы не было, — уже был назначен Новгородским губернатором.[15] Обязанности председателя исполнял Александр Алексеевич Демьянов.[16] Демьянов очень приятным голосом произнес умную речь о любви к молодому Государю, о необходимости выразить ему чувства земского собрания. После этого я начал свою речь, содержание которой не берусь теперь излагать. Привожу ее так, как она была записана в протоколе.

> "С нынешним земским собранием мы вступаем в новый период истории. Вместе со всем народом Русским мы пережили тревожные дни нынешней осени, вместе со всем народом мы отдали долг печали, долг почтения памяти Императора Александра 111 и вместе со всем народом с трепетом надежды услышали слово молодого Государя, в котором столько светлой веры, светлого упования.
>
> Мы не можем оставаться глухи к этому призыву, раздавшемуся с высоты престола, — к призыву на работу для счастья русского народа. Мы не будем глухи и не останемся немы. Перед Государем Николаем 11 не мертвая страна, погруженная в немой покой и неподвижность бессилия. Перед ним народ, полный надежд, скрытой, еще не высказанной деятельной мысли, полный стремления, чувства, полный живых сил, жаждущих простора и веры, требующей выражения. Ее мы должны выразить. Мы должны высказать Государю надежды, которые мы на нем сосредоточиваем. Мы прежде всего желаем господства закона. Закон, ясное выражение мысли и воли монарха, пусть господствует среди нас и пусть подчинятся ему все без исключения, больше всего и прежде всего представители власти. Это первое жизненное условие мира и правды. Счастье народа в свободном росте его живых сил, достоинства личности, в сознательной деятельности. Только в живом, деятельном, свободном союзном

труде растет счастье народа, счастье каждого. Эта деятельность, права на нее отдельных учреждений как и отдельных лиц, пусть будут сохранены и незыблемы. Мысль народная, потребности наши должны находить выражения. Мы надеемся, что голос этих потребностей, выражение этой мысли всегда будут услышаны Государем, всегда свободно и непосредственно по праву и без препятствий дойдут до него. Мы ждем развития и свободного роста живой общественной работы, дающей народной жизни содержание. Если собрание встречает эти мысли, эти чувства согласием, я позволю себе предложить проект адреса''.

Гласный князь Путятин выразил сомнение в праве собрания обращаться к Императору с адресом. Его прервали голоса большинства гласных, не сомневавшихся в этом праве и настоятельно требовавших чтения адреса.

Гласный Родичев читал:

''Ваше Императорское Величество,

В знаменательные дни начала служения Вашего русскому народу земство Тверской губернии приветствует Вас приветом верноподданных. Разделяя Вашу скорбь, Государь, мы надеемся, что в народной любви, в силе, надежде и вере народа, обращенных к Вам, Вы почерпнете успокоение в горе, столь неожиданно постигшем Вас и страну Вашу и найдете твердую опору в том трудном подвиге, который возложен на Вас Провидением.

С благодарностью выслушал народ русский те знаменательные слова, которыми Ваше Величество возвестили о вступлении своем на Российский престол. Мы вместе со всем народом русским проникаемся благодарностью и уповаем на успех трудов Ваших в достижении великой цели, Вами поставленной: устроить счастье Ваших верноподданных. Мы питаем надежду, что с высоты престола будет услышан голос нужды народной. Мы уповаем, что счастье наше будет расти и крепнуть при неуклонном исполнении закона, ибо закон, представляющий в России исполнение Монаршей воли, должен стоять выше случайных видов отдельных представителей этой власти. Мы горячо верим, что права отдельных лиц и права общественных учреждений будут незыблемо охраняемы.

Мы ждем, Государь, возможности и права для общественных учреждений выражать свое мнение по вопросам их касающихся, дабы до высоты престола могло достигать выражение потребностей и мыслей не только представителей администрации, но и народа русского. Мы ждем, Государь, что в Ваше царствование Россия двинется вперед по пути мира и правды со всем развитием живых общественных сил. Мы верим, что в общении с представителями всех сословий, равно преданных престолу и отечеству, власть Вашего Величества найдет новый источник силы и залог успеха в исполнении великодушных предначертаний Вашего Императорского Величества''.

Среди грома рукоплесканий и единодушного ''ура'' гласный Родичев заключил чтение словами:

"Господа, в настоящую минуту наша надежда, наша вера в будущее, наши стремления, все обращены к Николаю 11. Николаю 11 наше "ура"! — Долго не смолкало "ура" и аплодисменты во всем зале собрания.

Решено было послать адрес телеграммой на имя Министра Императорского Двора.

"Да так ли? Надо ли посылать адрес телеграммой?" — спрашивает председатель собрания Трубников.[17]

"Всегда, всегда так делалось", — успокаивал его ветеран дворянских собраний Алексей Андрианович Головачев.[18] Трубников подписал телеграмму и она была послана.

Порыв был радостный и единодушный. Для приветствия императору избрана была депутация. Как автор адреса, я был избран за председателя, один член от левых, А. А. Головачев, один член от правых, Осташковский предводитель дворянства Уткин. В приподнятом настроении разошлись мы по домам.

* * *

Не помню, на другой или на третий день произошла перемена декораций. Министр Двора сообщил о получении телеграммы. Ему не надлежало принимать таким образом посланный адрес. Адрес Государю Императору должен быть представлен через губернатора и подписан не только председателем, но и всеми гласными.

В следующем заседании Земского Собрания, где был объявлен ответ Министра Двора, начались заявления, отрицающие прежнее согласие: единогласие, кажется, запротоколированное.

Особенно был взволнован старик князь Путятин, собственник Бологого. Он говорил, что не понял адреса, другой гласный говорил, что не слышал. Очевидно, последовали давление и предупреждение.

Пришлось снова читать адрес.

На этот раз, два князя Путятины[19] бурно протестуют. Но адрес еще раз принят большинством и решено представить его через Министра Внутренних Дел. Адрес переписан с особой тщательностью на пергаментной бумаге. И надо его подписывать. Ясно уже, что подписание адреса является актом неблагонадежности. Милейший гласный М., служащий в Дворянском Банке, говорит, что не может его подписать, опасаясь начальства. Последствия показали, сколь прав он был. Гласный Гаслер,[20] впоследствии председатель Земской Управы, не хотел подписывать адрес, ибо в нем нет прямого требования конституции.

Подписание адреса было испытанием собрания. Если бы не набралось большинства подписавшихся, вся затея адреса рухнула бы. Большинство — 35 подписей — набралось-таки. Адрес был подписан не только так называемыми "левыми", но и добросовестными консерваторами, братьями Квашниными-Самариными.[21]

* * *

Прием депутаций был назначен на 17 января 1895 г. История адреса произвела в Петербурге большое волнение. В земской среде очень волновались, пробовали подготовить адреса других земств. В Новгороде был составлен проект адреса с более определенными пожеланиями. Предводитель дворянства князь Борис Александрович Васильчиков усиленно старался не допустить адреса, неприятного начальству. В Петербурге интересовались историей адреса. Баронесса Икскуль заинтересовалась мною и граф Николай Павлович Игнатьев хвалился знакомством со мной (что не совсем было правдой. Правдой было то, что я питал к нему добрые чувства, за нежелание выслать меня в 1881 году, за речь о Земском Соборе).

Судили и рядили об отношениях молодого императора к Тверскому адресу. На одном собрании земцев у Дмитрия Васильевича Стасова,[22] где высказывались сангвинические надежды, граф Петр Александрович Гейден[23] напомнил стихотворение Гейне о швабе (Гервеге), который просил короля возвестить народу свободу. — "Этого у меня нет, — отвечал король, — а вот я тебе дам двух жандармов, которые проводят тебя до границы".

Граф Гейден оказался пророком.

К 17 января, когда был назначен прием депутаций, стали съезжаться депутаты.

Приехали из Тверской губернии Алексей Адрианович Головачев, Степан Дмитриевич Квашнин-Самарин, избранный председателем Губернской Управы, но еще не утвержденный, и Николай Петрович Оленин, губернский предводитель дворянства. Оленину был назначен прием у Министра Внутренних Дел, Ивана Николаевича Дурново.[24]

Степан Дмитриевич Самарин и я пошли в Hotel de France, куда Оленин должен был вернуться от министра. Мы сидели у M-me Олениной, вместе с офицером из казаков и ждали возвращения Николая Петровича.

Он вернулся, сел на диван, опустил голову.

"Ох, ох, — худо, совсем худо! — Царь недоволен и гневен! Всем предводителям выговор, а вам, — обращаясь ко мне, — запрещение земской деятельности. Никого из выбранных в управу не утвердят!" (Выбраны были председателем С. Д. Квашин-Самарин, членами А. А. Демьянов и Харламов).[25]

"Ой, беда, ах, мне тяжело!" — говорил Оленин. И я, потерпевший, должен был его утешать.

Совсем расстроен был Степан Дмитриевич Квашнин-Самарин. — "Вот перестали меня слушаться, смотрите, что вышло". Степан Дмитриевич чуть не плакал, но завтрак в Hotel de Frence съел исправно и немножко успокоился. — "Сейчас же еду домой, — говорил он, — дня не останусь в этом скверном Питере".

Приехав домой, я застал у себя посланного от Уткина, просившего меня передать ему блюдо и солонку, привезенные из Твери.

Ему, Уткину, одному выдан билет на въезд в Зимний дворец, а я и Головачев не будем допущены в депутацию.

* * *

Первый рассказ о приеме депутации я слышал из уст конвойного офицера. Он наивно негодовал: "Что это такое? Наши казачки (Терского войска) сто верст на санях сделали до станции, спешили без отдыха, и чем же царь их встретил? Кто-то ему что-то наплел про участие в управлении, и он, ну, браниться. Только наши от него и видели".

Тогда же я слышал рассказ очевидца, Ивана Григорьевича Жуковского, из Уфы. Во-первых, представление Уткина, единственного делегата от Твери, ознаменовалось приключением. Он выронил блюдо, круглое, оно покатилось, хлебсоль упали, соль просыпалась, и Уткин представлял комическую фигуру, ловящую блюдо. Свою речь император прокричал, начав читать ее, по-видимому, по записке, а кончив наизусть.

Вот что он сказал:

> "Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял мой незабвенный покойный родитель".

Какой эффект произвела эта речь?[26]

Часть дворян, имея во главе Тульского губернского предводителя Арсеньева, отправилась прямо из Зимнего дворца в Казанский собор служить благодарственный молебен. Другой привет император получил от старшего друга своего и поощрителя императора Вильгельма 11.

Хождение в Казанский собор, или воздержание от этого хождения, наложили печать на участников делегаций. Впоследствии, когда князь Святополк-Мирский был назначен министром внутренних дел,[27], вспомнили, что он, будучи 17 января в Зимнем дворце в качестве Харьковского предводителя дворянства, не пошел в Казанский собор.

Я лично оказался сразу на положении опального. Защитники мои наседали на меня и даже на жену мою, побуждая ее написать письмо царю или императрице с просьбой о помиловании. Adresse квалифицировался как " maladresse ".

Но и противное мнение нашло свое выражение. 19 января, чрез два дня после произнесения речи о "бессмысленных мечтаниях", появилось "Открытое письмо к Николаю 11".

Письмо начиналось с указания на то, что земству незачем было мечтать об участии в управлении, потому что оно и так участвовало в нем. Указывало, что слова царю бьют по самым скромным надеждам, возвещают упорство в сопротивлении развитию мысли и самодеятельности общества, отождествляют самодержавие с чиновничьим, сословным режимом и вызывают на борьбу все живые силы. Письмо оканчивалось словами, обращенными к царю: — "Вы первый начали борьбу, и борьба не заставит себя ждать".

Молва приписала мне авторство письма. Но не я писал его. Оно написано в квартире Александры Михайловны Калмыковой,[28] у которой жил тогда Петр Бернгардович Струве и, кажется, А. Н. Потресов.[29] Князь Дмитрий Иванович Шаховской принес мне на прочтение и цензуру проект этого письма. Я его одобрил целиком и сомневался только в последней фразе. Я не был уверен в том, что борьба не заставит себя ждать. Молодые люди имели больше веры, и фраза о борьбе осталась.[30]

У старых друзей зародилась мысль в открытой печати ответить на речь царя. Иван Ильич Петрункевич брался доставить рукопись в Женеву, где у него был приятель наборщик украинец. Брошюру взялся написать очень взволнованный Владимир Сергеевич Соловьев. Он носился с мыслью высказаться с полной определенностью, навлечь на себя гонение и тогда уехать совсем из России, чтобы писать на полной свободе.

Соловьев долго колебался и наконец кончил тем, что напечатал в "Вестнике Европы" статью до того неясную, что ее можно было истолковать как оправдание самодержавия, с религиозной точки зрения.

Брошюру пришлось писать мне. Я носил свое писание к Соловьеву, он ее одобрил, и брошюра была напечатана.[31]

Я забыл о ней. И через 35 лет отыскал ее в Лозанне...

XIII

К ПЕРВОЙ ДУМЕ

1. Выборы в 1-ю Государственную Думу

Я хочу рассказать о встрече Первой Государственной Думы. Началось с выборов в Весьегонске в марте 1906 года.

Ехал я туда через Устюжну, где собирался ночевать. Ехал не один, а с двоюродным братом жены И. С. Зарудным, добродушнейшим и несчастнейшим молодым человеком. Был он морским офицером, возил царей, потом бросил службу, кончил курс в бельгийском политехническом институте и обслуживал один из Половцевских заводов на Урале, где был избит рабочими, по подозрению в противоцарской крамоле. После избиения болел, впал в меланхолию и приехал поправляться к нам в деревню.

Захотелось ему посмотреть выборы. От нас до Устюжны 70 верст. (Город этот знаменит тем, что некогда в нем произошла история, давшая повод Гоголю написать "Ревизора".)[1] Дорога была из неудачных. Верст 20 до Устюжны нам чуть не ежеминутно приходилось разъезжаться с подводами Устюжских избирателей, возвращавшихся с выборов.[2] Мы скромно уступали им дорогу и сворачивали в снег.

Приехав в Устюжну поздно и, не ночуя, продолжали путь на Весьегонск (54 версты). Погода испортилась, и приехали мы усталые и унылые. Я был за предводителя дворянства, и мне пришлось председательствовать в собрании, почти сплошь мужицком. Мужики были взволнованы, внимательно слушали, но стеснялись еще ораторствовать. Разговорились на другой день во время крестьянских выборов. Всем хотелось попасть в выборщики. Очень уж было соблазнительно обещание выборщику прогонов. Но всех больше хотелось попасть в выборщики какому-то питерскому лавочнику, который, щупая почву, ошибся и стал произносить черносотенные речи. Его поддержал один старый выжига из волостных старшин, но кончилось тем, что провалились оба. Оба интриговали один против другого. Никто же не был в состоянии отказаться и не попытать счастья. Все баллотировались, и все провалились.

Начали выборы сначала. Опять всех пробрали, но сколько надо выбрали, не помню кого. Потом, кажется, уже на следующий день, стали выбирать выборщиков от всех. Выбрали П. А. Корсакова,[3] А. С. Медведева,[4] председателя управы Пояркова,[5] меня и еще не помню кого. Господа избиратели не очень хоро-

шо понимали свою роль, и один так усердно поздравлял Корсакова, что тот дал ему пятишницу на чай.

Вечером, взволнованные, мы рано легли спать, чтоб выехать не позже 2-х часов и поспеть на железную дорогу, за 86 верст к 11-ти часам.

Отправились вовремя, в санях розвальнях. Я сладко спал и проснулся только, когда взошло солнце. Было великолепное теплое, солнечное утро. Медведев командовал нашим поездом, ямщики с возбужденным любопытством, весело везли нас с пожеланиями всего хорошего.

Попили чаю в доме у старого, умного мужика, который очень радовался провалу черносотенцев. На станции встретили Кашинских[6] судей, которые недоумевали, какую ноту им взять, радостную или огорченную.

Мы были весьма веселы и верили в успех. Вот и Тверь. От землевладельцев всюду были выбраны старые знакомые. А крестьяне были terra incognita.

Губернский предводитель Головин[7] пробовал распропагандировать старицких мужиков, но это ему не удалось. Головин жаловался: "Кого прислали из Старицы? — Мошенников".

Начались совещания в гостинице. Официальные собрания выборщиков в доме гимназии начались уже после выборов в Г. Совет. Выборы эти не состоялись. Открыл Земское собрание губернатор Слепцов, — элегантный господин, друг Михаила Стаховича,[8] безмолвный свидетель и попуститель избиения черной сотней тех лиц, которые вечером, 17 октября 1905 года, собрались в Губернской Управе для обсуждения положения.[9]

Левая Земского собрания прочила в Г. Совет Е. В. де Роберти.[10] Считали голоса. Много неясных. Но другого кандидата, запасного, мы не выставляли. Слепцов произнес коротенькую речь и ушел. Председатель Головин пошел проводить Слепцова до двери, вернулся, сел на свое место и открыл рот, чтоб произнести приветствие. В эту минуту раздался взрыв, потрясший все стекла в доме. Головин не докончил слова и бросился к дверям.

— Что такое?

— В губернатора бросили бомбу, его разорвало на части, и на стенах Дворянского Собрания куски его мяса и мозги.[11]

Головин заявляет, что не может председательствовать. Что делать?

Нужно, чтоб его место занял Тверской уездный предводитель дворянства, да тот не хочет. По настоящему, законному порядку, председательство должно перейти к Новоторжскому уездному предводителю М. И. Петрункевичу. Да как осуществить это? Как оформить?

Правые ушли. Собрание не состоялось.

На утро выборы в Думу. Пошли выборщики в зал гимназии совещаться. Черносотенные ораторы очень надеялись на впечатление убийства губернатора. Мы тоже боялись, что избиратели метнутся вправо. Никакого впечатления. Мне

даже жутко стало от такого равнодушия. Предложение осудить убийство вообще успеха не имело: "не наше дело".

Проиграв эту карту, черносотенцы стали с негодованием говорить о проекте принудительного отчуждения, — даже церковных земель.

— А то как же? — послышалось из крестьянских рядов.

Вечером, на собрании в гостинице, языки развязались. Наибольшее сочувствие встретила Партия Народной Свободы. Знали по имени Ивана Ильича и меня. И мне пришлось поддержать В. Д. Кузьмина-Караваева[12] признанием, что Партия Демократических Реформ, это — все равно что Партия Народной Свободы. Интересен был Новоторжский крестьянин Карандашев, который заявил: "Главное — свобода. Будет у нас свобода, будет и земля, а не будет свободы, — на что нам земля?"

Легли спать поздно, утром в Соборе подписывали присягу, архиерей говорил речь с предостережениями, — никто его не слушал. Из Собора пошли в собрание. Начали с выбора крестьянского депутата, кончили довольно скоро. Выбрали страхового агента Субботина, студента Технического училища, с умным, симпатичным лицом. Образование, очевидно, импонировало крестьянству. Потом, после провозглашения Субботина депутатом, начались другие выборы, и прошло довольно быстро.

Выбраны: И. И. Петрункевич, Кузьмин-Караваев, Ф. И. Родичев, Карандашев, Субботин, Масленников, Бежецкий страховой агент Медведев, и не вспомню фамилии кудрявого депутата.[13] Его потом я встречал в Москве, где он с членом Думы Иваницким работал в конторе медного синдиката. Все, кроме Кузьмина-Караваева и Субботина, — партии Народной Свободы... Не скажу, чтоб я совсем не волновался, но сомнения были довольно слабы.

В Твери я не стал засиживаться, уезжал в Петербург в каком-то тумане радостном, но утомительном. В Петербурге началась для меня другая процедура — петербургские выборы. Там опять все прошло, как по маслу, весь список Народной Свободы прошел огромным большинством. Не было борьбы и неуверенности, но не было подъема и одушевления, как при избрании выборщиков, когда в одном порыве объединилось все население, когда даже пристав Литейной части поздравлял К. - Д. с успехом.

Время между выборами и собранием Думы прошло в приготовлениях всевозможных законопроектов. Помню, за два дня до собрания Думы, на меня было возложено поручение составить проект упразднения земских начальников, восстановления института мировых судей и новой организации волостного управления. Все казалось легко, по силам и просто. Вспоминая потом эту зиму с ее агитационными собраниями, поездку в Весьегонск, в Тверь, приготовления к Думе, самую Думу, — не раз приходилось задавать себе вопрос: да неужели все это я мог перенести? Перенесли все, и не будь фиаско — роспуска Думы — все бы сошло благополучно.

2. Из Зимнего в Таврический

Наконец кончились приготовления думского зала. Депутаты выбрали места. Получены приглашения 27 апреля во Дворец. Трудовики поднимают вопрос о появлении во Дворец в пиджаках. К. - Д. их уговаривают не делать невежливости. Поднять вопрос о подписи под присяжным листом, где значится о верности самодержавию.

Мы отказались делать демонстрацию о словах... Все идет хорошо.

27 апреля, в ряде теплых дней весны 1906 года, на редкость ясный. Жаркий день. Я отправился во дворец во фраке, взял только на руку легкое летнее пальто. Подъезжая к назначенному подъезду, встретил двух депутатов города Петербурга — Набокова во всем параде и Кареева в мягкой шляпе, в длинном и просторном сером пальто, и фотографа Булла, который нас тут же и снял, что было очень хорошо, ибо в придворных кругах потом стали рассказывать, что я во дворец явился в пиджаке. Против этой сплетни был документ.

Повел нас Набоков по лестницам и залам, из которых год назад был изгнан, будучи лишен звания камер-юнкера за статью о Кишиневском погроме. Пришли в зал, наполненный дамами в так называемых русских костюмах. Дамы — большей частью престарелые, с выдающимися ключицами и ямками под ними. Сначала ни одного знакомого лица, а потом сразу шесть или семь — все, как одна, — девицы Боткины. Рядом большой продолговатый зал, где мы должны были разместиться. Ближе к окнам, во всю длину зала, стояли члены Думы — во фраках, поддевках, мундирах. Всех живописнее, в красном гусарском ментике, был Черниговский депутат А. А. Свечин.

Мы заняли места, стараясь держаться группами по губерниям. Рядом со мной стоял И. И. Петрункевич, а с другой стороны Тульский депутат, крестьянин Тульской губ. Ефремовского уезда, поразительно похожий на моего шурина Ф. А. Свечина. Про этого крестьянина рассказывал презабавный анекдот С. А. Муромцев.[14] Кажется, чрез неделю после открытия Думы, является к Муромцеву этот депутат...

— Ваше превосходительство, отпустите домой.

— Конечно, но отчего Вы хотите уехать?

— Да денег не хватает, жить нечем.

— Как, неужто не хватает 10 рублей в день?

— Как бы не хватить, да я обещался перед деревенским сходом 7 р. в день отдавать в деревню. Значит, остается 3 рубля в день, а этих денег, как хотите, хватать не может.

Против нас двумя группами расположились высшие сановники в шитых золотом мундирах — министры, члены Государственного Совета.

Другая группа военных меня поразила. Все жирные лица, огромные отвислые животы, каких не наживешь работами в действующей армии. Среди этой толпы был только один генерал, имевший вид воина. Но воин имел лицо чисто немецкого типа. Жирные военоначальники, — это, кажется, только в Китае и в России.

Не помню, по какому знаку началось шествие, — большой выход. Впереди

шел пресмешной лысый мужчина, помахивая жезлом и как-то странно выкидывая в сторону и прямо ножки в белых шелковых чулках. Мужчина шел, весьма довольный сам собою. Мне его лицо было знакомо, но я не мог припомнить, где я его видел. Затем шли скороходы, арапы что ли... Память не удержала. Наконец, появились Их Величества. Впереди шла Марья Федоровна,[15] с добрыми, милыми, веселыми глазками. Ей было, по-видимому, приятно все, что происходит, и занятно. За ней император и Александра Федоровна. Императора я мало видел — Александра Федоровна заслоняла его от меня. Ее лица я никогда не забуду. С опущенными углами рта, вся в красных пятнах, с насупленными бровями, с сверкающими злобой глазами... Она негодовала... Точно мы оскорблять ее пришли...

Цари прошли на возвышение, где сели в три кресла. Шедшие за ними Великие князья остановились на порядочном расстоянии. Впереди старшие, — рядом со мной Владимир Александрович,[16] за ним толпа молодежи.

Я наблюдал Владимира Александровича. Он страшно волновался. Правой рукой рвал перчатку на левой и кончил тем, что разорвал ее. Из глаз текли слезы. Одна крупная слеза скатилась по носу и повисла на кончике носа.

Владимир Александрович пальцами смахнул ее, стараясь сделать это незаметно: он не хотел признавать своих слез и вынуть платок.

Молодежь, стоявшая сзади, была в игривом настроении. Они шушукались между собой, пальцем указывая на иных депутатов, на Петрункевича. Нельзя сказать, чтобы эти молодые люди были хорошо воспитаны.

Царь взял в руки лист бумаги и прочел речь, обращенную к Думе. Хорошо написанная, она была еще лучше произнесена, с правильными ударениями, с полным пониманием каждой фразы, ясно и искренно.

Я не раз слышал потом мнение, что Николай 11 не был умен.

Тот, кто слышал его речь, обращенную к Думе, не мог с этим согласиться. Нет, — этот человек все очень хорошо понимал. Недостатки его и противоречия не были недостатками ума.

Первоначальная церемония выхода, выставка золота и блеска произвела на крестьян дурное впечатление. Я слышал такие замечания: "Золота-то на этом пузе сколько, — целую деревню можно бы зиму прокормить".

А речь безусловно понравилась... "Нет, этот не мог приказать стрелять в народ", — говорил мой тульский сосед.

Увы!

Когда царь кончил, из рядов сановников и военных послышалось: "Ура!" Ряд членов Думы молчал. Сановники еще громче, с напором стали кричать: "Ура, ура!" Члены Думы молчат. Снова с негодованием кричат ура. Из думских рядов слышатся отдельные робкие возгласы, — белым голосом, как говорят французы.

Царь уходит. Пора и нам расходиться. Я тороплюсь на свежий воздух, хочу пройтись пешком. Иду до Марсова поля. По набережной толпа любопытных. Слышны приветы! Когда я прохожу мимо дворца Великого князя Константина

Константиновича, во двор Мраморного дворца въезжает Великий князь с мальчиками кадетами. Толпа кричит: "Ура, кадеты". Мальчики отдают честь! — "Да не эти кадеты, другие! Ура".

Я встречаю своих приятелей С. М. Зарудного и Ев. Цез. Кавоса. — Пойдем на Николаевскую позавтракать и снять фраки.

Надо торопиться в Думу. Когда я подъезжал к Таврическому дворцу, у железной решетки на Шпалерной собралась порядочная толпа, встречавшая депутатов разными возгласами, криками, кого знали, как меня, приветствовали, кого не знали, встречали возгласом: "Да здравствует амнистия!" Этим криком, должно быть, заразились депутаты, приехавшие с пароходом. Когда я вошел в зал Таврического дворца, я застал страшное возбуждение... Для депутатов, бывших в Зимнем дворце, был заготовлен пароход, на котором их повезли к пристани, ближайшей к Думе. Пароход, заворачивая за Литейным мостом, близко подошел к Крестам.[17] Там все окна были заняты арестантами, которые махали руками, приветствовали депутатов криками, исступленно требуя амнистии.[18] Сцена эта на депутатов произвела чрезвычайно сильное впечатление.

Во дворце они видели собранными тех, кто был против них, здесь их приветствовали те, кто был за них.

"Потребуем громко амнистии, постановим аминистию!"

Такие слова раздавались среди депутатов. Я ничего не понимал в этом возбуждении, не пережив впечатлений переезда, не заразившись общим порывом... Наконец, Ивану Ильичу удалось угомонить волнение, уговорить возбужденных депутатов.

Только что открылось заседание, Иван Ильич сделал заявление об амнистии, начинавшееся словами: "Долг чести, долг совести"...

То было нарушением всех парламентских обычаев... Но на бурю было пролито масло. Депутаты успокоились, взрыва не последовало.

Приступили к выборам. Подали записки, и все записки, кроме одной, с именем С. А. Муромцева. Решили, что выбирать еще шарами не нужно.

"Кланяюсь Государственной Думе", — как сейчас слышу речь Муромцева, серьезную, мудрую.

Прямо из Таврического дворца я прошел в клуб Народной Свободы, на углу Потемкинской и Сергиевской.

У входа сторожили солдаты кавалергарды. Они встретили меня приветом.

И я должен был сказать им несколько слов. Кажется, этим солдатам за их выходку досталось.

Что было дальше в этот день помню очень смутно.

То был счастливый туман.

XIУ

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Дума, Бог знает в который раз, была распущена до Генваря.[1] Настроение в Петербурге было очень напряженное. Ждали в день открытия Думы демонстрации рабочих. От правительства шли общения расстрелять демонстрацию беспощадно. Помню свое угнетенное состояние, мрачное ожидание несчастья. Но я успокоился на мысли, что если осмелятся стрелять по народу, то будут те же последствия, что от стрельбы 9 января 1905 года — тогда выстрелами солдат был нанесен смертельный удар самодержавию. Теперь убьют монархию. Бояться нечего — не посмеют. А если посмеют, это будет самоубийство. На этом я успокоился.

Это спокойствие я привез с собой в Москву, на заседание Центрального Комитета партии, в декабре, кажется, на праздниках. Помню это заседание. Искали выхода и не находили. Н. И. Астров[2] так и заявил: "Не вижу выхода и жду беды". Я высказал свою точку зрения. "Хорошо, кабы так, — возражал Милюков,[3] — но я этого не думаю". Как ни извивалась речь Милюкова, к определенному выводу она не привела. Определенный вывод был у Н. М. Кишкина:[4] "Устраивайте повсюду комитеты. Придет день и эти комитеты возьмут власть в свои руки". Этот взгляд был неприемлем для большинства, которое так в неопределенности и разошлось.

Многие тогда в Петербурге о чем-то умалчивали. Особенную таинственность напускал на себя член Думы Некрасов.[5] Глядя на него, хотелось думать: "Какую тайну этот человек так сохраняет?" Когда в одном из заседаний парламентского комитета партии, я с насмешкой прошелся насчет слухов на манер Зубова, Палена и Ком., Некрасов мне заметил строго: "Вы бы так не говорили, если бы знали то, что есть"...

В Петербурге напряженные настроения не успокаивались. В военно-промышленном комитете говорили о рабочем брожении. Правительство подливало масла в огонь арестами... В эту зиму появились хвосты у мелочных лавок, у булочных — клубы, в которых к былям небылицы без счета прилагались. Какие небылицы и были.

Ехал я на станцию из деревни за 70 верст. Кучер Николай завел политический разговор. "Намедни, — говорит, — на станции офицер с войны на побывку ехал. Надо, — говорил будто бы этот офицер, — повесить цареву женку, да цареву матку, тогда все хорошо будет".

Конечно, никакого фоицера не было, а под его флагом кучер провел свою контрабанду... Вот такие вещи обсуждались в длинных хвостах, топтавшихся на морозе. Летом 1917 года в хвостах обсуждались уже вопросы экономические: сообщали статистические данные, что если поделить все деньги, то придется на брата 11.000 рублей.

В создании и распространении революционного настроения хвосты у лавок сыграли огромную роль.

Дума собралась. На улицах все сошло благополучно. В Думе на заседаниях инцидентов не было. Инциденты происходили в комиссиях и комитетах. Но в Думе все-таки начались острые прения. Брожение в городе ставило на очередь вопрос о продовольствии. Давал объяснения Риттих,[6] тоном примирения с мыслью о сотрудничестве Правительства и Думы, а не о войне между ними, жаловался на затруднения, на недостаток сочувствия. Ему отвечал Некрасов, тоже в примирительном тоне, который был властями очень оценен, как узнали впоследствии в Следственной Комиссии,[7] от командующего тогда войсками генерала Хабалова.[8]

Я оценил иначе обещание Риттиха: "Ничего из них не выйдет. Риттих, как Филарет Романов. Он, Филарет, был очень почтенный человек, но его обещания, пока он был у Тушинского вора,[9] надо было расценивать с особой точки зрения". — "Вот это мне нравится", — сказал, подходя ко мне после речи Керенский.[10] — "Должно быть плохо, коли Вам нравится", — пошутил я.

На другой день в субботу заседания не было. Толпы народа на улицах продолжали собираться. Брожение на улицах не унималось. Ездили конные городовые и казаки.

В Думе подсел ко мне А. И. Коновалов.[11] "На заводах уже выбирают Совет рабочих депутатов", — сказал он.

Впоследствии мы узнали, что рабочее движение было в значительной мере делом Правительственной провокации. Давая показания в Следственной Комиссии, Климович[12] жаловался на военную контрразведку, которая на одном Путиловском заводе держала 75 агентов, и все были пораженцы. — "Наши агенты, т.е. охрана, — говорил Климович, были все оборонцы"... Что они проповедовали, легко можно представить: им нужно было вылавливать неблагонадежные элементы, вызывая к себе их доверие. Чем? Очевидно, проповедью революции.

Весь Генварь 1917 года я был очень занят личными делами. Всю жизнь, обладая большим, но малодоходным имуществом, обремененный платежами, часто внезапно возникавшими, я перебивался из одного займа в другой. Теперь представлялась возможность продажи лесной дачи, очистки от всех долгов и спокойного жития. Покупатели жили в Москве, и я ездил туда несколько раз. Дело устроилось, и 27 февраля мы должны были совершать купчую, явясь к нотариусу в 12 часов дня. Поезда ходили не особенно аккуратно, так что выезжая в Москву в воскресенье, можно было опоздать к 12-ти часам. Поэтому я выехал в субботу 25 февраля. Уже за обедом, в седьмом часу, рассказывали о столкновениях толпы с полицией. Казаки не хотели наступать на толпу, явно высказываясь против полицейских. На Знаменской площади будто бы был убит пристав.

Когда настало время ехать на станцию, со мной непременно хотел ехать денщик моего зятя, относившийся ко мне с большим участием. Мы сравнитель-

но долго шли пешком, хоть расстояние было ничтожное, извозчики не хотели ехать за солидную плату. Подъезжая, ехали кругом памятника Александру 11, где казаки охраняли все-таки свободный проезд. Подъезжавших к крыльцу извозчиков сейчас же гнали прочь. Садясь в вагон, я простился с денщиком, оказалось навсегда. Когда я вернулся домой, произошла революция и денщик исчез, — вероятно, уехал домой.

В воскресенье в Москве я просидел дома с братом Дмитрием и в понедельник к 12-ти часам аккуратно был у нотариуса. Вернувшись от него часа в 4, я соединился по телефону с редакцией "Русских Ведомостей"[13] и попал очень удачно: только что с редакцией говорили из Петербурга, сообщали, что была стрельба, что часть войск отказывается стрелять и переходит на сторону движения, которое растет. Вечером перед отъездом на станцию Николаевской ж. д. я опять спрашивал у "Русских Ведомостей" — как дела в Питере? Сообщали слух об аресте Щегловитова,[14] говорили, что берут Петропавловскую крепость... Дело шло к трагической развязке...

На вокзале я встретил Евгения Цезаревича Кавоса. Он сообщил, что Дума распущена указом, но что, однако, не разошлась. В промышленных кругах сведения были те же. В вагоне продолжали разговоры с Кавосом. Меня узнали. Все пассажиры обступили нас. Я был вынужден рассказать все, что знаю. — "Это выдумки с дурными целями, — заявил какой-то господин, весьма чопорной банкирско-бюрократической внешности, — особенно про Щегловитова. Я знаю расположение квартиры Ивана Григорьевича и заявляю: бунтовщикам арестовать его было невозможно!" Я не стал спорить. Долго не расходились спать пассажиры вагона, оставаясь в коридоре, где образовались две кучки: одна около бюрократа, другая около меня. Моя кучка была больше. Кавос был очень весел, верил аресту Щегловитова и очень смеялся, рисуя себе самую сцену ареста.

Утром, в Колпине,[15] мы вышли на платформу. По расписанию остановки не было, но поезд остановился, чтобы узнать, что делается в городе. В Колпине знали меньше, чем мы, передавали неопределенные слухи. До Петербургской станции мы не доехали. Нас остановили чуть не в поле и сказали: "Выходите!" Станция горела и была вся в огне и в дыму. Бедный Кавос не знал, что делать. У него был порядочный мешок и меховое одеяло. Нужно идти на Петербургскую сторону. — "Пойдемте ко мне, на Херсонскую. Тут прямиком, поперек площади торговой станции не так далеко". Кавос согласился. Мы отправились, таща попеременно его груз: чемодан и одеяло. Свистят пули. — "Это что?" — спрашивает Кавос. — "Это пули, да Вы не бойтесь — слышите свист, значит, пуля пролетела мимо". — "Все-таки это очень неприятно!"

Идем мимо какого-то забора. За забором стоит офицер и очень систематично стреляет, целясь куда-то по направлению к станционному главному зданию. Кавос устал. — "Постойте немного, — говорит, — мне все это очень не нравится, и я скоро начну кричать — да здарвствует Николай 11!" Отдохнули, пошли. Вот и дома сплошные. Тут пули уже не свистят, кучки народа стоят на улицах. Кто-то, признав меня, помог нам донести вещи... Все-таки бедный Кавос очень устал, но, придя ко мне, не захотел даже умываться, а отправил швейцара нанимать извозчика. Швейцар вернулся. — "Невозможно нанять извозчика". Кавос звонит домой, из дома невозможно помочь. Звонит в свое общество на Невском, чтобы прислали автомобиль. Невозможно. И бедный Кавос остался у нас на два дня, проклиная революцию.

Я пошел по Суворовскому проспекту в Думу. Посреди улицы толпа, перед подъездом в Таврический дворец тоже густая. У ворот солдаты не пускают проходить. Я называюсь членом Думы, меня пропускают. За дверями в коридоре сразу охватывает толпа, она без всякого смысла топчется. Я раздеваюсь и хочу идти в Екатериненскую залу. Пробираюсь сквозь толпу, дохожу до кабинета Председателя — там пермешаны солдаты и какие-то посторонние люди. Я вижу сенатора Носовича. Его толпа привела арестованного, но теперь уже он сидит свободным человеком, интересуясь зрелищем. Выхожу из кабинета Председателя, хочу пройти на почту — толпа еще гуще, течение против течения. Навстречу мне продвигается Пуришкевич[16] с взволнованным лицом, он что-то говорит и жмет мне руку. Никогда я не давал ему руки, помятуя историю журналиста, убитого из револьвера им, Пуришкевичем, данного. А тут в порыве, он меня поймал. В круглом Екатериненском зале опять какой-то водоворот людей в солдатских шинелях, какие-то барышни сидят за столами, что-то пишут. Раздаются голоса: "Хлеб привезли!" Все кидаются туда. Какая-то неразбериха! Я пошел назад, не дойдя до почты, оделся и вышел на улицу усталый, оглушенный... На углу Шпалерной и Литейной зияющие окна Окружного Суда — все здание сгорело, сгорел и Дом Предварительного Заключения. Говорят: "В Городской Думе организуют продовольствие". Я пошел туда. Там повторение тех же сцен — бессмысленная толкотня. Но говорят, что здесь не только заняты организацией продовольствия, но и организацией милиции, вместо полиции... Мне здесь делать нечего. Вышел я из Городской Думы на улицу, когда уже стемнело. Постоянно раздавались выстрелы, и немногие прохожие прижимались к стене, прятались в подъезды... Я дошел до Поварского переулка, зашел к N. N. узнать, что было. Там слышал рассказ об офицерских драмах, об офицерах Измайловского полка, осажденных солдатами. Никогда не удалось эти рассказы проверить. N. N. рассказывал о поджогах соседнего полицейского участка — он сгорел до тла, о полицейских пулеметах, поднятых на крышу. Я сомневался. Как бы в ответ на мои сомнения, раздался над нами, по-видимому, с соседней крыши треск пулеметов, заготовленных во времена Протопопова.[17] Но никаких следов этого заготовления не нашли.

По словам генерала Хабалова, бывшего командующего войсками Петербургского Округа, было заготовлено несколько пулеметов на крышах на случай нападения на Петербург аэропланов. В Главном Штабе был план города с указанием места этих пулеметов: все на казенных зданиях. Я думаю, что стреляли пулеметы, втащенные наверх несмышлеными повстанцами. Я говорю "несмышлеными" потому, что никому не могли повредить пулеметы, стреляющие на уровне 5-го этажа. Если пулеметы были заготовлены по почину Протопопова для расстрела, провоцированного революционного движения, так вот лучшее доказательство помешательства Протопопова и бессмыслия его или императора сообщников. (После восстания 3 июля, на второй или на третий день была попытка каких-то воинских частей, подъехавших к Петербургу, начать военные действия. Поднялась пальба на улицах до Николаевского вокзала, затрещал снова наверху на Херсонской какой-то пулемет, втащенный неудачными повстанцами. Вся вспышка была живо подавлена, пулемет этот снят.)

От N. N. в 9 часов вечера опять сквозь выстрелы, я отправился домой. На 2-й, кажется, Рождественской, посреди улицы горел костер — то хулиганы жгли дела Мирового судьи.

Революция в Петербурге ознаменовалась прежде всего сожжением зданий судебных мест и Дома Предварительного Заключения, освобождением повсюду арестантов и сожжением полицейских учреждений и дел мировых судей.

Это был свой фронт. Вливалась в жизнь новая волна, не то, чтобы чистая, но несомненно революционная. Первым завоеванием революции была гарантия безнаказанности преступникам. Они образовали почетный легион движения. Весна 1917 года была раем воров. Все мои знакомые и я в том числе были обокрадены. У меня полотеры унесли из столовой все серебро и золотые вещи из комнаты моей дочери. Она, по свежим следам, обратилась в полицию, указывая на воров. Полиция, даже не полиция, а милиция погрозила карой за клевету. Брат мой, возвращаясь домой в пустую квартиру, застал воров, бежавших черным ходом. Он успел сбежать вниз, предупредить спускавшихся воров и задержать их при помощи дворника. Свели их к мировому поблизости. Там воров привели в комнату, где сидели городовые милицейские. А оттуда воров выпустили. — "Что Вы хотите? — объяснил брату мировой судья. — Сегодня Иван в милицейских, а Петр в ворах, Иван выпускает Петра, а завтра Петр в милиции, а в ворах Иван, и Петр его выпускает".

В доме № 10 по Херсонской жил околодочный надзиратель.[18] Он часто приносил мне повестки, разные требования и производил впечатление человека тихого и смирного. В том же доме жил еврей, не помню фамилии его. Околодочный, исполняя веление власти, выселил еврея. Еврей скрылся было. Но после революции еврей объявился, записался в милицию и в качестве милицейского пришел арестовать околодочного. Хитрый околодочный скрылся за город (у него было именьице поблизости), но не остерегся и попался в руки милицейского мстителя и был арестован. Жена околодочного приходила ко мне, прося заступиться. Я дал ей письмо к прокурору Переверзеву.[19] Прокурор обещал освобождение, но осмелился или удосужился только на Пасху.

Всех городовых, состоящих в запасе, и жандармов послали на фронт. Туда же послали целую категорию каторжников, которые за запись в армию купили сокращение срока каторги и освобождение. Каково бродило задали армии!

* * *

Много времени спустя узнал я, что в самом деле произошло. Всем было не до рассказов, но из мимоходом брошенных замечаний можно было понять, что такое произошло.

В субботу 25 февраля был дан приказ: "Разгонять толпу, не стреляя!" Но в воскресенье был получен приказ императора: "Подавить движение во что бы то ни стало!"

— "Пришлось, — говорил генерал Хабалов, — стрелять, чтобы рассеивать толпы!"

Серьезная толпа была только у часовни Гостиного двора. Но появились признаки брожения в войсках. Часть Павловского полка не захотела взять ружей. Но эти забастовщики не могли увлечь всего полка, вечером их самих арестовали и арестованных увели в Петропавловскую крепость... Движение толпы на улицах не унималось. В понедельник наступление войск сделалось уже систематическим. У движения войск появилась цель: наступление на Государственную Думу.

Хабалов в этом не признавался, но так как он организовал для наступления одну за другой две колонны и так как обе колонны выводили на Кирочную, где, по словам Хабалова, не дойдя до Таврического дворца, колонны таяли, то очевидно, что куда-то их по Кирочной вели.

— "Что я мог сделать? — говорил Хабалов, — из-за отсутствия боевого настроения у офицеров. — Я им приказываю идти, а они мне говорят: „Вы бы лучше, Ваше Превосходительство, по телефону переговорили с Председателем Думы, может быть, как-нибудь и устроитесь„".

Очевидно, Хабалов посылал свои команды в Таврический дворец.

— "И артиллерия моя, — говорил Хабалов, — была ни к чему — Литейный мост был занят рабочими, и мы были отрезаны от снарядов, все они были на Выборгской стороне, у нас только было 40 снарядов".

Только 40! Да ведь ими можно было разнести все движение, даже заторы и заставы на Литейном мосту!

Очевидно, что не доставало не снарядов, а настроения, при котором пускают в ход снаряды. Во время июльского наступления кронштадтцев довольно было одного пушечного выстрела, чтобы породить панику среди матросов.

Настроение, если бы таковое и было, разбивалось на Кирочной вмешательством Вольнского полка. Накануне солдаты этого полка стреляли в безоружную толпу у часовни Гостиного двора. Очевидно, внутренняя реакция этого подвига привела к тому, что на другой день этот полк перекинулся на другую сторону и перешел в Таврический дворец, в Думу, свидетельствуя свою готовность служить ей. По рассказам, предложение это было принято Керенским в речи, обращенной к волынцам. Остальные члены Думы молчали.

Волынский полк не только в демонстрации у Думы проявил свою активность. Волынцы захватили с собой и другие части. Они пришли в соседнее помещение саперных войск и ворвались в казармы. Дежурный саперный офицер Дмитрий Дмитриевич Устругов (по невоенной профессии архитектор), для меня Митя Устругов, только успел крикнуть: "Не стреляйте в своих братьев!" Братья, неизвестно которые, свои или волынцы, неизвестно почему (вероятно, впопыхах или со страху) выстрелили, и Устругов был убит наповал. После сего саперы присоединились к волынцам. Волынцы выходили к солдатам на Кирочную, уговаривали их, и колонны Хабалова расходились по боковым улицам не воюя.

В воскресенье 26 февраля власти уже перепугались. Совет Министров не знал, что делать. Военный министр Беляев,[20] командир вместо Хабалова, занят был тем, что жег бумаги, секретные планы, говорил он, чтобы не досталось немцам. Собирался Военный Совет под председательством Великого князя Михаила Александровича в Зимнем дворце, потом в здании Адмиралтейства, двор которого служил платцдармом правительственным войскам.

Пробовали организовать третью колонну, это уже в темноте, но узнали, что Петропавловская крепость сдалась, и решили, что дальнейшее сопротивление ни к чему. Решили отпустить всех солдат, собранных во дворе Адмиралтейства. Оружие приказано было оставить и уводить частями. Петербургский гарнизон развалился без боя. Хабалов рассказывал все это через три месяца, все еще не понимая, как это случилось.

* * *

Что же произошло внутри Таврического дворца? Теперь картина почти вся восстановлена. Но я записываю только то, что я услышал и узнал. Члены Думы не

разошлись, а ночь с 27-го на 28-е провели в Таврическом дворце, расположившись на сдвинутых стульях. Когда наступление на Государственную Думу прекратилось, когда толпа уже заполнила Таврический дворец, в одной из комнат собралась кучка человек в 40 и объявила себя "Советом Рабочих Депутатов". По рассказам, инициаторами были два адвоката: Николай Дмитриевич Соколов и Красиков,[21] впоследствии большевик. К ним присоединились члены Думы социал-демократы. В исходе разгоревшейся борьбы еще могли быть сомнения. Некрасов, вспоминая ту ночь, по поводу подозрений в способности изменить революции, говорил: "Нет, не изменит тот, кто помнит дни Февраля, кто чувствовал уже веревку на шее своей".

Я не переживал этих часов и 28 февраля не мог себе представить, чтобы Петербургом мог овладеть кто-нибудь во имя царя — некем было. Вся масса войск, очевидно, не хотела драться, и если бы прибыли с фронта новые отряды, они попали бы в гущу петербургских солдат и растворились бы в ней. Воевать было бы не с кем, да бывшие поблизости войска были настроены сугубо по-петербургски, как пулеметный полк. Да и поместиться фронтовикам было бы негде, разве выгнать гарнизон из казарм. Да и где бы они, фронтовики, приготовили бы себе еду? Наступление с фронта было призраком и серьезно, должно быть, в него никто не верил.

Весь день 27-го члены Думы не расходились, хотя форменного заседания не сделали, устроили совещание в полуциркульном зале, за портретом царя. Родзянко[22] занят был посылкой своих телеграмм царю и командующим фронтами. Члены Думы организовали Комитет,[23] назначили Энгельгардта[24] командующим войсками, посылали Шульгина[25] и Скобелева[26] занимать Петропавлоскую крепость. Вечером Энгельгардт хотел распорядиться стрелять из Петропавловской крепости по Адмиралтейству, но получилось известие, что войска оттуда разошлись и стрелять не пришлось.

Про этот день нерешительности и колебаний член Думы Аджемов[27] говорил: "Великая заслуга Керенского, определившего отношение к восставшим войскам, которые он горячо приветствовал и толкнул в определенном направлении".

Какое было настроение войск, только что оказавшихся неспособными к сопротивлению? Каково было настроение офицеров? В день командования Хабалова они неохотно шли к Таврическому дворцу и неспособны были или не хотели удержать солдат в строю и в повиновении.

Вечером 28 февраля я слышал рассказ про панику офицеров Измайловского полка, из коих будто бы 18 человек были убиты (потом я не слышал повторения этого рассказа). Но следующие два дня я провел с солдатами, объезжая казармы, провожая солдат к Думе. Последовательность этих поездок у меня выскочила из памяти. Начну с поездки с князем Вяземским[28] хотя она была, кажется, не первая. Вяземский передал мне просьбу Гучкова[29] съездить в казармы Петербургского полка и поговорить с солдатами. Мы отправились сперва в здание бывших казарм 2-й Лейб-гвардейской артиллерийской бригады (там я в 1875 году начал свое отбывание воинской повинности). Теперь я держал речь солдатам, призывая их к повиновению командирам. Я старался объяснить им значение армии для страны, значение дисциплины и организации для армии; объяснил им, что на них лежит сугубая обязанность повиновения, которое должно быть крепче подневольного. Объяснил им значение той войны, которую сейчас вела Россия с германцами, говорил им, какое горе будет всему человечеству,

какое горе будет отцам и детям их, если победителями окажутся германцы. И какое несчастье, если теперь в стране вместо единства наступит раздор.

Солдаты слушали меня молча, но, как мне показалось, с интересом и сочувствием. Из артиллерийских казарм съездили в казармы Измайловского полка, там увещевали другую часть того же Петербургского полка. Не помню, куда еще поехали с Вяземским, помню подъезжали к дому князя Вяземского (графини Паниной), где мы входили в подъезд и встретили члена Думы князя Васильчикова. Должно быть, проехали в Таврический дворец. Оттуда меня просили съездить в Финляндский полк, на этот раз вместе с Председателем Совета Рабочих Депутатов, кажется депутатом Бадмаевым.[30]

Когда мы садились в автомобиль, там уже сидела дама. Я думал, что она приглашена моим спутником доехать на Васильевский остров и ни о чем не спросил. Дорогой мы молчали. Когда мы, приехав в казармы, вышли, дама осталась сидеть в автомобиле. — "Куда Вы едете?" — спросили мы. — "Да, если можно, довезите меня к Таврическому дворцу". Мы молча доехали.

В Финляндском полку мы обошли все роты. Я говорил, депутат молчал. Принимали нас очень сочувственно. Кажется, в этот вечер поздно я был уже дома, как подъезжает семеновский офицер. — "Ради Бога, поедемте к нам в казармы, успокойте солдат!" Офицер взволнован, автомобиль тут. — "Едемте, только меня обратно домой доставите". Поехали. Оказалось в казарме уже и огни потушены. — "Ну, хоть в одну пройдем". Прошли. Солдаты еще не улеглись, но были одеты, в чем Бог послал — в рубашках и валенках. Собрались слушать и толковать. Держу им примерно ту же речь, что и утром. Слушают внимательно. — "Ну а об этом как Вы полагаете?" — спрашивает один солдат и протягивает какой-то листок. Это прокламация, только что напечатанная. Все типографии распоряжением Совета Рабочих Депутатов закрыты, ну а эту напечатали. В ней обращались к солдатам с напоминанием, что революцию 1905 года украли офицеры. — "Украдут и нынешнюю революцию, если солдаты не будут зорко следить за офицерами и не дадут им при первом подозрении надлежащего урока".

— "Кто может, кроме немцев, распространять эту прокламацию?" — говорю я. — "Что делает враг при встрече с войском? Первое правило — бей офицеров. Когда не будет командования, будет не войско, а стадо — гони его, куда хочешь. В стадо вас хотят обратить те, кто рассылает такие прокламации". Выслушали сочувственно. — "Однако поздно, — говорю я офицеру, — солдатам пора спать, да и мне тоже. Прощайте, господа!" И я направился к выходу, а из прохода в сторону, в темноту прыснула довольно миловидная девушка... Вот она настоящая пропаганда где. Ну где нашей пропаганде осилить пропаганду этими средствами. И неужели такие проникновения только теперь имели место?

На другой день с утра звонок в телефон. Это вчерашние офицеры-семеновцы. — "Можете ли Вы и сегодня к нам приехать в офицерское собрание переговорить с солдатами?" Я поехал. Прекрасное помещение собрания. Для лекции приготовлены ряды стульев, на них довольно непринужденно сидят солдаты, человек 300, а может быть, 500. Зала поместительная, ряды полны. На этот раз я говорю подробнее. Тема мне дана вчерашним наблюдением, о котором, впрочем, я не напоминал, чтобы не вводить в соблазн и не порождать истории. Я доказывал необходимость восстановить, как можно скорее, порядок в городе, восстановить правильную жизнь в войсковых частях. Во время речи с улицы послышались выстрелы. — "Что это? — говорю я, — этого не должно быть". — "Это рево-

люция'', — послышался голос из солдатских рядов. — "Нет, это озорство, сопровождающее революцию. И его вовсе не надо. И революция, т.е. переворот, совсем не в этом. Цель переворота, чтобы не было озорства, а господствовало бы право!" Кончилась лекция, офицеры говорят: "Полк собирается идти в Таврический дворец. Поедемте с нами''. Вышли на Загородный. Полк отправился строем, а я с одним из офицеров на извозчике. Доехали по Литейной до дома Мурузи, против Спасской. — "Сверните на площадь, — говорит офицер, — там солдаты остановятся, Вы им еще скажете!" — "Хорошо!" На площади Спаса Преображения в середине поставили ларь из-под овса. Солдаты окружили его со всех сторон. Я стал на ларь и говорил о войне, о необходимости и о надежде победить. Слушают. Вдруг — тра-та, та, та. Что такое? Весь полк лег на землю, т.е. на снег. — Тра-та, та, та... Это пулеметы. Но они на мгновение стихли. Солдаты побежали. Стоявшая рядом толпа, среди них как-то оказалась моя дочь, бросилась в подъезд дома, бывшего Лисицына. И меня туда же втащили. Высунешься наружу — тащут назад. Пулемет иногда затрещит. На площади никого. Появляется Вяземский. Он показывает на дымок пулеметов. — "Нет, это не дымок пулеметов, а известковая пыль, отбитая пулями, я пойду отыскивать пулемет, — говорит Вяземский, — и вернусь сюда''. На лестницу выходит в это время адвокат В., которого я едва знаю. — "Входите ко мне, — говорит он, — в квартире у меня переждите стрельбу и позавтракайте''. Он звал и мою дочь и Вяземского. Дом Лисицына был первый дом, в котором я жил мальчиком, привезенным в Петербург. Только мы жили в квартире этажом ниже, чем адвокат В. Я принял предложение. Адвокат ждал к себе клиента, сахарозаводчика из Киева (потом я встретил обоих в Одессе в январе 1919 года). Для него был приготовлен торжественный завтрак. Сахарозаводчик не приехал, и мы ели тюрбо из рябчиков, для него приготовленное. Пришел Вяземский.[31] Пулемет стрелял с Литейной, теперь унялся. Полк собрался и пошел в Таврический дворец. Пошли и мы. Там уже говорили речи: на улице — Н. Д. Соколов, на главном подъезде — Родзянко. Офицеры рассказывали, что среди солдат пошел уже слух, что офицеры и я нарочно завели их на площадь, чтобы они попали под пулеметы и были расстреляны. Но успокоились, потому что никого не задело, да и не могло задеть. Кажется, в этот раз пришел в Думу и Великий князь Кирилл Владимирович с своим экипажем.[32] Я видел его, когда он шел по коридору в комнату Председателя.

* * *

Центральный Комитет партии к. - д. собрался у Винавера.[33] Помню шел вопрос: сохранять ли Думу? Все согласились с Аджемовым, горячо доказывавшим необходимость сохранить ее. Не помню ездил ли в Псков с Гучковым и Шульгиным член Думы Лебедев (от Земли Войска Донского). Но помню рассказ о возвращении депутатов в Петербург.

Гучкова окружила враждебная толпа. Хотели растерзать изменника революции. Он ждал худого конца и успел сунуть бумажку об отречении царя в руки Лебедева, который ее и сохранил. Гучкова толпа выпустила, и он вместе с Лебедевым уехал в город.

Образовалось Временное Правительство, и я был провозглашен министром по делам Финляндии. Забыли, что по Основным Законам Финляндии министром должен быть финляндский уроженец. Потом меня переименовали в комиссара по делам Финляндии.[34] Я поехал в помещение финляндского секретариата. Там делопроизводитель встретил меня как ни в чем ни бывало и сразу стал докладывать о текущих делах. Ничего важного. Послали в Тобольск телеграмму об освобождении Тальмана Свинхувуда.[35] — "В каком положении касса?"

Тут я узнал, что николаевский министр в Финляндии Марков,[36] кажется, взял себе ссуду в 40.000 руб. из особого капитала на помощь финляндцам. Запросили министерство: "На каком основании взяты деньги?" — "На основании Высочайшего повеления". — "Где это повеление?" — "Оно было словесное!" Написали министерству предложение заплатить деньги. Марков отказался: срок-де еще не наступил. А звонили мне по телефону отдать ему жалование до 1 марта, которое он не получил. Я ему посоветовал лучше отдать ссуду.

XV

ПОЕЗДКА В ФИНЛЯНДИЮ

Днем 5-го числа (марта 1917) звонят мне от князя Львова, который просит приехать к нему в Таврический дворец. Еду. Ждем Львова.[1] Все Правительство в сборе. Я жду. Наконец, 11 часов вечера. Я жду. Уже в 12 часов Львов объясняет, что от адмирала Непенина,[2] командующего Балтийским флотом пришла тревожная телеграмма — просить приезда Родичева. — "Поезжайте, — говорит Львов, — Вам будет заготовлен экстренный поезд, по дороге заезжайте в Адмиралтейство, в Морской штаб, там Вам сообщат нужные бумаги. С Вами поедет член Думы Скобелев от Совета Рабочих Депутатов". Я заехал домой собраться и предупредить жену. В Морском штабе про Гельсингфорс еще ничего определенно не знали, волновались о беспорядках в Ревеле. Кронштадт был во власти бунтовщиков. Из штаба мы поехали на вокзал. Разыскал начальника станции, разбудил его. Он спросонья выслушал меня с философским спокойствием, объяснил, что поезд заготовить не так скоро и предложил свой диван. Я лег и заснул. Разбудил меня тот же начальник и повел в вагон, мне приготовленный; там было довольно холодно, но я все-таки заснул. Опять будят — офицер из Морского штаба передает мне пакет бумаг, это телеграфная переписка с Ревелем. Как будто там успокаивается. Керенский послал по телеграфу воззвание к матросам с просьбой успокоится, сохранять порядок и готовиться к войне. Офицер восхищается словами Керенского. Я ничего возразить не имею, констатируя с удовольствием, что Керенский из пораженца превратился в оборонца.

Но это все к Гельсингфорсу, собственно, отношения не имеет.

— "Вам адмирал Непенин все объяснит", — говорит офицер. Мы прощаемся. Я засыпаю... Когда я проснулся, поезд уже двигался. Светало, я прошелся по коридору вагона. В соседнем вагоне под одеялом кто-то спит. Очевидно, Скобелев. Дальше из-под морского военного пальто торчат чьи-то ноги. Я вернулся в свое купе. Часу в 7-м было уже совсем светло, поезд остановился на какой-то станции. Кондуктор поезда вошел в вагон и объяснил мне, что здесь приготовлена мне встреча и просят меня пройти на вокзал. Там меня встречает толпа, впереди дамы. Одна из них что-то говорит по-фински и подает букет цветов... Надо отвечать. Отвечаю и благодарю по-русски. Я их не понял, но благодарен. И они, хоть не поймут, будут благодарны. Приглашают к столу — на белоснежной скатерти сервиз с кофе, разные булки, сливки необычайной густоты. Я с удовольствием выпил кофе за процветание Финляндии. — "Но, позвольте, я не один!" Я пошел и великодушно разбудил Скобелева и привел его к дамам. Повторились приветствия и

кофе, и я половину своих цветов отдал Скобелеву. Возвращаемся в вагон. Наши спутники уже проснулись, вытащили тюк печатных объявлений и раздавали их подошедшим нескольким солдатам. Войдя в вагон, я позвал Скобелева в свой вагон. — "Нет, — говорит, — мы оденемся как следует, сговоримся и придем к Вам официально". Через некоторое время входят трое: Скобелев, матрос с Георгием, Хомяков и в солдатской шинели Таиров, фельдшер, племянник Весьегонского д-ра Таирова. Это делегаты Совета Солдатских Депутатов.

Скобелев начал очень официальным тоном: — "Господин Министр, мы пришли к Вам, чтобы узнать, какие Ваши полномочия?" — "Не понимаю, о каких полномочиях Вы говорите!" — "Мы требовали от Правительства, чтобы оно уполномочило Вас арестовывать офицеров, если оно окажется нужным. На этих условиях мы поехали". — "Никого я арестовывать не собираюсь, никаких полномочий не имею и никаких инструкций. Еду по Финляндским делам и по вызову Непенина. Да бросьте этот официальный, торжественный тон, со мной он не нужен. А что Вы знаете про Гельсингфорс?"

Ничего Скобелев не знал или не хотел рассказывать.

Ехали без дальнейших остановок. Уже на последней станции перед Гельсингфорсом к вагону подошли несколько человек солдат и матросов. Скобелев стал с ними разговаривать. — "Нет, останавливаться нам нельзя, пусть войдут в вагон; мы их увезем".

Депутация вошла в купе Скобелева. Вошел и я за ними. — "Что у вас там делается?" — "Да все в порядке, которых надо офицеров, так мы арестовали". — "Как вы могли на это решиться?" — "Успокойтесь, успокойтесь, может быть, Вам еще много придется волноваться!"

Я ничего не понимал, но расспрашивать было некогда — мы приехали. На платформе военные, морские и штатские в треуголках, при шпагах. Здороваемся. Адмирал рекомендуется: "Максимов, пойдемте, пойдемте. На площади Вас ждут войска" — "А где же адмирал Непенин?" — "Адмирал Непенин убит, после него я вступил в командование"... Ничего не понимаю. Вот и площадь. Посредине помост, на одной стороне строй флотских чинов и матросов, на другой сухопутные войска. Мы входим на помост: адмирал Макаров[3] и нас трое приезжих. Он говорит — "Войска ждут объяснений, что произошло".

Я начинаю говорить. Объясняю, что приехал от Временного Правительства. Объясняю, как оно образовалось. Император отказался от престола за себя и за сына в пользу брата Михаила Александровича, а Михаил Александрович отказался принять власть. Он ее примет, только если ему ее передаст Учредительное Собрание выборных от всего народа. Итак, пока власть перешла к Временному Правительству. Ему приходится и вести войну, и успокаивать страну, сохраняя и оберегая порядок. Оно должно будет сделать выборы, собрать выборных, довести войну до конца, до возможности заключить славный мир. Если мы хотим спасти родину от опасности, мы все должны помочь Правительству. Вы, войско и флот прежде всего. Соблюдайте строй, соблюдайте дисциплину, работайте не покладая рук. Не забывайте о враге, который сеет смуту. Русскому войску, русскому флоту — "ура!"

— "Ура, ура, ура!"

За мной говорил Скобелев, перефразируя то же самое. За ним представитель флота Хомяков то же самое и Таиров представитель армии.

После церемонии адмирал Максимов позвал нас на свое судно "Кречет". Дорогой он рассказал мне, что адмирал Непенин убит восставшими матросами, которые, взбунтовавшись, убили многих офицеров (60 чел.), многих арестовали. Арестованных же ранее, выпустили на волю, в том числе бывшего генерал-губернатора Зейна,[4] которого Непенин арестовал по распоряжению Временного Правительства, боявшегося, что, узнав о революции в Петербурге, финны расправятся с Зейном. Вот уж было бы не похоже на финнов. Резня офицеров произошла и в сухопутных войсках. Максимов рассказывал, что после смерти Непенина, собравшиеся экипажи провозгласили адмиралом его — Максимова. Он уведомил телеграммой Гучкова и ждал утверждения в звании Командующего Балтийским фронтом.

Пока Максимов водворял меня в своих комнатах на "Кречете", — и дал время умыться и выпить кофе. А потом хотел меня везти на корабли. Я сперва посетил барона Корфа,[5] прося его быть переводчиком в объяснениях с финнами. Оказалось, что Максимов говорит по-шведски, и мы с ним поехали к одному из вице-президентов Сейма, которому я объяснил, что произошло в Петербурге, объяснил свою временную роль впредь до назначения министром Финляндии финляндского уроженца, обещал воззвание к финляндскому наро́ду от Временного Правительства и просил устроить совещание с руководящими лицами. Отбыв сии визиты, мы отдались посещению экипажей.

Первым шагом к восстановлению порядка было освобождение арестованных офицеров. Все возмущение сосредоточилось на дреднаутах. С них и начали объезд. Что же произошло в Гельсингфорсе?

Ходили глухие слухи, что в Петербурге что-то происходит. Матросы сходили на берег, собирались в кучки, волновались. Никаких объяснений не было. Собрания на улице Непенин запретил, запретил сходить на берег. На перекрестках поставили пулеметы. Утром в день моего приезда волнения вспыхнули. Матросы не повиновались офицерам, кинулись убивать их, убили человек (?), иных арестовали. ("Кого нужно было, мы арестовали", как говорил мне в вагоне матрос-делегат.) На адмиральское судно "Кречет", стоявшее у самого берега, явилась толпа матросов человек 60, объявила всех офицеров арестованными и повела их с адмиралом Непениным во главе чрез Свеаборг[6] в город. В Свеаборге матросы оттерли офицеров, шедших за Непениным. Офицеры оказались освобожденными и вернулись на "Кречет". А среди матросов оказался один Непенин с адъютантом. Когда толпа подходила к воротам в Гельсингфорс, шедшие впереди матросы расступились на обе стороны, а адъютант получил сильный удар по ноге и нагнулся пощупать ушибленное место. В эту минуту раздался выстрел сзади в Непенина... Он упал. Матросы разошлись. Адъютант оказался на свободе. Таков был рассказ офицеров в кают-компании, куда Максимов всячески старался меня не допускать, прилипнув ко мне, как банный лист. Резня офицеров распространилась и на сухопутные полки. Она кончилась только тогда, когда солдаты пошли меня встречать.

Максимов считал Гельсингфорское восстание не столь опасным для обороны, как Кронштадтское. В Кронштадте заготовляли мины, которые потом пересылали в Гельсингфорс. Здешние команды, изготовив окончательно мины, развозили их по морю и погружали.

Команды миноносцев оставались спокойны. Понятно почему: они весь день были заняты работой. А на дреднаутах, где работы нет целые сутки, шли политические обсуждения. Там создалось темное, бунтарское настроение. Теперь прежде всего надо было вызволять арестованных командами офицеров.

Сначала казалось, что положение было очень напряженное. Когда мы с Максимовым вернулись, после совещания с финнами на "Кречет", нам объяснили дежурные офицеры, что пришли делегаты с взбунтовавшихся судов, требуют освобождения каких-то арестованных матросов и грозят, если им откажут, бомбардировать "Кречет". — "Одного выстрела довольно, чтобы нас разнести", — говорил Максимов. — "Нельзя, однако, уступать угрозам". Одного из депутатов он оставил под арестом, так что и его бы убили, если бы стали стрелять.

— "Знайте, — объявил я делегатам бунтовщиков, — если вы выстрелите в "Кречет", вы убьете вместе и присланного Временным Правительством депутата".

Мы начали объезд дреднаутов. Мороз был изрядный, ехали в открытом автомобиле. На дреднаутах, когда мы подъезжали, были уже устроены сходни. На палубе уже ждали матросы в сборе. Они делали круг около нас. И тут же приходилось говорить речи. Вслед за мной говорил Скобелев, потом матрос Хомяков, потом Таиров. Не помню на второй или на третий день Скобелев объявил, что он поедет на другие суда вместе с Таировым и исчез с моего горизонта. Пока они были со мной, они по-прежнему повторяли мои слова: предостережения от германской агитации, объяснения важности сохранить для флота офицеров, не заботясь об их политическом направлении, необходимости сохранения дисциплины, задачи Временного Правительства.

Хомяков и по уходе Скобелева оставался со мной. Ему нравилось говорить речи. Раз даже, увлекшись, он сказал после меня: "Вы слышали святые слова депутата Родичева".

Но что я говорил?

Я рассказывал про отречение царя в пользу Великого князя Михаила Александровича, про отказ его, про Думу, которая отказалась расходиться, составила Комитет, про Временное правительство, которому предстоит трудная задача.

Надо вести войну, надо добиться мира, надо победить Германию, грозящую свободе всего мира. Надо выгнать германцев из России, надо Россию довести до Учредительного Собрания. Нельзя же делать выборы в то время, когда идет борьба и льется кровь. В этом трудном деле надо помочь Временному Правительству. Надо не сдаваться на проповедь смуты, возглавляемую германцем. Он не дремлет. Вы знаете, передавал я весть, сообщенную мне Максимовым: в первый же день беспорядков пришли в Гельсигфорс два вагона с водкой. Кто их отправил? Неизвестно. Пришлось водку вылить в снег, разбив посуду. Очевидно, рассчитывали, что солдаты, узнав о водке, схватят ее и перепьются. Когда здесь убивали офицеров, кому помогали? Помогали врагу. При встрече войск, что делает враг? Старается перебить офицеров. В офицеров целят. Если перебьют офицеров, войско обратится в стадо, которое можно взять голыми руками, особенно во флоте. Кто радовался известию об избиении офицеров? В России никто не ра-

дуется, в России об убитых людях льют слезы. Радуется германец. Он не мог убивать офицеров на выбор в бою. Но свои их убили во славу германцев. Слепые. Неужели изменники? Я узнал, что количество убитых в Кронштадте и Гельсингфорсе 150 человек — половина числа погибших при Цусиме. Не потеряв ни одного человека, германцы одержали огромную победу. Корабль — это огромное орудие защиты, но если люди на корабле действуют, не повинуясь одной цели, одной команде, корабль — это куски дерева и железа. Его и взорвать не надо, он ничего не стоит.

Этого ли вы хотите? Вам скажут, что офицеры сторонники царской власти. Что же из этого? Лишь бы они честно делали свое дело против неприятеля. Ведь при царе были в войсках противники царской власти. Но заподозрить их в том, что они из-за этого были на стороне врага, было бы несправедливо. Разве вы, бунтовавшие в прошлом, были изменниками? Если сторонники царя будут честны в бою и в работе, тем больше им чести. Не забудьте, что все вы здесь среди чужого племени. На вас смотрят с любопытством. За ваше поведение готовы хвалить или осуждать весь русский народ. Не забудьте, что у России есть союзники, что они отвернутся от нас, если наше войско, наш флот перестанут защищать свою страну, сами доброй волей уничтожат свою силу.

Века пройдут и будут вспоминать о том, что делал русский народ, русское войско и русский флот в 1917 году. Будем же надеяться, что наши внуки и правнуки будут с гордостью и благодарностью вспоминать нас. Неужели же совершается то, что и называть не хочется?

Записываю эти слова по памяти через 8 лет.

Я не раз произносил эту речь. Но не записал ничего сказанного. Всюду и везде я говорил о роли офицеров, о значении убийств.

Понимали ли меня мои слушатели? Думаю, что понимали. Я был поражен обилием лиц вполне интеллигентных. Да и в самом деле: современный корабль — это огромная, сложная и тонкая машина, управлять которой темный и не думающий человек не может. Скорее, это даже не фабрика с машинами, а лаборатория физики, где образуются у рабочих такие душевные навыки, которые с тупой бессмысленностью несовместимы; мне казалось, что большей частью между мной и аудиторией устанавливалось единство настроения. Это ведь чувствуется. Я помню лица, на которых проступало выражение несогласия. Я старался угадать мысли и чувства этих людей и говорил для них. Конечно, по окончании речи кричали "ура" — это не дорого стоило. Но когда делегат Советов Хомяков назвал мои слова "святыми", это значило, что им овладело общее настроение. Очень скоро после меня и Хомякова начал говорить Максимов; он увлекся ораторством тем сильнее, что, несмотря на фамилию, не умел говорить по-русски. Он обращался к матросам с просьбой отпустить арестованных офицеров. — "Теперь, — обещал он, — никто вас обижать не будет. Адмирал Непенин послал Временному Правительству телеграмму — "Балтийский флот не существует". Я хочу послать телеграмму — "Балтийский флот существует". Ведь так?" Матросы кричали "ура".

Не знаю, послал ли Максимов свою телеграмму, но когда на четвертый, ка-

жется, день кончился объезд больших кораблей, арестованные офицеры были выпущены. Дальнейшей судьбы офицеров я не знаю. Я мало видел офицеров, которые были на "Кречете" или являлись туда. Думаю, что они очень отрицательно относились к адмиралу Максимову, но боялись высказать свое отношение к нему и ко всему совершившемуся. Только историю убийства Напенина рассказали и были убеждены (так же как и я), что это убийство — дело организованного заговора. Непенина все жалели и все в один голос восхваляли его мужество, его познание и опытность. Убийство его — крупный успех немцев. В общем офицеры были очень угнетены, настроены были очень пессимистически. Да и как могло быть иначе? Ведь все еще делали переклички, искали неявившихся и находили только трупы.

Когда кончился объезд крупных судов, начался объезд команд миноносцев. Тут объяснение носило совсем другой характер: то была спокойная дружеская беседа. Команды миноносцев тогда не были затронуты бунтарской агитацией по очень простой причине — они не были праздны. На них опираясь, думал Максимов восстановить порядок во флоте (если только в самом деле думал).

— "Как Вы думаете поступить с убийцами матросами?" — "Ведь надо восстановить следствием всю картину убийств, может быть, и до корней доберетесь", — говорил я. — "Это совершенно излишне, — говорил Максимов. — Чего волновать команды? Во флоте принят другой обычай. Конечно, убийц все отлично знают. Будет знать и начальство. И вот, когда выйдем в море, очень скоро ни одного из убийц (их уж и не так много) не останется в живых". — "Как так?" — "А очень просто: вечером стоит матрос у борта, да вдруг закружилась у него голова, упал в море и след простыл, и все знают, за что. Это у нас часто практикуется!"

Не знаю правду ли говорил Максимов, но если так, то лекарство было не лучше болезни. Получивши такой воспитательный пример, Максимов не предвидел, что не начальство расправится с убийцами, а убийцы с начальством. Да и как же иначе могло быть?

Утром в тот же день, когда я уезжал из Гельсингфорса, меня пригласили в морской клуб, открытый для матросов. То был длящийся политический митинг. Меня просили сказать два слова. Я выразил надежду, что работа Балтийского флота наладится, что флот вложит свои усилия в необходимую для человечества победу над Германией. Тут же социал-демократический оратор приглашал публику бороться с империализмом, заваривая кашу в матросских головах...

Я ушел в самом начале после его речи. Дело шло о выборе старшин, то есть о выборе Совета матросских депутатов. Не было никакого сомнения — в Совет попадут все или большинство убийц. Власть командования прекратилась. Прекратилось военное учение. Началось, по рассказам, учение балетное. Для экипажей были приглашены учителя танцев, и герои резни плясали на казенный счет с утра до вечера... Непенин, посылая пессимистическую телеграмму, был прав.

Кончили мы объезд флотских команд, поехали по командам сухопутным. Везде находили выстроенных солдат, везде обращался я к ним с речью, старался говорить, как можно проще. Аудитория была совсем другая, чем во флоте, тугая на понимание. Помню выпученные глаза, неподвижные и тусклые. Два дня тому назад люди эти резали своих офицеров. Понимали ли зачем? Может быть, они бы могли объяснить, почему? Потому, что ненавидели. Едва ли они могли

дать общий ответ — почему ненавидели? Тяжелое впечатление производили и сухопутные офицеры, неловкие, удрученные... Тут в сухопутных войсках едва ли был организован заговор, вероятнее всего, была зараза кровавым психозом. Невольно вспоминалось восклицание Пушкина по прочтении "Ревизора": "Боже мой, как черна наша Россия". Эти люди, которых я тогда видел, потом в Выборге забавлялись, сбрасывая раненых офицеров в море...

Другое впечатление производили финны, которые, по моей просьбе, устроили совещание представителей всех партий. Пришлось прибегнуть к услугам переводчика барона Корфа. При совещании присутствовал и Максимов, предложивший свои услуги для перевода на русский с финского. Кажется, ему хотелось показаться перед финнами в новой роли командующего Балтийским фронтом. Я объяснил присутствующим свою временную роль, впредь до выбора Сенатом кандидата в министры по Делам Финляндии. Мои собеседники из буржуазных партий больше всего интересовались прокламацией Временного Правительства. Депутация от партий уже уезжала в Петербург в тот же день. И я мог только обещать, что отношение Временного Правительства будет доброжелательное.

Все высказанные финнами пожелания были мною записаны. Я их передал словесно князю Львову. Ни одно не вызвало особых постановлений Временного Правительства. Список этих пожеланий остался у меня в Петербурге и достался вместе с другими бумагами большевикам, увезшим все, что у меня было в квартире согласно грабительскому лозунгу.

Присутствовавший на совещании ректор университета говорил о необходимости амнистии для всех политических преступлений... "Какое же может быть сомнение в такой амнистии?" Тут барон Корф объяснил, что под политическими преступлениями ректор разумел службу в германской армии во время войны. Финская молодежь ринулась в германскую армию с самого начала войны. Тут мне пришлось взять назад свое категорическое обещание и даже усумниться в благоприятном ответе Временного Правительства. Пожеланий было много, всех не упомню, большей частью они относились к восстановлению конституционных прав. Особенно подробно было заявление представителя социал-демократической рабочей партии. Заявление кончалось о введении 8-ми часового рабочего дня. На это предложение я мог отвечать не предположительно, а окончательно: Временное Правительство будет соблюдать конституцию Финляндии и не будет нарушать ее своим вмешательством в дела, ему не подлежащие, как и вопрос о 8-ми часовом рабочем дне. Вспоминаю этот эпизод как показатель уровня государственного понимания финского социал-демократа, из вожаков должно быть.

Мое пребывание в Гельсингфорсе затянулось больше, чем я ждал и думал. Дело о восстановлении Финляндской конституции, об устранении всех сделанных нарушений, решалось в Петрограде.

Свою роль миротворца в войсках и во флоте я, казалось, выполнил. Восстановление военных и морских сил не было моим делом. Пора было возвращаться в Петербург. Упомяну об одном эпизоде. На "Кречет" мне была доставлена из Царского Села телеграмма от Великого князя Павла Александровича с просьбой сообщить, что сталось с его пасынком Пистелькорсом, офицером в одной из частей, расположенных в Гельсингфорсе. Собрали справки. Пистелькорса не нашли. Среди убитых его не признали. Я так и телеграфировал, прибавив, что не все трупы убитых офицеров собраны. На другой день число убитых было

окончательно восстановлено. Все осмотрены. Пистелькорса среди них не было. На третий или же на четвертый день я получил любезное уведомление, что Пистелькорс отыскался. А княгиня Палей, жена Павла Александровича, в своих записках[7] похвалила меня за человеческие чувства и вежливость, мною проявленные.

Перед отъездом в Петербург я вместе с Дмитрием Дмитриевичем Протопоповым[8] принял обед от представителей финляндского общества. Речи произносились по-шведски и по-фински. Кто-то из финнов сказал несколько слов по-русски. Я отвечал кратко по-русски. От речей на воздузе при 20-ти градусном морозе я совсем охрип. Все остались довольны. Я с удовольствием после обеда отправился на поезд. Я рад был вырваться из среды темных хаотических настроений.[9]

Теперь я вижу, что положение сразу выяснилось как безнадежное. Не было шансов возможностей восстановить флот, ибо не было налицо условий восстановления работы флота, дисциплины, труда. Действительными руководителями были убийцы, они давали тон. Вместо адмирала Непенина стали красавцы революции.

Тогда я склонен был к оптимизму, утешая себя тем, что элементы труда возьмут верх. Я не задавал себе вопросов, как они могут организоваться, чтобы противостоять развращению и анархии. Я легкомысленно рассчитывал на общее одушевление, всенародный подъем, который охватил и флотскую массу. Мне просто тяжело было примириться с мыслью полного крушения, и я цеплялся за каждую видимость просвета. Эта иллюзия, в значительной мере намеренная, долго не продержалась.

Зато не было у меня никакой иллюзии относительно сохранения прав русской государственности в Финляндии. Что мы можем сделать, если Финляндия захочет отклониться, как помешать ей? Ничего не можем сделать, разве с важностью хранить вид силы и внушать доверие, воздерживаясь от излишней активности. Можно ли влиять на Максимова, на командиров? Нет! Максимовым руководить нельзя — он плыл по тому течению, которое его вынесло, где, ему казалось, были выгоды.

Помощником генерал-губернатора М. А. Стаховича[10] был назначен барон Корф, говоривший по-шведски, гельсингфорский старожил. К сожалению, эти два представителя русской власти плохо ладили. Г. Е. Львов мирил их.

Еще два раза ездил я в Гельсингфорс в качестве комиссара по финляндским делам. Дело шло об оборудовании электрической станции для обслуживания Петербурга. Стахович созвал совещание финляндских сенаторов с уполномоченными русского военного министерства. Спрашивалось, на каких условиях Финляндия предоставит России силу водопадов и установку проводов в Петербург. В первом заседании комиссии военные были чрезвычайно напористы, уверяли, что надо приступать к работе немедленно, надо, чтобы в том же 1917 году было все готово. Денежный вопрос для них не существовал. На втором совещании, которое было недели через две, военные настаивали кантировать силу всех трех водопадов, говорили, что изготовят сейчас планы, сделают доклад Военному министру... Третьего совещания не было, очевидно, план ''Иматра'' был оставлен. Министром Военным был уже Керенский. Да, может быть, и за ум взялись. Если бы стали оборудовать станцию, без германской помощи, прикрытой шведской не обойтись бы. Денег бы истратили уйму и, конечно, при наличии тог-

дашних условий, никогда бы не кончили. Помню, как я тогда был поражен самоуверенностью и высокомерием военных... Думаю, что финны не принимали в всерьез предприятия уже после первого совещания, а только хотели соблюдать вежливость по отношению к раздраженным и мятущимся господам.

Мои обязанности по отношению к Финляндии прекратились после назначения министром Энкеля,[11] которому я сдал исключительно дела министерства. Не могу не помянуть приятного впечатления от прямоты и искренности Энкеля. Бывший гвардейский офицер, он, выйдя в отставку, прослушал курс политехникума и сделался авторитетным инженером. Образованный, независимый, лояльный, он точно нарочно приготовлен был, чтобы быть министром по Делам Финляндии. Но Николай 11 не искал таких людей, а находил тех, кто казенные деньги ЗАНИМАЛ по словесному Высочайшему повелению.[12]

В общем в финской лояльности было много того чувства, которым держатся монархии — чувства чести, которое было великой редкостью в среде, окружавшей русских монархов, особенно Николая 11. Изречение Монтескье, что "монархия держится честью", не про Россию сказано. К русской монархии вернее было приложить другое изречение Монтескье — что "деспотии держатся страхом".

Я имел несколько докладов у князя Львова, исполнявшего роль Ersatz'а Великого князя Финляндского. Дела были неважные. Самое серьезное было — пропуск из-за границы в Финляндию большого количества кофе. Львов относился к докладам с большим благодушием, подписывая то, что ему подносилось. В одном отношении он был очень тверд: он неизменно требовал, чтобы на каждый денежный расход, было испрошено заключение Финляндского Сената.

Мои обязанности поставили меня в отношения к финляндской колонии в Петербурге. Я принимал участие в обеде, данном Тальману,[13] по возвращении из Сибири, был на выставках финских художников и после, на очень позднем обеде финнов у Донона. Обед с Тальманом носил очень официальный характер. Было скучно. Тальман сидел насупившись и молчал. Он мало мог говорить по-русски, кажется, он мог говорить по-немецки и рассказывал очень смешно, как он при первой телеграмме о волнениях в Петербурге просил исправника отпустить его, а после второй телеграммы — уже без всякого спроса уехал.

Финская выставка имела успех. Там побывали герои момента... Помню Веру Николаевну Фигнер, которой сделали овацию, Горького... За обедом было скучно. — "Подождите, — говорил мне Дмитрий Дмитриевич Протопопов, — будет занятно, когда выпьют". Тут были речи на всех языках. Один скульптор из Парижа говорил по-французски. Многие показывали познания в русском языке. Тосты следовали один за другим... Фино-русская дружба была самая горячая. Под конец начали петь уже хором, обед кончился попойкой. Я уехал. Как и надо было ожидать, стремления финнов к независимости только росли и крепли. Что могла дать им связь с Россией? Внешняя безопасность? Чтобы ее дать, надо победить на войне, а победа в руки не давалась и после революции была весьма сомнительна. Безопасность от озорства России? Финны испытали на себе озорство монархии и озорство русского флота и армии. Русская стихия несла Финляндии одно разнуздание дурных страстей, заразу большевизма. Что бы сталось с Финляндией, если бы не был порван союз с Россией? Смерть в буквальном смысле этого слова: коммунисты голодом убили бы народ. Но финны боялись резких поступков, насильственных действий, союза с Германией. Они шли озираясь, нащупывая каждый шаг. — "Ну вот Вы не русский, — говорил Аджемову один из

финнов, член конституционной комиссии в Петербурге, — не лучше ли нам разорвать с Россией?" Аджемов не советовал.

Я уехал в Финляндию с непотрясенной верой в обновление. В это время я писал одному приятелю за границу — "стоило жить, чтобы дождаться такого времени". Теперь мне представляется, что я сразу усомнился в революции. Но один приятель за границей показал мне мое письмо с этой фразой. Прошло три недели, и я уже не повторил бы этих слов. Я видел разгул солдатской стихии и спрашивал себя: "Где те пути, на которых силы взрыва могут быть направлены против врага на границы родины и к устроению внутри ее?"

С каждым днем я видел, как слепая стихия веры в могущество слов, как атрофия разума охватывала людей. Казалось, заведи только комитеты и дело будет сделано: хлеб найден для городов и для армии. Судьба земельной собственности будет решена и все устранено, деньги будут: стоит только с трубами и бубнами объявить заем свободы. Армия? Послали туда комиссаров, и они проповедовали свободу, пожалуй, мир. Все кроили Россию по своим модным картинкам. Бессознательно, а многие сознательно заботились о приобретении власти над массами. Власть эта приобреталась словами — "земля" — это, чтобы овладеть крестьянами, "мир", чтобы овладеть армией, и той что на фронте, и той, что в бегах. Власть над рабочими приобреталась словом — "социализм". Опьянение прогрессировало до июльских дней. Помню наши съезды партии Народной Свободы, прения по аграрному вопросу. Мнения менялись безостановочно, делаясь все радикальнее, стремясь к пределу: немедленный раздел, без фраз и без вознаграждения владельцев. На первом после революции съезде[14] один из самых левых членов партии М. Л. Мандельштам[15] говорил о запрещении сделок продажи земли, как бы опасной утопии. Тогда все понимали, что это был бы удар всему хозяйству страны, подрыв всего гражданского оборота. Заявление Мандельштама принималось как нечто, что само собой разумеется, о чем говорить, пожалуй, лишнее.

В июне выражения против этой меры звучали как реакционная утопия. О земельных комитетах сначала не говорили, полагая, что надо сначала издать закон, который будет применяться комитетами, а потом устраивать комитеты. Потом не говорили, потому что комитеты были устроены. Для чего? — спрошу я теперь. Для революционного правотворчества, Для того, чтобы раньше закона произвести раздел. Такова была задняя мысль сторонников комитетов.

В августе выборгское избиение офицеров уже состоялось,[16] уже провалилось торжественно провозглашенное наступление, совершились зверства в Калуще.[17] Картина страшного развала была изображена Корниловым на Государственном Совещании.[18] Тогда уже было убито русскими солдатами 10.000 офицеров. Тогда уже среди социалистического офицерства создалось настроение, при котором офицер-социалист про сообщение Корнилова (что убито 10.000 офицеров) выразился: "Есть о чем говорить!" Я не хочу делать доноса и называть имя этого офицера. Мои близкие его знают.[19]

В августе еще можно было верить в возрождение и реорганизацию армии. Если такой человек, как Корнилов, верил в возможность спасения армии, вера была нашим долгом. Когда Корнилов рухнул, всякая вера исчезла. Правительство Керенского кувыркалось, точно подстреленная птица и обманывало себя и других фразою и ложью, точно под гипнозом, ничего не предпринимало, отталкивая от себя все элементы порядка. Эсеры все время открыто провеподовали мир. — "Мир не изменнический, мир честный".

Честный мир могла заключить только сильная, верующая в себя власть. Тогда не приходила в голову мысль, ясная теперь: при удаче Корнилова создалась бы возможность мира — не предательского. Не скажу, чтобы поведение партии в вопросе о войне доставило бы ей популярность в Петербурге. В Петербурге агитации против войны велась открыто среди армии. С. - Д. всюду кричали, что война дело империализма, что нужен мир без аннексий и контрибуций, что в Стокгольме собирается съезд социалистов и покончит войну.[20] Весною 1917 года русские социалисты инсценировали пьесы, которые во всякой другой стране назвали бы изменой. Я говорю о поездке швейцарского социалиста Роберта Гримма[21] (теперь, в 1924 году, Гримм, говорят, очень присмирел и не любит вспоминать свою эскападу 1917 года). Министр Иностранных Дел Милюков не хотел пропускать в Петроград Гримма. На него насел сверхминистр Керенский и будущие министры Церетелли и Скобелев.[22] Они ручались за Гримма, требовали пропуска и осилили Милюкова. Гримм приехал, говорил речи солдатам по-немецки (переводила Колонтай).[23] Немного дней прошло и была перехвачена телеграмма Гофмана Гримму,[24] свидетельствовавшая, что Гримм действовал в немецком интересе. Что бы сделали с Гриммом в другой стране? У нас его вежливо выпроводили, чтобы не раздражать общественного мнения. Чьего? Мнения организаторов измены?

Что сталось бы в другой стране с поручителями Гримма? В России один из них скоро стал Председателем Правительства (Керенский). Другие два сделались министрами (Скобелев и Церетелли).

Они показали свою государственную мудрость, способности и добрую совесть.

XУ1

ПОЛОЖЕНИЕ В АРМИИ

Мне удалось заглянуть и ближе в то, что делалось в армии. Я был в Минске на съезде Западного фронта в начале апреля.[1] Командующий генерал Гурко[2] приглашал Родзянко приехать на фронт и привезти с собой ораторов — Маклакова и Родичева. Родзянко передал приглашение. Маклаков осмотрительнее меня отказался. А я соблазнился. До революции я не проникал на фронт, не видел, что делается в армии. Всякий приезжий оттуда только хвалил и восторгался, как В. А. Степанов,[3] как гр. П. М. Толстой, в декабре 1916 года прочитавший обстоятельный доклад о блестящей армейской успешной работе армейского командования, о несомненной победе, которая наступит весной 17-го года, когда начнутся военные действия... Когда мы поехали в Минск, военные действия уже начались, но победы не было, а была крупная неудача при Стоходе.[4]

Ехали мы с М. В. Родзянко в особо ему предоставленном вагоне. Был с нами член А. М. Масленников.[5] В поезде ехал член Думы большевик Бадаев[6] — он все время заходил в салон Родзянкиного вагона, долго сидел в нем и нехотя уходил. Родзянко как-то не видел его, точно Бадаева не было, а было пустое место. Я этой линии не выдерживал, иногда разговаривал с Бадаевым и с грустью убедился, что он просто глуп, не неумен, а именно глуп... Бадаев уверял меня, что будь я на месте Ленина, я бы тоже проехал Германию с разрешения германских властей. Я его за это отчитал...

На больших станциях, где поезд дольше стоял, вагон Родзянко осаждала солдатская толпа и с криком требовала его речей. Родзянко выходил, очень ловко подгоняя свою речь к концу остановки, так что мы в вагоне острили: если кричат "ура", значит — скоро двинемся... Помню, залез к нам офицер с изможденным лицом, лихорадочно блестевшими глазами... Он довольно несвязно рассказывал о сражении на Стоходе, о причинах поражения, но был твердо убежден в будущих успехах армии. Он очень впечатлил меня, и я готов был воскликнуть: "Верую, Господи, помоги моему неверию", как вдруг офицер прибавил: "Я знаю, что будет победа — сегодня ночью мне было видение". Я понял, что перед нами был больной. А Родзянко после говорил: "Ну, пусть больной, разве не может он говорить правду, разве не мог он, в самом деле, иметь видение". Нигде я после ничего об этом офицере не слышал и фамилию его забыл. Это был первый душевнобольной от войны и революции. А сколько я их видел потом.

Поезд наш шел с очень неправильными остановками, были попытки прицепки вагонов с солдатами, паровоз не брал и вагоны отцеплялись.

Перед самым Минском, офицеры передвижения заходили жаловаться на встречающиеся затруднения: приезжают солдаты на станцию, где должен быть обед, а обеда нет, вот извольте, как удержать солдат от грабежа, а когда грабить нечего, как уговорить их ехать дальше...

В Минске мы уже воочию натолкнулись на такую историю. На платформе была голодная взволнованная толпа солдат, галдела и грозила неизвестно чем. Родзянко проявил себя молодцом, пропал куда-то и через четверть часа вернулся и успокоил солдат: "Будет вам сейчас чай и хлеб, а потом и обед". От командующего нам навстречу явились В. В. Вырубов[7] и П. М. Толстой. Нас повезли в помещение командующего. Знакомимся, потом идем обедать, у генерала Гурко человек 40 офицеров, разных чинов. Мы с генералом не вспоминаем инцидента, в коем он должен был играть роль секунданта... а вспоминаем, что в 1903 году жили во Флоренции в одном пансионе Беллини. После обеда совещание Родзянко с генералами. Родзянко проповедует генералам, что надо искренно примириться с тем, что совершилось, надо поддерживать Правительство. Генералы слушают, не возражают и молчат. А я искренно не понимал, зачем им нужно было это проповедовать...

Ну, вот пошли на съезд. Заседания его происходили в театре. На сцене начальство, генералы, комитет, гости. Весь театр заполнен. На улице тоже толпа, не нашедшая места в театре. Председательствует поручик, кажется Познер,[8] социал-демократ, большевик, бывший адвокат. В комитете есть один к. - д. Арапов, тоже адвокат из Саратова. Начинаются речи... Говорят о торжестве революции.

Наступает моя очередь: говорю о необходимости победы, об опасности и роковых последствиях германского торжества, о необходимости единства, о дисциплине. Чувствую, что моя речь ударяется, упирается в какое-то сопротивление аудитории. И мне, как раньше Родзянко, кричат "ура". Но это больше по привычке и из вежливости.

Начались речи — кто забористее. Одну речь слышал умную и говорил француз полковник, не помню фамилию. Высокая уверенная осанка, чистая русская речь: "Друзья, — начал он, — я к вам приехал из Вердена. Там я командовал полком. В моем полку было много социалистов, в политических вопросах у нас никого не стесняют — но дисциплина у меня в полку была очень строгая и служба исполнялась до конца. Политических разговоров у нас в армии не допускают, ибо политические разговоры ведут к разъединению, а в армии должно быть единство и все силы направлены к одной цели — победе над врагом. В жизни французской армии было два великих примера: когда армия не занималась политикой — побеждали всю Европу. Это было в начале прошлого столетия. А когда армия в 1870 году предалась политической распре, она была на голову разбита. Мы французы используем этот урок. Советую и вам, друзья, следовать ему". Французу прокричали "ура", и опять пошли выкрики... о революции.

Мы пошли домой. На улице меня обступила толпа, требуют речи. Этим говорю о великом деле, которое выпало на их долю, о славной или горькой памяти этого 17-го года... Эти расчувствовались.

В приемной генерала Гурко была постоянная толчея. Офицеры врывались к нему, минуя сопротивление адъютантов. Генерал Гурко был необыкновенно терпелив, действуя на своих собеседников не аргументами, не доказательства-

ми или прикрасами, а уговором тоном голоса, как собак учат: "аз, буки, веди, глаголь, есть". Помню двух офицеров, повышенным тоном заявляющих, что они эсеры, что на съезде социал-демократическое засилие.

— "Ну что я могу сделать", — говорил генерал. — "Вы должны вывести непорядки в армии, — кричат офицеры, — помилуйте, начальство на пикниках с сестрами милосердия, они же все проститутки" (офицеры употребляют русское слово — "б....") . — "Ну, не все, — говорит генерал, — моя жена сестра милосердия". Офицеры умолкают на минуту, но не конфузятся и продолжают. Это психопатия. И съезд годится только на то, чтобы разжечь эту психопатию. Разве эти офицеры способны командовать? Внушить солдатам повиновение?.. И что может сделать самый суровый генерал с этой толпой, охваченной истерикой? Через несколько дней после съезда генерал Гурко был уволен от должности командующего — с каким облегчением должен был он вздохнуть, с радостью воспринимая весть о своей опале.

На другой день назначено было торжественное шествие войск по городу — с музыкой, с начальством, с речами. Процессия шла по улицам до центральной площади. Играли "Марсельезу". На площади был помост, откуда сказали краткие речи генерал Гурко и Родзянко. После речей тем же порядком вернулись домой. Не скажу, чтобы в процессии было приподнятое настроение, но в лицах любопытных, но в фигурах, выглядывавших через открытые окна, отражалось настроение приподнятое, праздничное. Я был поражен количеством черных глаз, горевших одушевлением...

Или жителям Минска было ново зрелище, которое они теперь видели, или подлинное чувство надежды охватило их? А в 40 верстах на запад стояли немцы — что если бы им вздумалось послать на Минск аэропланы? А за самой железнодорожной станцией начиналось бестолковое, бесплодное продвижение солдатской толпы, беспорядочное и на вид бесцельное. Бесцельным оно, по-видимому, было и в сознании мятущихся солдат.

После хождения по городу мы собрались обратно. Провожали нас чины штаба и опять Вырубов и Толстой. — "Вы, пожалуйста, там в Питере внушайте Правительству, чтобы оно было полевее, полевее"... Так, прощаясь, говорил Толстой. На обратном пути мы делились впечатлениями. Один А. М. Масленников не терял бодрости: "Все обойдется, вот соберется Учредительное Собрание и Вас, Михаил Владимирович, выберут Президентом". Будущего Президента опять на всех станциях вызывали говорить речи. Солдатская толпа была гораздо напряженнее, чем прежде. Кондукторам было очень трудно отстаивать вход в наш вагон, но не всегда удавалось. Нам из Минска поставили корзину с большим паштетом из курицы — его украли и две бутылки вина тоже. На крыше нашего вагона ехало целое население, которое неистово стучало сапогами по крыше.

Такое настроение нашей армии отразилось и на съезде офицеров в Петербурге.[10] Иные из офицеров пригласили меня. Я попал на очень интересное заседание в зале Армии и Флота: решался вопрос — "Кого хочет офицерство поддерживать — Правительство или Советы?" Проход, шедший посреди рядом стульев, делил собрание на две части: правую — за Правительство, левую — за Советы. Не помню прений, но помню, что при голосовании оказалось, что 500 офицеров поддерживает Правительство, 518 — Советы.[11] Характерен самый факт голосования. Чего же после этого удивляться, что при одном из наступлений, наступа-

ющие отряды вдруг останавливались и голосовали вопрос: идти дальше или нет? И если большинство было за дальнейшее наступление — шли вперед, а если его не было — шли назад... Еще раз появился я на одном военном митинге в Пажеском корпусе, не помню, в какой военной части. Офицеры пригласили Милюкова и меня. Зала была небольшая, не очень уже много народа. Лица мужицкие, но умные. Мы проповедовали настойчивость в защите отечества и сохранение дисциплины. Аудитория нам очевидно сочувствовала... После нас выступил с революционной проповедью писарь и очевидно провалился. Мы уехали. Провожавший офицер дорогой рассказывал, что писарь воришка. — "Да, — заметил я, — мы-то уехали, а воришка-то остался. Мы взываем к разуму, зовем к жертве, а воришка взывает к слабости человеческой — идти домой. Мы говорим своим языком, господским, а воришка сыплет иностранными словами, перевирая их, но все-таки по простонародному. Чья возьмет — не ясно ли?"

Ясно, что при всяком политическом обсуждении в войсках возьмут верх пройдохи, а может быть, просто купленные изменники. И нельзя прекратить этого непрерывного политического митинга, раз допущены выборы в Учредительное Собрание и от армии. Не знаю, кому в голову пришла эта нелепая затея. Когда я в Финляндии да и в Петербурге объяснял войскам значение происшедшего переворота, говорил, что надо кончить войну для того, чтобы произвести выборы, мне представлялось, что это само собою разумеется. Выборы во время войны всегда дадут большинство тем, кто будет требовать мира, во что бы то ни стало. Пример французских выборов 1871 года, давших большинство монархическим патиям, был у меня в памяти неистребимым. К сожалению, большинство его забыло. Когда я перед партийным съездом поднял этот вопрос и предлагал высказаться против участия армии в выборах, покойный Ник. Ник. Щепкин[12] возражал с гневом и запальчивостью. — "Это невозможно. Если это будет принято, я должен буду демонстративно выйти из партии. Я был на фронте и во всех речах высказался за участие армии в выборах... Мое положение в партии будет невыносимо, если Центральный Комитет и съезд выскажутся против"... Возглас Н. Н. Щепкина имел раньше всего то последствие, что вопрос этот отложили, а впоследствии больше не подымали...

В комиссии под председательством Ф. Ф. Кокошкина,[13] где участвовали все партии, кроме, кажется, монархистов (они спрятались) и большевики в том числе, установлено было, армия выбирает депутатов в Учредительное Собрание... Партия Народной Свободы в вопросе о войне выстояла на принципиальной почве: "Война до победного конца". Для меня, думаю, и для большинства это вопрос национальной чести. Для нас была душевная невозможность проповедовать сепаратный мир, во что бы то ни стало... Один из нас — П. Н. Милюков, впоследствии стал на ту точку зрения, что понятие о национальной чести — устарелый пережиток от прошлых миросозерцаний. Но в начале 17-го года верность союзникам, война до победного конца были для Милюкова вопросом не только чести, но и самолюбия... Он твердо стоял под знаменем союза, и на него обрушилась травля социалистов всех толков. У всех на устах был Милюков и Дарданеллы. Не помню, кто рассказывал, но человек авторитетный, как из южной армии отправили в Питер делегата узнать, что такое проповедует Милюков и какие такие Дарданеллы. Съездил делегат, все разузнал, вернулся в армию и рассказывает: — "Что вы думаете, только и есть проливы что Дарданеллы, есть еще много проливов: Суецкий пролив и еще пролив, и еще пролив в Европе, и много еще других проливов, и все хочет забрать Милюков. Не нужно проливов, долой Милюкова!" В этом роде проповедовал, вероятно, Линде[14] солдатам той роты Финляндского полка, которую он привел на площадь Мариинского дворца кри-

чать: "Долой Милюкова!"... Но настроение "не нужно проливов" охватило не одни социалистические круги.

— "Надо что-нибудь им уступить, — говорил наш товарищ Набоков. — Нельзя так настойчиво утверждать, что мы должны овладеть Константинополем — это упорство возбуждает армию".

Если так утверждал В. Д. Набоков, то очевидно было, что большинство Временного Правительства непримиримо относится к неуступчивости Милюкова, задававшегося неосуществимым делом: сочинить декларацию, которая должна была бы успокоить социалистов и вместе с тем не заключала бы в себе отречения от русских домогательств.

На это настроение пришла демонстрация двух рот Финляндского полка и Петербургского полка, которые привел на площадь Мариинского дворца прапорщик Линде, впоследствии убитый солдатами за проповедь наступления. Солдаты кричали: "Долой Милюкова!" А почему его долой, никто объяснить не умел. Покричали и разошлись. Это выступление сначала многих напугало. Я был в это время в партийном помещении К. - Д. на Гагаринской. Весть о демонстрации была принята с испугом... Но сейчас же началась реакция, возникла решимость противодействия. Решено было завтра устроить контрдемонстрацию за поддержку Временного Правительства. Главным инициатором демонстрации был М. М. Винавер. Не помню, почему я должен был уехать из Петербурга (кажется, в Финляндию), и, не участвуя в демонстрации, знаю о ней только по рассказам. Автомобиль с плакатом "Да здравствует Временное Правительство" дошел в одиночестве только до Литейной. Там сейчас пристали сочувствующие; когда автомобиль дошел до Большой Морской, за ним шла уже значительная толпа. Демонстрация имела успех. Демонстранты вернулись в повышенном настроении. Но не передали этого настроения Правительству, которое в конфликте Корнилов — Чхеидзе не умело занять правильной позиции. Корнилов приказал войскам собраться на Дворцовой площади, а Чхеидзе запретил войскам выходить из казарм без разрешения Совета. И войска послушались Чхеидзе, а не Корнилова... Корнилов сложил с себя звание командующего Петербургским Военным Округом.[15] Чхеидзе неоднократно примерялся к властвованию. В то время когда я был комиссаром по финляндским делам, я сначала пользовался автомобилем, потом автомобиль был заменен правом пользования придворным экипажем и лошадьми. Я ими пользовался и тогда, когда был только членом Следственной Комиссии. Когда мне нужны были лошади, я утром заказывал их по телефону. В одиннадцать экипаж приезжал и доставлял меня либо в Зимний дворец, либо в крепость, потом вечером привозил обратно. Раз как-то на мою просьбу о лошадях мне ответили: "Не можем приехать, Чхеидзе запретил". — "Что за вздор, при чем тут Чхеидзе, какое вам до него дело?" — "Как хотите, мы не смеем". Так лошадей и не дали на этот раз. Но в следующий раз лошадей прислали без всякого возражения. Войска петербургского гарнизона оказались послушнее, чем конюшенное ведомство. Чхеидзе в это время требовал от Правительства 12 миллионов для Совета Рабочих Депутатов.. Не знаю, как был решен этот вопрос. Рабочим депутатам платили заводы, солдатским было, вероятно, назначено вознаграждение от казны. Состояние в Совете было делом выгодным. Демонстрация Линде была на руку Советам, торжество Чхеидзе над Корниловым было победой Советов над Правительством. Надо было что-нибудь уступить из упорной неподатливости Милюкова, и Временное Правительство уступило: оно признало, что Милюков должен был оставить Министерство Иностранных Дел. В утешение Милюкову предложили Министерство Народного Просвещения. Он от-

казался и вышел в отставку. По моему мнению, примириться с этим было невозможно. Что за парламент рота Финляндского полка со своим лидером Линде? Что за власть Совета Рабочих и Солдатских Депутатов — свергать министров, давать приказы по армии в отмену распоряжений Командующего Войсками? И каково положение остальных членов Правительства? Разве члены Временного Правительства могут подавать в отставку? Кто распорядится заменой их? До сих пор, когда я это пишу, меня охватывает негодование. То же чувство я высказывал и тогда в заседании комитета партии Народной Свободы. — "Вы идете к кровопролитию, к междоусобию", — говорил Винавер, возражая мне. — "Да, к междоусобию, ибо нужно вырвать фактическую власть из рук анонимной демагогии. Если этого сделать нельзя, члены партии не могут на себя брать ответственность за создавшееся положение. Если Милюкова выперли из Правительства, если члены его могут уходить — министры Народной Свободы должны уйти". Среди петербургских членов комитета большинство было того же мнения, но подъехали москвичи и с их приездом большинство переместилось. Члены Правительства, кажется, не голосовали и остались.

Чему послужила эта уступчивость Правительтсва? Какой смысл могла иметь демонстрация отставки Милюкова? — Смысл отказа России от Босфора. Что за отречение от победы, еще не одержанной? Только такие пустые люди, как Керенский, могли воображать, что отставка Милюкова могла увеличить боеспособность армии. Те, кто кричали: "На что нам проливы" — не знали даже, что в течение 10 лет турецкое правительство два раза запирало выход для русского хлеба. Они воображали, что Константинополь подлинно турецкий город...

Милюков очень тяжело перенес свое крушение. Он стеснялся показаться публично. Только горячие, единодушные рукоплескания всей залы Городской Думы (был вечер в память Герцена)[16] развязали его непривычную застенчивость, а потом и совсем ободрила его овация в здании Биржи... Партия не поддержала Милюкова в деле отставки, но по крайней мере не высказалась против него принципиально. Я помню заседание партии в Михайловском театре и суждения по вопросу о проливах. Среди членов Ц. К. были голоса за необходимость уступок, в зале среди членов съезда были также сомневающиеся. Мне удалось увлечь их. Было решено распространить мою речь.[17] Но в Комиссии Государственной Думы, где распространением воззваний заведовали барышни С. - Д. и эсеры, распространение не прошло. Стоило ли волноваться о проливах? Все это волнение было предлогом для благородного негодования миролюбцев-дезертиров того, которое, по словам Тургенева, "подлецами выдумано"...

Дело армии и войны можно было с этого времени считать проигранным. Вскоре вслед за Милюковым вышел из Правительства Гучков.[18] А Керенский поехал в армию возвещать ей радостную весть: "Теперь де, когда ушли министры буржуи, армия может начать сражаться!"...

В конце апреля состоялось в Таврическом дворце заседание депутатов всех четырех Дум.[19] Заседание это было демонстрацией разных настроений, главным образом демонстрацией социалистической агитации — "Долой войну!". Уже с начала марта, как только восстановилось уличное движение, как только похоронили на Марсовом поле жертв революции (в углу Марсова поля) у Миллионной, у ворот казарм Павловского полка образовался длящийся митинг. С утра собиралась толпа и до позднего вечера обсуждала политические вопросы, интересовавшие солдат, главным образом вопрос о войне. Все, конечно, проповедовали: — "Долой войну!" Горе тому, кто проповедовал наступление и победу. Ес-

ли такой проповедник был не очень речист — ему дадут тумака и прогоняют без дальнейших разгоров, а если пропагандист был задорный или толпа особенно серьезно настроена, его подвергали аресту и вели в тюрьму. Раза два таких арестованных привели в Зимний дворец в помещение Следственной Комиссии. Арестованных оставляли в Комиссии, солдаты, довольные уходили, тогда арестованных выпускали.

Такая солдатская толпа заняла в торжественный день годовщины собрания 1-й Думы 27 апреля все места для публики. Начались речи. Князь Львов коротко заявил свою веру в победу. Гучков говорил о расстройстве армии, о гибели, грозящей стране. Шульгин в ядовитых словах свидетельствовал о бессовестной демагогии Ленина и К^{o} и вызвал страстную отповедь Церетелли, обрушившегося на контрреволюционную буржуазию, сеющую раздоры и готовящую гражданскую войну. — "Ленин, — говорил Церетелли, — великий патрио (с ударением на "пат"), а если буржуазия не понимает, то пусть она вспомнит, что против нее есть решительное средство — диктатура пролетариата!" Эти слова он воскликнул изо всех сил своих легких. Ныне сей мужчина называет себя другом свободы, имеет добродетели, играет роль большевицкой жертвы.

Стоном восторга приветствовала солдатская толпа речь Церетелли. Я ему возражал, указывая на обязанности Временного Правительства спасти достоинство России, сохранить армию, сохранить Государство. Дума аплодировала мне. Публика галереи была возмущена. Одного аплодировавшего мне офицера толпа арестовала. Больших хлопот стоило вызволить его из окружавшей толпы. В это заседание Гучков пришел больной, едва волоча ноги. Я взывал к нему, прося оставаться на своем опасном посту. Немного дней прошло и Гучков подал в отставку.

Армия в Петербурге продолжала демонстрировать. Военные процессии ходили с плакатами: "Долой войну!" Отпущенные в отпуск солдаты демонстрировали против обратного призыва их в войска. Они носили плакаты: "Мы должны вернуться домой для уборки хлеба!" И наконец сделана была попытка захвата Петербурга большевистски настроенными войсками.[20]

Вечером я отправился в помещение К. - Д. на Гагаринской. Трамвай дошел до поворота на Кирочной и остановился. Вся улица была запружена солдатами. Минут 10 простояли, но двинулись на Литейную. У Окружного Суда опять остановка. Опять окружение войсками. Я схожу с трама. Кто-то из товарищей К. - Д. останавливает меня: "Не ходите дальше, солдаты идут атаковать наше помещение!" Заседание Комитета перенесено поблизости на квартиру (кажется, на Захарьевской) Шайкевича. Из просторной гостиной, окнами на улицу, переходим в небольшую столовую окнами во двор, чтобы нас с улицы не заметили... Надо бы расходиться, но у подъезда стали два автомобиля, окруженные солдатами. Совещание продолжается — не помню о чем. Милюков председательствует, ставит вопросы. Делают замечания, хладнокровно и подробно. Играем в римских сенаторов, ожидающих пришествия галлов, и собираемся, когда галлы ворвутся, иметь вид богов... Я ушел в гостиную к дамам. Автомобили перекочевали на ту сторону улицы, потом исчезли. Мы стали расходиться. Меня проводил до 3-й Рождественской член Думы Востронин. По улицам шли уже разрозненные вооруженные солдаты.

На другой день началась на улицах свалка. Я соединился телефоном с квартирой Корсаковых в доме бывшем Мурузи. Оттуда мне телефонировали о столк-

новении конных казаков с матросами. Казаки от матросских выстрелов повернули было к Невскому, но потом вернулись и погнали матросов к Литейному мосту. Матросы беспорядочно бежали, иные ринулись в подъезды дома Марузи, бросили там ружья и, когда казаки промчались дальше, убежали по одиночке. Помещение К. - Д. нападению не подвергли. Бойскауты, засевшие под Литейным мостом, обещали его защищать, но в этом не оказалось необходимости. В этот день, как и в другие дни 17-го года, молодежь показала пример решимости и мужества, которых недоставало старшим. Из старших не струсил князь Львов и Министр Юстиции Переверзев. Львов организовал защиту. У него в решительную минуту осталось в распоряжении: бойскауты, инвалидная команда и какие-то казаки с двумя орудиями. Достаточно было двух пушечных выстрелов вдоль по Шпалерной для того, чтобы матросы бежали. Не струсил и Переверзев, опубликовавший документы, уличавшие большевиков в сношении с неприятелем.[21] За это Переверзев поплатился портфелем — как смел опубликовать данные следствия, нарушить закон. Так-то велась борьба с большевиками. Они вели войну вооруженным наступлением. Защиту против них вели не по законам войны, а по правилам устава. Львова бросили Терещенко, Некрасов, Скобелев... Рассказывали, как перетрусивший Скобелев выносил смиренно матерную ругань офицеров, упрекавших его в трусости.

Наступление матросов вызвало всеобщее негодование — краса и гордость пограбили-таки в Петербурге Милютины лавки... Демагогия в то время сконфузилась. Аресты большевиков состоялись при всеобщем одобрении. Тут был момент наступления на большевизм. Правительство решилось взять дом Кшесинской, дачу Дурново,[22] при чем был убит татуированный анархист. Социалисты Советов возмущались этим актом Правительства, но успокоились, когда им показали фотографию с татуировки — ультрапохабной. Были арестованы видные большевики: Троцкий, Коллонтай. Их выпустил потом министр Зарудный.[23] Ленин скрылся. Керенского не было в Петербурге в эти дни. Он приехал, когда волнение было ликвидировано, и немедля принялся освобождать арестованных и уволил генерала Половцева,[24] говорили за произвол, за то, что не выставил шпалерами войска по пути проезда Военного Министра, как было приказано.

Князь Львов рассказывал мне, что, получив телеграмму с этим повелением, генерал Половцев пришел с вопросом — что же ему делать? — "Ничего не делайте", — посоветовал Львов.

К этому времени относится Корниловское наступление.[25] Первое известие о русском успехе до меня дошло уже к вечеру. Помню то чувство ясного покоя, с которым я ложился спать. Светло и радостно было на душе, и я заснул крепким юношеским сном — в последний раз в моей жизни.

* * *

Иллюзия быстро рассеялась. Рушилась надежда на армию — грабители не побеждают.

Для веры оставался один предлог: генерал Корнилов не считал безнадежным положение армии. Доходили слухи о каких-то усилиях офицеров — появилась, значит, реакция против дикой истерики...

Настроение политических деятелей по вопросу об армии наглядно сказалось во время ночного совещания в Зимнем дворце, когда Керенский, подражая Ивану Грозному, грозил удалиться от власти и ждал (якобы в Финляндии) в действительности за дверями, что народ придет к нему просить вернуться.[26]

За столом на эстраде сидели социалисты всех полков и за Председателя Некрасов.[27] Остальная публика разместилась в рядах кресел перед столом. Центральным эпизодом этого вечера было появление Савинкова. Внезапно, откуда-то сбоку появился оратор в патетической позе. Он говорил о развале армии, о необходимости бороться с ним, рисовал ужас грозящего крушения армии, когда, разбегаясь, она разбоем и грабежом набросится на страну.[28] Я был потрясен. Взглянул на лица социалистических старейшин. Лица как каменные, точно замкнулись, челюсти сжаты — им все равно... Предостережения, призывы Савинкова точно в воду упали.

Совещание сидело до рассвета, ничего не решило и разъехалось. Я возвращался в автомобиле М. В. Родзянко. Он проповедовал необходимость возвращения Керенского, необходимость давления на него.

— "Вернется и так!"

Речь Савинкова нависла над сознанием, точно угроза неотвратимой судьбы.

ХУ11

СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ

Теперь надо вернуться к Следственной Комиссии, учрежденной для исследования причин и восстановления всех обстоятельств Февральской революции. В Комиссии должен был принять участие один представитель Государственной Думы. Мне было предложено это участие, и я принял. Председателем Комиссии был побывавший товарищем Министра Юстиции московский присяжный поверенный Николай Константинович Муравьев.[1] Муравьева, тверского уроженца, я знал с 1905 года, когда встречался с ним на собраниях земцев-конституционалистов. У меня с того времени остались о нем приятные воспоминания: мягкость его тона, нарочитая вежливость и теперь оживили приятные воспоминания. Но ненадолго. Меня поразил его повелительный тон, с одной стороны, с другой — безграничное распластывание перед Керенским. Муравьев, например, предлагает назначить в Москве отделение Следственной Комиссии. Иные члены комиссии возражают. — "Таково мнение Александра Федоровича", — заявляет Муравьев, — и мы должны ему следовать". С наслаждением повторял слова Керенского, что "нам нужно быть немножко Маратами". Об разных кандидатах на службу в Следственной Комиссии давал категорические аттестации с точки зрения революционной благонадежности. Постоянно требовал от Следственной Комиссии одобрения разным проектам вне судебных арестов — попросту сказать, восстановления положения об усиленной охране, под революционной этикеткой. И это по особому желанию Александра Федоровича. Несколько раз вопрос этот ставился зачем-то в Комиссии, ставился и в Правительстве, где провалился, и, кажется, был протащен наконец А. С. Зарудным.

О компетенции Комиссии Муравьев имел весьма смутные понятия. Комиссия должна была исследовать действия министров и высших должностных лиц. Ей очевидно никакого дела не было до князя Бебутова,[2] который все время войны провел в Берлине и вернулся в Россию через Стокгольм. В Берлине Бебутов вращался в кругах социал-демократических и свою библиотеку запрещенных книг в России, отдал в распоряжение социал-демократической партии. Зачем-то Муравьеву и Н. Д. Соколову[3] понадобилось обыскать и арестовать Бебутова. Очень горячился Н. Д. Соколов, рассказывая, что какая-то девица, узнав о приезде Бебутова в Петербург, воскликнула: "Ну теперь все пропало". Я усиленно спорил с этими социал-демократами. Тогда я думал, что они хотят арестовать Бебутова в надежде этим арестом скомпрометировать партию К. - Д. Понял я смысл этого домогательства много после, когда открылось, что демонстративный юдофил Соколов, укрывал у себя на квартире жидоеда Козловского, гражданского истца в ритуальном деле.[4] Козловский был большевицкий консти-

ратор, поддерживавший сношения с агентами немецкой С. - Д. партией в Дании и Швейцарии... До того я думал, что Соколов только главою скорбен, а не совестью. Тогда понял, почему так ненавистен был Бебутов социал-демократам. Помимо Комиссии, и Муравьев-таки добился ареста Бебутова (должно быть, через одного из следователей). Не знаю — был ли Бебутов еще раз обыскан. Оказалось, что его раз уже обыскали еще по делу о Манасевиче-Мануилове.[5] Все-таки Бебутова продержали под арестом. Помню, как мне стыдно было, когда в Комиссию приходила дочь Бебутова, хлопотать за отца и спрашивала, за что арестовали ее отца.

В самом начале Муравьев еще не знал, что делать Комиссии. Я советовал сделать анкету на манер французских анкет о революции 4-го сентября 1870 года и о коммуне, не с целями уголовных наказаний, а с целью восстановления истории того, что произошло... Я советовал взять из Публичной библиотеки как образец 2 тома этой анкеты. Муравьев пригласил профессора Тарле прочесть Комиссии лекции, две кажется, о судах над королями во время революций английской и французской. Я не был на этих лекциях, но невежественные товарищи ничего из этих лекций не почерпнули. Трудное было положение: мстить им хотелось до смерти, но Временное Правительство испортило им всю игру, с места в карьер объявив амнистию за все политические преступления. Очевидно, всех министров за политические преступления судить нельзя было и держать их под арестом в крепости было беззаконно, — разве с точки зрения их собственной безопасности в первые дни революции. — "Эту точку зрения (по правде простую, ясную и добросовестную, по-нашему) мы отвергли, — говорил Муравьев. — Мы будем их преследовать за превышение власти или будем искать неполитического преступления (дело Зейна)".[6] И находили: Фредерикса,[7] например, собирались судить за то, что тот добивался освобождения от призыва в войска какого-то своего служащего.

Какое гнусное лицемерие и какую атрофию совести нужно было, чтобы провозглашать эти вещи! Если Муравьев считал, что желание Александра Федоровича было достаточным основанием для того или другого решения, то кольми паче надо было приспособляться к желанию съезда солдатских и рабочих депутатов. Но это было трудно — надо было угадывать эти желания. И Председатель Верховной Следственной Комиссии почтительно докладывал съезду о работах Комиссии.

Мне, как бывшему комиссару по делам Финляндии, поручено было дать заключение по вопросу о предании суду Зейна, бывшего генерал-губернатора Финляндии. Я дал короткое заключение — "Это дело Финляндского суда". — "Я не могу докладывать такого мнения съезду рабочих и солдатских депутатов, — заявил Муравьев, — дайте заключение более убедительное". Но доложил грозному съезду и... обошлось.

Мечтой Муравьева было — допросить в Комиссии Царя. Никто не угадает, какой предлог он для этого выдумал. Подозрительна казалась ему роль Курлова в деле убийства Столыпина.[8] Не прокладывал ли себе Курлов дороги к премьерству? Очень уж глупо было это предложение. Еще глупее была мысль спрашивать об этом Царя, но Муравьев два раза возвращался к предложению этого вопроса. Потерпев неудачу в первый раз, он вернулся к своему предложению при составе Комиссии, но провалился и на этот раз. Все-таки в составе Комиссии он находил соратников. Члены Комиссии из магистратуры не выражали определенно своих мнений. Муравьев мог с уверенностью рассчитывать, что он встретит про-

тивников в С. Ф. Ольденбурге[9] и во мне. Про остальных он сразу не знал, что думать. Должен оговориться: очень определенна была позиция С. В. Завадского.[10] Он явно не одобрял того, что делалось в Комиссии, тяготился своим участием в ней, и он скоро отказался.

Муравьев усвоил себе с допрашиваемыми тон чрезвычайной важности. Помню, как он похвалил Крыжановского[11] за талант изложения. — "Да, я пишу недурно", — презрительным тоном отвечал Крыжановский. Муравьев любил сконфузить допрашиваемого, искушая его возможностью соврать. Допрашивается (в роли свидетеля) Марков Н. Е. 2-й.[12] Перечислены субсидии, которые он получал от Министерства Внутренних Дел. — "Это все, больше Вы ничего не получали?" — "Ничего", — отвечает Марков. — "Господин Секретарь, прочтите следующее отношение Мин. Вн. Дел". Оказывается Марков сказал неправду и теперь выворачивался. — "То было на Земщину, а я думал Вы о Земщине только и спрашиваете..."

Допрашивается в крепости Н. А. Маклаков.[13] — "Скажите, — спрашивает Муравьев, — Вы не писали ли Государю о необходимости изменить собственною властью закон о Государственной Думе, распустить Думу и назначить выборы по новому закону?" — "Нет, не писал", — отвечает Марков. — "Это Ваш почерк?" — "Мой". — "Господин Секретарь, прочтите". Читают пламенное послание с советом произвести Государственный переворот. Бедный Маклаков закрывает лицо руками. — "Мне невыразимо стыдно", — говорит он, чуть не плача.

Зачем было задавать ему вопрос? Довольно было бы дать ему удостоверить свой почерк и прочесть письмо. Было бы честнее.

Помню длительный допрос Фредерикса — все о пустяках. Бедный Фредерикс мучился ужасно, садился, вскакивал, подходил к окну, отворачивая лицо. К чему было допрашивать его? Помню бедного Протопопова,[14] жаловавшегося на условия своего содержания, на солдат, которые обыскивают его, ища следов переписки, жаловался на грубость их, говорил о безысходной тоске, о галлюцинациях. Муравьев растягивая, цедил слова утешения: "Нечего Вам волноваться, смертную казнь народ уже отменил..." Дальше не помню что. На допрашиваемого Хвостова[15] Муравьев поднимал голос до крика. Больной Добровольский[16] (бывший Министр Юстиции) просил отпустить его в Кисловодск. Долго сопротивлялся Муравьев. "А ну, как он выздоровеет — что же мы будем периодически свидетельствовать его, чтобы он не оказался здоровым на свободе?" — опасался Муравьев.

Зачем держали арестованной Вырубову,[17] которую уже нельзя было заподозривать ни в каком преступлении и которую тиранили солдаты — они, например, щупали перелом бедренной кости, чтобы удостовериться, что Вырубова не лжет? Просто Муравьев боялся Совета, боялся раздражить солдат в крепости. Когда нашелся сердечный человек Манухин[18] — оказалось совсем нетрудно изъять Вырубову из крепости. Да и всех их зачем было держать в крепости? А поведение Муравьева по отношению к Макарову,[19] о чем еще будет речь. Чисто жандармское вымогательство.

На совести Муравьева и его приспешников лежит смерть этих людей. Говорят, Муравьев в конце концов сделался членом Политического Красного Креста[20] — стал помогать тем, кого столкнул в яму? Воображаю те чувства, с которыми заключенники относились к его помощи. Как держали себя заключенные?

Всякие были. Один, как бывший Военный Министр Беляев, думали, что они в руках политических врагов мстителей. Беляев, бедный, плакал, обещал отказаться от всякой политической деятельности... Бедный Протопопов жаловался на свое душевное состояние, на притеснения солдат, на темные предчувствия...

Я утешал его — "Наступят же для Вас лучшие времена, когда Вы к тому, что теперь переживаете, отнесетесь, как к прошлому; постарайтесь теперь воспитать в себе это отношение, теперешнее пройдет и будет мило". А Муравьев утешал Протопопова тем соображением, что смертную казнь народ уже отменил.[21] Не было для меня сомнений, что перед нами был душевнобольной. Он был и тогда, когда был вознесен на должность Министра Внутренних Дел, когда говорил графу Каннисту о настроении Министра, некогда бегавшего по четвертаковым урокам, когда своими речами заворожил Александру Федоровну. Безумцы сделали его министром, безумцы держали его в крепости, готовясь судить после того, как за политические преступления была объявлена амнистия. Безумцы и те, кто его расстреляли. Эти, впрочем, не столь безумны, они удовлетворяли своему звериному чувству...

Перед отправлением в Москву Протопопову устроили возможность побега. Ему предложили бежать. Протопопов отказался. — "Нет, — говорил он, — я приготовился к смерти и нашел душевный покой, я желаю умереть". И остался. Сохранил всю силу духа и душевное равновесие Щегловитов. Он не скрывал ничего, не увиливал. Когда его спросили о прекращении по его докладу дела об арестанте, убитом стражей по приказанию Толмачева,[22] Щегловитов назвал это дело кошмарным и не пробовал прятаться за авторитет Царя. С большим достоинством держала себя Вырубова, с ловкостью отпарировавшая щекотливые вопросы одного молодого сенатора. С спокойным достоинством давал показания Макаров, бывший Министр Внутренних Дел.

Вообще зрелище падших величий, как, напр., генерала Хабалова и Штюрмера, приводило на память изречение La Boetie[23] (De la servitude volontaire): "Сильные мира только потому кажутся нам великими, что мы глядим на них, стоя на коленях". Или, вернее, слова канцлера Оксенштерна: "Посмотри, мой сын, каким малым количеством ума управляется мир".[24] Воображаю, какая картина откроется, если когда-нибудь будут допрашивать падших наркомов.[25] Мы уже видели, какие это ничтожества, когда судили большевиков членов 4-й Думы. Молодцом и циником держал себя Белецкий,[26] поблескивая глазами и приветливо улыбаясь. Хотелось сказать ему: "Умел воровать, умел и ответ держать". Белецкий нравился Муравьеву, между прочим, тем, что пробовал утопить Макарова. Жалок был некогда великолепный Ник. Алек. Маклаков — вот уж за кем не было греха, кроме политического, т.е. административного. — "Кошку не за что выпороть", — говорил я про него.

В общем показания допрошенных дали ясную картину того, что произошло, потрясающую картину ничтожества власти. Начну по порядку, с показаний, особенно произведших на меня впечатление.

Наумов,[27] бывший Министр Земледелия — плотный, благообразный барин, говорит с спокойным достоинством, рассказывает, как ему не хотелось идти в Министерство, как он отказывался и принял портфель по настоятельному требованию Императора. После назначения премьером Штюрмера Наумов немедленно стал проситься в отставку, ссылаясь на нездоровье. Отказ. Второй раз просился в отставку, после какого-то столкновения с Штюрмером. Опять отказ. В третий

раз Наумов просился в отставку после того, как, раз разгорячившись, заочно назвал Штюрмера ''прирожденным клептоманом''. Конечно, эти слова сделались немедленно известны Штюрмеру. Вместе с прошением об отставке Наумов просил аудиенции в Ставке, где был тогда Император. Но через несколько времени последовала из Могилева телеграмма Штюрмера — Император де требует Вас в Ставку. В Могилеве Штюрмер объявляет Наумову, что он Высочайше уволен, от него ждут прошения. Подано. Тогда Штюрмер объявляет: ''Теперь Государь Вас примет в таком-то часу''. Наумов является. Император очень любезен, но просит исполнять обязанности Министра, пока не будет приискан ему преемник. Наумов в отчаянии. Ему надо ехать в Самару (Наумов был членом Гос.Совета от Самары) по неотложным делам, на свадьбу дочери и так рад был бы свободе. — ''Ну, — говорит Император, — поезжайте в отпуск на месяц, сколько Вам надо, должность Вашу исполнит Товарищ Министра, а когда Вы вернетесь, я уж приищу Вам заместителя и указ об отставке будет опубликован''.

Довольный, Наумов откланялся и спокойно уехал в Самару, а когда вернулся, услышал, что Император рассказывает про него: ''Ведь вот какой жадный Наумов, отправился в отпуск, чтобы получить содержание за месяц''. Наумов пожертвовал свое содержание за время отпуска на украшение домовой церкви в здании Министерства Земледелия. Так относился Николай 11, с одной стороны, к людям за совесть ему преданным, но независимым, с другой — к породе Штюрмеров... На место Штюрмера назначен граф Алексей Бобринский.[28]

Еще фигура Макарова, этого Министра Внутренних Дел, который прославился обещанием, что в рабочих будут стрелять. — ''Так было, так и будет''. На Ленских приисках рабочие безоружной процессией протестовали против дурных условий содержания. Жандармский офицер их расстрелял и донес, как полагается, о страшном бунте. Исследование сенатора Манухина[29] показало, что он все наврал. И слова Макарова окрасились глупой жестокостью. За них-то он и поплатился. Макаров не пробовал защищаться, а рассказал с полной откровенностью, как было дело. Он был в Крыму на отдыхе, когда получил известие о назначении заседания с обсуждением Ленского вопроса. Макаров поехал в Петроград, приехал в воскресенье, получил справки, данные Департаментом Полиции, под диктовку Ленского жандарма, а в понедельник все это и выложил перед Государственной Думой с торжественностью велеречивой.

Другое обвинение — против Малиновского[30] — это избрание шпиона Малиновского[31] в Государственную Думу. Малиновский имел влияние в кружке московских рабочих. Говорили о его кандидатуре. Московская полиция знала, что не только он шпион, но еще и отбыл в свое время наказание за кражу, о чем напечатано в справках о судимости. Разоблачать ли Малиновского или провести его социал-демократом в Государственную Думу? Спросили Петербург, т.е. Министерство. На докладе о Малиновском рукой Белецкого написано: ''Министр Внутренних Дел приказал не препятствовать кандидатуре Малиновского''. Как известно, Малиновский прошел в Думу и произносил горячие речи, писанные Лениным и поправленные Виссарионовым вице-директором Д-та Полиции.[32] Этот анекдот большевизма за счет полиции прекратил Джунковский.[33] Но кто же истинный виновник этого грязного дела? Муравьев считал несомненной вину Макарова, но уклонялся от предъявления ему и выяснения этого обвинения. Как только дойдет до этого вопроса, как только Макаров скажет, что он тут ни при чем, Муравьев прекращает допрос. Раз только я успел задать Макарову вопрос: ''Скажите, если б нашлось указание, что распоряжение не мешать Малиновскому, сделано Вами, — так надо считать это указание неверным?'' — ''Да, неверным''. И

вот за приписываемые ему грехи сидел Макаров взаперти, потом, когда большевицкая власть переехала в Москву — перевезли и Макарова. И расстреляли — во славу коммунизма.

Говорят, что в Москве Муравьев сделался членом Политического Красного Креста. Жаль, что чувства человечности проснулись в нем слишком поздно. В Петербурге они в нем далеко не всегда были налицо. Помню дебатировался вопрос об отпуске арестованного Добровольского, под поручительство или залог для лечения в Кисловодск. Ради выздоровления надо отпустить Добровольского на Кавказские воды. — "Далеко, — возражал Муравьев, — а ну как выздоровеет, что тогда делать, нельзя же периодически подвергать Добровольского осмотру"... Муравьеву казалось ужасным, что здоровый Добровольский останется на свободе. Добровольского отпустили в Кисловодск, там, кажется, при большевицкой ликвидации он был убит.

Клиенты Следственной Комиссии были убиты большевиками в одну из первых очередей.

Оссовецкий в Варшаве рассказывал, как его вместе с бывшими министрами водили ночью рыть большой ров — могилу для подлежащих расстрелу. Оссовецкого пощадили, а министров расстреляли, и тела их свалили в ров, ими самими вырытый. Оссовецкий был помилован благодаря заступничеству товарища по технологическому институту Красина.

По освобождению из тюрьмы, Оссовецкий, отправился благодарить Красина. — "Да, — говорил, по его словам, Красин, — нас, может быть, и повесят, но через сто лет нам везде будут ставить памятники". Как ошибался Красин — их не вешают, они, гуманисты, сами хоть не вешают, то расстреливают, и памятники им ставят, не ожидая ста лет, а теперь же против Минина и Пожарского.

Мало было достойных воспоминаний мелких эпизодов в заседаниях Следственной Комиссии. Упомяну о допросе Климовича, бывшего начальника Охраны — вождя отряда шпионов, действовавших параллельно с отрядами военной контрразведки. Таких было на одном Путиловском заводе, кажется, семьдесят — все агитаторы, социалисты и пораженцы "нашим" в противоположность, говорил Климович: — "Наши были все оборонцы". Можете вы себе представить, что должны были проповедовать и проделывать эти многочисленные шпионы. Что они делали после революции. Очевидно, не могли притихнуть и спрятаться. Они должны были продолжать свою агитацию, становясь в крайний край — готовый кадр для большевизма, может быть, и для чрезвычайки. Следовало бы написать целое исследование — в какой мере революция приготовлена средствами Правительства. Надо начать с Гапона и Азефа, с деятелей Союза Русского Народа, с Департамента Полиции, работавшего вкупе с Лениным, охраны с убийствами Карпова и Столыпина. Сколько еще нерассказанного? Например — эпизод о заседании большевицкого комитета в Петрограде, за пределами досягаемости. Где бы Вы думали? В здании Австрийского посольства. Я забыл имена там заседавших, кроме Семашко. Донесение об этом Фидера так и осталось непроверенным — члены комитета после заседания быстро рассеялись в разные концы.

Было в Комиссии донесение кого-то из жандармов об участии в охране Каменева-Розенфельда.[34] Щеголев,[35] помню, специально проверял это донесение, но не нашел подтверждения. Должен сказать нечто о записи того, что происходило на следствии. Стенографистки писали на листках, заседания кончались часов в

6, когда все разъезжались; как восстановлялось написанное и где сводилось — не знаю. Теперь по напечатании протоколов видно, что записи делались с большой точностью, но вместе с тем очевидно, что листки не очень аккуратно подбирались — иные пропадали, иные попадали не на то место.[36]

О роли отдельных Членов Комиссии мне бы не хотелось вспоминать. Мне все казалось, что бывшие чины, хотя и судебного ведомства, не очень приобвыкли возражать против начальства и высказывать неприятные ему вещи (исключая С. В. Завадского). С удовольствием вспоминаю твердую гуманность С. Ф. Ольденбурга и еще горячность Миклашевского,[37] писавшего под псевдонимом Неведомского. Через жену, рожденную Кропоткину, он был связан с Тверской губернией. Неведомский, не стесняясь, возмущался отношением к арестованным, оскорблениями, которые им наносили, вступался за Протопопова, за Вырубову, за всех...

К августу ''дела'' наладились, — следователи ''отцеживали комара'', для Комиссии прошел романтический интерес. Председатель благополучно сдал доклад Съезду солдатских и рабочих депутатов.[38] Царя они оставили в покое.[39]

XУ111

АВГУСТ—ДЕКАБРЬ 1917

В начале августа я поехал в Ростов на Дону по приглашению комитета К. - Д. Измученный волнениями полугода, я ухватился с радостью за это приглашение. Мое пребывание в Следственной Комиссии[1] я считал уже бесполезным и просил о замене меня от Комитета Государственной Думы Кир. Кир. Черносвитовым.[2] Жена моя была вовсе без сил, для нее эта поездка на юг была бы спасением. Из Ростова мы собирались проехать в Кисловодск.

По дороге, подъезжая к Ростову, я встретил А. Ф. Бобянского.[3] "Войну вести нельзя, — говорил Бобянский, — армия разложилась и... другого выхода, как сепаратный мир, — нет". Я упорствовал, не желая отказаться от своих надежд. — "Утонуть, так поплававши", — говорил я. Про себя я думал: Бобянский уже начал судить, как посторонний. Мы не можем стать на его точку зрения.

В Ростове я застал нарастание разложения. Генерал комендант войск не имел никакого авторитета. Фактической властью, которой повиновались, был В. Ф. Зеелер.[4] Генерал и Зеелер идут один за другим по коридору в каком-то здании, наполненном солдатами — генерал впереди. Солдат, развалясь, пускает дым от папиросы в нос генералу. Генерал проходит, будто бы не замечая. — "Встать!" — командует идущий сзади Зеелер. И солдат встает. На станции жел. дор. Зеелер распоряжается как высшая власть, к которой прибегают как к последней инстанции. Единодушный отзыв, что Зеелером только и держится порядок.

Н. Е. Парамонов,[5] у которого мы находим пристанище, занят судьбой своих угольных рудников. Рабочие каждый день предъявляют новые требования. Грозят забастовкой, грозят затопить рудники... Теперь, в августе требуют 2-х месячного отпуска на воды и 2-х месячного лечения за счет завода... При мне забастовки не произошло.

Параманов работал по 18-ти часов в сутки, борясь за порядок в своих предприятиях. Все свидетельствуют, что его угольные рудники оборудованы по последнему слову техники. Он всячески оберегает интересы, здоровье и безопасность своих рабочих. Но требования, ему предъявляемые, настойчивее, чем где-либо.

Братья Парамоновы были крупными благотворителями в Ростове. Они устроили судьбу множества молодых людей, дали им возможность получить образование. Во времена большевизма эти питомцы оказались ожесточенными врага-

ми Парамоновых. Коммунизм для них, по-видимому, был средством избавиться от чувства благодарности.

Вспоминаю другого благодетеля, благотворителя интеллигенции — Мешкова, основателя Пермского университета.[6] Летом 1918 года я его видел в Москве. Мешков скрывался под чужим именем. Он рассказывал, как национализировали его пароходы, как проявляли особый азарт люди, им облагодетельствованные. Мешков своими служащими был приговорен к смертной казни. — "Теперь, — говорил Мешков, летом 1918 года, — во время наступления чехо-словаков я получаю снова приветствия, выражают сожаление о случившемся, желают снова со мной работать". Мешков не сердился и относился к этим покаяниям с добродушной иронией. После я не видал Мешкова, не знаю, какая его судьба, жив ли он, не знаю и настроений каявшихся грешников — должно быть, опять впали в грех и ждут богатых милостей от большевиков.

В это время в Новочеркасске происходил казачий круг.[7] Комитет К. - Д. в Ростове вел переговоры с казаками, Калединым[8] и Богаевским,[9] о выставлении кандидатуры в Учредительное Собрание. Казаки настаивали на преобладании казаков среди депутации. Комитет К. - Д. желал провести своих старых депутатов (не помню про Лебедева) и, кроме того, Н. Е. Парамонова и Зеелера. Парамонов был казак, старый депутат Харламов[10] тоже казак, Зеелер в Ростове был очень популярен. Его кандидатура не могла вызвать возражений, так же как и острого на язычок умницы Аджемова.

Поехали мы на автомобиле Парамонова в Новочеркасск. По дороге знакомая картина юго-востока: богатый чернозем, обработанный с постыдной небрежностью. Посевы яровых наполовину занятые сорной травой, на которую тратится без толку половина труда обработки и перевозки. И здесь, так же как повсюду, требование земли, земли. Неряхи не спохватятся, что, если бы они завели моду или привычку сразу после жатвы мелко вспахать, а за сим после первого дождя, когда взойдет сорная трава и поле зазеленеет, вспахать на всю глубину — сорная трава исчезнет и место займет доброе зерно.

Приехали в Новочеркасск. Идем к Каледину, с ним и Богаевский. У Каледина приятное умное лицо с каким-то выражением тоски и усталости. Он спрашивает об отношении К. - Д. к войне. Я отвечаю, высказывая свою точку зрения: говорят о невозможности вести войну, о сепаратном мире; мы не можем стать на эту точку зрения, пока люди, стоящие во главе армии не считают положение безнадежным. Мы во всяком случае должны поддерживать этих людей. Пусть они это знают. Это воззрение мы будем проводить и проповедовать при выборах. Кажется, зашел разговор о правах иногородних[11] на землю. Не помню твердо, но помню, что готовился отвечать на этот вопрос. За иногородними должны быть признаны права арендаторов, обеспечивающие их труд и их оседлость — нечто вроде 3-х ф. ирландского закона.

Каледин больше молчал. Говорил Богаевский и очень настаивал на преобладании казацких кандидатур. Мы заметили, что и в проекте большая часть кандидатур казацкие. Решительное соглашение отложили, но, по-видимому, оно не подлежало сомнению. Пошли в залу, где заседал круг. Не помню, кто председательствовал. Представили меня казакам. Смотрю — новые для меня, серые, суровые, бородатые, старинные лица и фигуры. Знакомясь с казаками, рассказываю о казацком постое в Тверской губернии для взыскания податей (то была реакция на Выборгское воззвание). Население встретило казаков с испугом, а про-

водило песней — "Казакушки-братушки". Выражение лиц, сначала при напоминании об участии в взыскании податей, суровое, прояснилось. Я снова начинаю хвалить казаков за то, что у них нет дезертиров, хвалить казацких жен и матерей, которые пристыдят труса и беглеца и отошлют его обратно в армию. Объясняю значение войны, то испытание, которое судьба послала нашему отечеству... Наши враги и наши друзья с любопытством и ожиданием смотрят на нас и ждут — развалится ли русское войско, побежит ли оно до дому — делить землю в погоне за десятинами и оставят ли врагу тысячи верст русской земли. Горе нам, если враги хвалят нас, а друзья с сомнением ждут ответа — чего ждать от России? Захотите ли вы сдаться поработителям? Готовы ли вы за клок земли отдать свою свободу, свою честь? Мне казалось, что моя аудитория понимает меня. Помню на обратном пути я был охвачен верой, что возрождение русской армии отсюда, из этих мест может начаться...

Этим чувством была проникнута моя речь в Ростове. И она охватила аудиторию. Одинокие выходки были подавлены публикой. Помню на упреки, обращенные к одному прерывателю из эс-деков, он отвечал — "Да что вы, что вы, я очень уважаю Р-чева, мне очень нравится, что он говорит".

Но я страшно устал. Когда на другой день мне опять пришлось говорить в Таганроге, я едва стоял на ногах, и, когда один исступленный рабочий начал вопить о моем предательстве, я с совершенным равнодушием слушал его выкрики. Не знаю производила ли речь рабочего впечатление на аудиторию. Надо заметить, что в Ростове и Таганроге — все общественное мнение еще находилось тогда под впечатлением Кронштадтского нашествия[12] на Петербург и даже мой эс-дек оппонент открещивался от него.

Из Ростова мы поехали в Кисловодск провести там некоторое время. Жена моя от волнения последнего вечернего собрания и бессонной ночи, казалось, утратила последние силы. По приезде в Кисловодск нас поместили в здании станции, в директорских комнатах окнами на террасу где ужинали, где играла музыка, и в день нашего приезда был вечер с танцами. Только что мы разделись, ложась спать, как под окнами раздалась ружейная трескотня. В испуге я бросился к окну, отстраняя жену. Ничего не понять. С горы спускается к станции толпа и стреляет по направлению к ней. Не сразу мы поняли, что выстрелы холостыми патронами и что эта пальба — праздничное увеселение.

В Ксиловодске получено было известие о назначении в Москве Государственного Совещания.[13] Я прочел лекцию в пользу приюта при Владикавказской дороге и по окончании лекции прямо отправился занимать место в вагоне. Жена моя оставалась в Кисловодске и должна была, проводив меня, переехать к Б.Гершуну, которому я бесконечно обязан за его гостеприимство. Он занимал прекрасную дачу на горе над станцией. С ним жил его доктор, и жене были предназначены две комнаты, в которых она жила вполне самостоятельно. Во время моего пребывания в Москве жена поправилась, ожила, перестала кашлять и могла предпринимать отдаленные прогулки.

Во время моего пребывания в Кисловодске из Центральной России доходили известия о эпидемии погромов и грабежей. Кисловодская публика — это были напуганные беглецы, готовые ждать спасения от чуда от предстоящего Совещания в Москве.

Я ехал в компании с Аджемовым и, кажется, кубанским депутатом Барди-

жем.[14] Аджемов проповедовал о необходимости считаться с тем обстоятельством, что массы уже почувствовали некоторое улучшение своего положения. По-моему, так просто массами овладел некий психоз. Казалось им небеса разверзаются. Чудное, казалось, творится.

Когда мы приехали в Москву, мы нашли высланные за нами автомобили. Никакого экипажа нельзя было достать. Извозчики, наемные автомобили, трамваи бастовали в знак протеста против суда над Адлером — убийцей австрийского министра.[15] Такова была обстановка Государственного Совещания. Москва бастовала, чтобы испугать австрийское правительство, воевавшее с Россией, чтобы придать смелости австрийскому пролетариату, который не стремился протестовать против войны, а просто сдавался в плен. Правители России могли по этой забастовке составить понятие о настроении народных масс. Забастовка сделалась привычным времяпрепровождением российского пролетариата.

По этому поводу не могу не рассказать одной сцены из петербургской жизни летом 17-го года. Иду я поздно ночью, или, пожалуй, рано утром по Невскому и по Знаменской площади. Мимо катят с шумом автомобили, переполненные солдатами, держащими ружья на прицел. Для чего? Для собственной забавы, для того, чтобы напугать обывателя. Рядом со мной шел пожилой, седобородый человек, по-видимому, рабочий. Обращаясь ко мне, он с отвращением указал на солдатский автомобиль (кажется, их было даже два) со словами: — "Господи, когда же этому безобразию будет конец?" Мы разговорились. — "Откуда Вы так поздно идете?" — спросил я своего спутника. — "А со сходки, — отвечал он, — я рабочий с мастерской Николаевской железной дороги. Мы решили забастовать, чтобы нам платы прибавили, а то становится трудно жить — так все дорожает"... Я объясняю своему спутнику, что казне неоткуда взять для них денег. Разве новые бумажки напечатают, тогда опять цены поднимутся и опять все вздорожает и нового жалования опять не будет хватать. Рабочий задумался, несколько времени прошел молча, а потом тряхнул головой и говорит: — "Для такого-то цеха нашли деньги — найдут и для нас".

Естественно, что при таком настроении рабочих можно устроить забастовку по какому угодно случаю, по случаю суда над Адлером, о котором никто ничего не знал, по случаю Государственного Совещания, в котором никто ничего не понимал.

Открылось Совещание в зале Большого театра. На сцене стол, за столом Керенский, окруженный министрами, вокруг сидят почетные члены: Брешковская, Кропоткин, Плеханов и другие.[16] Зала делится проходом на две части: по одну сторону социалисты, большей частью в военных мундирах, по другую, это правая, не социалисты — бывшие Октябристы, Народная Свобода, представители торгового промышленного мира... Ложи почти сплошь полны военными. Две стороны смотрят друг на друга с ненавистью. Накануне в залах университета были собрания для того, чтобы сколько-нибудь столковаться. Не столковались, а переругались... Впечатление от левого сектора живо напомнило мне Минский съезд.[17] Военные делегаты жестами и позой старались показать свое революционное настроение. Они были просто неприличны. Помню меня поразил один офицер, полулежащий в кресле закинув ногу на ногу. Лицо обращено вверх, глаза презрительно прищурены. Выразительная фигура. Если бы я был скульптор — я бы вылепил с него — РАБА. Не нужно бы и подписи.

Главные этапы этого Совещания следующие:

Речь Керенского	Речь Шульгина	Встреча Корнилова
Декларация Бубликова	Речь Маклакова	Заявление генералов
Речь Плеханова	Выступления старообрядцев	Заключение с Керенским
Речь Кропоткина	Обсуждения партийные	

Главные эпизоды этого Совещания были выступления военных: Алексеева,[18] Каледина, потом Корнилова. До них еще выяснилось напряженное противоречие между двумя партиями военных. Кто-то из социалистов произносил речь против вождей армии. Сверху раздаются слова: "Немецкой выделки речь!" На социалистической стороне раздались вопли: "К порядку, вон!" Керенский потребовал, чтобы тот, кто произнес слова — "немецкой выделки речь" — назвал себя. В ложе сбоку поднялся офицер. Но Керенский его не видел, должно быть, и объявил: "Нечего поддаваться впечатлению, произнесенными словами — сказал трус". Офицер продолжал стоять, ухватившись руками за рампу. Так и простоял до перерыва. Во время перерыва Керенскому объяснили, что офицер не скрывался. И вернувшись в заседание, Керенский объяснил все происшествие: "Все хорошо кончилось, — сказал он, — я очень рад убедиться, что в нашей армии нет трусов".

Были сделаны попытки сближения между двумя краями собрания. Церетелли произнес речь, в которой заявил сожаление, что социалисты недооценивали левую опасность. В этом желающие усмотрели готовность искать соглашение. Бубликов[19] в заключение умной речи напомнил сравнительную ничтожность русской промышленности, ценность которой, не превышающая 5 миллиардов рублей, может вся поместиться в кармане одного американского миллиардера. От этого охлаждающего напоминания — не помню как, перешел на необходимость примирения с социалистами... Бубликов сошел со сцены, направился к Церетелли, сидевшему в первом ряду, и демонстративно подал ему руку. Несколько удивленный Церетелли пожал руку Бубликова, но жест этот успеха не имел — аудитория осталась холодна. О каком примирении можно было говорить, когда военная социалистическая часть собрания готова была перервать буржуям глотку.

Не тронул собрания и Плеханов, призывавший социал-демократов к благоразумию и чтобы не все время гладить против шерсти своих прежних единомышленников, поминал их прежние заслуги в борьбе за свободу... Речь Плеханова, очень умно сделанная, никого за живое не задела. Задевала за живое речь Шульгина, прохаживавшегося насчет Украинской самостийности и мудрости ее вождей. Левая часть аудитории трепетала от досады.

Задела за живое и речь Маклакова, говорившего об участии Чернова[20] в Правительстве, Чернова — пораженца вчерашнего еще дня, и сам Керенский взволновался и... лишил слова Маклакова, ибо речь его слишком волнует собрание. Но собрание только взволновалось. "Правда" Маклакова уколола в глаза Керенского — вчерашнего пламенного пораженца. Да прав был Рязанов,[21] — псевдоним, как все большевики, когда объяснял, что все примирения здесь, все братания ни к чему — это "безе ламурет" (baisers Lamourette) сцена из времен Французской революции законодательного собрания, когда под впечатлением речи Ламуретта (Lamourette) представители враждующих партий бросились друг к другу в объятия, а вечером они передрались и неизбежна.[22] Рязанов был прав. Не было единого энтузиазма и по вопросу о провозглашении республики, хотя Правительство Керенского на этот энтузиазм ссылалось.

Чувства военно-социалистической партии сказались во время речей генералов Алексеева, Каледина, Корнилова. Конечно, военный вопрос больше всего всех волновал. Все сознавали, что армия разваливается... Только в глазах социалистов все зло было в самой войне, в военных начальниках. Нужно было углублять революцию, осуществлять ее. Энтузиазм весь был в ненависти к собственнику, к буржую, к правительству, к организации армии; не все с откровенным цинизмом и логической последовательностью большевиков умели формулировать свое чувство; многие впоследствии, когда жизнь воплотила их чувства в осязательно отвратительные явления, отнеслись к этим явлениям с ужасом и даже уверовали в то, что никогда этого разрушения не желали. В то время все военные социалисты, накаляя друг друга, в истерике звали к разрушению, ненавидели командование армии.

Вышел на сцену согбенный старец с седой бородой, с добрым, умным лицом и, расстроганный, говорил об единении, о том, что этому единению будет способствовать провозглашение республики, как формы Русского Государства. Старику аплодируют — не потому что мысль его возбуждала энтузиазм, волновала бы... Аплодируют, чтобы выразить свое отношение к трогательному старику, который более 40 лет провел в изгнании, в мечте о свободе родины и теперь принес сюда свое бескорыстное, чистое чувство... Даже, казалось мне, правая часть залы дружнее плодировала Кропоткину.

Совещание ждало выступления Корнилова. В партии Народной Свободы шли напряженные разговоры о направлении ее деятельности. По вопросу о войне было единодушие: надо продолжать. Но по вопросу об армии — как ее устроить, по вопросу о Правительстве — куда ему надо двигаться, куда двигаться самим, было разногласие... Раздавалась проповедь реставрации... В одном из заседаний ко мне подошел С. Ф. Ольденбург. — "Возразите Милюкову, — сказал он, — он откровенно указывает, что путь спасения в реставрации". Я точно возражал Милюкову, я говорил, что, если б я убедился в том, что спасение только в монархии, я считал бы обязанностью отойти на время от общественной деятельности, чтобы не отрекаться от идеала свободы. Стать активным монархистом член партии Народной Свободы мог бы сделаться лишь тогда, когда монархия не была бы противоположением свободы... Теперь этого нет... Но нам, говорил я, незачем расходиться из-за этого вопроса, незачем его и ставить. Мы едины в желании восстановить силу нашей армии. Мы едины в нашей вере, в возможность этого восстановления. Мы должны держаться этой веры, пока ее не утратили вожди армии. Пока Главнокомандующий Корнилов не сложил руки, не можем мы отойти в равнодушие, предаться сомнению и безнадежности.

В утро приезда Корнилова Собрание Комитета Народной Свободы просило ехать встречать его Н. Н. Щепкина,[23] меня и 3-го, не помню кого. На наш взгляд, привыкший к толпе, собрание встречавших на вокзале Московско-Брестской дороги не казалось многочисленным. Но чувство к Корнилову было напряженное и искреннее. Корнилов вышел, казалось, несколько смущенный. По всей платформе пронеслось "ура!" Сперва Корнилов прошел по фронту почетного караула. Потом подошел к депутациям. Я сказал Корнилову приветствие — мысль, за которую я тогда цеплялся: "Положение армии, по-видимому, безнадежно, но мы не можем предаваться отчаянию, пока во главе армии стоит человек, имя которого с надеждой повторяет вся Россия, пока вождь армии не отказался от подвига спасения ее. На генерала Корнилова наши надежды. Ему наш привет во имя родины".

Я выписываю эти слова не по памяти, а по соображению. Слов я не помню, а помню только мысль: не предаваться отчаянию, пока Корнилов не утратил веры.

Когда Деникин[24] писал свои воспоминания, меня от его имени спросили, что такое я сказал Корнилову при въезде его в Москву. Корнилов запечатлелся так, как будто на него одного надежда... Еще более отметила Корнилова г-жа Морозова, которая поклонилась ему в ноги. Этой сцены я не видал, но о ней рассказывали тут же на вокзале.

Корнилов отвечал мне, как казалось, тоном не весьма довольным, начав словами: "Я не могу говорить речь — мы здесь не на митинге". В общем встреча не произвела на меня впечатления грандиозности. Будущего властителя "до-риносима чинми"[25] не так встречают, хотя встреча все-таки была сердечная и искренняя...

Не скажу, чтобы такой же характер носила встреча Корнилова и других военных, генералов Алексеева и Каледина в Государственном Совещании. Отношение левой части собрания — военных социалистов было откровенно злобное. Когда говорили о деятельности комитетов, они буквально шипели, когда Корнилов предостерегал о возможности потери Риги, если дезорганизация будет продолжаться, они вопили об измене, кричали: "Долой смертную казнь!" Эти люди вознесли власть, со злым сладострастием практиковавшую убийство. Вспоминая об этом, вспоминая их тогдашние лица, их жесты, невольно восклицаешь: "Какие подлецы!"...

Генерал Корнилов говорил об эпидемии убийств офицеров — до начала августа убито солдатами 10.000 офицеров. Представители армии отнеслись к этому сообщению, как к пустому звуку... Во время перерыва я встретил в фойе знакомого офицера, юриста по образованию, человека приличного воспитания. — "Слышали, — спрашиваю я, — какие ужасные вещи рассказывает Корнилов?" — "Какие ужасные вещи, я не помню?" — "Да об убийстве 10.000 офицеров"... — "Есть о чем толковать", — презрительно отвечал штабной офицер (гр. П. М. Толстой).

В мемуарах о событии 25 Октября рассказывают, как в то время когда солдаты-большевики осаждали юнкеров, занявших телефонную станцию на Большой Морской, этот офицер, кажется (проверить у Станкевича),[26] с отрядом солдат шел по Морской от Невского под арку. Ему рассказывали про большевистскую атаку. Он мог бы повести свой отряд на помощь юнкерам, но офицер этот никуда не пошел. Он в вопросе защиты Временного Правительства от большевиков оказался нейтральным... Я этого обстоятельства не знал, когда встретился с этим офицером в Одессе в 18-м году. Он принимал участие в совещаниях об условиях объединения противобольшевицких партий. Как быть? Разговаривать с ним, как с порядочным человеком, я мог, только стирая из памяти каннибальскую выходку. Я ему так и сказал. Были ли эти его слова выражением временного помутнения разума и совести, или они вошли как составная часть в то воззрение, которое он теперь проповедует, будучи профессором государственного права — не знаю? Во всяком случае фраза его характерна как выражение настроений военно-комитетской среды.

В то время, после разговора с П. М. Т. ко мне подошел другой офицер, убеждая меня в спасительном впечатлении, которое удачное мордобойство про-

изводит на солдат. Офицер должен был вести куда-то отряд по направлению к Нижнему — усмирить неповиновение. Солдаты, развалясь и не вставая, отказывались идти. Но когда офицер дал в ухо, особенно дерзкому нетчику, вся команда вытянулась, отдала честь и повиновалась...

Очень может быть, что офицер не сочинял, но думал ли он о последствиях, о чувствах побитого солдата и его настроениях, надолго ли хватит выколоченного повиновения, и не обратится ли оно в злобу, досаду на себя и в мечту о сдаче, мечту, столь легко осуществимую?

Я видел 2 полюса настроений: с одной стороны, кипящую злобу, направленную против командиров, людей чистых и честных, с другой стороны, горячку оскорбленных офицеров, ищущих спасения в старых приемах — расправу, не на что надеяться. Сцены военных докладов породили во мне сознание бесплодия всех наших усилий. Нужен был какой-то крутой поворот... А кто был способен его сделать? Правительства намеренного банкротства? Фразеры, истерично вопящие о крови, не то грозящие ее пролитием, не то ее пугающиеся...

На последнем заседании закрывающегося Совещания я не присутствовал и об сцене, разыгранной Керенским,[27] слышал только рассказы из уст Кишкина, опекавшего его как врач.

Во время Совещания одним вечером я видел Брусилова.[28] Он поносил Керенского, уволившего Брусилова за то, что тот не выехал встречать его на станцию железной дороги,[29] поносил Корнилова за то, что церемонился с Временным Правительством, с комитетами, с большевиками.

* * *

Без всяких надежд, с ясным сознанием грозящего разрушения, я ехал назад в Кисловодск сквозь бесконечные поля созревшего или убранного хлеба. В вагонах 1-го и 2-го класса рассказы о погромах и грабежах усадеб. Только что приехали в Кисловодск, услышали весть о движении Корнилова на Петербург. — "Корнилов идет на Петербург", — передавали сперва с сомнением и надеждой, потом с уверенностью. В неудачу Корнилова никто не верил — дамы с таинственным видом передавали, что знают наверняка — Корнилов входит в Петербург. Завтра прочтем телеграммы. Одна только хорошенькая большевичка, офицерская жена София Андреевна Шварц достоверно знала, что Милюкова повесят...

Я приводил в негодование собеседников, предсказывая неудачу Корнилова. А дальше что? Дальше голод, тиф, смерть, не знаю как... Не мог я верить, что за Корниловым пойдет армия, руководимая теми комитетчиками, которым убийство солдатами 10.000 офицеров предмет, о котором говорить не стоит... Выяснилась неудача Корнилова.

Жена моя поправилась, пора уезжать из Кисловодска, где стали ходить слухи о наступлении большевицких банд... Едем в Москву и Петроград. Дорогу до Москвы делали с супругами Манухиными. — "Что Вы скажете о Манухине?" — спросил я у Аджемова, с которым Моисей Сергеевич водил в Кисловодске компанию. — "Большевик", — отвечал Аджемов. Эта характеристика сделала то, что я некоторое время хмурился. Потом оказалось, что это вздор, а что просто Манухин, наивно верующий в добродетель рабочих, — будто бы Питерские обещали ему собрать деньги на постройку туберкулезной санатории... Не знаю долго ли продержалась эта вера.

Приехали в Москву. Ехать пришлось с Рязанского вокзала на Поварскую, близко к Арбату. Выезжая с Никольской я посоветовал извозчику ехать через Кремль на Воздвиженку. — "Не пускают через Кремль, — объяснил извозчик, — при прежнем Царе пропускали, а при нынешнем не пропускают". — "А какой же нынче царь?" — спросил я. Извозчик промолчал. Вид у него был серьезный. Едва ли в словах его была ирония. Так я толком его не понял. Вспомнил я анекдот, рассказанный Мишле[30] в его истории Революции. В 1848 году недалеко от Марселя разговаривали мужики о политике: — "Что и говорить — Дюк Роллен, конечно, хороший человек и желает народу добра, да вот любовница его Ламартин все гадит". Так в мужицком сознании обернулись имена членов Временного Правительства республики Ледрю Роллен и поэта Ламартина. Воспроизводя этот анекдот, Герцен спрашивает: при таком понимании, как могла держаться Февральская республика — она уступила место Империи.

Вот как в Москве в сентябре 17-го года воспринята была только что провозглашенная республика.

В политических кругах Москвы варили новый состав Временного Правительства, после Корниловской встряски. Искали представителей торгово-промышленного класса: Коновалова и, кажется, Родзянко. Одни звали кандидатов, другие, как Струве,[31] отговаривали. По мнению Струве, в правительство, где за Военного Министра будет Верховской[32] — авантюрист, — идти серьезным людям (Бурышкину, Смирнову, Третьякову[33]) было нельзя.

Помню упирался Третьяков. Противоречивые чувства, по-видимому, волновали его и выражались в повышенной раздражительности, с которой он отказывался... Я был в числе тех, кто взывал к его самопожертвованию, призывая использовать немногие оставшиеся возможности удержать страну на наклонной плоскости, по которой она летела в пропасть... "Шансов мало, но сказать, что их совсем нет, — нельзя, не попытав последний раз".

Так уговаривали мы Третьякова и наконец осилили — он сдался. Сперва обругался, потом расцеловался с А. И. Коноваловым. Москва вступала в Правительство. Не заразит ли она Керенского здоровой деловитостью, не вдохнет ли она энергию в носителей власти? — "Ничуть, — объяснял нам впоследствии Кишкин, — Керенский утратил способность принимать решения, распоряжаться. Вводить порядок во флоте, в армии — ничего нельзя сделать. Оберегаться от большевиков, от их напора, мешать их организации — да надо, надо, но ничего не делается. Переведите Правительство в Москву, там будут охранять его другие войска, да непременно"... И ничего не делалось. А новые члены Правительства не знали, как приняться...

Будем собирать Учредительное Собрание — вот дело. Соберем Предпарламент.[34] Объявим роспуск Думы.[35] Соберем Предпарламент — увидим, что еще надо делать.

В это промежуточное время я выезжал в Тверскую губернию — в Тверь и Вышний Волочек с целью выборной агитации. Пуста и мрачна показалась мне послереволюционная Тверь. Я приехал туда по приглашению Комитета Народной Свободы и остановился в квартире д-ра Черно-Шварца, в доме бывшем Петрункевича, где когда-то жил Михаил Ильич Петрункевич, где гащивал и я, где собирались во время Земских Собраний единомышленники. Казалось, вот сейчас выйдет в кабинет из задних комнат Александр Александрович Бакунин, сядет

в кресло и закурит свою толстую папиросу. Вот здесь стоял стол, около которого мы сидели, поправляя проект пресловутого адреса Тверского Земства; теперь уже вечер — вот, кажется, сейчас пойдем всей компанией в заседание комиссии Земского собрания... Все прошло, большинство друзей перемерло, и та нравственная атмосфера, в которой мы жили, рассеялась. Новые люди принесли новые страсти... Пусто и чуждо на душе. Но надо на утро идти в собрание избирателей. Говорят, что главные обсуждения вертятся около аграрного вопроса. В Тверской губернии всей владельческой не крестьянской пашни — 30.000 десятин. Всерьез об этом не стоит волноваться; говорят о земле потому, что эти разговоры дают повод ораторам самим накаляться и поднимать страсти в народной аудитории.

Сейчас толпа волнуется другим — наличностью спирта в казенных складах. В Ржеве солдаты уже разграбили склад. Ждут грабежа в Торжке. Волнующие лозунги — делить водку, делить землю. В городах хозяева солдаты, перемешанные с дезертирами.

Вопрос ставится о самом существовании Государства, экономические вопросы, вопросы государственной организации налицо. Но в состоянии ли социалистические партии разрешить эти вопросы права и правды, отвлекаясь от диких попыток немедленного осуществления, не вдаваясь в безграничные обещания?

Но прежде всего надо вернуть армию в состояние организованной, упорядоченной силы. Таков примерно был смысл моей речи — но к чему все это? Аудитория была почти сплошь буржуйная, наполовину дамская. Дамы имели право голоса, но вряд ли могли иметь влияние на выборы. Когда я кончил, одна из дам подошла ко мне и поблагодарила за доставленное удовольствие. Кажется, это не была ирония. Незнакомый толстовец что-то сказал против войны вообще. Я не возражал, к чему? Да и все выступление мое к чему?

С тяжелым чувством уезжал я из Твери... На вокзале у меня с величайшей дерзостью украли чемодан... В Вышнем Волочке я попал в другую атмосферу, в кружок местных земцев, добрых и милых людей, трогательно меня встретивших (к чаю был хлеб с маслом). Но что эти тихие, робкие люди могли организовать для выборной агитации? Плохо помню собрание избирателей в Вышнем Волочке. Тут я простился с той средой, в которой прожил долгие годы.

Наши усилия не остались бесплодны — открылись возможности неустранимые, но начался новый период истории России и работники национального дела должны были перестраиваться на новый лад, на новое поприще, на новую борьбу. Старая жизнь кончилась...

Нечего вспоминать об октябре месяце в Петербурге. Готовились к выборам. Интерес к районной Думе, в которую я был выбран, выдохся очень скоро. Что могла эта Дума сделать, не имея денег. Могла рассуждать о хозяйственных делах, в которых ровно ничего не понимала. Тупоумные демагоги пробовали держать пламенные речи, да на тему о дровах не разведешь революции. И даже молодые евреи волновались о торговле, но ничего не понимали.

Собрали Предпарламент... То же государственное совещание, но без военных. Тоже беспредметный митинг. Партии резче обозначились. Между краями правым и левым явная вражда, непримиримая и жгучая, Центр колеблется — неизвестно, чего он хочет.

Начинается с большевицкой демонстрации. Троцкий речь держит — полемизирует с Милюковым, спрашивает, что Милюков забыл немецкий язык?[36] В конце речи заявляет, что большевики уйдут. Спиридонова[37] истерически визжит... Большевики уходят, но многие из них переходят в места для публики, откуда потом раздаются хором их замечания... Начинаются речи никчемные, потому что никого ни в чем не убедишь и не разубедишь... Только декларации и демонстрации имеют смысл.

Струве произносит слово "Корнилов", и слева несутся вопли... — "Да, Корнилов это честное имя", — вызывающим тоном говорит Струве и вызывает бурю. Одно живое дело для обеих сторон в зале, да и во всей стране — дело, поднятое Корниловым, борьба за него для одних, борьба против — для других. Вне этой борьбы одна риторика. И организовать обсуждение других тем в собрании — нельзя. Выбирают комиссию, разъедаемая враждой, она сама сознает свою бесплодность...

На другой день заседание возобновляется речью Керенского. Он говорил о грозящей опасности (раньше он ее отрицал), просит поддержки. Речь его, кажется, волнует собрание. Вот окажут поддержку Правительству. Делают перерыв, и лидеры принимаются за любимое дело — сочинять резолюции. Позиция правых — К. - Д., промышленных кругов, немного военных (Алексеева и, кажется, Болдырева[38]) ясна. Приемлемую для них резолюцию изложить не трудно, но надо сделать ее приемлемой для центра — народных социалистов, беспартийных социалистов, меньшевиков вроде остроумной Ортодокс,[39] старух народовольчества вроде Фигнер.[40] Тут начинается бесконечное приспособление резолюции к чувствам и преданиям революции — это длится два часа. Наконец все уступки, все ретуши сделаны. Заседание возобновляется. Ставится на голосование резолюция правых — поддерживающих Правительство в борьбе с разрушением.

Центр — Чайковский,[41] Фигнер и другие воздерживаются (Кусковой[42] нет — она завтракает). Резолюция "за Правительство" отвергнута большинством 3-х голосов. С голосами центра резолюция "за Правительство" имела бы большинство. Дольше сидеть не стоит.

— "Что же это такое? — спрашиваю я Чайковского. — Да, что же это такое. Кто мог этого ожидать? Ждали Троцкого с товарищами и дождались". Правительство Керенского было мертво.

На следующее утро я все-таки отправился в Мариинский дворец, но он был уже занят большевицкими солдатами... У Кутлера[43] на Почтамской было назначено собрание К. - Д. Нечего было решать на этом собрании. Оно все было посвящено информации. Надежда на отпор большевикам не была еще потеряна. Когда мы расходились, дан был лозунг — избегать Конно-Гвардейского бульвара и Почтамской. Большинство пошло по Морской.

Я шел с членом Думы Добровольским. Когда мы прошли Мариинскую площадь, оказалось идти дальше по Морской нельзя. На углу площади стоит автомобиль с белым флагом; он пытался проехать по Морской, но выстрелы заставили его вернуться. Мы повернули налево к Малой Морской (улице Гоголя). У Исаакиевского собора поленицы дров, из-за них стреляют. Проходить дальше к Александровскому саду мимо выстрелов опасно. Мы повернули на М.Морскую и вошли в Английскую гостиницу (Hotel d'Angleterre), кстати и позавтракали там. Ресторан отеля полон публики — жильцы отеля не выходили, а может быть, и с улицы прохожие спасались.

Окна ресторана во двор. Мы видели, как начали вносить и класть рядком тела убитых или раненных. Мы насчитали семь трупов. Прошли в другую комнату, окнами на улицу. Против нас помещение французской военной делегации. У входа стоят несколько военных во французской форме. Они смотрят, как и мы, на улицу, наблюдая за тем, что происходит. Начальник что-то приказывает. Из дома выносят на улицу и ставят носилки — очевидно, чтобы подбирать раненных. Но новых не будет: военных, идущих по улице, больше нет и стрелкам, притаившимся за поленицами, не в кого стрелять. По улице ездит взад и вперед блиндированный автомобиль. Выстрелят по направлению к поленице и повернут назад, дойдут до Гороховой и там стреляют по направлению к Мойке. Мы это поняли потом только. Стрельба затихла. Французы унесли носилки. Мы с Добровольским решили уйти. Прошли до угла Вознесенского и площади и повернули направо к Невскому. Добровольскому нужно на Миллионную, мне до конца Невского. Поперек Гороховой мы перебежали, опасаясь продольных выстрелов. А на углу Невского стоял вагон трамвая, в который я и сел, простившись с Добровольским, которого больше не видел. И что с ним, жив ли он, не знаю. Я ничего о нем не слыхал. Домой я приехал, когда было уже темно...

Состоялись выборы в Учредительное Собрание.[44] — "Мы за эсеров голосовали, рассказывала одна старуха, потому они за Царя". Голосовали целыми деревнями все в один голос. Славянофил Хомяков говаривал, что русские мужики и в Царствие Божие будут входить целыми деревнями. Не знаю, как в Царствие небесное, а в избирательные урны они клали бюллетени целыми деревнями — больше всего за эсеров.

Во второй Думе был депутат эсер, кажется, из Подольской губернии. — "Говорят, что эсеры против Царя, — говорил он, — это неправда. Мы все за Царя, а только мы хотим, чтобы вся земля — всему народу". Что значит вся земля всему народу? Помню в первой Думе Самарский депутат, тот самый, которого сек губернатор Брянчининов, просил меня, чтобы я по душе сказал ему: отдаст ли им Дума графские луга? Вот это и значит "всему народу".

К. - Д. получили большинство только в больших городах. Кроме главных городов, городские голоса повсюду тонули в деревенских... и в Учредительном Собрании К. - Д. было только на семена.[45]

Предстояло Учредительное Собрание — с чем мы туда пойдем? И пойдем ли мы? Бегство из Питера начал Милюков, уехавший в Ростов на Дону. Не помню когда, прямо из Оперы на станцию уехал Набоков. Винавер был в Москве. Дочь его, остававшаяся в Петербурге, приходила ко мне и просила: "Уговорите папу, чтобы не ездил сюда". Да и сам Винавер спрашивал — следует ли ему возвращаться ввиду предполагаемого открытия Учредительного Собрания. Я советовал лучше оставаться в Москве, ибо большой пользы от участия в открытии Учредительного Собрания не видел, не видел и возможностей борьбы.

Но к предполагаемому открытию вернулся в Петербург Шингарев,[46] бледный, худой, пришибленный — он только что похоронил жену. Хутор его в Тамбовской губернии сожгли еще раньше — сжег со злости любовник его прислуги. Больше полугода никчемного напряжения, ни одной светлой минуты, ни одного спокойного часа. Полная неизвестность — куда идет страна, к чему ведут все усилия, вернее, сознание, что человеческая воля не в силах изменить ход событий, повлиять на них — таково было настроение Шинкарева в тот вечер, когда я его видел в последний раз.

Это было в доме С. В. Паниной[47] на Сергиевской, где Центральный комитет К. - Д. заседал в тот же день два раза, утром и вечером. Кокошкин с женой был там же. Кокошкин, хотя больной и бледный, как всегда, не имел на себе печати обреченности, какая лежала на Шингареве...

Мы разошлись тогда очень поздно, назначая друг другу свидание завтра утром тут же на Сергиевской с тем, чтобы вместе идти в Думу. Я по привычке разумел, что идти в Думу значит идти в Таврический дворец.

Когда я поздно вернулся домой, Софья Владимировна еще раз звонила, напоминая: завтра в 10 часов утра. На утро[48] зять мой Г. Ф. Бер, ехавший в автомобиле на Васильевский остров, подвез меня к дому Паниной. У подъезда стоял молодой человек с видом рабочего, но с ружьем в руках. Кажется, их даже было два.

— "Софья Владимировна дома?" — спросил я, вернее, утвердительно сказал. — "Войдите, войдите, — иронически сказал молодой человек, — там сами увидите". Я счел более осторожным не входить и пошел по направлению к Литейной. Едва я сделал несколько шагов, как меня догнал какой-то господин. — "Вы не знаете, — сказал он, — сейчас арестовали графиню Панину, Шингарева и Коковцева". Я понял, что Коковцев означает Кокошкин. Что было делать? Я пешком отправился в Таврический дворец и без всяких препятствий вошел с привычного подъезда через ворота в Таврический и повесил свое пальто на обычном месте. В коридорах было несколько матросов, в помещении комиссии по созыву Учредительного Собрания было несколько человек служащих в канцелярии. Кажется, я там встретил барона Мейендорфа. Открытие было назначено на 11 часов, но публика собиралась чрезвычайно медленно. Перед главным подъездом стояли матросы не в большом числе. Хотя предполагали, что они будут препятствовать вхождению депутатов, но приходивших пропускали. В 12-м часу разом хлынула большая толпа. Это депутаты, раньше собравшиеся у Городской Думы. В толпе мало знакомых лиц. Вот Гр. Ник. Шрейден, которого я когда-то встречал в редакции "Сына Отечества",[49] вот Павел Иванович Новгородцев,[50] Ник. Ив. Астров,[51] фигура, столь памятная со времен 1-й Думы...

Приехавшие могли все-таки рассказать об аресте Паниной, Шингарева и Кокошкина.[52] Оказалось, что арестован еще Павел Дмитриевич Долгоруков.[53] Потом узнал, что в подъезд входил еще Кутлер, справился, что произошло и благополучно ушел... Потом большевики спохватились, пришли к Кутлеру на дом и арестовали, а при аресте ранили пулей в ногу... Я довольно долго отыскивал по телефону Ольгу Константиновну Нечаеву. Разыскал ее уже в сумерках и только вечером О. К. добралась до Смольного Института. Она уже не застала там Софью Владимировну Панину. "Ее отвезли в Кресты", — как с усмешкой объявила дежурная девица-курсистка. — "Вы кто такая?" — спрашивает О. К. — "Ну, курсистка". О. К. возмутилась и распекла курсистку. — "Коли Вы были на курсах, то должны знать, кто я, бросьте этот тон и проведите меня в комнату, где находятся члены Учредительного Собрания Шингарев, Кокошкин и Долгоруков". Девица присмирела и повела О. К. В большой комнате, набитой народом, сидели у стенки трое. С утра они ничего не ели. Ольга Константиновна предусмотрительно принесла им еды. Шингарев и Кокошкин сидели, опустив головы, очень унылые и печальные. Напротив, П. Д. Долгоруков был бодрым и спокоен. — "Андрей Иванович, — говорил он, — служит России своей работой в Думе, в Правительстве, Федор Федорович служит своими знаниями, ученостью, — а я своим арестом. Это моя служба".

Сначала Члены Учредительного Собрания собрались на Совещание в одной из комнат комиссии, кажется в бюджетной.[54] Председательствовал Григорий Ил. Шрейдер (Председатель городской Думы)[55] — довольно бестолково. Решали вопрос, что делать. Считали, сколько пришло членов. Решали вопрос — какое количество должно признать достаточным, чтобы считать собрание состоявшимся. Как ни считай, народу мало. Но в три часа пошли открывать заседание в большую залу. Какое впечатление производили новые законодатели? Я вспомнил Вторую Думу, которую Маклаков, выходя через верхнюю дверь, оглядываясь вниз, окрестил словами: "Это не Дума, а кабак!" Как же назвать эту толпу учреждителей без мысли, без понимания, не зная, что делать, толкавшуюся по зале. Люди эти старались придать себе самый растерзанный, залихватский вид. Многие были в шляпах. Я подошел к Питириму Сорокину[56] и почтительным жестом снял с него шляпу. Сорокин удивленно посмотрел, но не рассердился.

Шрейдер предложил избрать Председателя. Единогласно избран Чернов. Мы К. - Д. подали белые записки. Чернов произнес речь. Он обещал, что Учредительное Собрание даст народу: мир, землю и свободу. Месяц спустя после разгона Учредительного Собрания петербургское население делало демонстрацию за большевиков, обещавших мир, хлеб и свободу. Велика ли разница между заявлением большевиков и вождя эсеров? На словах почти никакой. На деле — огромная. Большевики дерзнули. Эсеры — это большевики, которые не посмели. (И это делает им честь.) Большевики — это эсеры, которые дерзнули идти до конца.

Еще до открытия заседания на дворе Таврического дворца собралась толпа. Стража матросов отошла в сторону и не разгоняла толпы. Но толпа была ручная и внутрь здания не прорывалась и не лезла, но требовала, чтобы ее занимали, требовали ораторов. Я вышел. Толпа была возбуждена. Что же можно было сказать ей?

— "Повернитесь лицом не сюда, а к Смольному и разгоните сидящее там Правительство, во имя чего? Во имя Учредительного Собрания?"

— "Да, если б оно само в себя верило, оно всей толпой вышло бы сюда и повело бы народ". — "Да, если бы они верили в себя — они были бы уже здесь все в сборе". Очевидно, не было в стране той волны, которая бы вынесла их сюда, наполнив сердца их энтузиазмом...

Нельзя было этого сказать, нельзя было сохранять веру, глядя на бестолковую толпу внутри здания.

Я сказал несколько слов и вернулся.

Такими ли мы входили в это здание во время Первой Думы? Такая ли была толпа, нас встречавшая? Теперь пришли в Таврический дворец люди, говорившие нам в 1906 году: "Вы не избранники народа, ибо избраны голосованием не всеобщим, прямым и т.д. За вами нет силы народа. С вами не будут считаться... Вот погодите придут настоящие избранники в Учредительное Собрание". Они пришли и не знали, что делать.

Выбрали Комиссию для установления распорядка, для наблюдения за прибытием членов Учредительного Собрания, для объявления о первом дне заседаний. В ней были К. - Д. — я, Новгородцев и Астров.

Собралась Комиссия, и плохо, что же ей теперь делать? Помню, из новых депутатов один М. В. Вишняк[57] обнаружил понимание парламентской процедуры и необходимость определенных правил. Комиссия разошлась в 7 часов вечера, назначив на завтра сбор в 12 часов.

Я возвращался домой подавленный утренним арестом и всеми впечатлениями дня. Точно мы опускались в темный провал.

На другой день была ясная погода — тихо, слегка морозно. Я шел пешком в Таврический дворец. На углу Таврического сада выбегает на меня чиновник канцелярии Учредительного Собрания и предупреждает: "Не ходите во дворец, Вас всюду там ищут матросы, чтобы арестовать. Предупредите Новгородцева и Астрова. Их ждет та же судьба".

Я знал, что Новгородцев и Астров решили собраться в квартире Угринова, неподалеку и прошел туда. Новгородцев был там, Астрова ждали. Прождали его порядочно и решили уходить по своим делам с тем, что Астрову все объяснят, когда он придет. Хозяева уходить не собирались. Пошли мы с П. И. Новгородцевым по Фурштадской по направлению к Литейной. И на углу Воскресенского проспекта встретили Астрова. Что делать? Астров объявил, что пойдет к брату на Васильевский остров, не помню, куда пошел Новгородцев, а я отправился поблизости к Е. Я. Корсаковой,[58] в дом бывший Мурузи. Оттуда по телефону вызвали жену. Оказалось, слух об аресте моем уже распространился по городу. Приходил д-р Морозов узнать о моей судьбе. Много было спросов по телефону. Общим советом мы решили пока что домой мне не ходить, а воспользоваться приглашением Е. Я. и остаться пока ночевать у ней. Помню ушел я спать рано. В комнате, что отвели мне, стоял книжный шкаф. Я взял "Историю Французской литературы в XIX столетии", начал читать и историю реакции в начале столетия — про Шатобриана, Де Местра, Бональда. Долго, взволнованный, я не мог оторваться от книги. Мне представлялось, что в ней пророчество, что наподобие французских умственных течений, сложатся и у нас настроения последующего молодого поколения, возобновятся идеалы возврата к прошлому... И теперь, по прошествии 8-ми лет, я вижу, что в умах русской молодежи повторяется аналогичное движение реставрационное.

Эта ночь поставила черту, отделяющую в моей жизни прошлое. Хотя я поздно заснул, но проснулся утром довольно рано. На Литейной слышен был какой-то шум. Я выглянул в окошко: то солдаты разбивали винный погреб. Уже несколько дней победители выпивали добычу. Начали с погребов Зимнего дворца, где, говорят, несколько человек не то опились, не то утонули. Потом пошли разыскивать виноторговлю, выпивать вино. Особенно трудились над погребами Елисеева, что на Васильевском острове, позади Университета. Большевики в своих газетах писали, что эти попойки победителей организованы буржуями специально партией Народной Свободы.

Утром принесли газеты, и в них я прочел известие, как я арестован в здании Таврического дворца, по одним сообщениям; у себя дома — по другим. (Впоследствии я узнал, что, когда Астров поздно вечером возвращался к себе в Знаменскую гостиницу, он увидел в сенях гостиницы солдат. Чего ради? Астров понял, что пришли за ним. Пешком, не входя в гостиницу, вернулся на Васильевский остров к брату. На другой день он уехал в Москву.)

С этого дня начинается для меня период скитаний.

APPENDIX A

Письмо Ф.И.Родичева к Е.П.Ушаковой

9 декабря 1923

Милая Елизавета Павловна.

Бесконечно Вам благодарен за Ваше письмо и стыжусь, что так долго не отвечал и боюсь, что пишу слишком поздно, но надеюсь, что Вас это письмо еще застанет. Трудно мне писать, ибо не знаю, о чем писать — так о много хочется рассказать, ибо я пишу Вам в расчете, что Вы на словах передадите содержание письма моей дочери.[1] Хочется вместе с тем писать письмо и для Вас, письмо с вопросами. Вместе об том и о другом писать трудно, да и не вместишь в одно письмо. Начнем поэтому с отчета о нашем пребывании в путешествиях за время с сентября 1918 г. по декабрь 23-го года. Паспорт мой свидетельствует об этапах передвижений. На нем визы всех европейских государств, кроме Скандинавских и Испании: 1) английская виза на Константинополь и Афины, 2) французская виза на выезд из Константинополя, 3) греческая виза на въезд в Афины, 4) сербская виза на въезд в Сербию, 5) сербская виза на выезд, 6) итальянская виза на проезд, 7) швейцарская виза, 8) французская на въезд, 9) французская на выезд, 10) швейцарская снова, 11) австрийская виза, 12) чехословацкая виза (послужила лишь для проезда), 13) польская виза на въезд и выезд, 14) германская виза на проезд, 15) бельгийская виза на проезд, 16) французская виза, 17) швейцарская виза, 18) снова французская, 19) английская, 20) уже не считая французских и швейцарских, ибо во Франции получил carte d'identite, а в Швейцарию имею permis de sejour сроком на один год. Плачу налог на иностранцев 10 фр. с персоны и 20 фр. налога подоходного и 6 фр. за permis. В 21-ом году заплатил 50 фр. Если сосчитаешь все деньги, заплаченные за визы, — выйдет целый капитал... Путешествие наше началось в Луге, куда Софья нас провожала. Одним махом доехали до станции /Торопово/[2] перед Псковом (забыл ее название, память моя приметно ослабела). Там мы простояли 2 1/2 суток. Жили в вагоне в тесноте. Спали рядом с больной в испанке девочкой. Спутники были мало симпатичны. Один доктор, муж хорошенькой капризницы, был человек как человек. Вся орда, посаженная в вагоны, вела себя отвратительно, пачкались на виду у всех, ругались из-за воды, не соблюдая очереди, все друг друга боялись, толкались... подлинная Совдепия. Ждали каждую минуту обыска перед отходом. Но ничего не произошло. Поезд наконец двинулся. На границе[3] мы слышали 2 выстрела — бесследных. Пришли в Псков. Вокзал блестел чистотой. Белые колонки, перевитые еловыми венками. Нас встречает оркестр музыки, и германский командир приказывает: "В ряды — идите обедать". Надо было видеть противных хулиганов — как они быстро превратились в робких и умных мальчиков, которые быстро и молча построились в ряды и пошли куда-то. Мы сперва купили белого хлеба и

масла, а потом пошли за всеми на большой двор, где немцы уготовили поезжанам угощение. Только два человека отказались от Вильгельмова угощения. Поляк Косцялковский и я. Екатерина Александровна[4] пошла и взяла предлагаемый кофе и суп из чернослива для какой-то горничной, взявшей 2 порции. Когда угощение было съедено, немецкий командир произнес речь — сколько все должны быть благодарны Императору — кричите ему "Hoch". И прокричали. И еще. Опять построили в ряды и повели обратно в вагоны. Сели, легли и поехали... Ехали бесконечно долго. Проснулись по утру и опять ехали... Думали давно проехали Двинск... Нет... Остановились наконец — это Двинск. Здесь мы решили выйти, чтобы отсюда ехать в Киев. Всех пассажиров выгнали — надо было пересаживаться в другой поезд, и объявили нам — надо всем ехать в Сувалки, где будет карантин. Я решил ни за что не ехать. "Садись в вагоны!" — "А я не сяду". — "Мы Вас силой втащим!" — "Я не сяду!" И на наше счастье свисток и фельдфебель столь грозный, сам в припрыжку побежал на поезд. После долгих ожиданий и преодоления разных препятствий приехали в Двинск и расположились в лучшей гостинице, где на обоях вместо роз, красные пятна от раздавленных клопов. Все-таки мы чувствовали себя как бы "на роскошном отдыхе". Надо было доставать пропуск в Киев. Мой Косцялковский учил меня не исполнять никаких требований германских властей, а с места в карьер требовать пропуск в Киев. Я повиновался и вместе с К-им ходил в немецкий участок, где нас принимали очень вежливо, очень хорошенькая еврейка и все время кормила "завтраками"... К-ий говорит: надо ей дать 100 рублей, а я говорю — не надо. "Надо, ну я не смею, дайте Вы". — "Хорошо", — но К-ий не посмел. "Придите завтра!" — "Ну завтра я дам 100 руб.", — говорит К-ий. Завтра приходим и хорошо сделали, что не дали. "Вот Ваш паспорт и пропуск в Киев". К-ий проводил нас. Поехали в чистом вагоне второго класса. Приехали в Полоцк, где в городе ночевали. Утром с большим усилием выехали в 6 ч. Поздно ночью приехали в Гомель (после пересадки в Молодечно). Вокзал набит битком и нет надежды попасть в поезд. Мы уехали в город. Дождь, холод. Не знаю, сколько гостиниц объездили, наконец нас пустили в кафе-шантан слушать голых певиц, а там куда-нибудь поместить. Поместили в ванну с тем, чтобы в 8 ч. утра встать, ибо германские офицеры будут брать ванны. Переночевали. День ходили по Гомелю, смотрели германские фотографии — упаковка в главном штабе украинской литературы. Жаль, что я не купил. Вечером поехали в Киев. Сидеть было пренеудобно. Приехали. Куда пойдем? Екатерина Александровна осталась в дамской. Я пошел искать приюта... Невозможно. Возвращаюсь и решили ехать к Вернадским.[5] Приехали. У Вернадских въезжий дом в 3-х комнатах. Приискано помещение, но мне одному. Екатерина Александровна переночевала. На другой день приезжает Милюкова. А у Екатерины Александровны лихорадка. Я ее перевожу в больницу д-ра Кулишера — 85 р. в день. Но там светло и хоть есть дурной запах, но есть сносный уход, и через неделю с чем-то Екатерина Александровна поправилась и уехала на квартиру, которую подыскала Милюкова, но ей хозяйка не отдала, а Екатерине Александровне отдала и оказалась чрезвычайно умной и милой дамой бывшей певицей, богатой сахарозаводчицей. У ней Екатерина Александровна прожила все время, что была в Киеве, а я жил по-соседству в квартире некоей Мейендорф, тоже во въезжей квартире, где случалось в одной комнате спали по 5 человек мужчин. Там распорядителем был Игорь Демидов. Там жил Милюков и мадам Степанова с дочерью. Они потом вместе уехали в Одессу. Я платил за пансион 18 руб. в день. Вся еда была великолепная. Каждый вечер был концерт фортепиано, скрипка, иногда пение — всегда амурное. Концерт начинался в 11 ч. вечера. Я уже уходил спать. И за окном раздвались пушечные выстрелы Петлюровской осады и гетманской защиты,[6] а за дверью пение: "Все о тебе". Я засыпал.

В Киеве я сбрил бороду и вместо паспорта Родионова получил от Гетманского Правительства правильный паспорт. Гетманская власть была постыдной властью. Начальники войска были идиоты. Войско не хотело драться. Киевское население страдало от дороговизны и ждало чудес от Петлюры. — Вот он и вошел. И все власти, как штатские, так и военные бежали. Воцарился Петлюра. Офицеры пленные были посажены в здание музея. Туда брошена была бомба. Аккуратно каждый вечер там целые компании расстреливались. И я каждый вечер слышал эти выстрелы. Начальника Гетманских войск гр. Келлера[7] застрелили "при попытке бежать". На улицах висели прокламации с обещанием повесить Милюкова и всех кадет. Милюкова уже не было. Но я жил в его комнате и надо было убираться. Я убрался. И мы решили уезжать в Одессу. И поехали целой компанией под начальством Ратькова-Рожнова, мы, супруги Волковы, Новгородцев, Салазкин. Обещали билеты 2-го класса. Билеты дали, а мест не дали. Втискивались силой. До Одессы ехали 2-е суток. За 12 верст остановили. Что же будет? Петлюровские офицеры ходят и посмеиваются: "Женщин пропустим, а с мужчинами посмотрим, что делать. Вчера расстреливали". Никого не расстреляли, а вечером говорят — поезжайте в Одессу — 12 верст. Извозчики требуют 200 руб. с человека. Это бы ничего. Да как ехать в такую темень 12 верст. Зарежут и не пикнешь. Мы решаем ночевать. Нашли сарай. Холодно, но есть крыша. Пола нет, но есть немного соломы. Вдруг весть — прицепили к локомотиву вагон и пускают туда. Бежим, тащим вещи, влезаем, втаскиваем дам. Поезд двигается, и через 10 минут мы в обширном Одесском вокзале. Стекла выбиты, холодно, но весело; все знакомятся, ужинают, пьют пиво и чай. Бояться нечего. Vive la France![8] Переночевали на деревянных диванах. Утром Рождество. Богомольцы пошли в церковь, а грешники искать квартиру — все через Штерна редактора "Одесского Литска",[9] нашего покровителя с тех пор. Нам почему-то дали самую дорогую комнату, огромную, блистательно меблированную, но очень холодную. Мы должны были купить дрова и топить печки в соседних комнатах. В Одессе в театре мне устроили лекцию. Раньше устроили в Киеве тоже в театре. Народу была тьма. В Киеве я говорил больше на тему: "Мне хочется сказать великому народу — ты жалкий и шальной народ". Обещал, что, вспрыснув мертвой водой, вспрысну живой, да не успел — надо было кончать. В Одессе я уже говорил о проблесках надежд. Денежный успех был великолепный. В Киеве половина шла в пользу армии, на мою долю досталось 2500. В Одессе все мне — дали 11.500. Потом я читал лекции в Ялте с благотворительной целью. В Ростове сумасшедшая выручка 27.000. Из них я 10 пожертвовал. Потом еще 2 лекции по 5.000. Только с этими деньгами можно было существовать... Но я забежал вперед. В Одессе занимались пустопорожними разговорами об организации, о союзе разных партий... и мерзли. Был снег. Мы скоро нашли другую квартиру, вернее, комнату у бойкой дамы, научившей меня выпросить топливо у Городской Управы. И мы благодаря этому не мерзли. Дама держала столовую и мы у ней же обедали. В конце февраля вдруг телефон из Ростова от Парамонова.[10] Если согласны принять на себя организацию печати за границей — приезжайте. Я поехал, но прежде заехал за Екатериной Александровной в Крым. Переночевали одну ночь в Ялте, а потом приехали лошади от Петрункевича и взяли Екатерину Александровну — и пора была — она совсем разболелась. Дорога морем была ужасная. А в Ялте холодно. С неделю мы пробыли в Гаспре,[11] с поездками в Ялту. Екатерина Александровна жила у Михаила Ивановича и очень полюбила его жену, ныне покойную. А я отправился морем дальше, через Феодосию в Новороссийск и все с приключениями холода, спанья Бог знает где. Приехали в Екатеринодар и там узнали, что приглашавший меня Парамонов сам выперт генералами — все-таки проехал в Ростов, там прожил дня три у П., которых потом и не видал. Потом назад. Тут жил в кабинете у одного адвоката. Утром я должен был очищать все устройство, когда начинали прихо-

дить клиенты. Милые люди не знаю, целы ли они? Едва ли. Адвокат, сын местного миллионера. Тут стали говорить об депутации в славянские страны и меня стали туда приглашать. А тем временем большевики заняли Крым.[12] Я телеграфировал просьбу взять Екатерину Александровну в Севастополь. Но уже ответа не получил. Оказалось, что Екатерину Александровну посадили на корабль вместе с Петрункевичами и семьей Винавера и привезли в Афины. Дорогой Екатерина Александровна опять заболела очень сильно, очень бурно. Почти умирающую сняли ее с корабля, поместили в какой-то вертеп, где хозяин не хотел ее держать, чтоб не получить в доме покойника. Потом ее поместили в хороший швейцарский пансион, где она очень быстро поправилась...

1 мая я выехал из Новороссийска в Константинополь по великолепной погоде, простившись с Степановым. Приехали в Константинополь и начались поиски Екатерины Александровны в Афинах. Что она там — я знал по записочке, переданной Анаст. Серг.[13] с каким-то офицером. В Константинополе я прожил невероятно долго — сперва без вестей об Екатерине Александровне, потом без возможности уехать. На пароходах, идущих в Средиземное море, не так-то легко можно было достать место. А сколько хлопот за получением всяких разрешений. Я так-таки одного разрешения и не дополучил и влез на пароход, отходивший в Афины, без этого разрешения. Меня уже хотели высаживать. Но заступился за меня тот же спасительный Штерн, и меня оставили — сперва спать в столовой, потом отвели место в каюте. Опять великолепная погода — заезжали на 4 дня в Смирну, только что занятую греками, и через неделю путешествия по Синему морю, под синим небом, расставшись со Штернами, приехали в Афины, где Екатерина Александровна жила в пансионе рядом с Петрункевичами. Она уже совсем поправилась, помолодела и, увидев меня, не говоря худого слова, потащила на верхушку огромной крутой горы, откуда видны и Афины, и горы, и море. В Афинах мы провели с неделю в очень приятной компании с новой приятельницей Екатерины Александровны — Софьей Ефимовной Рабинович, чрезвычайно доброй, но немножко взбалмошной особой — некогда красавицей, не желающей ныне сдаваться. Но надо было догонять мою депутацию, уехавшую раньше меня из Константинополя в Сербию, Чехию, Польшу... (в Польшу их не пустили, в Чехии они не солоно хлебали). Отправили нас с почетом — ничего не взяли за железную дорогу. Мы только приплатили за международный вагон. Приехали в Салоники — думали город, а там одни развалины. Там кой-как переночевали, а утром под покровительством Сербского коменданта поехали в товарном вагоне — на север в Сербию. День был великолепный, места живописные. К ночи приехали в Ускюб. Поезд дальше не идет. Куда идти в город, да еще есть ли такой? Я к коменданту. Разрешите переночевать. Хорошо, даже можете в 1-й класс. Пошли — оказывается обивка содрана с сиденья. Я храбро лег на волосы и заснул. А Екатерина Александровна попробовала заснуть, но клопы набросились на нее и не дали спать. Так она всю ночь и промаялась. Утром достали воды. Умылись и напились и наелись данным на дорогу шоколадом. Опять едем ясным днем, повторяем географию, историю войны...[14] Вечером в Нише. Дальше железная дорога разрушена. В Нише переночевали в чистенькой харчевне, днем походили по городу, похлопотали в штабе войск — обещали завтра отправить в грузовых авто... Завтра ждали, ждали, отправились наконец — заняли места рядом с шофером. Опять ясно, солнце, жара и пыль... К вечеру доехали до станции. Дальше не пойдем, нанимайте лошадей. И наняли мы на 11 верст до станции лошадку с тележкой, сели и поехали, как поехали бы с Еванова на чем Бог пошлет. Приехали в город, имя коего забыл и там опять ночевали в гостинице, где было людно, шумно и чрезвычайно грязно. Утром сели в благообразный поезд и доехали до Смедерева на Дунае. — Я всю эту дорогу в юности проделывал и вспоминал и старал-

ся узнать местность, но ничего почти не узнал — пейзаж изменился и дубовые леса исчезли... На пароходе к вечеру приехали в Белград. Взяли под вещи возницу — идем искать гостиницу — куда ни пойдем — все занято, не пускают. В одной я выпросил: дозвольте сложить вещи. Сложили и повел нас слуга смотреть какую-то комнату без окон, проходную. Мы вернулись. — "Ну что же берите Ваши вещи". Позвали извозчика. Куда везти? — Мы в расстройстве не знаем. Вдруг молодой человек берется найти комнату. Идем неподалеку к его знакомой под ворота на двор, из двора в какую-то темную дыру налево, в хозяйкину спальню, потом через столовую, в заднюю комнату, отделенную не дверью, а занавеской; там два дивана. — Мы берем за невероятную цену 45 крон, т.е. 15 динаров франку. Хозяйка сего вертепа называлась Катица Турка. На дворе было грязно, постоянно стояла лужа мыльной воды. В открытые окна неслись запахи... Но мы и этому были рады. Утром на другой день пошли в русское посольство изображать важных особ, но прятались по вечерам в эту берлогу. У хозяйской сестры по вечерам были гости, ее родные говорили нам, гости пели песни, родственники оставались ночевать, но мы ничего, с Катицей Туркой жили мирно, а с прачкой, красавицей, у которой руки и ноги пригодились бы и слону, даже подружились. В Белграде нашим обществом, кроме посла, оказались — Челноков М. В.,[15] граф Бобринский Влад. Алекс.,[16] коего жена поповна из Богородицкого уезда сдружилась с Екатериной Александровной, некий Скворцов, бывший цензор, бойкая дама Остелецкая, бывшая Таубе, встретился князь Путятин из Блавского, Шабельский, муж Леночки Жуковской, бравый адъютант Александра Сербского... и Кишенский Дм. Павл., который по временам свирепел и хотел терзать жидов и меня с ними, а временами отходил. Делали мы путешествия в Панчево на торжественную встречу с ужином, речами и ночлегом. Туда и Екатерина Александровна ездила. Потом в Новый Сад на сокольский праздник — туда ездил я один и пробыл 2 дня. А потом я в числе депутации ездил по Югославии — в Сараево в Боснии, Мостар, Разугу ныне Дубровник, Бокка ди Каттаро, потом в Черногорию в Цетинье. Нигде с нас денег не брали. Кормили и поили на банкетах и требовали речей...

Всего приятнее было в Рагузе — Италия, только чистая. В Бокка ди Каттаро нам посвистали: хозяева уверяли, что это от восторга. А в Цетинье произошло Бог знает что: за версту вышли нас встречать с цветами. Городской голова сказал приветствие. Я ему отвечал. А публика пришла в раж, схватили меня за ноги и понесли, да так до гостиницы и протащили. Дорогой мы в нашей депутации перессорились, часть вернулась в Белград, другие хотели ехать дальше по Далматинскому побережью. Я предложил помириться на том, что спросил посла, как быть? Посол сказал вернитесь, и мы вернулись. В Белграде тем временем приехал польский посол Пильц. И жил в Grand Hotel, куда и мы переехали. Завелась у нас дружба. Челноков стал кормить обедами. На все на это — бац телеграмма: просят приехать в Париж. Прощай Белград с своей пылью и жарой, с своим садом на горе, точно в Киеве, с Сербским дипломатом Ненадичем, женатым на курносенькой русской графине Нирод, прощай Кишенский и его адъютант, словесно терзающий жидов... Поехали — провожал нас Пильц, Кишенский, Башмаков, один из нашей делегации, очень симпатичный. Вот долина Дуная в кукурузе. Утром уже Триест, где нас не выпустили из вокзала, потом побережье Адриатического моря — сначала довольно пустынное, потом Венеция, потом Италия, озаренная октябрьским солнцем, к вечеру Милан, к ночи Швейцария со снегом, Лозанна, а утром Франция и Париж. Ну вот и приехали. Искать гостиницу — мест нет. Едем в посольство: помогите. Дают провожатого и скоро находим комнату в 4-м этаже в студенческой гостинице за 20 фр. — безмерно холодно. Но мы остаемся. Я иду в посольство. Там застаю только кн. Львова.[17] С ним идем обедать.

А вечером к нам в комнату, едучи на поезд, врывается Винавер. Опять свои. Потом переезжаем в важный отель Лютецию, где за малюсенькую спальню платим 25 фр. — Тут начинается парижская жизнь. Приглашали нас, чтоб предложить поездку в Варшаву — устанавливать добрые отношения с южнорусским правительством. Не стану рассказывать про парижское пребывание. Всех ближе был Львов, и милейшая Марья Абрамовна Шайкевич. Было шатанье, были колебанья, наконец решено: мы едем. Но я сперва хочу устроить 21 января 1920 г. поминки по Герцене и устраиваем торжественно и блистательно. А потом мы уезжаем через Лозанну, где я решил сделать себе операцию грыжи у доктора Roux.

Roux требует на это времени недели четыре, может быть, и восемь. Я решаю, что лежать столько времени неподвижно с риском, что сделается воспаление легких от лежания не стану. — Но уехать было не так-то просто: прямых поездов не было. Был один из Парижа, но в том билеты были разобраны за 2 месяца вперед. Пустили поезд в Вену через Италию — потерпел на первый же раз крушение. Собрались ехать через Германию — там произошла забастовка; решили ехать через Вену, достали билет через банкирскую контору, наконец поехали, ночевали на границе у моста через маленькую речку Рейн. Нас перевез в своем автомобиле какой-то любезный американец, оказавшийся русским еврейчиком, но корреспондентом американской газеты. Его карточка корреспондента делала чудеса в таможне, на станции, в Вене потом, где он достал мигом билеты в международном вагоне. — В Лозанне мы провели 2 месяца весны, уехали 2 мая, переждав ожидавшуюся забастовку, которой не было. В эти два месяца мы отдохнули от парижской сутолки... Первое впечатление было удивительной тишины — идем по улице и слышим шаги прохожего, идущего навстречу. Екатерина Александровна была так слаба, что едва прошла маленькое расстояние от станции до гостиницы — теперь мы ходим это расстояние, не замечая. В течение двух месяцев мы жили рядом с семейством Герцен — две старушки, мать и тетка профессора и сам профессор безногий...[18] Я был знаком с ними и раньше, Екатерина Александровна только теперь и очень сдружилась. Старушки, благодаря германскому краху, потеряли значительную часть доходов и с великим трудом держатся в старой квартире. Надо, впрочем, добавить, что Швейцария единственная страна в Европе, где есть квартиры, где строятся дома, конечно, это вдвое дороже довоенного времени. Тогда, в 20-м году, это была единственная страна, где досыта ели, даже сахар и даже шоколад... Ну вот поехали мы по Тирольским ущельям, живописными горами и приехали в Вену — искать гостиницу, где есть комнаты. Искали, искали — нашли и поместились, только есть там нечего... Два дня добивались билета в Варшаву, наконец еврейчик из Америки устроил. Сели в вагон — пиф-паф — выстрел в окно. Вбегает кондуктор — зачем вы стреляли. — Мы не стреляли и бывшая тут француженка удостоверила, что не мы, а в нас стреляли, думали, очевидно, что едут французские офицеры в Польшу. До Варшавы ехали сутки — выезд из Австрии — пожалуйте паспорт. Въехали в Чехию — пожалуйте паспорта и открывайте чемоданы. Очень скоро выезд из Чехии — пожалуйте паспорта, а потом въезд в Польшу — пожалуйте паспорта и открывайте чемоданы. В жизнь мою меня так не осматривали — просто глупый чиновник внове старался уловить москаля — даже коробку с зубным порошком открыл и просыпал его, не конфузясь. И это ночью. И все пришлось снова укупоривать. А приехали в Варшаву — снова осмотр. Но тут чиновник старый — посмотрел — ну у Вас, очевидно, ничего нет — и прилепил билет. В Варшаве нужно искать комнаты — не так-то легко. У нас были вещи для передачи родственникам Винавера — пошли к ним. Мадам стала помогать искать квартиру — у нас, говорит, негде — ну искали целый день — к вечеру мадам смилостивилась. Ночуйте у нас. Ночуем. Снова ищем целый день, ничего не находим, снова ночуем, снова ищем целый день,

ничего не находим. Наконец нас впустили в одном пансионе — в комнату французского офицера — пока его нет. Тесно, душно, но поместились. А через неделю нам дали хорошую комнату, в которой могли бы уместиться три небольших — светлую с красивой мебелью, с симпатичной прислугой (одна горничная очень миленькая — все-таки кой-что стащила). Хозяйка женщина-врач была с нами очень мила. Но и тут пришлось страдать. Вскоре в том пансионе поселился генерал Глазенап,[19] набиравший полки. Придут к нему офицеры и стучат в мою дверь и входят и рекомендуются и большею частью врут. Тут мы узнали о смерти Димитрия Измайловича.[20] Как только я приехал в Варшаву, встретил Ледницкого,[21] Козловского, старого сотрудника "Русских Ведомостей". Стали меня пытать, зачем я приехал. Стали сочинять, что я приехал организовать Временное Правительство. Пришлось опровергать. Пришлось дать **interview**. Тут меня стали трепать на все корки. Я держался сторонкой. Но извещал о своих впечатлениях в Париж. Приехал туда Струве[22] и прислал мне предложение принять их представительство. Я принял. Все это сделалось сейчас же известным. И я попал в положение пренеловкое — наследника престола, к которому все уже обращаются, а он отнекивается. Нет вестей из Парижа: ждем, пождем. Я уже ждать перестал. Со всех сторон пристают прочтите лекцию здесь, в Лодзи, потом в Праге. Соблазнительно. Я прочел одну лекцию в Варшаве — с огромным успехом — уже как впечатлительны поляки: антрепренер рассчитывал на 2 лекции. Но второй читать не пришлось. Пришла телеграмма от Струве — приезжайте в Париж. В это время большевики уже взяли Гродно.[23] Об этом молчали, но все советовали брать Екатерину Александровну. Так мы и сделали. Поехали в Данциг, оттуда в Берлин, где провели 2 ночи, и дальше в Париж, через Кельн и Бельгию. — В Париже оказалось, зачем Струве меня звал? Чтобы сказать, что Кривошеин[24] и Врангель против меня протестовали, и Струве с конфузом признался, что он не умел на своем настоять. — Я решил не возвращаться в Варшаву, а уехал в Лозанну. Сидим там и получаем письмо от Бурцева,[25] что какая-то швейцарская девица спрашивала мой адрес. Его ей дали. Дня через 2 телеграмма из Женевы: "Когда Вас можно застать для сообщения о Ваших дочерях". Если швейцарка хочет истратить 10 фр. на проезд, значит дело плохо. Я звоню в Женеву по телефону — я сам мол к Вам приеду. Резкий ответ. Я буду в 6 часов, и конец. — Ну дело плохо. Пошел прогуляться, чтобы успокоиться. Зашел к Герценам. Вдруг звонок. Екатерина Александровна зовет встречать Емму. Да как же мы ее узнаем? — Да Емма здесь. Емма это дочь Саша.[26] Иду домой — собственной персоной Саша. Мы ее накормили и повели к Герценам рассказывать свои перипетии. Саша потолстела, порозовела — никто бы не поверил, что она голодала. Несколько дней подряд она без умолку трещала, потом разом умолкла и впала в прострацию — и раздражалась и огрызалась по самым ничтожным поводам, особенно на евреев, в коих всегда заподозривала врага или оскорбителя. Потом это прошло, но юдофобия не прошла и до сих пор, несмотря на неоднократные одолжения от евреев — некой госпожи Рабинович необыкновенно добродушной (дама из Харькова) и моего старого приятеля Глазберга.

Саша сперва, недолго впро́чем, исполняла обязанности секретаря Герценовского общества помощи, потом работала в русской мастерской раскрашенных коробочек и, наконец, перешла работать в магазин, продающий разные рукоделия. Саша работает очень хорошо, но очень неровно — редко сумеет в совершенстве закончить работу, она не умеет, кроме того, установить постоянные добрые отношения с заведующей (тоже еврейка). — Это за нее делает Екатерина Александровна, которая тоже работает на тот же **ouvroir** и считается одной из лучших работниц. Им обеим дают работать не очень много и не самые дорогие работы, считая, что они и так проживут. Осень 20-го года я прожил в Лозанне, но

к Новому году был приглашен в Париж на некий Съезд бывших членов Учредительного Собрания. В Париже я прочел лекцию платную, но без большого денежного успеха. Пописывал там в газете "Общее Дело". Жил я на квартире у Львова, старался не обедать, но за ночлег не платил. Из Парижа съездил в Лондон — тоже прочесть лекцию там, денежный успех был солидный, ибо в фунтах. Видел там С. Ц. Дехтереву, ее сына Льва, сделавшего кой-какие деньги, но просадившего их на обзаведение гостиницы, неудачно пошедшей — все подешевело, а платить нужно было за многое заведенное в доме. Вернувшись в Париж, я принял участие в разных партийных делах, где разошелся с Милюковым и остался в единомыслии с старым другом Петрункевичем. Из Парижа поехал в Швейцарию с расчетом скоро вернуться — шли разговоры о поездке деловой в Сербию. — Дело о получении визы очень затянулось... и дело о поездке оборвалось, потому что я заболел. Виза ли меня прохватила, заразила ли меня чиханьем наша соседка — кн.Урусова, но, съездив в Женеву и вернувшись, слег с t° и кашлем. Позвали докторшу m-lle Broye старую добрую деву, которая лечит, как лечили бабушку и дедушку. Она потребовала на совет авторитетного доктора Damierell 'я. Тот обнадежил, что я буду жить, а я и не сомневался. Начался немолчный кашель, приводивший в негодование моего соседа. Приступы кашля сменились приступами пота. Была ночь, когда я шесть раз должен был менять рубашку, да еще и простыню раза два приходилось менять. Лечили меня банками на всю спину, утром и вечером растирали Eau de Lavande и давали разные лекарства для отхаркивания. Пролежал я так ровно три месяца негодным пластом с конца сентября до конца декабря. Ходил ко мне утром и вечером массажист — он же и банки ставил, а лекарства давала и белье меняла Екатерина Александровна, вынесшая за все время роль сиделки — и сама не заболела, хотя я ее каждую ночь жалобно, но упорно будил. Я свалился в критическую минуту почти полного безденежья. Еще хорошо, что наша тогдашняя хозяйка милейшая m-lle Stucki с деньгами не тревожила. Екатерина Александровна написала Гессену[27] просьбу прислать 100 фр., которые она ему отдаст, продав часы. Но часов не позволила продать Наталья Александровна Герцен. Она их взяла на сохранение и стала приносить то кальсоны, то фуфайку, то стол, то стул, электрический кипятильник, чулки, то Саше на поездку 30 фр., то просто возьмет лекарства. Узнав о болезни, приехал Петрункевич и привез 300 фр. то пока значит будем существовать. Дошли вести о моей болезни до Парижа. Прислали из Красного Креста, не помню сколько, кажется 700 фр. ... Потом вдруг пакет из Парижа — 2700 швейцарских франков от моего приятеля С. Ф. Штерна — он мастер извлекать деньги, потом еще и еще. Ну, одним словом, не только мы болезнь спокойно прожили, не только мучившая меня экзема на ногах прошла, но мы даже могли уехать из Лозанны в местечко Sierre на Роне, где наибольшее количество в Швейцарии солнечных дней. Ехал я туда совсем еще слабый. Это три часа езды, но показалось бесконечно долгим. В Sierre жили в версте от станции, и я сначала мог только эту версту пройти и должен был отдыхать. В Sierre тихо-тихо, — вот, куда провалишься — никто тебя не найдет — точно в монастыре. Прожили мы там до конца марта, Саша к нам приезжала, Софья Владимировна Панина. Ходили мы делать большие прогулки верст 6. Я сначала не мог дойти. Потом приучился... Когда приехали в Лозанну, меня городской шум оглушил было. Все еще трудно было ходить в гору. Все еще я очень уставал и ничего не мог делать. В апреле я получил известие от Штерна, что компания финансистов финансирует мои мемуары и будет мне платить 500 фр. в месяц, что и делает до сих пор. На это не проживешь, но до поздней осени 22-го года мы проживали остатки прежних присылок, а тут нам как болящим дали пособие Красного Креста по 270 в месяц. Не знаем, что будет в январе 24-го. Кажется, продолжат только на полгода. Швейцарцам надоело платить для русских, которые, увы, не то чтобы очень достойно ведут себя —

жалкие люди, чувствующие свою никчемность, без дела, без интересов, кроме сплетни, переполненные завистью и злословием. Я держу себя по возможности в стороне, а Екатерина Александровна с своей общительностью и добродушием не может уединяться. Вот, значит, 18 месяцев живем в Лозанне безвыездно. Я время от времени съезжу в Женеву к Петрункевичам. Ему исполнилось 80 лет. Ей 73, но ее вдруг прихватила и скрючила подагра. Живут они довольно удобно и проживут спокойно пока в Женеве, да вот не придется ли уехать: без Паниной, без ее забот и ухода им не прожить, а ей скоро не будет заработка в Женеве, и она на днях едет в Прагу на поиски. Писание мемуаров, увы, идет через пень колоду — то экзема вырвет 3 месяца, то ревизия счетов русской гостиницы артельной отвлечет, то просто нападет неврастения — у меня, увы, нет особого письменного стола. У себя дома можно писать только на ночь глядя, когда в комнате никого нет, кроме Екатерины Александровны. Днем решительно невозможно — посетители бывают каждый день и постоянно помешают. Я хожу каждый день, когда здоров, в Литературный кружок, где есть главные европейские газеты и где есть письменный столик — но его не всегда можно занимать. Вот так-то идет моя работа урывками и отрывками — отдельными тетрадями. Вместе с тем приходится поддерживать очень обширную переписку, которая и времени много берет и денег. Наше постоянное утешение письма дочери Софьи, но после процесса Конради мы побаиваемся писать.[28] — О процессе я напишу особо, а пока приостановлюсь — надо перечитать и подумать — что еще нужно сообщить.

Это все давно написано. Теперь пошлю. Буду писать о процессе Конради. Буду просить Вас написать о попах и религии. Плохо я верю во что-нибудь живое. Но кругом все же есть верующие. Плохой признак подчинение Тихона.[29] Небось католик Будкевич[30] не подчинился.[31]

Вообще я не думаю, чтобы могло произойти что-нибудь доброе, пока на сцене поколение, предавшее и ограбившее Россию. Не очень меня тянет возвращаться на родину — видеть картину опустошения, физического и нравственного. Видеть Великую Холопию не очень интересно. Хотел бы себе представить то место, где Вы живете — Мицкевичу хотелось мыслью перенестись: до тех пачурков лесных, до тех лонк (лугов) зеленых, где греча, как снег бела... Это?

Ну будьте здоровы. Вперед благодарю.

Ф.Родичев

APPENDIX B

Письмо Ф.И.Родичева к А.Р.Ледницкому

Дорогой Александр Робертович,

В испуге прочел известие о Вашей болезни.

В испуге и почти что в стыде: до сих пор не написал Вам, а так много надо сказать... Все это время, я под тревожным наблюдением, переменной возбуждающих сердце средств и постоянно новых, пугающих и ослабляющих болезненных явлений... Я был так ошеломлен (радостно, впрочем) Вашим появлением, что не сумел Вам выразить моего чувства. Вы для меня были явлением из другого мира, где есть жизнь, свет, борьба, стремления, а не одни воспоминания, подведение итогов, скорбь и пессимизм. Я радовался за Вас и завидовал Вам.

Мое душевное состояние сводится к двум явлениям. 1) Скорби о покойной жене моей,[1] скорби, пронизывающей каждый миг моего сознания. 2) Безотрадному взгляду на судьбы моего отечества.

Со скорбью, т.е. с любовью к отсутствующей, я не могу и не хочу бороться. В воспоминаниях я переживаю всю жизнь, целую полосу русской жизни, Тургеневской России. Все то разрушено, что я любил. Все разорено, где я любил. Почти все разорено там, где я работал... И не с кем мне делиться воспоминаниями личными здесь, за границей. Князь Львов и Алексей Александрович Свечин[2] умерли. Да и в России мало осталось людей, с коими я бы мог делиться воспоминаниями... И я сведен на диалог с записками жены моей.

Там, где жена провела юность, все разрушено: семь усадеб на расстоянии 15-ти верст по течению реки. Выйдя замуж, жена моя переселилась на север в Тверскую губернию и жила со мной одной жизнью не только семейной, но и общественной. Я вошел в местную, земскую жизнь в начале поприща. По окончании университета я воевал в Сербии за свободу. Помню призывал к участию в движении студентов, указывая на пример молодежи 18-го столетия, участвовавшей в освободительной войне в Америке. — "Вспомните Лафайета, Костюшко"... "Очень хорошо, — говорил профессор Горчаков, — но зачем Костюшко поминать?"

Из Сербии я попал прямо на должность мирового судьи и через полтора года сделался Предводителем Дворянства, пробыл им 13 лет. То было время неустанной работы по народному образованию. И вместе с тем неустанные попытки пробуждать в общественном сознании стремление к свободе. Томительное было

время, переживание повторных крушений и напряженные усилия для ничтожных практических результатов. Я пережил их только благодаря жене моей, умевшей ладить дружески и на равной ноге с населением и привлекать к работе простых и искренних людей. Эта работа на моих глазах дала осязательные результаты. По прошествии 26-ти лет, я видел организованное и прочно поставленное всеобщее обучение... Большевики, конечно, нанесли удар, но, кажется, дело медленно начинает оправляться.

При жизни в деревне я был, конечно, вовлечен в сельское хозяйство. Проверяя себя за 43 года, не могу не признать, что не получил ни одного гроша несправедливой аренды, никого не обидел во владении землей, всюду поддавался захватам, не поднимая спора, допускал безвозмездное пользование дровами. И кончилось тем, что после троекратного покушения на грабеж усадьба моя, зерно, скот, инвентарь были разграблены и дочь моя, бывшая там с детьми, должна была бежать (правда, без опасности). Этот грабеж был мне страшным ударом... Когда весть об этом, в декабре 1917 года, дошла до меня, я уже скрывался и не ночевал дома. И всю зиму потом тоже. Тогда и не говорил об этом с женой, не говорил и после... Но она не сохранила дурного чувства к грабителям, вернее, и не имела его. И сохранила доброе чувство к северному краю, где жили... Сам я ни за что бы теперь не вернулся туда, хотя и знаю, что в чувствах населения произошла реакция.

В нашем владении (вдвоем с братом) было три господских дома. Один, построенный в 1797 году, продан германскому канцлеру Вирту для постройки станции железной дороги. Другой — перевезенный в имение в 1812 году, тоже продан Вирту. Третий дом, где я жил с семьей, построенный в 1837 году, обращен под кинематограф... Мне это изгнание бесконечно больно не за себя, а за жену. Когда ее хоронили, священник читал из заповедей блаженства: "Блаженни кротции, ибо тии наследуют землю"... Моя кроткая жена наследовала два квадратных аршина на лозанском кладбище.

Одновременно с деревенской работой отдавался я другому стремлению. Мое политическое сознание определилось под впечатлением чтения Герцена и истории Французской революции. Декларация прав человека сделалась для меня и осталась аксиомой и идеалом. Этими принципами определилось и мое отношение к русским вопросам, в особенности к крестьянскому и к вопросам национальным. Мое отношение к польскому вопросу определилось в бытность студентом. С польским вопросом я познакомился было по французскому изданию Мицкевича, а еще более в общении с польской студенческой группой. В старые времена по обоим берегам реки Фонтанки в Петербурге было по большому дому Тарасова. И в обоих домах сосредоточивались польские колонии. В парадных частях дома жил Спасович, а на многих лестницах были квартиры, сплошь наполненные польской молодежью. В одной из таких квартир я был дружески принят. Не помню фамилий, кроме Чочота, впоследствии психиатра. Товарищи Чочота с гордостью рассказывали, что фамилия Чочота упоминается в " Dziadach ".[3] Недолго я посещал эту компанию, но навсегда сохранил память о том повышенном чувстве патриотизма, которое поддерживалось в этом кружке. С энтузиазмом национальных освобождений, совершил я свое военное паломничество в Сербию в 1876 году.

В 1879 году стало пробуждаться освободительно-правовое движение конституционное. С верой и увлечением я вложился в него, участвуя в разных съездах, в заявлениях... Жена моя, не торгуясь, отдавала мне все свое сочувствие. Но

в воспоминаниях об этом времени есть у меня грустная нота. Я разъезжал, видел людей, а жена моя сидела в деревне, ограничиваясь краткими выездами для свиданий с родными. Так прожила она 13 лет, меня ради. И это невозвратимо. В 1895 году она уже с детьми жила в Петербурге. Я имел большой дом, обремененный долгами и обязательствами. Часто возникали кризисы и в мое отсутствие, и в момент политического крушения.

С тех пор как я себя помню, я думал, что основной вопрос русской жизни, это вопрос о политической свободе. И когда в земской среде возникло движение в пользу правового строя, основанного на свободе, я принял в этом движении горячее участие. Началось движение в Черниговском земстве. Тверское ему последовало. Помню радость, с которой я принимал участие в составлении заявления о необходимости дарования России тех же благ и права, какие дарованы Болгарии.[4] Вслед за этой конституционной демонстрацией состоялся в Москве съезд конституционалистов,[5] главным инициатором которого был Иван Ильич Петрункевич. Ядро съезда составляли черниговские и тверские гласные. Были приезжие из Харькова (даже члены суда). Из Киева приехал один поляк, адвокат по профессии, фамилии не помню.

Москвичи принимали нас как хозяева (Ковалевский, М. М. Гольцев,[6] князь Кропоткин, мировой судья). Собрание разошлось в очень приподнятом настроении. Осенью оно должно было созваться в усиленном составе. Но осенью Иван Ильич был выслан в Варнавин, Костромской губернии. А потом последовал взрыв царского поезда в Москве. В феврале 1880 года — взрыв в Зимнем дворце.

И наступило господство Лорис-Меликова, поднят был крестьянский вопрос, началось оживление в земстве. Помню работу по крестьянскому и земскому вопросам, производившуюся по почину так называемой Кахановской комиссии. Работа должна была вырасти в грандиозное завершение реформ 19 февраля 1861 года... 1 марта 1881 года все приостановило. А потом реакция пробовала все более и резче определить себя.

Тверское земство горячо принялось было за работу, надеясь, что реформы Кахановской комиссии приведут к большой реформе, завершению освобождения. А когда выяснилось дворянское сословное направление комиссии, Земское Собрание постановило работу прекратить и заявить о необходимости созыва Земского Собора. Я произнес речь, которой аплодировало собрание, аплодировал граф Игнатьев, брат министра, а губернатор написал представление о высылке меня. Министр граф Игнатьев объявил, что на сербского волонтера у него не поднимается рука. Конституционные заявления продолжались в Крыму, в Самаре, но настроение земской среды не поднималось... А реакция торжествовала явно и демонстративно. Крепостник граф Толстой, ненавистный образованной России, сделался министром Внутренних Дел, руководителем. Куда зайдет реакция? Казалось, она старалась зайти за пределы, назад к крепостному праву. И ни малейшего отпора. На верхах остатки реформаторов пробовали бороться, но дальше осторожных записок они не шли. При панике, охватившей общество, оставалось бороться на местах за остатки права, в мировых судах и крестьянских присутствиях, за сохранение того, что сделано в школьном деле. Таковы были годы конца 80-х и начала 90-х.

В 1891 году я был избран Председателем Тверской, губернской, земской Управы. И, конечно, не утвержден. — "Вы делаете Бог знает какие заявления", —

упрекал меня министр Дурново. А какие заявления? Ходатайство об отмене телесного наказания для крестьян... Таково было настроение руководящих сфер. — "Тихо всюду, глухо всюду". Крепостничество торжествовало и не было голосов против него. (Разве в "Вестнике Европы" К. К. Арсеньев осторожно помянет об очередном безобразии.) Иван Ильич Петрункевич жил уже в Москве, но его попытки объединения мало удавались.

Весной 1894 года стала известна болезнь Императора Александра III. Дальше — больше, безнадежнее. И осенью он умер. Предстояла перемена царствования. Зашевелились надежды, пошли разговоры. Я написал проект адреса,[7] где говорилось о законности в Управлении, о господстве права, о беспрепятственном проявлении общественного мнения. То было стремление вернуть страну к эпохе реформ Александра II. О конституции не было и речи. — "Если бы Вы были откровенны и требовали конституции, я был бы с Вами", — говорил мне один тверской оппортунист. А Николай II усмотрел подвох и конституцию и лишил меня всех лично присвоенных прав и преимуществ, как будто я был мошенником, обвиненным по суду. Я лишился возможности любимой общественной деятельности. В жизни моей никто не наносил мне такого удара, как Николай II. И все по глупости.

Этот кризис совпал с великими затруднениями в денежном отношении. Предъявлялись настойчивые требования со всех сторон и все одновременно и все разносторонние... Что представляла тогда квартира моей жены? — Толчею людей, часто незнакомых и во все вмешивающихся. Петербургский градоначальник вздумал меня выслать из Петербурга в ту минуту, когда я должен был получить ссуду Гор. Кред. О-ва. Какая страшная тяжесть пала на слабые плечи моей жены... Долго все это рассказывать... Вернулся я к сельскому хозяйству в деревню. Но после прогремевшего осуждения, мое положение в деревне круто переменилось. Давно поступали доносы о моей преступности, но старая память о моем предводительстве охраняла.

А после "бессмысленных мечтаний" в сентября 1896 или 1897 года, в дни картофельной уборки, когда у меня в поле работало до 400 поденщиков, — влетают с шумом несколько троек: прокурор, исправник, полиция, понятые и идут делать в доме обыск. — "Зачем?" — "Пока, я Вам объясню, — говорит прокурор, — мы по делу о запрещенных рукописях, а по окончании обыска объясню больше"... Ищут, находят рукопись перевода Лоренца-Штейна "Три вопроса землевладения",[8] находят и отбирают 2-3 книжки Герцена. Обыскивают стол жены (к счастью, ее нет, уехала в Петербург). Через три часа устали. Обыск окончен. — "Что же Вы обещали сказать о причинах обыска?" — "Да я уже сказал", — отвечает прокурор. Можете себе представить впечатление на деревенское общественное мнение. Какие пошли слухи, какие объяснения. Трудно мне стало жить одному в этих условиях. Жена и дети были в Петербурге. Стал думать о переселении туда. И ничего не придумал, кроме вступления в адвокатуру. Адвокатура моя была неудачна. Вступать в нее нужно смолоду, в начале поприща. Да и не повезло мне. Прежде всего в 1901 году пришлось уехать на целый год, увозить жену, сперва на кумыс, потом в чахоточную санаторию в Силезию, потом в Ниццу.

Вернулся я в Петербург за месяц до избиения студенческой молодежи у Казанского Собора (когда вмешался князь Вяземский).[9] В числе других 100 я подписал обращение к Министру Юстиции, Министру Внутренних Дел о необходимости судебного преследования виновных в истязании. Так как я был в политическом отношении поврежденным, у меня сделали обыск, нашли криминал:

письмо князю Вяземскому, сочиненное Толстым,[10] с подписью гр. Шереметьева и других. Я был подвергнут домашнему аресту на месяц, а потом распоряжением Сипягина выслан из Петербурга на 2 года. 2-х лет в ссылке я не пробыл. Сипягин был убит, а Плеве начал с возвращений. Я возвратился. Да какая уж тут адвокатура. Тут началась политика. Издание "Освобождения", а потом в 1903 году Союз Освобождения. В Петербурге, легальный филиал "Освобождения" — "Право".[11]

Зимой 1903 или 1904 года приезжала в Петербург польская депутация под предводительством Свентоховского.[12] Поляки очень сомневались в возможности русского правового взгляда на польский вопрос. По предложению И. В. Гессена я написал статью в "Праве".[13] Я получил два ценных приветствия: от Вас из Москвы и от Спасовича из Варшавы. С тех пор я был неизменным участником польско-русских совещаний у Вас.[14] В этом вопросе я никогда не сбивался, потому что тут для меня была незыблемая основа: право, право лица и национальности.

Осенью 1904 года мне довелось открыто выступить на поприще политической деятельности. Я разумею земский съезд, под председательством Шипова в ноябре 1904 года.

С этого собрания начался перелом. Слова "право и представительство", раз открыто произнесенные, повторялись повсюду. Земские собрания присоединялись к положениям ноябрьского съезда. Началась кампания банкетов с открытым предложением программы "Освобождения". Образовались союзы, одни за другими. Союз журналистов, союз инженеров, союз адвокатов. Было на этом съезде новшество: приехали адвокаты из Варшавы. В качестве председателя я приветствовал польских гостей. Я вспомнил слова Ворцеля,[15] сказанные им в 1848 году министру Временного Правительства Ламартину: "Всякий раз, когда Провидение делает перекличку народам, Польша является и заявляет о своем присутствии". Вспомнил и слова какого-то итальянца, чуть ли не папы: "Нет на земле места, где бы не нашлось могилы поляка, умершего за свободу"... Во имя общих идеалов звал я поляков присоединиться к русскому движению... Это движение приняло драматический характер 9 января 1905 года, памятный для меня день. Я собрался провести его в светлых воспоминаниях (то было 25 лет нашей свадьбы), а он прошел в трепете и в скорбном негодовании. Движение не остановилось, но сделалось резче после Цусимы, гибели флота. Самодержавие зашаталось явно. Помню многолюдные напряженные съезды в Москве. Посылали депутацию к Царю,[16] меня включили в нее, и я получил удовлетворение за "бессмысленные мечтания", когда в Петергофе стоял перед Царем... Депутаты, хотя в почтительной форме не были просителями, были всущности протестантами. Император думал пролить елей на разбушевавшиеся волны. Не удалось. Выстрелы в Москве вызвали железнодорожную забастовку (чисто стихийно) и настало 17 октября.

В этот день я подсчитал, сколько поездок я совершил: в Тверь, в Москву, Варшаву опять и опять в Москву и деревню — 21 раз выезжал из Петербурга. Потом началась выборная агитация в Питере и в Тверской губернии. Вспоминая теперь эту зиму, весну, Государственную Думу я теперь удивляюсь: как мог я это все вынести. Все-таки я думаю, что не заболел только потому, что отпросился в Лондон[17] и спал без просыпа (только переходя на двух станциях от Петербурга до Парижа) и, потом, после известия о роспуске Государственной Думы с неделю вел растительную жизнь — ел и спал. Я отправился в деревню, в имение. Шла

уборка ржи и крестьяне двух соседних деревень явились со своими бабами и девицами и убрали значительное количество хлеба в воздаяние за мои старания в Государственной Думе.

Помню, как я был сконфужен и тронут.

Осень и зиму 1906-7 года я употребил на организацию выборов в уезде. Выборы избирателей были организованы в каждой волости. Право выбора принадлежало всем владевшим землей на праве собственности, т.е. в Весьегонском уезде почти всем. И в избирательное собрание в городе явилось почти 200 человек. Выборы были трехстепенные. Последовало темное время 2-ой Государственной Думы, точно нарочно выдуманной, чтобы ее, самую идею скомпрометировать. Невежественная, самоуверенная, глупая, с социалистическим большинством, Дума, конечно, была бессильна. Раздраженный Маклаков, как-то уходя бросил ей в лицо: "Это не Дума, а кабак"... Все-таки Столыпину переворот не легко дался, и он должен был выдумать военный заговор...[18] Или по крайней мере ухватился за заговор, преподнесенный политической полицией и провокацией.

Точно меня сбросили с 5-го этажа на двор, таково было впечатление от акта 3 июня: жив, но оглушен и ничего не чувствую. — "Нам, полякам, — говорил Дмовский,[19] — дело привычное выносить удары судьбы. Мы не потеряем спокойствия и не утратим мужества"... А между тем по отношению к Польше акт 3 июня имел большое значение, уменьшив число польских депутатов[20] и лишив их того удельного веса, который особенно чувствовался во 2-ой Думе, где, переваливаясь направо и налево, польское представительство доставляло большинство тому или другому крылу. Изменилась политика по отношению к Польше: она была сброшена со счетов русской властью.

Мне вспоминается старая книжка 60-х годов прошлого столетия: "История Крымской Войны" Кинглека.[21] Эта история начиналась с рассказа о перевороте 2 декабря 1852 года, поведшем к установлению Империи. Не следует ли историю Мировой войны начать с рассказа о "coup d'etat " 3 июня 1907 года. Тогда Польша была отторжена от того лагеря защиты славянского права, влияние которого делало невозможным австрийский захват Боснии... Ведь была, казалось, удобная обстановка захвата Боснии в 1905 году, году слабости России... Но в Польше шло движение, отзывавшееся в славянских частях Австрии — революционное движение. И на захват Боснии австрийская власть не решилась... И даже пришлось ввести всеобщее избирательное право.

Я видел в Кракове в 1910 году наглядное проявление австрийского отношения к Польше, в противовес России, где власть ничего этого не понимала. Управление в Польше было отрезано от населения, ничего в сущности об его жизни не знало и не понимало ее, точно старалось побить рекорд — основать власть на физической силе, отвлекаясь от всякого морального авторитета. Знали только то, что подносили агенты полиции. Все остальное, вся жизнь и все ее проявления для власти не существовали. Поняли ли эти люди, те, кто живут еще на свете, всю глубину той пропасти, которую они рыли между собой и населением?

После 3 июля настает для России темное время. С одной стороны, толчок, данный освобождением, влечет за собой яркий экономический расцвет. С другой — победоносное шествие реакции ведет к уничтожению условий, вызвавших этот расцвет — ограничение свободы, отказ от постановки на очередь вопросов,

волнующих население. В высших сферах мрачная решимость вернуть вспять и дикое суеверие.

Собралась 3-я Дума.

Ее уж не звали законодательной, а законопослушной. Те лица, которых мы привыкли видеть в земских собраниях сторонниками всех реакционных походов, противниками равноправия, врагами культурной инициативы, — они явились в Думу, сплоченные единой страстью, под разными названиями: октябристов, националистов, правых, все за вождем — "Зови власть, вырывай жало". Для нас, тверских жителей, роль Шубинского,[22] старого нашего врага в Твери, губернаторского подхалима, вместе с другим прислужником Паскиным,[23] роль Шубинского в партии октябристов и в услужении Щегловитову давала окраску закона и оказалась просто послушной большинству 3-ей Государственной Думы. Плохо понимаю, как чувствовали себя, среди этого большинства почтенные, культурные деятели, как Н. Н. Львов, барон Мейендорф, Петрово-Соловово, С. И. Шидловский... Вначале были ослеплены. Когда прозрели? В дни итогов...

Партия К. - Д. решила не начинать ссоры с октябристами, с большинством. Когда я собирался говорить, я хотел дать отчет о нашем поведении торжествующей реакции, реакции, не спускавшей своего знамени на другой день 17 октября: "Самодержавие и притеснение всех несогласных". Столыпин гордо провозглашал, что он обладает всей полнотой власти, и этим принимал на себя ответственность за организацию или потворство погромам, за недостойное отношение к национальностям, за военных погромщиков в Седлеце, за генерала Скалона,[24] грозящего полякам неудовольствием Вильгельма, за способы усмирения крестьянских движений. И во имя чего? Его товарищ Щегловитов объяснил: "Во имя самодержавия". — Сам Столыпин заявил, что в способах защиты новая власть не останавливалась бы перед новым изменением судебных уставов... Им нечего было бояться 3-ей Думы. Она получила удовлетворение: помещичьей земли ни без выкупа, ни с выкупом делить не будут. Делить будут крестьянскую землю.

Я хотел этой Думе дать характеристику новой, послеоктябрьской реакции и развить в противоположность ей программу 1-ой Думы. Мне не пришлось этого сделать. Помню, как сейчас, враждебный гул с самого начала речи.[25] Когда я упомянул генерала Скалона, угрожавшего полякам вмешательством Вильгельма, раздались рычания с правой стороны. Волнение только росло и разразилось бурным скандалом после фразы о столыпинском галстухе. Я сказал: "Пока правительство в борьбе с эксцессами революции прибегает к тому средству, которое духовный потомок Пуришкевича назовет, быть может, „столыпинским галстухом,"... И собирался сказать: "Вот почему стремились мы развить нашу программу". Образ галстуха пришел мне на язык, потому что в предыдущих замечаниях Пуришкевич,[26] к крайнему удовольствию правых, говорил о "муравьевском воротнике"[27] — средстве управления. Поднялась буря. Все, кто были направо от К. - Д., вскочили с мест и вопили.[28] Помню Пуришкевича, который с ругательством кинулся меня бить. Его остановил плечистый Гегечкори.[29] Помню Крупенского,[30] ругавшегося матерными словами. Больше всех меня огорчил и удивил Плевако.[31] С развевающимися волосами, он спускался по проходу сверху вниз и неистово ругался матерными словами. Мне вспомнилась картинка Г.Доре: "Спускающийся с горы дикарь". Пришлось исторгнуть из души своей образ талантливого, иногда гениального защитника.

Заседание в страшном шуме было прервано. Собрались К. - Д. В собрание

пришел думский пристав и пригласил меня к Председателю. Я вспомнил свое правило: оценивать слова не по намерению оратора, а по впечатлению слушателя и решил с самого начала, что возьму свои слова обратно, заявив, что я не имел намерения оскорбить. Так я и сделал, добавив, что извиняюсь, если причинил обиду. — "Я Вас прощаю", — заявил Столыпин и круто повернулся уходить. "Вам нечего прощать мне", — послал я вдогонку ему...[32] Собрали Думу. Я сказал то, что сказал Столыпину. "Это не извинение", — кричали справа. Большим большинством против К. - Д. и левых я был исключен из 15 заседаний.[33] То был страшный удар для меня. "Вот чем увенчалось стремление всей моей жизни". — Я не мог заснуть всю ночь, повторяя: "Что они со мной сделали"... Утром начались другие впечатления. Началось с того, что принесли огромный венок от М. Н. Стоюниной без всякой записки. Потом явился Вильямс,[34] муж Ариадны Владимировны Тырковой,[35] умерший редактором внешнего отдела газеты "Times". Не помню, в какую газету писал тогда Вильямс. Он был чрезвычайно доволен и моей речью и возгласом о галстухе и надеялся, что весь инцидент послужит началом нового поворота в общественном движении. А потом начались визиты, цветы, подношения. Много было польских посетителей и, наконец, на 3-й или 4-й день поднесли мне огромную литографию, где изображены польские дети под арестом, перед отправлением их в ссылку. На рамке серебряная дощечка с польской надписью: "Федору Родичеву на память о таком-то дне". Эффектная картина, она мне очень нравилась. Впоследствии большевики увезли ее вместе со всеми вещами из квартиры. Увезли все без разбора моего и не моего. Должно быть, по правилу: грабь награбленное, после разберут.

Из посетителей особо помню В. А. Маклакова, который пытался объяснить поведение думского большинства отвращением к жестокостям. Это решительно неудачное объяснение. Н. Н. Львов говорил, что моя фигура тогда олицетворяла для него ненавистный образ революции. А в дружеском доме Л. Ф. Пантелеева я встретил тогда депутата Румянцева из октябристов. — "Зачем Вы меня исключили?" — "А зачем Вы делаете такие жесты?" — и он попытался изобразить петлю.

Как бы то ни было, я был надолго выброшен из Думы. Вначале заседания были редки, и мое изгнание продолжалось до Нового года. Долго в Думе царило враждебное ко мне отношение. Депутат Пуришкевич произносил целые речи, обвиняя меня во всех прегрешениях политических и не политических. И председатели ему позволяли разглагольствовать против Родичева. Я отвечал ему, если отвечал, коротко: "В этих словах нет ни слова правды". Долго в Думе легко возникало возбуждение против меня. Помню при обсуждении вопроса о провокации враждебные мне члены комиссии (большинство) при выходе образовали толпу, во главе которой шел гр. Вл. Бобринский.[36] Толпа наступала на меня с ругательствами, потрясая кулаками. А Бобринский предложил: "признать запрос недобросовестным".

Из выступлений своих помню речи по крестьянскому вопросу, по вопросу о выходе из общины. Помню длительную работу по так называемому холмскому законопроекту.[37] У проекта этого не было никакого смысла, кроме желания нанести удар польскому национальному чувству, кроме подтверждения, что и при новом строе нет признания права, равного для всех. Право, по столыпинскому мировоззрению, распределяется по усмотрению власти, смотря по национальности и религии. Русскому и православному — полноправие. Поляку и католику — ограничение прав. Надо было бороться с польским насилием в "Холмском крае". "Сломать власть магнатов", — говорилось в разговорах.

Преосвященный Евлогий[38] вдохновлял думское большинство, утвердившее начало неравноправия, как основу новых отношений. И за этот закон голосовали люди, провозгласившие себя конституционалистами, быть может, участники земского, ноябрьского съезда 1904 года, провозгласившего равенство перед законом... Недобрые чувства посеяло это большинство... то самое большинство, которое не допустило партию Народной Свободы в комиссию по военным делам: это из патриотизма.[39]

Это большинство не не ограничилось нанесением удара польскому чувству. Оно и соседнему с Петербургом финляндскому населению показало, что значит новый курс. Односторонним законодательным актом русских законодательных учреждений внесено изменение и дополнение в основные Законы Финляндии.[40] То был сознательный "coup d'etat", доказательство сильной власти. Закон прошел с минимальными возражениями. Одушевленное вождями большинство не хотело обсуждать: оно стремилось голосовать: "как угодно власти".

Дума создавала то настроение Финляндии, которое сказалось в 1917 и 1918 годах.

Точка зрения государственной пользы (как она понималась в данный момент) и недостаток правового сознания сказались в крупных законодательных актах Государственной Думы, как, например, в законе об земстве в Западном Крае.[41] Дума и власть не столько творила право, сколько распределяла права.

На закон о земстве власть, то есть Столыпин, показал, как новоконституционалисты умеют творить законодательные крючки. По совести не знаю, каким добром можно помянуть 3-ю Государственную Думу. В ней Столыпин защищал Азефа при совершенном ее равнодушии. Констатирована провокация в борьбе с революцией. Вождь и герой того времени, Столыпин пал жертвой нравов, с которыми не хотел бороться.

Новый период начался 4-ой Думой. Члены 3-ей, послушной Государственной Думы, обнаружившие такой напор вначале, расходились, утратив самоуверенность. Да и власть не без сомнений смотрела на судьбу своей "chambre introuvable". Придумана новая организация выборов. Прибегли к помощи православного духовенства. Я знаю в подробности, как организованы были выборы в Тверской губернии. Вероятно, и везде соблюден был общий план. Прежде всего устроили в Твери съезд. В палатах архиерея на столе был разложен список лиц, желающих вступить в Союз Русского Народа. Члены съезда не дерзнули отказаться от подписи. Я знал очень просвещенного, очень достойного священника, друга школы, защитника кооперации, хлопотуна за всех нуждающихся. Он выражал сочувствие партии эсеров и подписал, не смел отказаться. В каждый уезд был назначен руководитель выборов. В наш уезд был назначен священник, который во время выборов во 2-ую Думу был крайне левым. Теперь он был "Союзник". Настал день выборов в выборщики (духовенство было выделено в особую курию). Я уговаривал почтенного эсера выставить кандидатуру (какой он был эсер, просто гуманист). Впечатление мое было, что он пройдет. У него тоже. Но руководитель не позволял. Долго, волнуясь, колебался мой священник, наконец шепотом объяснил: "Не смею. Переведет меня архиерей в скверный приход, а у меня семь душ". А потом оказалось, что архиерей порядочный человек, переведенный из Сибири, сам был чрезвычайно недоволен навязанной ему ролью организатора выборов. Черная сотня и реакция ждали многого от духовенства: послушной толпы депутатов. Они голосовали по указке синодского чиновника, но никакой серьезной роли не играли.

Первые годы 4-ой Думы не оставили никаких воспоминаний: жизнь шла мимо. Одновременно с работой в Думе пришлось много возиться с хозяйством, — Я страшно устал. В деревне не мог найти отдыха, — напротив... И я стал уезжать на летнюю экскурсию в Швейцарию, где у меня сложились дружеские отношения с Наталией Александровной Герцен. Я ехал до Цюриха, там начинал курс лечения катанием на лодке и, несколько укрепившись, перебирался в Лозанну, на берег Женевского озера. Помню переезд 1914 года.

Дорогой до Берлина до того устал, что не мог сразу двигаться дальше. Остался ночевать ночь и другую.

Усталость ли, но в Берлине на меня надвинулось чувство, что надвинулось что-то тяжелое, враждебное, страшное... И это чувство тяжести проводило меня до Лозанны и не было прервано мирными картинами курортной жизни в Наухейме, куда я заезжал к брату. 1 августа я получил уведомление из банка с просьбой прийти за получением денег. Выходя из дома, я встретил офицера, садящегося на лошадь. Что такое? У банка стояло человек 15 и ждало, чтобы их впустили. Я позвонил, представил приглашение. Меня впустили. "Нельзя ли оставить у Вас деньги по счету?" — "Можно. Но получите ли их — неизвестно". — "Что такое" — "C'est la guerre ".

Я бросился на площадь за газетами. Их уже нет. Я на станцию, где всегда газеты. Но у входа ряд солдат и никого не впускают. Офицеры говорят, что Германия объявила войну России. Возвращаюсь в отель. Незнакомый господин, объявивший себя поляком, спрашивает меня, что я знаю о войне, чем думаю кончится. Я отвечаю, что может кончиться хорошо для Польши. Господин доволен и сразу переходит на русский язык, весьма правильный.

Я решил возвращаться в Россию через Константинополь. Три дня не мог выехать, не получая итальянских денег. Наконец выехал в Милан, где застал мятущуюся толпу русских, не знающих, что делать. Я поехал в Рим, где в русском посольстве нам наменяли денег, сколько нужно, и указали расписание пароходных рейсов до Константинополя. Не буду рассказывать всех перипетий в пути, константинопольских известий, высадки в Одессе. Оттуда я направил жене телеграмму в деревню. Приехал в Москву и был встречен ею. Сколько она пережила тревоги. В газетах было известие, что немцы меня арестовали. Сколько всю жизнь я доставлял тревоги этой женщине.

Подробный рассказ о прерывающихся заседаниях Государственной Думы, о бедствиях войны и поражениях, о минутах отчаяния, об успокоении в безнадежности, о затруднениях моей семьи, потребовал бы бесконечно много времени.

С Рождества 1916 года я был уверен в ближайшем крушении монархии. Все ждали стрельбы в народ, великого кровопролития, возвещенного Протопоповым. Для меня было ясно, что, подобно тому, как пролитая кровь 9 января, повлекла за собой крушение самодержавия, — новая кровь будет означать конец монархии. Помню в субботу (последнюю в феврале),[42] я выезжал в Москву по неотложному делу. Площадь перед станцией была занята сильным отрядом казаков, охранявших проезд к вокзалу. Уже рассказывали о столкновении толпы с полицией, при чем был убит пристав, а казаки отказывались нападать на толпу. С понедельника утра известия из Петербурга делались все тревожнее. Вечером, из редакции "Русских Ведомостей" передавали о поездке депутатов в Петропавловскую крепость, об аресте Щегловитова бунтовщиками. Я возвращался в Пе-

тербург во вторник 1 марта утром.[43] Поезд остановился, не доезжая до станции. Над станцией поднимался дым от пожара. Еще собирали кондукторскую команду, за поездом за царем до Малой Вишеры и дальше.

Фактическая судьба монархии была решена в тот день и час, когда оказалось невозможным исполнить приказ Царя о проезде в Царское Село. Он повернул назад и этим сдался.

Не буду рассказывать бурных дней в Петербурге. Ночью мне подали автомобиль, с просьбой Временного Правительства ехать немедля в Финляндию с экстренным поездом.[44] В Гельсингфорс я приехал утром и встретил на площади перед вокзалом выстроенные войска, незнакомое начальство, сообщившее о смерти адмирала Непенина и просившее сообщить войскам о событиях в Петербурге. Пришлось заняться не столько установлением отношений к Финляндии, сколько улажением того волнения в войсках, которое выразилось в убийстве офицеров армии, и особенно флота. Надо было остановить дальнейшее распространение взрыва, надо было попытаться освободить арестованных матросами офицеров, коим грозила участь погибших уже товарищей. Не помню уже, сколько дней я, по 20-градусному морозу, ездил посещать корабли и говорил матросам речи, взывая к освобождению офицеров. Вслед за мной говорил адмирал Максимов, от бунта вознесенный. Он был очень самоуверен и рассказывал, как послал в Петербург ''телеграмма'': ''Флот не погиб''. Под конец я был совершенно без голоса. Должно быть, с тех пор у меня хронический катар горла, постоянные бронхиты и болезни легких. Но арестованные офицеры были освобождены. Жена моя не имела обо мне никаких известий, кроме краткой телеграммы о здоровье и потом о возвращении.

Трудно рассказывать о петербургской жизни в 1917 году. Ее этапы: провозглашение независимости Польши и участие в Следственной Комиссии.[45] Съезды, митинги. В августе я был совершенно без сил, жена моя тоже. Я ухватился за приглашение в Ростов. Там приютил нас П. О. Парамонов. Жена стала быстро поправляться, но всю прибыль здоровья уложила на митинге, длившемся до 2-х часов ночи. Поехали в Кисловодск, но скоро пришлось опять расставаться. Я уехал в Москву на Государственное Совещание. Жена осталась, пользуясь гостеприимством Гершуна. Темные дни Совещания. В Москве всеобщая забастовка во имя убитого в Вене Адлера, которому грозило наказание за убийство. Летом 1917 года забастовка была любимым спортом и выгодным предприятием. В конце платили за забастовочные дни.

По возвращении в Кисловодск я застал жену точно воскресшей, жизнерадостной и энергичной. Это были последние наши светлые дни в России. Пришлось возвращаться в Москву и Петроград. И тут, и там бесконечные и бесплодные попытки перестроить Правительство при помощи самых искусственных коалиций. В Петербурге бесплодное Государственное Совещание, где спорили о текстах резолюций, в то время как большевики намечали план решительного боя. Часть его проходила на моих глазах, когда юнкера, разъезжавшие в автомобиле, сражались с большевиками, засевшими за поленицами. Раненых не было, были трупы, которые сложили во дворе. По окончании стычки я пробрался в трам на Невский и уехал домой. Попытка открыть Учредительное Собрание ознаменовала для меня перелом в судьбе. В этот день утром арестованы были в доме графини Паниной Шингарев и Кокошкин, сама Панина и кн. Павел Долгоруков. И все увезены. Мужчины в крепость, Панина в тюрьму под названием ''Кресты''.

Я присутствовал на первой несуразной и бестолковой пробе заседания Учредительного Собрания. Выбрали комиссию, которая должна была следить за выборами и назначить день Собрания, когда окажется, что кворум выбран.

На другой день было солнечно и морозно, — я шел в заседание комиссии в Таврический дворец. У ворот сада меня встретил чиновник канцелярии, предупреждая: "Не ходите в Думу, Вас ищут матросы, чтобы арестовать. Предупредите товарищей Новгородцева и Астрова, их тоже ищут". Я встретил Новгородцева, предупредил его, и мы вместе пошли к Аваловым, куда должен был прийти Астров. Долго ждали его, наконец ушли и скоро встретили. Астров отправился на Васильевский остров к брату, Новгородцев — не знаю куда, а я пришел к вдове моего друга Корсакова, на Литейную в дом Мурузи (в Петербурге все знали этот дом), — оттуда телефонировал жене и там остался ночевать. Тут началось мое скитание. На другое утро я видел в окно разгром солдатами виноторговли. Тут они нашли награду за свое участие в большевицком перевороте. Друзья советовали мне уезжать. С. В. Вострогин звал в Сибирь. Я мечтал уехать в Москву, но попал только на квартиру брата. Там я узнал о разгроме нашего имения, там же пережил известие об убийстве Шингарева и Кокошкина, о ликвидации Учредительного Собрания.

В одно утро брат сообщил мне, что в квартире рядом происходит обыск. Мне надо было немедленно уходить. В один месяц я переменил 6 квартир.[46] Наконец друзья по партии устроили поездку в Москву. Молодой К. - Д. должен был сопровождать меня до Москвы. Когда пришла пора ехать на поезд, он попросил передать ему в руки мой мешок с самыми ценными вещами, чтобы они не пропали в случае, если меня арестуют. Я так и сделал. Мой спутник должен был вернуться и взять билет. Но вернулся в ужасе: мой мешок у него украли. Я растерялся и не знал, что делать. В эту минуту явился неожиданный спаситель Н. Б. Глазберг: "Поедемте ко мне, я Вам дам ванну и красного вина". И я поехал к Н. Б. — Скоро, когда пошли слухи, что немцы наступают на Петербург, и я не хотел попасть под их власть, Г-г помог мне уехать в Москву. Жена моя осталась в Петербурге. Два месяца я провел в Москве, участвуя в агитации К. - Д. В Петербурге сделалось поспокойнее, и я вернулся к жене на квартиру. Там жил до той минуты, пока дворник не пригрозил нашей прислуге: "Разве я не знаю, что Ваш барин у нас скрывается".

Я уехал к Н. Б. Глазбергу, а оттуда, тоже опасаясь обыска, переселился рядом в квартиру академика Вернадского, моего родственника.[47] Тут произошел мой арест. За неимением паспорта, я был взят и отведен в здание Женских Курсов, где приведенных допрашивал молодой большевик. Арестованных в той комнате, где меня поместили, было человек 100. Многие из них были на другой день отвезены в Кронштадт и там расстреляны. Я не подвергся этой участи и утром, на следующий день после вторичного допроса, был выпущен. Пришлось опять искать нового убежища и думать об отъезде, — на этот раз не в Москву, а в Киев, тогда украинский. Мне стал помогать присяжный поверенный Мицкевич, у которого я уже и раньше скрывался несколько дней.

Последний толчок дала дочь моя София Бернацкая. Узнав историю моего ареста, она обратилась за помощью к А. Р. Ледницкому. Ледницкий дал ей записку к своему помощнику в Петербурге. Тот направил дочь к Мицкевичу, и мы очутились почти у своих. У Мицкевичей меня допросил большевицкий уполномоченный по польским делам в Петербурге. Он представил немецкому командованию прошение о разрешении выехать на родину в Вильно Ф. И. Родионову и

С. Ф. Бернацкой. Немцы разрешили. Паспорт С. Ф. мы переделали так, чтобы он годился для жены моей. И в последних числах сентября 1918 года мы благополучно выехали в качестве поляков из Петербурга. Через Лугу (с остановкой на два дня), Двинск (остановка 3 дня), Полоцк, Гомель и с разными приключениями мы приехали в Киев.

Тут началось мое скитание в эмиграции. В Киеве, с разными затруднениями и по болезни, пробыли 2 месяца, потом, преодолевая все препятствия, перебрались в Одессу. Из Одессы через 1 1/2 месяца в Крым, в имение Паниной "Гаспру". Оттуда я уехал в Екатеринодар, а жена моя, оставшаяся в "Гаспре", вместе с Петрункевичами спаслась потом в Афины. Там, в конце мая 1919 года она дождалась меня... После этого до 13 февраля 1932 года мы были вместе, расставаясь только на самое короткое время, во время 2-х моих поездок в Париж... Волнениями, страданиями, болезнями, хлопотами полны эти 13 лет. Для меня они озарены светом любви, исходившим от незабвенной женщины, моей жены. Моя личная жизнь кончена. Рассказывать историю усилий и переживаний за эти 13 лет завлекло бы слишком далеко и потребовало бы еще много времени.

Примите эти записки как слабое выражение того чувства к Вам, с которым все это писано. Эти строки написаны в промежутки, когда припадки экземы меня отпускали на время. Я не знал, как Вам выразить мои чувства, мою благодарность, не находил слов и формы и кончил тем, что стал писать Вам не то исповедь, не то автобиографию. И отправлю ее неконченой. Буду рад возможности дописать ее. Когда Вы приезжали в Лозанну, мне хотелось спросить Вас о польских делах. Но мне показалось, что Вы уклоняетесь от этого разговора, и я не настаивал. Да и что можно сказать в течение 2-х часов? — Судьба Польши не решается на той сцене, которая видна читателям газет. Она определяется теми течениями, той работой, которая составляет область культуры, область государственного устроения. Не заглянешь с поверхности в труд определения нового национального сознания, новых навыков в администрации, в суде, а главное, не увидишь движение польской мысли. Ведь задачи громадны: взять прежде всего дело просвещения. Надо собрать воедино те научные силы польские, которые работали в разных странах, только не в Польше. Надо им определить новые пути мысли. Надо спеться воедино. Государственная власть тут мало может сделать. Затем следует организация средней школы, почти заново. Но тут затруднения свойства хозяйственного, надо организовать учительские школы заново, если не хочешь слепого подражания. А организация промышленности, сельского хозяйства, местного самоуправления. Все это не менее важно, чем устройство армии, флота, иностранных отношений, о которых мы читаем в газетах. Ведь современному и последующему поколению предстоит совершить огромный подвиг. В будущем историк будет оглядываться на это время, на современных деятелей и видеть огромный порыв устрояющий. Великое поприще. И национальный успех польского народа будет явлением, имеющим мировое значение. Да будет так.

Задача так сложна, что всего и не перечислишь сразу...

Когда я прощаюсь с Вами, я не должен умолчать о моем отношении к судьбам моего отечества. Имей я веру прежних лет, сколь легче было бы мне переносить постигший меня удар, крушение личной жизни, которая сводится на одно воспоминание... Я в ужасе и в унынии повторяю по адресу молодого поколения коммунистов слова поэта Леопарди, обращенные им к сестре, выходящей замуж: **Miseri o codardi figli.** Детей будешь иметь подлых или несчастных.

Наблюдаю жизнь, вспоминаю слова историка Мишле про целые поколения "дураков". Торжество глупости, именуемой марксизмом — вот жизнь России.

Прояснись этот взгляд, и сколь легче была бы и физическая жизнь: здоровье. Оно неважно. С 1 сентября я в болезнях, и болезнь тяжелее и тяжелее. Теперь я подвергся тяжелой экземе. Все тело горит, ночи не сплю и вспоминаю миф про Геркулеса, который для прекращения страданий взошел на костер.

Не сплю ночью, но засыпаю днем. Мало делаюсь пригоден. Жизнь моя сводится к воспоминаниям. Остались живыми светлые фигуры. На них останавливаешься с облегченной душой. Вы, Александр Робертович, светите мне из прошлого и будите во мне светлую память об этом прошлом и живое чувство, даже радостное в настоящем. Не знаю сумею ли выразить его.

Да будет с Вами благословение мое!

Я с удовольствием читаю об успехах Вашего сына...[48] И до глубины сердца отзываюсь на всякое проявление доброго чувства ко мне со стороны польских друзей. Мы были дружны во имя добра и правды, во имя неумирающих идеалов.

Искренне преданный Ф.Родичев

Примите эти строки как слабое проявление чувства благодарности. Не поскучайте прочесть эти строки, писаные с волнением.

Ф. Р.

Приписка А. Ф. Родичевой

Глубокоуважаемый Александр Робертович.

Пересылаю Вам письмо своего отца и пользуюсь случаем поблагодарить Вас еще раз и пожелать всего хорошего к Новому году.

Здоровье отца не поправляется, его мучает ужасная экзема, от которой слабеет сердце.

Не знаю, как пройдет эта зима... Вся осень в болезнях, а сил мало.

Всего, всего хорошего. Искренне уважающая

А.Родичева

APPENDIX C

Большевики и евреи

Мировая война и последовавшие за тем страдания народов породили особое чувство: люди ищут, кого бы ненавидеть, на что бы негодовать, не очень разбирая, насколько гнев справедлив. Как мы ненавидели Вильгельма, как негодовали на германцев! И что же? Ненависть к Вильгельму сменилась презрительным равнодушием. Мы боремся с остатками старого чувства к германцам и готовы искать средств возрождения этой страны и путей подлинного примирения.

Мы, русские, вынесли на себе это чувство негодования у наших союзников, презрение к изменникам, предавшим друзей своих и свою родину... Кажется, и эта ненависть прошла. Люди поняли, что нельзя целый народ винить за то, что сделала кучка авантюристов — предпринимателей разрухи — за совесть и за деньги — и толпа, им подчинившаяся в минуту усталости, безумия и отчаяния.

На смену этому негодованию идет другое. Люди возвращаются к прежней нанависти, так же, как возвращаются к прежней любви. Чего искать виновников всех бед, когда старые под рукой? Русский мужик никогда не повинен в своем грехе. Он не сам виноват — его "лукавый попутал". В лукавого теперь мало кто верит, зато для множества людей нет сомнений, что все беды от жида. "Жид" и "большевик" это одно и то же. Жиды разложили русскую армию. Жиды властвуют теперь над Россией. Комиссары все — жиды. Царя убили и семью его — жиды. Возрождение России возможно только через победу над еврейством. Да и не в одной России евреи творители всех бед — владыки золота, они стоят во главе всемирной эксплуатации народов. Вожди разрушения, они стоят во главе анархизма и коммунизма. Евреи устроили войну, революцию, большевизм. Нет обвинения, которого на них бы не взводили. Его не проверяют, не доказывают, его чувствуют, и чувством этим легко заражают людей несчастных, раздраженных, не знающих, откуда беда, не умеющих разобраться в ней, бороться с ней.

Огульные суждения о народах легки и соблазнительны, всегда почти неверны, большей частью опасны. Мы говорим об англичанах, немцах, евреях, как об одной личности, и на каждого англичанина, немца, еврея распространяем наше суждение, между всеми членами нации делаем круговую поруку. Мало того, что мы о теперешних народах судим, как об одном лице, мы распространяем наши суждения на все времена. Для жидоеда, антисемита — евреи, это те, кто Христа распяли, так же как некогда для взбунтовавшихся негров в Сан-Доминго, — белые — это были те, кто Христа распяли, надо было им отомстить.

Для нас, русских, в тепершнюю минуту ослепление противоеврейским чувством особенно опасно. Оно увлекает нас на ложные пути, часто делает бесплодными наши усилия в борьбе с большевизмом, лишает нас сочувствия людей гуманных и справедливых.

Человечество после войны делает усилия, чтобы водворить мир на земле. Одни учреждения тут не помогут, ими не установишь чувства и сознания солидарности народов. Войну можно побороть, только уничтожая чувство международной, междуплеменной ненависти. Нельзя взывать к международной солидарности, искать помощи народов и проповедовать ненависть к одному племени, воспитывая чувство погромщиков, взывая к ним.

Большевики — это власть жидов, говорят нам. Откуда это? Большевиков вознесла к власти разлагающаяся армия, а не евреи. Не евреи убивали в Петрограде защищавших Временное Правительство юнкеров. Не евреи бомбардировали Москву. — Матросы-убийцы, плававшие не по морю, а по крови офицеров — не евреи. Убийцы, большевизма ради, во всех уездных городах и особенно весях земли русской — не евреи. Те, кто по призыву Ленина бросились на грабеж усадеб и убивали по системе и с наслаждением, иногда людей, иногда лошадей и коров — не евреи, а подлинные русские обыватели.

С первых дней революции 17-го года в Петрограде началась проповедь разложения Русской армии, ее дисциплины — ее начали не евреи, а Совет рабочих депутатов, сделавшийся и Советом солдатских депутатов. Совет, издавший приказ № 1, возглавлялся не евреями, а русским чистейшей крови Соколовым, не ведавшим, что творит, и грузином Чхеидзе,[1] очень хорошо знавшим, что делает. Не еврей привел роту финляндского полка на площадь Мариинского дворца гнать Милюкова, демонстрировать против правительства за Советы и мир с Германией. Это было крупнейшее действие в целях разложения армии. Бунтующая рота брала на себя решение судеб войны и условий мира — то не были евреи.

На другой день военной демонстрации против Временного Правительства была гражданская демонстрация, много внушительнее военной, в пользу Временного Правительства, против Совета. То было во время революции, кажется, единственное организованное выступление против агитации разложения. Демонстрация была устроена Центральным Комитетом партии Народной Свободы. Одним из деятельнейших организаторов демонстрации, кажется, даже инициатором ее был еврей, Винавер. Военная демонстрация вызвала и другое столкновение, нанесшее армии горший удар. Когда рота финляндского полка появилась перед Мариинским дворцом, командующий войсками Петербургского Округа генерал Корнилов, приказал войскам собраться на площади перед Зимним дворцом. А Чхеидзе приказал войскам не выходить из казарм. То был открытый бунт против командования, осуществление власти Совета. Чхеидзе — не еврей. Засим вошли в Правительство 3 социалиста. Скобелев, распространявший собственноручно приказ № 1, Церетели, проповедовавший русским войскам мир с немцами через головы правительств (в немецкой армии единомышленники Церетели такой проповеди не вели), Чернов, прямо из Циммервальда, всем еще вчера известный за пораженца, желавшего кончить внешнюю войну, заменив ее гражданской. Керенский уже объявлял армии радостную весть, что Милюков и Гучков уже не в правительстве и теперь можно быть спокойными за условия мира. Все это удары по дисциплине и настроению армии. Их наносили не евреи.

Вспомните возмутительную историю приглашения в Петроград Роберта

Гримма.[2] Милюков не хотел давать Гримму пропуска в Россию, не взирая на ходатайства и ручательство Керенского, Церетели и Скобелева. Гримм, опираясь на высоких поручителей, приехал в Петроград и там, на немецком языке проповедовал солдатам мир с Германией. Переводчицей Гримма была г-жа Коллонтай. — Какое большее поругание дисциплины армии можно себе представить? Все это проделано было не евреями. Керенский, Скобелев, Коллонтай чистокровные русские, Церетели грузин. (Керенского наши и не наши антисемиты очень хотят сделать евреем — никак не удатеся.)

К августу 17-го года армия была уже развалена. Уже было убито солдатами, русскими солдатами 10.000 офицеров. Почва для победы большевиков создана. И 27 октября большевики победили. Победили потому, что армия не хотела защищать правительства. Победили потому, что соблазн мира охватил всю армию, весь народ.

Мы помним демонстрацию в пользу большевиков в Петрограде. "Почему вы идете с знаменами в честь Ленина", — спрашивал я демонстрировавшего дворника. "Мы идем не за Ленина, а за мир". Кроме мира, большевики обещали хлеб и свободу. Массы были обмануты и увлечены. Армия разбегалась, унося оружие, бросая его, продавая германцам. Кто помогал все это время большевикам — на чьи деньги действовали они в период инкубации (зачатия) и во время захвата власти и в Москве до Брест-Литовского мира и после при Мирбахе.[3] Не евреи — германцы, германское правительство воздвигло большевиков, давало им деньги, взяло с них Брест-Литовский мир, дало им руководителя — посла Мирбаха. Ведь это один из германских героев, коим искони поклоняются антисемиты не только немецкие, но и многие русские.

С германской помощью достигшие власти, большевики теперь будто бы смешались с евреями, слились с евреями в одно, на евреев рассчитывают, евреями держатся. Таков вопль антисемитов. Осмотримся. Большевики держатся военной силой, латышами, китайцами, но и русскими солдатами. Кто ими командует? — Не станем приводить списка русских генералов на службе у большевиков — вспомним Брусилова, вспомним Поливанова, большевиков последнего призыва.[4] Как всегда, сила большевиков не в их силе, а в слабости их противников, моральной прежде всего. Без русских командиров большевики были бы бессильны. Не евреи — русские офицеры связывают воедино большевицкую армию... Хорошо, оставим армию, скажут нам: но в гражданском управлении евреи на первом месте, как на верхах советской организации, так и в низах. Много евреев, спору нету. Чтоб признать это, не надо даже перекрашивать русских в евреев, как делают со всеми, даже с Лениным-Ульяновым. Не забудьте одно обстоятельство: вся интеллигенция, которая не в бегах, — на службе, чтобы не умереть с голоду. Этих мы не считаем, имен их не произносим. Мы предполагаем, что они служат поневоле. Еврейская интеллигенция, и полуинтеллигенция в том же положении, как русская. Надо есть и поэтому надо служить. Но кто же из евреев служит, как большинство русских, из-за пайка, кто в самом деле коммунист? Допустим, что большинство коммунисты. Тут не было бы ничего мудреного. Они пошли на службу пропитания ради. Все они воспитаны в страхе, в унижении, в лучшем случае они были объектом снисходительного покровительства, а теперь они агенты власти. Вино этой власти пьянит их. Их высокомерная заносчивость бросается в глаза вместе с наружностью. Впечатление сделано: жиды — владыки. И все еврейство делают за них ответственным. Мы их не защищаем. Когда-нибудь они ответят за свои деяния, за свое поведение: они, большевицкие комиссары, большевицкие агенты, евреи и не евреи. Не еврейство ответственно

за преступников евреев, так же как русский народ нельзя звать к ответу за большевицкие истязательства и надругательства. И русских злодеев, хладнокровно жестоких зверей, убийц по ремеслу, убийц-любителей, никто не ставит на счет русскому народу; никто не кричит: вот они, русские! И когда где-нибудь вместо слова большевик, говорят — "русский", мы негодуем. И мы правы. Мы не говорим: посмотрите на Менжинских и Дзержинских[5] и всех, кто с ними — это Польша свирепствует. Мы понимаем, что они большевики по злобе и жестокости, а не потому, что поляки. Только за Троцкого-Бронштейна, за Иоффе[6] и братию хотят сделать ответственным весь еврейский народ. Мы забываем евреев, восставших на большевиков, гонимых большевиками, погибших от большевиков, хотя бы, напр., благородного Виленкина,[7] известного московского адвоката.

Мы противники убийства, — политического, как и всякого другого.

Мы неохотно слушаем разговоры: как не убьют того-то или такого-то? Убийство большевицких вождей было бы несчастьем, ибо негодяев и мерзавцев превратили бы тем в мучеников. Нет, пусть живут с печатью Каина на челе, пусть видят плоды деяний своих, пусть дождутся суда. Со смертью отдельного злодея, злодейства не прекратятся. Мы и в прошлом не видели добрых плодов от убийства Урицкого, от покушения на Ленина. Но мы не можем забыть ни Каннегисера, ни Каплан.[8] Не можем не сказать: эти еврейские сердца горели ненавистью к большевицкой тирании. Если много евреев в большевиках, то ведь не меньше их в числе гонимых большевиками. Ведь большевизм бьет по буржую и грабит всех имущих без различия национальностей. Сколько евреев адвокатов, инженеров, журналистов, коммерсантов разорены большевиками, лишены всего. Сколько разбито существований, сколько горя и слез — ничего этого не видят. Думают часто, что замечать их значит убавлять сердца своего для русских страданий. — Скудна та любовь к своим, которая черпает силу в ненависти. И мы русские — больше всех должны бы протестовать против этой узости ума и сердца. Пока мы за преступления, совершаемые ежедневно на Руси, ищем обвинить евреев, латышей, грузин, китайцев даже, на всем свете, тем же приемом рассуждения перед лицом совести человеческой, винят русский народ... Мы не приемлем этого суда, этой круговой поруки... Но и сами не хотим класть ее на другие народы и племена. Многие хотели бы обвинить евреев в убийстве царской семьи. Совет народных комиссаров своей прокламацией солидаризировался с этим убийством. Ясно всякому, что без их воли это не могло бы случиться. И нет никакой нужды обелять этих зверей, взваливая их общий грех на одного Свердлова[9] или Юровского,[10] грехи Свердлова или Юровского — на всех евреев.

Евреи, говорят, преследуют христианство. Православные церкви в Совдепии запирают, синагоги открыты. Не знаем, насколько все это верно. Пусть так. Большевики на все способны. Оскорблять подвластных, ругаться над ними — это веселит душу диктаторов. Но при чем тут евреи? Заметьте еще: не то дурно, что синагоги открыты, — отвратительно то, что православные церкви запирают. По части религиозной у большевиков есть свой специалист, русский Луначарский,[11] горделиво заявляющий, что он с 14-ти лет или с 12-ти — атеист. Русский атеист в себе преследует шевелящиеся сомнения, он не верит в Бога, но испытует его. Он зарядит ружье причастием, вскроет мощи, показывая, что там одни кости. Он сам себя старается убедить, "что ничего ему за это не будет". Никого из верующих он не разубедит, но болью и обидой их насладится. Преследование православия не евреев дело, а дело русского озорства.

Говорят, что возрождение России возможно только при победе над еврейст-

вом. Тут коренная ошибка. Что такое еврейство? И как его победить? Под еврей-[80]
ством разумеют все еврейское население России? Да разве оно не побеждено уже, если слово победа над еврейством что-нибудь значит. Припомните судьбу евреев Западного края с 15-го, с 16-го года. Прежде всего принудительное выселение евреев на восток, все эти ужасы ареста целых населений, запираемых в вагоны и увозимых вдаль.[12] А потом с большевицкой революцией, когда гражданская война залила весь край кровью, — приходили войска и уходили, приходили и уходили другие, Петлюровцы,[13] поляки, Деникинские войска, большевики и опять большевики. И евреев били, евреев грабили все. Особенно на Украйне. То был перемежающийся возвратный погром. Евреи бегут, куда могут. Мы видели в Варшаве Ясную улицу, где бюро переселений в Америку, запруженную каждый день толпой евреев, стремящихся уехать. В Париже, в восточных кварталах считают налицо 400,000 евреев, ждущих отправки в Америку. Прежде этот поток еврейской эмиграции шел через Германию. Теперь этот путь закрылся, а волна переселения хлынула сильнее чем когда-либо — евреи бегут от большевиков. Разорили буржуазию, остановили промышленность, пролетариат оставили без работы, торговлю запретили, как преступный промысел, погромы прошли по еврейским городам — и, говорят, это все еврейское господство. — Большевизм — это еврейский заговор? — Если все, что случилось, дело рук еврейства — правильнее было бы сказать, что это не господство евреев, а их самоубийство.

— Но ведь нельзя же отрицать еврейских сочувствий большевизму? Нельзя. Так же нельзя, как нельзя отрицать некогда живого сочувствия городских рабочих, дезертирствующих солдат, грабящих мужиков. Мы видели воочию в Киеве и Одессе слепую веру горожан в счастье, которое им принесут сперва Петлюровцы, потом большевики. Ждали чуть не царства небесного. Еврейские пролетарии были заметнее других в этом движении — их наружность выделяла. То было когда-то, а теперь — спросите, что думают о большевиках еврейские эмигранты. Зачем они бегут?

Еврей — собственник по преимуществу. Большевики уничтожают собственность. Как же может еврейство стать на сторону большевизма.

Для антисемита нет затруднений, ибо ему открыто тайное. Он знает, что "большевизм — это этап, который евреи должны пройти". Они сперва разрушают всякую собственность, а потом овладеют всем. Сперва доведут народы до нищеты и отчаяния (сами при этом поплатятся), а потом подчинят их своему господству. Совершаются неотвратимые судьбы мира сего. Война и ее ужасы, революция, большевики со всеми несчастьями — все дело рук еврейского масонского заговора. Слушайте.

Весь жидо-масонский заговор раскрыт в книжке Нилуса "Протоколы заседаний Сионских представителей".[14] Книжка несколько раз издана по-русски, а потом по-немецки, по-английски, по-французски — все в 1919—1920 году. Книжка нашумела на Западе. В России издания ее в 1902, 1906, 1911 и 1917 прошли мало заметны.[15] Кто такой Нилус? Мы привыкли встречать это имя в реакционнейших "Московских Ведомостях" во время оно. Кто он — в точности неизвестно. Зато в точности известно, как он получил секретные протоколы. В русском издании сказано, что их Нилусу дал покойный А. Н. Сухотин. Нынешнему поколению это имя ничего не говорит. Но его очень помнят люди, переживавшие героическую эпоху введения в действие института Земских Начальников. Крестьяне какой-то деревни Чернского уезда Тульской губернии обязались вывезти навоз из конюшни А. Н. Сухотина. Приехав в его усадьбу, они узнали, что

в конюшне был сап. Крестьяне не хотели рисковать заразить своих лошадей и отказались возить навоз. Земский начальник Сухотин распорядился всех их за это посадить под арест. — Дело это тогда очень нашумело. На Сухотина жаловались, но Сухотин оправдался: он объяснил, что посадил крестьян под арест не за то, что они отказались возить навоз, а за дерзость земскому начальнику и только в торопях неправильно изложил. Министр Внутренних Дел Дурново удовлетворился этим объяснением и внушил Сухотину впредь писать постановления свои осмотрительнее. Сухотин сделался популярнейшим человеком дворянской реакции. Этому-то Сухотину неизвестная дама вручила рукопись протоколов заседаний представителей Сиона 33-й степени. Неизвестная дама добыла протоколы у неизвестного мужчины, энергического участника съезда. Один французский публицист замечает: 33-я степень! Это идиотство. Но это пахнет масонством.

Содержание заветной книги не умнее истории ее происхождения. Хотя на базельском съезде сионистов[16] прения велись или на жаргоне или на немецком языке, протоколы списаны с французского. И это вовсе не протоколы, а монография — рассуждение и изложение основных начал и плана заговорщиков. Сионские мудрецы знают, в чем истина. Они во всем согласны с русской черной сотней. "Право — в силе. Люди могут жить только под самодержавием, деспотической властью монарха". Докладчик сионского съезда не только сторонник монархии, но и аристократии. Главным орудием правления должны быть целесообразные казни. "Довольно, чтобы знали, что мы неумолимы, чтобы прекратилось ослушание". Экономическая программа сионских заговорщиков вся взята у русских реакционеров конца прошлого века. Они прежде всего враги золотой валюты. Сторонники бумажных денег, обеспеченных процентными бумагами (так проповедовал когда-то враг Витте, Шарапов,[17] кончивший, впрочем, сдачей за не бог знает какую сумму). Количество бумажных денег определяется по числу населения. Фондовые биржи будут уничтожены. Промышленные ценные бумаги будут таксироваться правительством. Одним словом, все, о чем мечтала русская черная сотня...

Власть нового монарха будет окружена мистическим ореолом.

Все бы хорошо, да только царь-то будет из племени Давида... И не от бога, а прямо от антихриста — сам антихрист.

Орудием для осуществления Иудейского самодержавия избираются масоны. Метод их действия — разложение государств всеми способами, главным образом обманом свободы и равенства, развращением юношества, отменой классического образования... Революции, тяжкие и бесплодные, будут следовать одна за другой. Исстрадавшиеся от потрясений народы будут готовы принять всякое ярмо, пойдут в крепостное право. Тогда во всех странах будут сделаны государственные перевороты. И кончится тем, что воцарится над всем миром царь — из потомков Давида, самодержавный и неограниченный. Он будет мудр, жесток и безупречен... Он начнет с того, что всех масонов и либералов зарежет без всякой пощады.

Все уже близко к осуществлению. В московском издании указано, что кандидат в цари уже воспитывается где-то под Веной. Даже и портрет его приложен. Благообразное лицо, напоминающее образ Спаса Нерукотворенного.

3 старца сделают ему экзамен и, если выдержит, выпустят его на царство. Совет 3-х старцев будет и впоследствии экзаменовать кандидатов на царский

престол. В экстренных случаях, когда царь окажется с слабой волей, — его будут лишать престола... Близко время этого пришествия. Вы сомневаетесь? А между тем признаки масонско- жидовского заговора — налицо. Прежде всего Первая Государственная Дума была в руках масонов. А потом их тайное влияние проявлялось: 1) в похоронах актрисы Комиссаржевской, 2) в похоронах Муромцева, председателя Первой Думы, 3) в похоронах Толстого...

Читаешь все это и невольно думаешь: есть же люди, которые могут верить этой галиматье.

Характерно напечатанное в берлинском издании книги Нилуса извлечение из рассказа симбирского помещика Мотовилова "О речах и предсказаниях Серафима Саровского".[18]

Мы расскажем историю появления на свет этого рассказа, как ее передавал в свое время директор Департамента полиции при Плеве — А. А. Лопухин.[19]

В 1904 году, во время пребывания царя в Москве, директор Департамента полиции получил из Москвы приказ доставить царю немедленное донесение помещика Мотовилова о Серафиме Саровском. Директор не имел представления — какое донесение, как его искать, но получил сейчас же разъяснение: "Такого-то года дела, — ищите там-то". Донесение было найдено и немедленно отправлено с курьером в Москву. Директор имел в руках донесение только очень короткое время и только мельком его прочел и был очень поражен: там было предсказание, что при молодом царе будет жестокая внешняя война и большие внутренние потрясения. Впрочем, все должно было устроиться и хорошо кончиться. Директор недоумевал, как все это могло произойти. Для нас объяснение этого неважно. Для нас важно то обстоятельство, что документ, отправленный царю, сделался известным Нилусу. Для нас важно, что та компания, к которой принадлежит Нилус, делала Николаю 11 указания и предсказания еще при Плеве, родоначальнике русского жидоедства.

С самого начала царствования Николай 11 окружен таинственными вещателями, предсказателями, монахами, юродивыми. Целая сеть внушителей образовалась около него. Они внушали суеверия вроде того, что рассказывает Нилус. Состав колдовского кружка менялся, но кружок рос, и влияние его росло и власть. Плеве был основателем и руководителем сообщества. После него были разные внушители — Гермогены, Илиодоры, Феофаны, Питиримы.[20] Этот кружок пускал в ход людей и завершил круг деяний своих Распутиным, который сумел стать на свои ноги и обрести новых помощников... Эта компания овладела мозгом Николая 11 и его жены и погубила их.

Значение книжки Нилуса не в содержании ее. Она показывает уровень развития и понимания русских верхов, русских реакционных кругов. Как мы все ошибались относительно определения умственного возраста России! Если иные не ошибались насчет русского крестьянства, живущего умом средних веков, верующего, что через бинокль можно пускать холеру, думающего, что немец на аэроплане приезжает в Тамбовскую губернию воровать снопы, то относительно верхов ошибались все. Помнится д-р Боткин в письмах с войны в 1877 году делал замечание относительно невероятной темноты и невежества общества, окружающего царя, еще Александра 11. Иные там, кажется, кто-то из великих князей, искренно веровал в домового, в порчу, в колдовство. Мы все упускаем из виду, что уровень этот остался до сих пор. Разве история темного круга, завладевшего

Николаем 11 и его женой, история Распутина, даже убийства Распутина, разве они не дают вам картины темного средневековья. Это среда жидоедства, так же, как среда веры в масонский заговор, в колдунов, кончину мира, черта с рогами или без рогов.

Антисемитизм верхов, так же как и низов, имеет одни и те же корни — темноту непонимания, силу темных страстей и зоологических инстинктов, неспособность критического анализа.

Антисемитизм, по моде Маркса, пробовали объяснять экономическими причинами. Имеют и они некоторое значение, но только тогда, когда действие этих причин отражается в темном не критическом сознании. Антисемитизм — продукт темной, средневековой, ограниченной психологии. Позитивист сказал бы: антисемитизм свойствен народу, находящемуся в теологической фазе развития, когда верят в добрых и злых духов, творящих всю жизнь, когда верят, что есть народы избранные и отверженные, когда верят в мгновенное перерождение народов, в насильственные революции, когда думают, что насилием и убийством можно ввести благосостояние... Весь мир рисуется тогда людям, как сказка, как легенда. Эта психологическая почва одна для большевизма и антисемитизма — темная страсть и неспособность критики.

Большевики русские и Распутинцы дети одного духа.

Пусть большевики имеют в Советах своих многочисленных евреев, — их толпа, их армия, идущие с криком — грабь награбленное, будут делать погромы, буду грабить и еврея. "Еврей же — буржуй по преимуществу — его надо додушить!"... И большевики громят евреев в западно-русских городах...

В грабеже большевиков и погроме жидоедов уничтожается не только имущество людей, уничтожаются общественные связи, тот строй, благодаря которому держится культура. Национальная вражда, так же как и классовая, ведет к одичанию, к рабству.

В России в проповеди антисемитизма есть уже зародыш погрома евреев, так же как в проповеди классовой борьбы заключается зародыш погрома буржуя.

Только уважение к чужой свободе, только сознание права, сознательное чувство справедливости может останавливать погромное чувство разнузданной толпы. Поэтому, когда ненавидящий свободу Ленин-Ульянов объявляет, что свобода — буржуазная выдумка, он создает почву для погромов. Когда большевики вопят "додушить буржуазию" нет между ними и черной сотней, орущей "бей жида", — никакой разницы.

И наоборот, пока в противобольшевицком стане живет восторг жидоедства и погрома, не будет победы над большевиками. Не будет ее, пока в руководителях противобольшевицкого лагеря будет господствовать чувство Каульбарса,[21] вынужденного бороться с погромом, в душе сочувствуя ему. Ибо чувство погромщика это стихия большевизма.

Большевики имеют за себя дурные страсти народа. И на этой почве их не превзойдешь, их не осилишь. — Осилить их можно только имея за себя правосознание народа. Надо идти на них во имя права, и надо не только словами, надо действиями показать себя не только народолюбцами, но и правдолюбцами.

Темное одушевление мести, насилия и грабежа не дает победы. Ибо победа разрушит армию, одержимую этим чувством: вспомните судьбы Деникинской армии.

На темноте народа держалось самодержавие. И на этой темноте лучше сыграли большевики и одержали победу и ею держатся. Самодержавие мнило поставить границы той стихии, которой держалось. Оно сочувствовало погромам евреев, устраивало погромы студентов и интеллигенции, держалось сочувственного нейтралитета (если не устраивало) к погрому немцев, но боролось с погромом владельцев, с грабежом... Оно ставило границы. Большевики их сняли, провозглашая: грабь награбленное!

Мы, противобольшевики, не можем не ценить в бесконечной мере значения нравственного авторитета. Мы должны иметь за себя сочувствие всего человечества, всех справедливых, всех гуманных людей. Его не добудешь словами, уверениями, прокламациями и декретами, если деяния наших сторонников будут свидетельствовать о другом.

Духа национальной или классовой злобы и племенной ненависти не скроешь. Его надо побороть в самом себе. Это болезнь, от которой надо излечиться. Большевизм только одна из форм этой болезни, несчастное суеверие антисемитизма другое.

Несчастную Россию потрясли оба недуга. Одним и тем же усилием она излечится от них, идеалом свободы и права, чувством братства...

Россия страна многих народностей. Самодержавие объединяло их единством цепи, на которой их держало. Цепь рухнула. И теперь будет между народностями России непрерывная война, пока не научимся мы судить нацию по ее лучшим людям, а не по худшим. Не судите евреев по большевикам, если не хотите, чтобы и нас, русских, меряли той же меркой.

Те, кто противятся большевикам, должны хранить душу сопротивления им — идеал свободы и права, любви к родине, а не злобы к части ее населения.

Мы должны быть борцами за право и не только в своем собственном сознании, а в глазах всего мира. В страдании и несчастии насколько легче нам, когда мы чувствуем, что за нас бьются все честные сердца. Мы в Деникинские времена могли оценить, как дорого обошлись русскому возрождению сомнения в способности Деникинской армии, восстановляя Россию, — не восстановлять старого строя, не отдаваться старому чувству ненависти... К несчастью, сомнения эти долею перенесены были и на армию Врангеля...[22]

Если суждено нам общими силами снова бороться с большевиками, лозунгом этой борьбы останется — право, равное для всех.

Обновленная Россия будет союзом равноправия и взаимного доверия.

Или ее не будет.

APPENDIX D

Первая речь Императора Николая 11
(17 января 1895 года)

— "Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне известно, что последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии Земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду сохранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял мой незабвенный, покойный родитель".

* * *

Тяжелое и грустное недоумение — вот впечатление от слов Государя, сказанных 17 января. Даже те, кто по долгу службы обязаны славословить, даже те, что засвидетельствовали свою радость по поводу этих слов перед лицом Бога в Казанском соборе, даже они как будто конфузятся — не за содержание речи, конечно, а за тон ее, делающий музыку, за этот привет поздравляющим гостям, имевший все значение распекательного выговора.

Впечатление вступительного манифеста, впечатление доверчивой радости стерто. Не доброе, простое чувство мира, не сознание сердечной связи между Государем и народом понесли с собой депутации, а официальную благодарность, обязательное ликование вместе с сердечной скорбью и недоумением. Были, конечно, люди, искренно обрадованные. Но едва ли это была радость, а не злорадство.

В печати возликовали только концессионеры и арендаторы патриотизма. Набросились они на общественное движение, вызвавшее злополучную речь, и стремятся запачкать его грязью соприкосновения с своим именем и с своим прошлым.

В речи 17 января есть прежде всего фактическая ошибка, странная в устах Государя: он назвал бессмысленными мечтания об участии Земства чрез своих представителей во внутреннем управлении. Мечтать об этом, пожалуй, вправду бессмысленно. Кто же мечтает о том, что давно существует? Ведь Земство уже 30 лет участвует чрез своих представителей во внутреннем управлении. Что же мечтать об этом? Это было бы в самом деле бессмыслицей... Но нельзя же говорить об этом.

Или Государь хотел, может быть, сказать, что участие Земства в управле-

нии, бывшее 30 лет действительностью, отныне, по его воле, делается мечтой, что от этой действительности останется одно воспоминание? Может быть, он хотел возвестить уничтожение Земских учреждений? Это очень невероятное предположение. Да и вряд ли это можно сделать. Пришлось бы при этом стать в слишком резкое противоречие со всем сознанием страны. Это был бы слишком крутой разрыв с прошлым, акт чересчур насильственной, антикультурной, никому не нужной реакции.

Государь, очевидно, употребил ошибочное выражение. Мысль его осталась невысказанной и неясной. Значение речи, очевидно, во второй ее части, в словах, которыми могут в темноте подтолкнуть Государя на ложный шаг и компрометирующее слово. Им, этим друзьям Кривошеина,[1] нужно было сочинить декорацию, при которой они явились бы спасителями Государя, — они ее нашли, облгав его. Никто не объяснил ему, что Земство 30 лет принимает участие во внутреннем управлении, никто не напомнил ему, что не должен царский голос теряться по пустому.

И где они откопали мысль об ограничении самодержавия? Кроме Государя, никто не указывал на необходимость этого ограничения.

Только из его слов можно заключить, что порядок законности и обуздание административного произвола несовместимы с самодержавием. Гласность, возможность и право каждого выражать свою мысль, — разве ограничивают волю самодержца? Разве право петиций, предоставленное дворянству, ограничивает самодержавие? Или будет оно ограничено, если такое право будет предоставлено Земству? Охрана личности, вопрос о ее правах, столь настоятельный в России, — разве это вопрос о конституции? Когда людей не будут по суду и без суда сечь, когда людей не будут без суда ссылать административным порядком, когда религия не будет делом полицейского наказа, когда мысль будет свободна и русским людям, начиная с последнего мужика и кончая одним из крупнейших писателей столетия, не будут закрыты уста, — что ж тогда и самодержавие рухнет?

Самодержавие бюрократии, прикрывающейся авторитетом Государя — да, оно рухнет, и мысль, выразившаяся в адресах, идеал которой в них сказался, есть бесспорно отрицание абсолютизма канцелярии, но и вера в истину самодержавия, вера, что самодержавный Государь может явиться оплотом свободы жизни народной и прав личности. И Государь колеблет эту веру, называя ее мечтой без смысла. Но от веры не отрекаются сразу. Уже после 17 января состоялось постановление Черниговского Земства о представлении Государю адреса. Это большая заслуга перед обществом. Адрес точно и определенно выражает мысль Земства. Он указывает на законность и необходимость подобных заявлений, разъясняет, что ожидания и надежды населения не затрагивают принципа самодержавия, подтверждает его намерение следовать заветам родителя своего, столь твердо установив принцип самодержавия и в противопоставление этого принципа бессмысленным мечтаниям.

Государю представляется, что Александр 111 твердо установил принцип самодержавия. Так ли это? Александр 111 веровал в принцип самодержавия, но едва ли утвердил, а не поколебал. Утвердил самодержавие Александр 11 освобождением крестьян и всеми реформами, логически вытекавшими из первоначального акта освобождения. Крымская война обнаружила всю несостоятельность военно-бюрократического правления Николая 1. По пути, им проследованному, впереди виделся один конец — разложение и смерть. Страна должна была

свернуть на другую дорогу. Россия встретилась в упор с вопросом освобождения — эту загадку сфинкса надо было разрешить во что бы то ни стало. Переворот сверху или снизу, с самодержавием во главе или против него был необходим. Самодержавие выдержало испытание. Александр 11 несмело, зигзагами, пятясь и упираясь, пошел все-таки по пути удовлетворения народных ожиданий. Предполагаемое улучшение быта крестьян обратилось в освобождение; а затем последующие реформы совершились уже легко. И в 1882 самодержавие было сильнее, чем в 1860 г. Тогда оно не имело силы на реакционную политику, к которой Александр 11 был лично более склонен. Александр 111, опираясь на всю силу народной благодарности, мог уже пойти по тому пути, на который увлекли его личное чувство и предрассудки воспитания и среды. Все решительнее и решительнее отворачивался он от идеалов свободы жизни народной, ставя лозунгом авторитет власти. На деле торжествовал авторитет произвола. Последние годы мы видели переполнение государственной казны и голод народа, мошенников министров, безнаказанных палачей в администрации. Нарушением закона открыто хвастались: к истязаниям примешивали оскорбление. Секли за недоимки, секли за отстаивание своего права, — как Неклюдов,[2] за молитву, — как Оржевский;[3] секли мужей за вину жен, секли для торжества власти, секли для торжества церкви.

Александр 111, поставивший в начале царствования девизом своим борьбу с хищением, умер окруженный панамистами, наглости которых удивлялся сам, с грустным сознанием бессилия остановить подвиги Кривошеиных, Дурново, Мещерских, Анненковых...[4]

В то время, когда в области внешних отношений деятельность Александра 111 закончилась таким благородным торжеством умиротворения, внутри осталось одно сожаление о личной судьбе человека, честно желавшего добра и изнемогшего в бессильной борьбе с запросами времени.

Велика сила самодержавия, но только тогда, когда оно идет с народом, когда оно идет по течению, а не против него, когда оно — руль, а не плотина.

Александр 111 сумел отречься от личного чувства, когда, запутавшись в ошибках, наделанных в Болгарии, не сделал вопросом судеб страны дела своего самолюбия. Он сумел в отношениях к Франции идти по руслу, давно намеченному общественным мнением и народной симпатией.

Зачем не хватило у него чутья отозваться на ожидания и надежды своего народа? Зачем провел он свое царствование, отделенный от своей страны живой оградой средостения? Зачем он, сумевший стоя слушать в своем дворце звуки чужой страны, посылающей проклятия сонму царей и попов, побоялся свободных мнений и независимых голосов из среды своего народа? Они не были для него опаснее "Марсельезы". Они не были опаснее свободно раздававшейся речи нераскаянных педерастов и цареубийц, покаявшихся не в том, что прибегли к насилию, а в том, что восстали против силы.

* * *

После умиротворения внешнего страна ждала мира внутреннего. Она ждала амнистии прошлому, забвения сословных споров, конца произвола, доверия к общественным силам, простора мысли. Она устала от режима силы, от окриков и ударов самодовольной и ограниченной власти, от изуверства, мыслебоязни, человеконенавистничества...

Николай 11 вступает на престол. Все ждут, притаив дыхание. Раздается торжественное обещание Государя перед лицом Бога — служить счастью своих подданных. В этом манифесте послышалось искреннее чувство. Надежды зашевелились. Государь приезжает в Петербург: он, говорят, недоволен полицией, оттирающей от него народ; он делит с ним свое торжество; он не хочет ездить среди шпалер солдат и шпионов. И какой овацией наградило его население.

Государь милостиво принял поляков, которых к нему не хотели пускать. Он доступен.

Кривошеин колеблется, — Кривошеин, дела которого готовы были кануть в реку забвения, унесшую не один подвиг в его вкусе, покрывая собой хищение и грабеж, — авторитета власти ради. Государь слушает правду, хотя бы неприятную. Кривошеин демонстративно уволен.[5] Государь хотел его предать суду. Он уважает закон и не думает, что авторитет власти поддерживает попрание справедливости и закона.

Государь помиловал молельщиков, битых в Крожах.[6] Он уважает просьбу суда, несмотря на запугивание Оржевского. — Он веротерпим и милостив: он в Лондоне депутации евреев сказал, что не любит религиозных и национальных гонений. Он не поддается системе запугивания.

Молодая Императрица с ее грустным взглядом, полным мысли, она друг образования. Она интересуется наукой, литературой, движением мысли; ее коробит невежество, идиотизм и лгание наших опекунов просвещения и мысли.

Всему этому поверили. Навстречу самодержцу шли надежды страны.

Они сказались робко, в общих выражениях, в словах, сказанных под полицейским надзором, в виду администрации, готовой зажать рот, в виду осадного положения, в виду министров, дрожащих за себя и готовых найти революцию, чтобы явиться спасителями и спасти... себя.

Раздались просьбы о законности, о прекращении произвола, о праве ходатайств, непосредственно обращенных к Императору, о доверии к обществу, к Земству, объединении Царя с народом. Готовилась просьба представителей печати.

В ответ на обещанное счастье послышались несмелые просьбы тех, кому его сулили, чтобы их выслушали, узнали, в чем для них это счастье.

17 января раздался царский голос. Выражения надежды были приняты за оскорбление, ожидания обещанного счастья — за дерзость, свободный голос доверия — за нарушение порядка. Самодержавие противопоставлено общественной самодеятельности. Оно отожествлено с бюрократией.

Да неужели это правда, не ошибка, не сон???

Представьте Александра 11, в 55-ом году объявляющего, что отмена крепостного права — бессмысленная мечта, что он, Государь, напротив, свято будет хранить основы самодержавия, завещанные незабвенным отцом.

Крепостники пошли бы в Казанский собор молиться. Печать воскурила бы фимиам. Чиновники нашли бы, что это акт величайшей мудрости.

А Россия молчала бы, с разбитой надеждой и сокрушенным сердцем смотря в темное будущее...

И что могло смутить Государя, вызвать его на отпор? Где покушение на самодержавие? Каким искажением правды, каким доносом довели его до этих слов?

— "В начале каждого царствования, говорит Черниговское Земство, в силу непреложного закона исторического прогресса страна надеется на новые милости от воцарившегося монарха и на улучшения в разных областях государственной и общественной жизни. Такие надежды едва ли когда-нибудь так радостно волновали русское общество, как теперь в начале царствования Вашего Императорского Величества".

Одно за другим Земства стали представлять адреса, в которых высказывались общие всем ожидания. Выражение этих ожиданий встречало повсюду затруднение не только в чиновниках, наполняющих ныне Земские Собрания, но и со стороны председателей Собраний, этих будущих чиновников, еще выслуживающихся. В Смоленске борьба партий кончилась тем, что не послали никакого адреса. В Пскове тоже. В Новгороде приняли адрес с выражением надежд на охрану закона, на подчинение всех единой верховной власти, на доступ к Царю голоса представителей народа. После 17 января предводитель кн. Васильчиков воспользовался небрежностью некоторых гласных, проводивших адрес, и, когда собралось 20 гласных, добился постановления — не послать адреса. В Орле было предложено поместить в адресе более откровенное выражение ожиданий Земства. Председатель объявил, что не допустит этого. Адрес принят одобренный цензурой, но все-таки в нем осталась просьба о доверии Государя. Тульский адрес указывает на необходимость единения Царя с народом; в нем просят открытого доступа Земства к Престолу. Эта фраза, говорят, обеспокоила Дурново, который выговаривал предводителю — как он мог ее пропустить. Курское Земство указывает на открытый доступ к Престолу, на единение Царя с народом, на развитие основ благополучия общественного — просвещения, гласности, единения сословий. Тамбовское Земство, Полтавское, Уфимское и т.д. все просят и ждут одного — единения Царя с народом, т.е. уничтожение средостения, подчиняя всех и каждого закону, т.е. конца произвола, просят гласности, прямого доступа голоса страны к Престолу, указывают необходимость содействия народному просвещению (а не подавления его), единения сословий (т.е. конца розни).

Законного порядка, прав личности, общественной самостоятельности ждет страна.

Что же? Это поколеблет самодержавие? Это бессмысленные мечты? которым противополагается завет Родителя? Если так, где же вера в истину этого завета?

Если эти голоса вызвали всенародный отпор со стороны Государя, значит, он против соединения с народом, против торжества законности, против гласности, против просветительной деятельности Земства; он желает, чтобы голос страны не доходил до него. Он не допустит этих мечтаний, подрывающих самодержавие.

В какое положение поставили Государя Дурново с компанией! В какое противоречие с торжественным обетом вступительного манифеста!

Но, говорят, слова Государя вызваны главным образом Тверским адресом. Расскажем подробнее историю этого адреса, тем более что он вызвал репрессалии, едва ли согласные с законом.

В заседание 8 декабря и. д. Председателя Управы Демьянов предложил приветствовать Государя адресом. Вслед за ним говорил гласный Родичев. Приводим его слова, как они записаны в протоколе.

> "С нынешним земским собранием мы вступаем в новый период истории. Вместе со всем народом русским мы пережили тревожные дни нынешней осени, вместе со всем народом мы отдали долг печали, долг почтения памяти Императора Александра III и вместе со всем народом с трепетом надежды услышали слово молодого Государя, в котором столько светлой веры, светлого упования. Мы не можем остаться глухи к этому призыву, раздавшему с высоты Престола, — к призыву на работу для счастья русского народа. Мы не будем глухи и не останемся немы. Перед Государем Николаем II не мертвая страна, погруженная в немой покой и неподвижность бессилия. Перед ним народ, полный надежд, скрытой еще не высказанной, но деятельной мысли, полный стремления, чувства, полный живых сил, жаждущих простора и веры, требующей выражения. Ее мы должны выразить. Мы должны высказать Государю надежды, которые мы на нем сосредоточиваем. Мы прежде всего желаем господства закона. Закон, ясное выражение воли и мысли монарха, пусть господствует среди нас и пусть подчиняются ему все без исключения, — больше всего и прежде всего представители власти. Это первое жизненное условие мира и правды. Счастье народа в свободном росте его сил живых, достоинства личности, в сознательной деятельности. Только в живом, деятельном, свободном и союзном труде всех растет счастье народа, счастье каждого. Эта деятельность, право на нее как отдельных лиц, так и общественных учреждений, пусть будут сохранены и незыблемы. Мысль народная, потребности наши должны находить свое выражение. Мы надеемся, что голос этих потребностей, выражение этой мысли всегда будут услышаны Государем, всегда свободно и непосредственно по праву и без препятствий дойдут до него. Мы ждем развития и свободного роста живой общественной работы, дающей народной жизни содержание. Если Собрание встречает эти мысли, эти чувства согласием своим, я позволю себе предложить проект адреса".

Гласный князь Путятин выразил сомнение в праве Собрания обращаться к Императору с адресом. Его прервали голоса большинства гласных, не сомневавшихся в этом праве и настоятельно требовавших немедленного чтения адреса.

Гласный Родичев читал:

> "Ваше Императорское Величество!
>
> В знаменательные дни начала служения Вашего русскому народу, Земство Тверской губернии приветствует Вас приветом верноподданных. Разделяя Вашу скорбь, Государь, мы надеемся, что в народной любви, в силе надежд и веры народа, обращенных к Вам, Вы почерпнете успокоение в горе, столь неожиданно постигшем Вас и страну Вашу, и в них найдете твердую опору в том трудном подвиге,

который возложен на Вас Провидением. С благодарностью выслушал народ русский те знаменательные слова, которыми Ваше Величество возвестили о вступлении своем на Всероссийский Престол. Мы вместе со всем народом русским проникаемся благодарностью и уповаем на успех трудов Ваших в достижении великой цели, Вами поставленной, — устроить счастье Ваших верноподданных. Мы питаем надежду, что с высоты Престола всегда будет услышан голос нужды народной. Мы уповаем, что счастье наше будет расти и крепнуть при неуклонном исполнении закона, ибо закон, представляющий в России выражение Монаршей воли, должен стоять выше случайных видов отдельных представителей этой власти. Мы горячо верим, что права отдельных лиц и права общественных учреждений будут незыблемо охраняемы. Мы ждем, Государь, возможности и права для общественных учреждений выражать свое мнение по вопросам, их касающимся, дабы до высоты Престола могло достигать выражение потребностей и мысли не только представителей администрации, но и народа русского. Мы ждем, Государь, что в Ваше царствование Россия двинется вперед по пути мира и правды, со всем развитием общественных сил. Мы верим, что в общении с представителями всех сословий, равно преданных Престолу и Отечеству, власть Вашего Величества найдет новый источник силы и залог успеха в исполнении великодушных предначертаний Вашего Императорского Величества".

Среди грома рукоплесканий и единодушного "ура", гласный Родичев заключил чтение словами: — "Господа, в настоящую минуту наши надежды, наша вера в будущее, наши стремления все обращены к Николаю 11... Николаю 11 наше "ура"!..

Долго не смолкало "ура" и аплодисменты во всем зале Собрания. Собрание решило немедленно послать адрес телеграммой на имя Министра Императорского Двора, прося Министра повергнуть верноподданнический адрес к стопам Его Императорского Величества.

Потом некоторые гласные заявили, что они не согласны с адресом (все земские начальники, 3 предводителя и один чиновник). Адрес был послан через Министра Двора. Тот отказался его представить Государю. Тогда решено было большинством против двух голосов (протестанты, впрочем, утверждали, что они воздержались от голосования), послать адрес через Министра Внутренних Дел. Кроме того, избрана депутация для поднесения поздравлений, иконы и хлеба-соли Государю и Императрице. В депутацию избраны Родичев, Головачев и Уткин (не подписавший адреса).

Чуть не накануне представления Государю Родичев и Головачев были отстранены от участия в депутации, и в Петербурге распространился слух, что Государь недоволен адресом, объявляет Тверскому Собранию выговор... Адрес комментировали с той точки зрения, с которой достаточно одной строчки, чтобы повесить человека. Оскорблялись выражением "служение народу", находя, что Царь так может говорить про себя, но верить ему и принимать эти слова всерьез — это дерзость; искали конституции, спрятанной под словами "законность" и "общение с народом".

17 января раздались слова о бессмысленных мечтаниях. А там и доподлинно стала известна Высочайшая резолюция по поводу адреса. Родичеву воспрещено

впредь участвовать в выборах и общественных собраниях (не возлагай мол надежд на Императора Николая 11 и не кричи ему "ура"). Представителям объявлено: — "Чего же смотрели предводители и даже некоторые подписали адрес". — Всему Собранию объявлено, что Государь крайне удивлен и недоволен неуместной выходкой 35-ти гласных.

Это урок вежливости и хорошего тона, особенно необходимый в то время, когда гостей, приходящих с поздравлениями, всенародно встречают окриком.

Что же значат, в самом деле, все эти проявления нового курса?

Неужели надо заключить, что бессмысленны надежды, будто голос народный может быть услышан Царем, что неуклонное исполнение закона представителями власти — мечта, право общественных учреждений выражать свою мысль по вопросам, их касающихся, — вредная утопия и только дворяне это могут делать.

Неужели объявляется, что до высоты Престола не должно доходить выражение мыслей и потребностей русского народа, а только мысли и чувства представителей администрации (Кривошеина, Дурново, Неклюдова, Погодина), что общение Государя с представителями всех сословий — вздор? Что же правда? Произвол администрации, безгласность страны, отверженность низших сословий?

Или, может быть, не в адресе, а в речи Родичева надо искать бессмысленных мечтаний?

Мы прежде всего желаем господства закона... пусть подчиняются ему больше всего и прежде всего представители власти. И это бессмысленная мечта?

— Счастье народа в свободном росте его живых сил, достоинстве личности в сознательной деятельности. — Этому счастью нет сочувствия в сердце Государя!

Живого, деятельного, союзного труда всех — он не хочет!

— Он отвергает мысль об охране прав на эту деятельность отдельных лиц и общественных учреждений!

— Он не допускает — выражение мысли народа и потребностей его!

— Выражение надежд на — свободное развитие живых сил страны — он встречает окриком: молчать!

— А за слова: "Господа, в настоящую минуту наша вера в будущее, все наши надежды, все наши стремления обращены к Николаю 11... Николаю 11 наше "ура" — за эти слова лишает человека прав, предоставленных ему законом.

Люди земли через головы чиновников, через средостение протянули Царю руки с мольбой и надеждой, и он с гневом оттолкнул их.

Если так, какое же счастье прочил Государь России?

Счастье, до которого ей дела нет, о котором она должна молчать и не сметь догадываться! Счастье, которое будет ей строжайше предписано и неукоснительно исполнено чиновниками!

Но, может быть, Государь был обманут? Надежда упорна и рассказывают уже, и сам Дурново официально заявил, что адрес не был доложен Государю, а доложены комментарии Дурново с отдельными фразами адреса, быть может, с искажениями. Рассказывают, что доложено, будто бы Родичев укрывал Гартмана, Перовскую и Фигнер (если это правда, то надо сейчас же отдать под суд Муравьева и Плеве, уступивших их ему в свое время и оставивших на свободе и даже сделавших Родичева предводителем дворянства, когда его надо было повесить). Государю представили, что переряженные динамитчики и злокозненные либералы под видом законности, несли ящик Пандоры, из которого вылетит конституция. Напуганный этими нетопырями, Государь решился...

Трудно верить этим рассказам, как ни жаль расставаться с мечтой, что слова Государя о служении счастью народа — не фраза, а правда.

Но если так и было, если Государю не доложены адреса и обстоятельства, при которых они составлены, каких же еще ждать доказательств, насколько справедливы и настоятельны пожелания, высказанные в адресах Тверского и других земств? Пока при всеобщем безмолвии, в стране царит официальная ложь — не Государю принадлежит самодержавие, а чиновникам. И Государь, как вся страна, видит, знает и видит лишь то, что угодно его приказным.

Тем не менее сами адреса показывают, что мысль общественная не заснула, что не пропала еще надежда на Государя, что есть еще готовность объяснить слова 17 января недоразумением.

Но делается ли что-нибудь для разъяснения этого недоразумения? Откроет ли кто-нибудь глаза Царю? Если он сам этого не захочет, его чиновники никогда этого не сделают. Они раз объявили адреса крамолой, им раз удалось показать Царю призрак и им остается одно — лгать, лгать и замалчивать. Адреса не докладываются: Пермское экономическое общество послало чрез Ермолова[7] почтительнейший адрес с выражением надежды, что Россия найдет в лице Николая 11 отца отечества. Ермолов усмотрел в адресе крамолу, ибо в нем есть ссылка на пример Екатерины 11, созвавшей законодательную комиссию. Посему адрес Государю не доложен, а Пермскому обществу посланы соответствующие приказания и угрозы и даже обещано, что оно будет закрыто, если из него не выйдет председатель, пославший адрес.

Эти господа пугаются за Государя, упоминая о такой крамольнице, как Императрица Екатерина.

Что делать — ими руководит старая привычка приказных — видеть повсюду ложь и читать между строк. Им кажется, что Россия, как Иерихон, рушится от речей про законность, про гласность, про нужды народные, про право. Они ищут задней мысли. Ее нет, но есть мысли недосказанные, потому что их нельзя сказать в России.

Мы думаем, что знаем мысли земской среды и чувства, сказавшиеся в адресах, и не высказываемые дальше потому лишь, что их высказать негде.

Мы выскажем эту мысль. Русскому народу нужно признание прав личности. Настало время закончить великий труд освобождения человека в России. Нельзя любить народ, презирая людей. Нельзя создать счастье человека,

попирая его права и подавляя его мысль. Счастье народа, его благосостояние материальное только им самим, только личностью, только свободой может быть создано, т.е. человеческое счастье. Идеал народного благосостояния по образцу благоустройства скотного двора, хорошо содержимого хозяином, — утопия.

Русский народ не может быть счастлив, если физическая и нравственная свобода лица не ограждена законом. Русскому человеку нужно право жить, где он хочет, переселяться, куда хочет и когда хочет, где ему лучше, а не где начальство находит лучше. Нет счастья жить там, где не знаешь, как устроиться.

Русскому человеку нужна возможность верить и думать, как он знает и как велит ему совесть. Если закон велит человеку исповедовать Бога и служить Ему иначе, чем он сам, по свободному убеждению, исповедует Его и хочет служить, он лишает человека самого дорогого, высшего блага.

Русскому человеку, как и всякому, нужна спокойная уверенность в незыблемой охране его права, труда, жизни и свободы. А когда, помимо суда, господствует административная расправа, этой уверенности, возможности мира и счастья нет.

Благоустройство общества, развитие мысли народной, рост просвещения возможны лишь при самостоятельности общественных союзов и учреждений. Без нее нет света мысли, счастья, просвещения и плодотворного труда.

Эти основы народного счастья, эти коренные условия счастья лица в России те же, что и в Европе, те же, что и везде. Это не национальные исторические, — это общечеловеческие идеалы. Западная Европа шла в достижении этих условий личного счастья, разбивая самодержавие. Западный абсолютизм отожествил себя с неволей и бесправием и был разбит ростом народов. Восточные деспотии с их возвеличением грубой силы и попранием человека, умертвили народную жизнь в безжизненных странах, обращенных в пустыню.

Но почему же лишь эти два пути открыты России?

Народ русский, масса, не отожествляет еще Царя с чиновниками, не видит в нем притеснителя, а ждет в нем заступника права. — "Еще просим, Государь, не отвергать от себя крестьянского сословия", — говорит один из крестьянских адресов. Не станем и мы признавать бессмысленной мечтой надежды, что свобода личности, ее счастье и права могу еще быть осуществляемы силой самодержавия. Пусть ход русской истории разубедит нас. В эту минуту тяжкого раздумья и потрясенной веры, повторим слова: "Верую, Господи, помоги моему неверию".

Перед Государем два пути: идти с народом, опираясь на его свободный голос, на право, на закон, с верой в человека, с верой в будущее страны.

Другой путь — старая избитая дорога, по которой идет опричнина, с ее озорством, власть, давящая мысль и слово, осадное положение, чужеядная сословность. Тут давят людей, давят жизнь. Жертвы валятся здесь... человеческие жертвы. По этому пути или самодержавие убьет себя или страна...

Он ли (другой путь) нам возвещен или Государь, на минуту напуганный маскарадной шуткой перетрусивших плутов и изуверов, поймет урок, который они ему дали?

Что бы ни ждало в будущем нашу страну, плодотворная работа освобождения или тяжелая, глухая борьба, со всеми мрачными наследиями прошлого — живые ее силы должны стать на свою череду. Благо им, если они найдут на своей стороне Николая 11 с его самодержавием. Но пусть не ищут иной опоры, кроме своей правоты. Свободы требуют. Потом ее, как и счастье, берут.

NOTES

Chapter I - Detstvo

Published posthumously in Poslednie novosti of August 20, 1933, without the last thirteen paragraphs, which have been added by the editor from the original typescript in the Rodichev Collection.

1. Fedor Izmailovich Rodichev was the second son of Izmail Dmitrievich Rodichev (1819-1889) and Sofiia Nikolaevna Ushakova (1828-1908). There were three sons, no daughters, in the family: Dmitrii, born September 13, 1850; Fedor, born February 9, 1854; and Nikolai, born June 17, 1857. Dmitrii died in 1919, and Nikolai in 1931. Like Rodichev, his father and his brother Dmitrii were deputies on several occasions to the Tver' zemstvo assemblies, but their careers do not seem to have been otherwise distinguished.

2. The mirovoi posrednik was an official appointed by the provincial governor from local gentry landowners to supervise the new relationship of ex-lord and ex-serf following the Emancipation of 1961. This official was initially concerned with the drawing up of an inventory (ustavnaia gramota) fixing the size of the peasant's allotment and determining the peasant's temporary obligations to his former master.

3. Mikhailovskii (1842-1904) was a famous sociologist, publicist, and leader in the populist movement. The marriage ended unhappily after a few years. See James E. Billington, Mikhailovsky and Russian Populism (Oxford, 1958), pp. 55-57. Billington gives the year of the marriage as either 1870 or 1871, and not 1867 as Rodichev states.

4. G. I. Uspenskii (1843-1902), M. A. Demert (died 1875), and A. M. Skabichevskii (1838-1910) were associated with Mikhailovskii on the journal Otechestvennye Zapiski, the leading populist organ of the 1870s and 1880s. See Billington, Mikhailovsky, pp. 54 ff.

5. N. G. Pomialovskii (1835-1863), realistic novelist of the early 1860s, described autobiographically the brutally severe life of theological seminary students in his Ocherki bursy (1862-1863).

6. A. V. Golovnin (1821-1886), Minister of Education, 1861-1866, Count D. A. Miliutin (1816-1912), Minister of War, 1861-1881, and the Grand Duke Konstantin Nikolaevich (1827-1892), Chairman of the Imperial Council of State, 1865-1881, all supported the reforming efforts of Alexander II.

7. Count D. A. Tolstoi (1823-1889) was for a quarter-century perhaps the leading anti-reform official in government circles: Procurator of the Holy Synod, 1865-1880, Minister of Education, 1866-1880, and Minister of Internal Affairs, 1882-1889.

8. M. N. Katkov (1818-1887) joined D. A. Tolstoi at the forefront of the reactionary forces during the reigns of Alexander II and Alexander III. In his journal, Russkii Vestnik, he fought educational reform, local self-government, etc.

9. The reactionary forces exploited fully the revulsion and alarm produced throughout Russian society by the attempt of the expelled student, D. V. Karakozov (1842-1866), to assassinate the emperor.

10. Probably N. Ia. Grot (1852-1899), psychologist and philosopher, and professor at Moscow University.

11. Probably I. I. Ditiatin (1847-1892), professor at Khar'kov and Dorpat Universities.

12. N. V. Chaikovskii (1850-1926) took an active part in the Russian revolutionary movement for a full half-century, from leadership in the famous circle of 1869 to Socialist Revolutionary in the anti-Bolshevik Archangel government in 1918.

13. E. I. Kedrin (1852-?), liberal lawyer, Kadet member of the First Duma.

14. Witte's appointment of P. N. Durnovo (1845-1915) as Minister of Internal Affairs in 1905 was especially objectionable to the leaders of Russian liberalism. Durnovo had served in the ministry since 1881, and from 1884 to 1893 was Director of the Department of Police.

Chapter II - Universitet

Unpublished typescript in the Rodichev Collection.

1. P. L. Chebyshev (1821-1894) made important discoveries in the fields of probability and numbers theory. His student, A. N. Korkin (1837-1908), published studies in differential equations. E. I. Zolotarëv (1847-1878) was the author of studies in the theory of numbers. Rodichev errs slightly in designating the year of Zolotarëv's death.

2. D. I. Mendeleev (1834-1907), the famous discoverer of the periodic law of the classification of elements, was forced by political enemies to leave St. Petersburg University in 1890, where he had been professor of chemistry since 1865. N. A. Menshutkin (1842-1907) wrote extensively on analytical chemistry; his son, B. N. Menshutkin, also a professor of chemistry, was the biographer of Lomonosov. A. N. Butlerov (1828-1886) specialized in organic chemistry.

3. Pëtr Alekseevich Kropotkin (1842-1921), the famous anarchist, was a student at St. Petersburg University from 1867 to 1872, and studied in the mathematics section of the physico-mathematics faculty.

4. A. N. Beketov (1825-1902) was a specialist in botanical geography.

5. A. S. Famintsyn (1835-1918) was a specialist in plant physiology and a defender of Darwin against N. Ia. Danilevskii. See George L. Kline, "Darwinism and the Church," in Ernest J. Simmons, ed., Continuity and Change in Russian and Soviet Thought (Cambridge: Harvard University Press, 1955), pp. 314-20.

6. N. P. Vagner (1829-1907), an entomologist, also wrote the often republished children's fantasies, Fairy Tales of Kot-Murlyka.

7. On I. S. Poliakov (1847-1887), see Kropotkin's Memoirs of a Revolutionist, parts 4 and 5.

8. F. V. Ovsiannikov (1827-1906), physiologist and histologist.

9. I. I. Mechnikov (1845-1916), famous Russian physiologist and bacteriologist, after 1890 with the Pasteur Institute in Paris.

10. V. V. Dokuchaev (1846-1903) established soil science as a separate discipline in Russian universities.

11. A. A. Inostrantsev (1843-1919) investigated the geology of the northern regions of European Russia and wrote a widely used textbook on geology.

12. P. G. Redkin (1808-1891) taught at Moscow University for several years before coming to Petersburg in 1863. His popular lectures reflected his interest in the philosophy of law.

13. N. S. Tagantsev (1843-1923), later a member of the Senate and one of the authors of the Criminal Code of 1903.

14. I. Ia. Foinitskii (born 1847) was a well-known criminologist and published widely.

15. V. I. Sergeevich (1837-1910) was a leading exponent of the "juridical school" in Russian historiography.

16. A. D. Gradovskii (1841-1889), outstanding authority on Russian political institutions and legal history.

17. Count M. T. Loris-Melikov (1825-1888) was appointed on February 12, 1880, the head of a supreme commission to combat terrorism, later became Minister of Internal Affairs, but resigned after the assassination of Alexander II and the rejection of his reform efforts by the new emperor.

18. Iu. Ianson, Opyt statisticheskago issledovaniia o krest'ianskikh nadelakh i platezhakh (St. Petersburg, 1887).

19. A. S. Posnikov (1846-1921), economist and professor, defended communal landholding in his two-volume work, Obshchinnoe zemlevladenie (1875-1877), originally presented as his master's and doctoral dissertations as Moscow University. He argued that communal farming was not a bar to agricultural progress, and later opposed Stolypin's land reform.

20. S. G. Nechaev (1847-1882), famous conspirator and revolutionary, creator of the "People's

Vengeance," organizer of the murder of the student Ivanov, and associate of Bakunin. He died in the Peter and Paul fortress prison.

21. Rodichev discusses the Nechaev trial in Chapter IV.

22. The trial of the 193 populist-propagandists took place in St. Petersburg from October 1877 to January 1878.

23. The demonstration of students and workers in the square before the Kazan Cathedral took place in December 1876.

24. V. I. Zasulich (1851-1919), member of the Land and Liberty revolutionary organization, in January 1878 shot at and wounded Trepov, head of the Petersburg police. Acquitted, she fled abroad and later became a founder with Plekhanov of the Marxist Emancipation of Labor group.

25. N. V. Mezentsov (1827-1878), head of the Third Department and chief of gendarmes, 1876-1878, was assassinated by S. M. Kravchinskii in retaliation for the execution of the revolutionary, I. M. Koval'skii.

26. V. K. Debogorii-Mokrievich (1848-1926), a follower of Bakunin. His memoirs were published in St. Petersburg in 1906.

27. P. V. Karpovich (1874-1917), a twice-expelled student, shot and mortally wounded the Minister of Education, N. P. Bogolepov, in February 1901.

28. D. S. Sipiagin (1853-1902), Minister of Internal Affairs, 1899-1902, was assassinated by the student Balmashov.

29. V. K. Plehve (1846-1904), Minister of Internal Affairs, 1902-1904, was assassinated by the expelled student Sazonov.

30. N. M. Bogdanovich (1856-1903), Governor of Ufa Province, was assassinated by the worker Dulebov.

31. I. M. Obolenskii, Governor of Khar'kov Province, was shot at by the worker Kachura in 1902.

32. Karpov was successor to Gerasimov as head of the Petersburg Okhrana. Gerasimov had fallen because of the Azev scandal; Karpov was assassinated by Petrov, a young Socialist Revolutionary, who pretended to be (as Azev in fact was) a police agent.

33. Rodichev expresses a widely-held view of the time. For a recent argument that "Bogrov [Stolypin's assassin] was acting neither as a police agent nor directly as a member of a revolutionary party," see George Tolmakoff, "Stolypin's Assassin," Slavic Review, XXIV (June 1965), pp. 314-21. There is a recent and detailed examination of the evidence in A. Ia. Avrekh, Stolypin i tret'ia Duma (Moscow, 1968), pp. 367-406.

34. D. F. Trepov (1855-1906) was Chief of Police in Moscow during the period 1896-1905, and became Governor-General of St. Petersburg in January 1905.

35. G. P. Gapon (1870-1905), priest and revolutionary, had formed his Petersburg Assembly of Russian Factory Workers in 1904, i.e., before Trepov's appointment as Governor-General.

36. R. V. Malinovskii (1878-1918), famous police agent, successfully infiltrated the Bolshevik faction of the Russian Marxists, was elected to its central committee in 1912, but after the Revolution of 1917 was executed by the Bolsheviks.

37. General E. K. Klimovich (1871-1930) was Director of the Department of Police during the ministry of B. V. Stürmer in 1916.

Chapter III - Vstrechi c Ogarevym

Originally published in Poslednie novosti of May 5, 1934, without the final ten paragraphs, added from the typescript in the Rodichev Collection.

1. Jules Favre (1809-1880) had been a liberal opponent of Louis-Philippe and later led the constitutional opposition to Napoleon III. Jules Simon (1814-1896) and Leon Gambetta (1838-1882) were likewise committed to liberal constitutional government. All three were republicans, a fact which Rodichev, disposed in favor of constitutional monarchy, apparently ignored as of minor importance.

2. Ernest Hamel, Histoire de Robespierre d'après des papiers de famille, les sources originales et des documents entièrement inédits, 3 vols. (1865-1867), one of the first extensive studies of the leading Jacobin.

3. Jean Batiste Baudin was killed while resisting the coup d'état of 1951, engineered by President Louis Napoleon. In 1868, Gambetta defended the journalist Louis Charles Delescluze, who was being persecuted for having promoted the erection of a monument to Baudin. The speech made Gambetta famous and propelled him into the center of the French political stage.

4. Pierre Joseph Proudhon (1809-1865), famous social theorist and anarchist, insisted upon the moral responsibility of the individual and vehemently opposed collectivism in any form.

5. The French plebiscite of May 8, 1970, with 7,358,786 "ayes" and 1,571,939 "noes," endorsed the emperor's regime against its republican opponents. On July 19 of that year, France declared war on Prussia.

6. Henry Thomas Buckle's History of Civilization in England argued that three factors--gunpowder, free trade, and steam--had worked to lessen man's love for war. A Russian translation appeared in 1861 in Otechestvennye Zapiski.

7. The Government of National Defense came into being on September 4, immediately after Napoleon III had surrendered and abdicated at Sedan. General Louis Jules Trochu (1815-1896) became President, Favre was Foreign Minister, and Gambetta Minister of Interior. Henri Rochefort (1830-1913), an imprisoned radical journalist and left-wing republican, was freed and entered the government.

8. N. G. Chernyshevskii (1828-1889), the most influential populist of the 1860s, wrote his famous novel, What is to be Done?, while in prison in 1862, prior to his long exile in Siberia.

9. Herzen was in Naples in February 1848, when King Ferdinand II was compelled to grant a constitution; later that year he earned the epithet "King Bomba" for his savage bombardment of towns during the suppression of the revolutionary forces. For Herzen's account of the February days, see A. I. Gertsen, Sochineniia v deviati tomakh (Moscow, 1956), III, 116-117. On Pushkin, Herzen wrote: "I do not regret the twenty generations of Germans that were squandered to make Goethe possible, and I rejoice that the Pskov obrok made possible the rearing of Pushkin." The reference is to the quitrent paid by the serfs at Mikhailovskoe, an estate owned by the Pushkin

family in Pskov Province. For the quotation, see Gertsen, Sochineniia, III, 283.

10. L. V. Dubel't (1792-1862) was Chief of Staff of the Corps of Gendarmes and the second highest official in the Third Department during the years 1839-1856.

11. N. P. Ogarev (1813-1877), poet and publicist, revolutionary and philosopher, is best known as the life-long friend and collaborator of Herzen.

12. T. P. Passek (1810-1889), a cousin of Herzen, was the wife of the ethnographer V. V. Passek. Her memoirs, Iz dal'nikh let, first published in Russkaia Starina in the 1870s, are especially valuable for the early years of Herzen. There is a new two-volume Soviet edition (1963).

13. On Ogarev and Mary Sutherland, see E. H. Carr, The Romantic Exiles (London, 1949), pp. 382-401.

14. V. M. Ozerov (1838-c. 1915), member of a revolutionary organization of Russian officers in the early 1860s, and later a follower of Bakunin.

15. M. N. Murav'ev (1796-1866), suppressor of the Polish uprising of 1863, became chairman of the supreme commission that investigated the Karakozov attempt.

16. Jaroslav Dombrowski (1838-1871), active in the Polish uprising of 1863, became a general of the Paris Commune and was killed fighting in its defense.

17. Prince A. F. Golitsyn was the representative of the Third Department on the special commission to investigate those persons arrested in 1834, including Herzen, in connection with an outbreak of fires in Moscow, supposedly the work of conspirators. Herzen was exiled for five years. See Martin Malia, Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism, 1812-1855 (Cambridge, 1961), pp. 134 ff.

Chapter IV - Bakunin i Nechaevshchina

Originally published in Poslednie novosti of January 20, 1931.

1. Hélène Iswolsky, La Vie de Bakounine (Paris, 1930).

2. Rodichev discusses the Bakunin family in Chapter IX.

3. Rodichev refers to the trial of Nechaev's accomplices in the notorious murder of the student Ivanov, which took place in 1869. Nechaev himself had fled abroad. Captured by the Swiss police in 1872 and turned over to the Russian authorities, he was tried in January 1873 and sentenced to twenty years of forced labor.

4. Prince A. I. Urusov (1843-1900), a talented defense attorney.

5. K. K. Arsen'ev (1837-1919) was subsequently one of the founders of the Party of Democratic Reforms and an editor of the Brokgauz and Efron Entsiklopedicheskii slovar'.

6. V. D. Spasovich (1829-1906) was an outstanding professor, jurist, and courtroom orator, as well as a historian of Russian and foreign literature. On Spasovich, known popularly as the "King of the Russian Bar," see Samuel Kucherov, Courts, Lawyers, and Trials under the Last Three Tsars (New York, 1953), esp. pp. 168-79.

7. Khlestakov--the chief character in Gogol's Inspector-General; his name came to designate any clever rascal, boaster, or bribe-taker.

8. I. G. Pryzhov (1827-1855) was actually almost 44 years old at the time of the trial. His two-volume study, Istoriia kabakov v Rossii v sviazi s istoriei russkogo naroda, published in St. Petersburg in 1868, was "a real encyclopedia of the life of the proletariat at the time." Franco Venturi, Roots of Revolution (New York, 1966), p. 377.

9. A. A. Cherkesov acquired N. A. Serno-Solov'evich's bookshop on the Nevskii Prospekt after the latter's arrest in 1862; it continued to be a center for younger populists. See Venturi, Roots of Revolution, pp. 261 and 356.

10. P. G. Uspenskii's wife was Aleksandra Ivanovna Zasulich, sister of the famous Vera Zasulich.

11. Probably Pavel Asigkritovich Korsakov (1847-1908), who with his brother Ivan was to be for many years active in the Tver' zemstvo. Rodichev mentions

them frequently in his memoirs. On the great influence of Pavel Korsakov upon Rodichev, see Chapter IX.

12. For the blackmailing activities of the brothers Vladimir and Ivan Nikitich Likhutin, see Venturi, Roots of Revolution, p. 378.

13. The Bakhmet'ev fund was established in the form of a credit of £800 (20,000 francs) in a London bank in the joint names of Herzen and Ogarev. Bakhmet'ev was a wealthy landowner who had been converted to communism. He visited Herzen and Ogarev in London on his way to found a communist society on a Pacific island. See Carr, The Romantic Exiles. p. 341.

14. Herzen agreed in July 1869 that the fund be divided, and Ogarev's half was then given to Bakunin and Nechaev. After Herzen's death, the transfer of his share was made by his son Alexander to Ogarev, who gave it to Bakunin, and he in turn passed on the 10,000 francs to Nechaev. See E. H. Carr, Michael Bakunin (New York, 1961), pp. 397 and 402.

15. Rodichev refers to the following: Procès de l'association internationale des travailleurs; première et deuxième missions de bureau de Paris (Paris, June 1870) and Troisième procès de l'association internationale des travailleurs à Paris (Paris, July 1870). These were reprinted by the publishing house of Martinus Nijhoff in 1969.

Chapter V - Tiur'ma - Akademiia Revoliutsii

Unpublished typescript in the Rodichev Collection, apparently intended as the second part of the memoir entitled "Universitet."

1. N. P. Poliakov published, among other works, the Russian edition of Marx's Das Kapital. See Albert Resis, "Das Kapital Comes to Russia," Slavic Review, XXIX (June 1970), pp. 219-37.

2. N. Flerovskii was the pseudonym of V. V. Bervi (1829-1919), economist and populist. His most important work, Polozhenie rabochego klassa v Rossii, appeared in 1869. The first version of Azbuka sotsial'nykh nauk was published in 1871 and gained wide popularity among revolutionary student circles.

3. N. A. Morozov, Povesti moei zhizni, 4 vols., 1816-18. Morozov's long life (1854-1946) included membership in the Chaikovskii circle, the First International, and the Narodnaia Volia, as well as journalistic activity with Bakunin and Lavrov, twenty-three years in prison, investigation in the natural sciences, and honorary membership in the Academy of Sciences of the USSR.

4. The Trial of the 193, or "Great Trial," dealt with participants of the "going to the people" movement, and lasted from October 18, 1877 to January 23, 1878. On this trial see Venturi, Roots of Revolution. pp. 587-96.

5. Count K. I. Palen (1833-1912) was Minister of Justice from 1867 to 1878.

6. F. F. Trepov (1803-1889), Governor of St. Petersburg during 1873-78, was shot at on January 24, 1878 by Vera Zasulich in revenge for the flogging of the prisoner Bogoliubov. He was the father of D. F. Trepov (see Chapter II, note 34).

7. P. A. Aleksandrov was one of a galaxy of talented lawyers for the defense which included, among others, such lights as V. D. Spasovich and D. V. Stasov. For excerpts of Aleksandrov's speech, see Kucherov, Courts, Lawyers, and Trials, pp. 214-25.

8. Gradonachal'nik--governor or commandant of certain cities, in charge of the police and all-powerful in matters of security; in this case, F. F. Trepov.

9. Skvoznik-Dmukhanov--the mayor in Gogol's Inspector-General.

10. A. M. Unkovskii (1828-1893) was one of the foremost figures among the liberal gentry of Tver' Province in the 1850s and 1860s. He helped draft the famous address of the Tver' gentry in February 1862. See Terence Emmons, The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861 (Cambridge, 1968), pp. 79-151 and 334-44. There is also the old biography by G. Dzhanshiev, A. M. Unkovskii i osvobozhdenie krest'ian (Moscow, 1894).

11. Prisiazhnyi poverennyi--a member of the Russian bar, i.e., one who had completed formal legal training at a law school or in the faculty of law and who had served five years as a lawyer-in-training (pomoshchnik prisiazhnogo poverennogo); not to be confused with the chastnyi poverennyi,

of whom no educational requirements were set. The latter, a private attorney, was not a member of the Russian bar. See Kucherov, Courts, Lawyers, and Trials, pp. 155-9.

12. N. V. Shelgunov (1824-1891), co-worker with Chernyshevskii on the Sovremennik and co-author with M. L. Mikhailov of the revolutionary proclamation, "To the Young Generation" (1861).

13. The revolutionary skazka, "The Tale of Four Brothers," was written by L. A. Tikhomirov in 1873 and widely used in the "going to the people" movement. On Tikhomirov, see Abbott Gleason, "The Emigration and Apostasy of Lev Tikhomirov," Slavic Review, XXVI (September 1967), pp. 414-29.

14. As Rodichev relates, following the attempt by Solov'ev, the existing regime of military dictatorships in Moscow, Kiev, and Warsaw, was extended to St. Petersburg (General Gurko), Odessa (Count Totleben), and Khar'kov (General Count Loris-Melikov).

Chapter VI - Dela Minuvshikh Dnei

Originally published under this title in issues 1946-1949 of Rul' (April 26-29, 1927), a Russian-language daily appearing in Berlin.

1. Revolts in the Ottoman-ruled provinces of Bosnia and Herzegovina in mid-1875, followed by declarations of war against Turkey by Serbia and Montenegro a year later, had evoked in Russia considerable Panslav sentiment, and many Russians, like Rodichev, volunteered for service in the cause of Slavic freedom. Later, in April 1877, the Russian Empire was to enter upon war with Turkey.

2. A newspaper of liberal orientation, published in St. Petersburg during 1861-1879.

3. A. P. Nikol'skii (1851-?), Minister of Agriculture during a brief period in 1906.

4. A. F. Shul'ts was during 1872-1879 the director (upravliaiushchii) of the Third Section, i.e., that official in charge of the secret agents as distinguished from the Corps of Gendarmes.

5. Slavonic Benevolent Societies existed in Moscow, St. Petersburg, Odessa, and Kiev. They were concerned with the propagation of Panslavism and gave assistance to Slavs abroad to study in Russian seminaries and universities. In 1876 they were active in recruiting volunteers for the Serbian army.

6. A. A. Ol'khin (1839-1897), well-known lawyer and poet, played an active role as defense councillor in several political trials of the 1870s, and spent the years 1879-87 in exile.

7. General M. G. Cherniaev (1828-1898), the famed conqueror of Tashkent in 1865, was a militant Russian nationalist and Panslav. In May 1876, following a secret trip to Serbia, he was appointed commander of the main forces of the Serbian army. War against Turkey came on June 30.

8. Metropolitan Mikhail, or Mihailo, was then head of the Serbian Orthodox Church, which in 1879 was to be elevated to the status of a patriarchate.

9. A. S. Suvorin had just become the publisher of Novoe Vremia in 1876 and soon transformed it into a conservative and ardently patriotic newspaper.

10. Milan Obrenović (1854-1901), Prince of Serbia from 1868 to 1882, thereafter King until his abdication in 1889.

11. Rodichev is mistaken here. There was in fact no uprising in 1866. Djordje Vlajković (1831-1883), who began his career in the Austrian army, came to Serbia in 1862 as an infantry captain. He was active in the Bosnia uprising and in the Serbo-Turkish conflict, after which in 1879 he retired. For this information I am indebted to Professors Wayne S. Vucinich of Stanford University and Dimitrije Djordjević of the University of California at Santa Barbara.

12. Baron Jelačić, Governor of Croatia and general in the Austrian army, active in 1848-49 in the suppression of the Viennese and Hungarian revolts.

13. Evidently a reference to M. P. Dragomanov (1841-1895), Ukrainian nationalist and historian, in emigration following dismissal in 1875 from the faculty of the University of Kiev.

14. N. P. Ignat'ev (1832-1908), noted Panslav and Russian ambassador to Constantinople during 1864-78.

15. Lind was a long-time friend and active co-worker with Rodichev in the Tver' zemstvo institutions.

16. Colonel T. Nikolic, who disagreed sharply with Cherniaev over the conduct of the war. See David MacKenzie, The Serbs and Russian Pan-Slavism, 1875-1878 (Ithaca: Cornell University Press, 1967), pp. 136-42.

17. The Bakunin sisters were daughters of Nikolai Bakunin, a younger brother of the famous anarchist. Rodichev was close to several members of the Bakunin family, some of whom, like himself, were to become active members of the liberal wing in zemstvo politics in Tver' Province. See Chapter IX herein. T. N. Povalo-Shveikovskii was also for many years a zemstvo deputy, and became marshal of nobility for Novotorzhok District, i.e., the home territory of the Bakunin family.

18. The Djunis heights, near the confluence of the Western and Southern Morava rivers, were the scene of a major Turkish victory on October 29. The Serbian army was wrecked and the way lay open for a Turkish advance down the Morava to the Danube and Belgrade.

19. The tsar's ultimatum of October 30, immediately following the disaster at Djunis, imposed a two-months' armistice.

Chapter VII - Prebyvanie v Mirovykh Sud'iakh

The chapter title is the editor's. The first section, "Obshchina i lichnost'," was originally published in Poslednie novosti of September 19, 1931. The second section, "Podatnye pokhody na krest'ian," appeared in the issue of October 16, 1931.

1. For Rodichev's experiences as a volunteer in Serbia's struggle against the Ottoman Empire see the preceding chapter.

2. Ves'egonsk, located in the extreme northeast of Tver' Province, was Rodichev's native district (uezd); it and Novotorzhok District were the strongest centers of the liberal movement within the province.

3. Justices of the Peace (mirovye sud'i) were of two types--uchastkovyi and pochëtnyi. Basic was the

uchastkovyi sud'ia, who dispensed justice in petty cases within his mirovoi uchastok, received a salary, and lived in the locality that elected him. The pochëtnyi sud'ia received no salary and was not required to live in the locality that elected him. He replaced the uchastkovyi in the latter's absence, and could also judge in cases when both parties requested him to do so.

4. The mirovoi s"ezd consisted of the several mirovye sud'i of a judicial district (okrug) and acted as an appellate court.

5. The prisutstvie po krest'ianskim delam, or office of peasant affairs, was established by the law of June 27, 1874. It replaced the mirovye posredniki. At the uezd level, the prisutstvie included, among others, the marshal of nobility (chairman), the local police chief (ispravnik), the chairman of the board (uprava) of the district zemstvo assembly, and another representative of the zemstvo. A similar arrangement obtained at the guberniia level. By the law of June 12, 1889, the office of peasant affairs was displaced by the institution of land captains, or zemskii nachal'nik.

6. Glasnyi--deputy to a district or provincial zemstvo assembly.

7. B. N. Chicherin (1828-1904), leading exponent of the juridical school in Russia historiography and professor of the University of Moscow from 1861 to 1868.

8. Krugovaia poruka--joint responsibility, characteristic of many obligations, especially financial, of the members of the peasant commune.

9. Kashin was the chief town of Kashin uezd and was situated near the eastern boundary of Tver' guberniia.

10. Khutor--a consolidated farm on which the peasant actually lived, apart from the village; the ideal of the Stolypin agrarian reform.

11. A. N. Engel'hardt (1832-1893), populist, author of Pis'ma iz derevni.

12. See Chapter II, note 19.

13. A. I. Koshelev (1806-1883), prominent Slavophile and firm advocate in the 1850s of peasant

emancipation; later active in the zemstvo of Riazan' Province. His participation in the preparatory work leading to the emancipation of the serfs is described in Emmons, The Russian Landed Gentry.

14. Part One of Volume X of the Code of Laws dealt with civil law. The peasant volost' court, however, operated on the basis of customary law, rather than on the written provisions of the Code.

15. Drevliane--one of the early Russian tribes, proverbial for their roughness and backwardness.

16. M. S. Kakhanov (1833-1900), Assistant Minister of Internal Affairs during 1880-81, was chairman of the special commission appointed to review the performance of local self-government. Attacked as too liberal in its recommendations, the commission was dissolved in April 1885 after more than three years of existence. For a recent study of the commission by a leading Soviet historian, see P. A. Zaionchkovskii, Rossiiskoe Samoderzhavie v kontse XIX stoletiia (Moscow, 1970), pp. 217-33. See also Rodichev's comments in Chapter XI herein.

17. N., "Preobrazovania mestnykh uchrezhdenii," Russkii Vestnik, no. 6 (1887). Rodichev's memorandum is quoted on pp. 273-82.

18. See Struve's remarks on Rodichev's memorandum in his "My Contacts with Rodichev," Slavonic and East European Review, XII (January 1934), pp. 361-62.

19. The udel'noe vedomstvo administered the lands held by members of the imperial family. A representative of this department held a seat in the provincial and in the district zemstvo assemblies.

20. V. P. Vorontsov (1847-1918), one of the chief theoreticians of Russian populism in the 1880s and 1980s.

21. Starshina volostnoi--peasant chieftain of a volost', at first elected by the volost' assembly, after 1889 appointed by the zemskii nachal'nik, or land captain, from two candidates offered by the assembly.

22. Stanovoi pristav--a police official in charge of a stan, which was a subdivision of the uezd and included several volosti.

23. Ispravnik--a police official in charge of the uezd; after 1862 appointed by the governor of the province.

24. Okolodochnyi (variant spelling: okolotochnyi) nadziratel'--a police official in charge of a section of a town.

25. Uezdnyi gorod--the capital city of the uezd.

Chapter VIII - Molodaia i Staraia "Ves'egoniia"

Originally published in Poslednie novosti of October 16, 1931.

1. P. A. Kislovskii represented the conservative faction in the Ves'egonsk zemstvo; he was also a leader of the conservative majority in the Tver' provincial zemstvo during its first decade. See B. B. Veselovskii, Istoricheskii ocherk deiatel'nosti zemskikh uchrezhdenii Tverskoi gubernii (1864-1913 gg.), (Tver', 1914), p. 560.

2. Uchastok--judicial-territorial unit, a subdivision of the uezd; each uchastok had a justice of the peace, of which there were four in Ves'egonsk uezd.

3. P. A. Korsakov (1847-1908) emerged as one of the leading figures in the Tver' zemstvo elections of 1874, which resulted in a liberal victory. See the short biography by I. K. Gudz', P. A. Korsakov (Tver', 1909), which was the first volume in a series entitled Zemskie deiateli Tverskoi gubernii.

4. Reviziia--an official investigation into the activity of an institution to determine the legality or expediency of that activity.

5. Kashin uezd was one of the districts of Tver' Province. The okruzhnoe sud was a general court ranking just above the mirovoi s"ezd.

6. Cherepovets uezd was in Novgorod Province.

7. Pushkin's connection with Novotorzhok uezd is unclear to me; he did visit Malinniki, the estate of the Vul'f family, where he completed the seventh chapter of Eugene Onegin, but this estate was in Staritsa uezd. Belinskii, of course, had stayed at the Bakunin estate, Priamukhino, in Novotorzhok uezd during 1836.

8. A. A. Golovachev (1819-1903) was a close collaborator with Unkovskii in the work of the Tver' committee on serf emancipation at the end of the 1850s. For this, see Emmons, The Russian Landed Gentry, chapters 4 and 7. Golovachev was a deputy to the Tver' provincial zemstvo assembly during 1891-1897 from Korcheva uezd. For an appreciation, see G. Dzhanshiev, Epokha velikikh reform (8th edition; Moscow, 1900), pp. 784-89.

9. During the era of Great Reforms, several former exiles--Decembrists and Petrashevists (like A. I. Evropeus)--returned to Tver' Province and joined ranks with liberals such as the younger Bakunin brothers. Evropeus (1826-1885) served as a peace mediator in 1861, was later arrested in connection with the Karakozov attempt in 1866.

10. This was the famous Address of the Tver' gentry in February 1862. For the text, see Emmons, The Russian Landed Gentry, pp. 342-44. The Address attacked the concept of temporary-obligatory status for the peasantry, rejected class privileges for the gentry, and called for the "summoning of elected representatives from all the Russian land. . . ."

11. The declaration of the peace mediators came on February 8, 1862, that is, four days after the close of the Tver' gentry assembly which had produced the Address. The thirteen were by a decision of the Senate deprived of certain class privileges and sentenced to confinement in a mental sanitarium. They were released from confinement after only a few days. See Emmons, The Russian Landed Gentry. pp. 344-47.

12. The reference is to the notorious reply by Nicholas II to the Tver' Zemstvo Address of 1894, which offered homage and felicitations to the new emperor and vaguely enjoined him to listen to the voice of his people and not simply to that of his bureaucrats. To represent the Tver' zemstvo at the imperial reception of zemstvo delegations in January 1895 were chosen Rodichev, Golovachev, and S. P. Utkin. Only Utkin was permitted to be present. For the Address, see Chapter XII and Appendix D herein.

13. Both brothers achieved remarkable electoral records as deputies to the provincial zemstvo assembly. During the years from 1865 to 1909, Stepan was elected for no less than fifteen three-year terms, i.e., he served continuously throughout this

entire period. Nikolai's record of thirteen elections was exceeded only by his brother and by A. A. Bakunin (fourteen) and equalled only by A. B. Vrasskii. The data in Veselovskii, Istoricheskii ocherk, p. 41, contain some errors. In 1906 Stepan was elected to the State Council (ibid., p. 586). For the composition of the membership of the provincial zemstvo assembly I have relied on the very useful collection, Sbornik materialov dlia istorii Tverskago gubernskago zemstva, in ten volumes. Volumes I-IV cover the years 1865-83; volume V, 1883-86; volumes VI-X, 1886-1909. The first five volumes were compiled by P. A. Korsakov; the remaining five, by I. K. Gudz'. For members of the provincial zemstvo during 1865-1909, see volume I, pp. 5-12; volume V, pp. 4-5; and volume VI, pp. 15-21.

14. Prince B. V. Meshcherskii was marshal of nobility for Tver' Province during 1866-1880, and chairman of the board (uprava) of the provincial zemstvo assembly during 1866-1877. See Sbornik materialov, I, 14-15.

15. N. P. Olenin apparently became marshal of nobility in 1884 or somewhat earlier. He was in office until 1898. See the Adres-Kalendar' Tverskoi gubernii na 1898 god (Tver', 1898), p. 5.

16. M. V. Vsevolzhskii served as marshal of nobility during the years 1899-1904. See Sbornik materialov, VI, 22, note 10.

17. Trubnikov and Paskin both belonged to the conservative camp in Tver' political life.

18. N. A. Kaliteevskii was marshal of nobility in Ves'egonsk District during 1899-1904. Sbornik materialov, VI, 22-23.

19. In June 1891 Rodichev resigned as district marshal of nobility, an office which he had held since 1878. This act was his protest against the establishment of the office of zemskii nachal'nik. He was again marshal of nobility for Ves'egonsk District during 1906-7.

Chapter IX - O Semeistve Bakuninykh i Tverskom Zemstve

Originally published in Poslednie novosti of April 22, 1932.

1. See Note 11 to Chapter VIII.

2. Nikolai (1818-1901) and Aleksei (1823-1882) were among those who signed the declaration and subsequently were deprived of certain class privileges.

3. Pavel (1820-1900) became the first chairman of the board of the Novotorzhok District zemstvo assembly and was a deputy to the provincial zemstvo assembly from 1865 to 1889. For his role as a liberal leader in the early history of the Tver' zemstvo, see V. N. Lind, "Pervye shagi Tverskago gubernskago zemstva," in nos. 2, 3, and 4 of Zemskoe Delo (January 20, February 5, and February 20, 1910). Alexander (1821-1908) served as deputy in the provincial assembly from 1865 to 1906.

4. The Tver' historian M. A. Rozum has written two interesting and useful studies of the Tver' liberals during the 1850s and 1860s, in which he treats among others the Bakunin brothers: "Podgotovka krest'ianskoi reformy v Tverskom komitete po uluchsheniiu byta pomeshchich'ikh krest'ian," published in Uchenye Zapiski Kalininskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Instituta, vol. X, no. 1 (Kalinin, 1945), pp. 1-38, and an unpublished dissertation, "Tverskie liberaly v reformakh 60-x XIX veka" (Leningrad Pedagogical Institute; Moscow, 1940), which the author kindly permitted me to inspect when I was in Kalinin (formerly Tver') in 1964.

5. For a brief discussion of his philosophy, see V. V. Zenkovsky, A History of Russian Philosophy (New York, 1953), II, 626-29.

6. M. I. Petrunkevich was for twenty years the senior physician in the Tver' provincial hospital and during 1874-1906 a deputy in the provincial zemstvo assembly. He was a younger brother of the famous liberal figure, Ivan Il'ich Petrunkevich, who began his zemstvo career in Chernigov Province, was twice banished, and moved to Tver' in 1890. A police report of 1894 described M. I. Petrunkevich as an "ardent liberal, not at all reliable politically," Gosudarstvennyi arkhiv Kalininskoi oblasti, fond 927, god 1894, opis' 1, no. 185, p. 7.

7. Rodichev undoubtedly means K. D. Kavelin (1818-1885), jurist, historian, and professor at Moscow and Petersburg.

8. T. N. Povalo-Shveikovskii was Novotorzhok marshal of nobility in the 1880s (until 1891), and served as deputy in the provincial zemstvo assembly during 1865-1891.

9. V. N. Lind served eleven terms as zemstvo deputy from Novotorzhok and was a member of the provincial zemstvo board during 1869-1874. See Sbornik materialov, I, 14-15. He has left an important record: "Pervye shagi Tverskago gubernskago zemstva," in Zemskoe Delo, nos. 2-4 (1910).

10. The Maksimovich school was a major educational accomplishment in Tver' history. P. P. Maksimovich (1817-1892), from 1866 to 1877 a member of the board of the provincial zemstvo, established in 1870 in the city of Tver' a school for the training of peasant girls as primary school teachers. In 1882 the Tver' zemstvo assumed management of the school. See V. U. Slanevskii, "Tverskaia zhenskaia uchitel'skaia shkola P. P. Maksimovicha," Uchenye Zapiski Kalininskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Instituta, vol. X, no. 2 (Kalinin, 1945), pp. 3-31; B. B. Veselovskii, Istoricheskii ocherk, pp. 250-58; and Bernard Pares, Russia and Reform (London, 1907), pp. 412-14. For Maksimovich's earlier activity in connection with serf emancipation, see Emmons, The Russian Landed Gentry, pp. 116 and 124. Maksimovich was deputy from Kashinsk District to the provincial zemstvo assembly during 1865-1879. His eminent position in local affairs was recognized by his election for four terms to the provincial zemstvo board. Sbornik materialov, I, 14-15.

11. A. N. Rober, educated in the historical-philosophical faculty of Moscow University, was the pedagog (Rodichev calls him director) of the Maksimovich school from 1870 until his death in 1880. See Slanevskii, "Tverskaia zhenskaia uchitel'skaia shkola," pp. 8 and 29.

12. N. P. D'iakonova was the school's headmistress (nachal'nitsa) during 1874-1887. Slanevskii, "Tverskaia zhenskaia uchitel'skaia shkola," pp. 9 and 29.

13. On Olenin, see note 15 to Chapter VIII. In the liberal victory of 1877 in the Tver' zemstvo elections, Olenin succeeded Prince Meshcherskii as chairman of the board of the Tver' zemstvo assembly and sought to defend the Maksimovich

school from attacks by the Minister of Education, D. A. Tolstoi, and his local lieutenant in Tver', Malov. See Veselovskii, Istoricheski ocherk, p. 562. Olenin was to become in 1884 chairman of the provincial zemstvo assembly (not in 1877, as stated in Emmons, The Russian Landed Gentry, p. 413, note 2).

14. See note 3 to Chapter VIII.

15. This was in 1874, when the liberal faction in the provincial assembly significantly grew, a prelude to its great victory three years later. Vrasskii was to serve thirteen terms as a deputy and four terms as a member of the board. Sbornik materialov, I, 15 and V, 6-7.

16. V. I. Pokrovskii (1838-1915), economist, was one of the first zemstvo statisticians in Russia. Born in Tver' Province and educated at Moscow University, he took charge of the Tver' zemstvo statistical work in 1871. Under his direction more than twenty volumes on the Tver' region were produced. From 1894 he was chairman of the statistical commission of the Imperial Free Economic Society. In 1902 he was elected a corresponding member of the Academy of Sciences.

17. The term "third element" was first used on January 11, 1900, by the Vice-Governor of Samara Province, Kondoidi, in a speech opening a zemstvo session. Quickly adopted in popular usage, it designated the professional personnel hired by the zemstvo (teachers, doctors, agronomists, statisticians, etc.), as distinguished from a "first element," the appointed officials of the imperial government, and a "second element," the elected deputies.

18. D. I. Rikhter collaborated with V. I. Pokrovskii in compiling statistical material on Tver' Province. He is the author of "Tverskaia guberniia" in Volume XXXII of the Brokgauz-Efron Entsiklopedicheskii slovar' (pp. 709-20).

19. On Bochkarev see Venturi, Roots of Revolution, pp. 352-53.

20. Emeritura--pension funds.

21. Rodichev omits the two immediate successors of Rober--F. F. Resener, 1880-1881, and N. Ia. Bol'shakov, 1883-1885. See the list in Slanevskii, "Tverskaia zhenskaia uchitel'skaia

shkola," p. 29. Educated in the historical-philosophical faculty of the University of St. Petersburg, F. F. Ol'denburg was pedagog of the Maksimovich school from 1887 until his death in 1914. He and his brother Sergei, the noted Orientologist, were members in the 1880s of a university circle that included also A. A. Kornilov, V. I. Vernadskii, and Prince D. I. Shakhovskoi. See Rodichev's discussion of this circle in Chapter X.

22. Bezobrazov was director of public schools in Tver' Province from 1882, the year in which the Maksimovich school came under zemstvo management, to 1895. During virtually all of this period Bezobrazov was also a zemstvo deputy from Zubtsov District. See Veselovskii, Istoricheskii ocherk, p. 250, note 1.

23. A rather full account of this episode, based on archival material, is given in V. S. Platov, Revoliutsionnoe dvizhenie v Tverskoi gubernii (konets XIX-nachalo XX vv.) (Kalinin, 1959), pp. 149-54. Platov states that of the 150 zemstvo personnel gathered that evening at the head-quarters of the zemstvo board, 64 were beaten or wounded. Many escaped from the burning building by jumping to the roofs of neighboring houses.

24. Related by Rodichev in Chapter XIII.

25. P. E. Gronskii was a deputy to the provincial zemstvo assembly from Ves'egonsk District during 1880-1891. His son, P. P. Gronskii, was a Kadet member of the Fourth Duma, and co-author with Nicholas J. Astrov of The War and the Russian Government (New Haven, 1929).

Chapter X - Zemstvo i Narodnoe Obrazovanie

Originally published in Poslednie novosti in the issues of June 21, August 20, and September 24, 1932.

1. There were twelve districts in Tver' Province: Bezhetsk, Kaliazin, Kashin, Korcheva, Novotorzhok, Ostashkov, Rzhev, Staritsa, Tver', Ves'egonsk, Vyshnevolochek, and Zubtsov.

2. The most industrialized district of the province was that of Tver', where several textile mills, a

railroad-wagon construction plant, an iron foundry, and a glass works were located. The famous Morozov family employed 39,000 workers in 1890 in their four textile mills in Tver'. For industrial development in the late nineteenth century, see Platov, Revoliutsionnoe dvizhenie v Tverskoi gubernii, pp. 3-26.

3. L. A. Kislovskii was a zemstvo deputy from Ves'egonsk District for four terms during the early history of the Tver' zemstvo.

4. There were twenty-four volosti within Ves'egonsk District.

5. The district uchilishchnyi sovet was chaired by the marshal of noblity and included, besides various bureaucrats, two members of the zemstvo assembly, one of whom for several years was P. A. Korsakov.

6. This was in 1885. Gudz', P. A. Korsakov, p. 21.

7. Prince D. I. Shakhovskoi, grandson of a Decembrist and graduate of St. Petersburg University, was invited in 1885 by Rodichev and Pavel Korsakov to supervise zemstvo public schools in Ves'egonsk District. His initial inspection resulted in the report, O narodom obrazovanii v Ves'egonskom uezde Tverskoi gubernii (Rybinsk, 1886), which had influence throughout the province and even beyond. Shakhovskoi later became a prominent figure in the Kadet Party and Minister of Welfare in the Provisional Government during May and June of 1917.

8. This was probably Ivan Mikhailovich Grevs (1860-1941), a historian and professor at St. Petersburg University.

9. V. I. Vernadskii (1863-1945), famed mineralogist and geo-chemist, was professor at Moscow University until forced to resign in 1911. He took great interest in zemstvo activity. He married Natalia Egorovna Staritskaia, a cousin of Rodichev's wife, and their son became the outstanding historian of Russia and professor at Yale University, George Vernadsky.

10. See note 21 of Chapter IX.

11. Rodichev calls William Frey (1839-1888), whose real name was Vladimir Konstantinovich Geins, an American, but he was Russian by birth. He

emigrated to America in 1868, set up agricultural colonies, and returned to Russia in 1885. He was a Comtist and a vegetarian. See Ernest J. Simmons, Leo Tolstoy (London, 1949), pp. 427-8, for Frey's influence on Tolstoy. There is a recent biography of Frey: Avrahm Yarmolinsky, A Russian's American Dream: A Memoir on William Frey (Lawrence, Kansas, 1965).

12. General A. K. Geins was not the governor-general of Turkestan but rather, during the late 1860s, head of the chancellery of the governor-general, who at that time was K. P. Kaufman.

13. In 1885.

14. Deputy from Ves'egonsk District to the provincial zemstvo assembly during 1889-1894.

15. On S. A. Rachinskii's activity in developing parish schools as a counter to zemstvo schools and his influence on Pobedonostsev, see Robert F. Byrnes, Pobedonostsev: His Life and Thought (Bloomington, 1968), pp. 274-81.

16. A. N. Somov (1823-1899), governor of Tver' Province during 1868-1888.

17. A. I. Ertel' (1855-1908), Russian author (Gardeniny, 1889), was in exile in Tver' following a short prison term in 1884. There, partly under the influence of P. A. Bakunin, he completed his ideological evolution from populism to Christian humanism. Ertel' took a strong interest thereafter in zemstvo activity and in practical measures of relief and education to help the peasantry. See N. S. Parsons, "Aleksandr Ertel' as a Christian Humanist," Slavonic and East European Review, XLVI (January 1968), pp. 176-91.

18. See note 17 of Chapter IX.

19. P. D. Akhlestyshev, governor of Tver' Province during 1888-1898.

20. A. S. Medvedev (1857-1908), of peasant origin, served long in the Tver' zemstvo, was elected to its board in 1904, later was a founder of the Kadet Party and a deputy to the First Duma.

21. On this pogrom see Platov, Revoliutsionnoe dvizhenie v Tverskoi gubernii, pp. 149-54.

22. A. N. Strannoliubskii (1839-1903), pedagog and teacher of mathematics, was a strong advocate of universal education and did much to foster the education of females.

23. The Tver' Address of 1894 cost Rodichev his right to hold office in zemstvo institutions; it also caused the Tver' zemstvo to become the special target of the right-wing press, such as Moskovskie vedomosti, edited by V. A. Gringmut, and Grazhdanin, published by Prince V. P. Meshcherskii. Until the restoration of his rights in 1904, Rodichev lived mainly in St. Petersburg.

24. A large percentage of the St. Petersburg (Piter) working-class at the beginning of the present century was from Tver' Province. Platov, citing A. G. Rashin, Formirovanie promyshlennogo proletariata v Rossii (Moscow, 1940), pp. 298 and 301, gives the percentage as 15.3, which was larger than that of workers from any other province (Revoliutsionnoe dvizhenie v Tverskoi gubernii, p. 41). One such worker at the Putilov factory in St. Petersburg was Mikhail Ivanovich Kalinin, a peasant from Korcheva District of Tver' Province and the future president of the Soviet Union from 1919 to 1946.

25. B. V. Stürmer (1848-1917), Chairman of the Imperial Council of Ministers in 1916, served in the Tver' provincial zemstvo assembly in the early 1890s. In 1891 Rodichev was elected chairman of the provincial zemstvo board but was not confirmed. Nor was a second elected chairman confirmed. Then, at a special session of the zemstvo assembly in February 1892, Stürmer, a deputy from Kashin District, was nominated for the post but declined. No other candidate received a majority of votes, and the assembly was closed. The issue was finally settled with Stürmer's appointment as chairman by the ministry of internal affairs. At the end of 1894 Stürmer was named governor of Novgorod Province and left Tver'. In 1902 he became head of the department for general affairs in the ministry of internal affairs, then under Plehve's administration. Stürmer was sent in 1903 to conduct an inspection (reviziia) of the Tver' zemstvo; this activity resulted in the purge of several liberals (see note 30 below). On Stürmer, see V. I. Gurko, Features and Figures of the Past (Stanford, 1939), pp. 185-86 and 239-41, and I. I. Petrunkevich, Iz zapisok obshchestvennogo deiatelia: vospominaniia (Berlin, 1934), pp. 268-74.

26. I. Ia. Gurliand (1868-?), one-time professor of law, later an official in the ministry of internal affairs.

27. Vladimir Nikolaevich Trubnikov was marshal of nobility for Tver' District during 1902-1904, i.e., during the time of Stürmer's reviziia. Gurko calls him "a pillar of the extreme Right group of the Tver' zemstvo" (Gurko, Features and Figures of the Past, p. 174).

28. Both Filippov (1825-1899), State Controller during 1889-99, and Vyshnegradskii (1831-1895), Minister of Finance during 1887-92, were native sons of Tver' Province. The former was born in Rzhev, the latter in Vyshne Volochek.

29. The Address of 1894.

30. Thus was nullified the liberal victory in the Tver' zemstvo elections of 1903 (only in Tver' District had the conservatives won). But those who had been removed were allowed to return to zemstvo activity when Sviatopolk-Mirskii became Minister of Internal Affairs in the summer of 1904. In 1905 the appointed board of the Tver' zemstvo (D. S. Zasiadko, chairman, B. F. Gasler, N. A. Ponomarev, and V. N. Trubnikov) was replaced through election by V. D. von Derviz, as chairman, and B. N. Tits, A. S. Medvedev, and D. N. Kvashnin-Samarin, as members. See Veselovskii, Istoricheskii ocherk, pp. 579-82, and Gurko, Features and Figures of the Past, pp. 239-41 and 298. Nicholas II had been determined to punish the Tver' liberals. Gurko gives the text of a note written by the tsar, apparently to Plehve: "I have been thinking a great deal about our conversation concerning the Tver' zemstvo; they must be dealt a severe blow" (Gurko, p. 241).

Chapter XI - Posle 1-go Marta

Originally published in Poslednie novosti of April 3 and 4, 1931.

1. The Birzhevye vedomosti, founded in 1861, came under the ownership of V. A. Poletika (died 1888) in 1875. Poletika, mining engineer and publicist, changed its name to Molva in 1879. A new Birzhevye vedomosti, with a considerably lower standard of journalism, came into being in 1880 and lasted until 1917.

2. Slovo was a monthly journal of populist orientation, published in St. Petersburg during 1878-1881.

3. Leonid Polonskii (born 1833) had a long career as a publicist, worked on the staff of several newspapers, and published his own liberal Strana during 1880-83.

4. Prince A. I. Vasil'chikov (1818-1881) was an influential public figure in the sphere of zemstvo activities, a deputy during the early period of the Novgorod Zemstvo, and the author of Samoupravlenie.

5. The reference is to the effort of the People's Will in early 1881 to plant a land mine in the Malaia Sadovia street, along which the emperor was accustomed to pass. The terrorists dug a tunnel to the street from the back room of a cheese shop which they operated as a cover.

6. A. S. Suvorin was publisher of the conservative Novoe vremia (1868-1917) during the years 1876-1912.

7. Count Aleksei Aleksandrovich Bobrinskii (1852-1927), Marshal of Nobility in St. Petersburg Province for almost twenty years beginning in 1878, was for several decades chairman of the Imperial Archeological Commission. He married the daughter of A. A. Polovtsov, Imperial Secretary from 1883 to 1892 and chairman of the Russian Historical Society, 1879-1909. See also note 10 below.

8. V. S. Solov'ev (1853-1900), son of the famous historian and himself a philosopher and poet, delivered a public speech in late March 1881 asking for amnesty for the murderers of Alexander II, an action that "appalled" Pobedonostsev, who thereafter became his enemy. See Robert F. Byrnes, Pobedonostsev, pp. 254-55.

9. Sergei Mikhailovich Tret'iakov (1834-1892), art collector and brother of Pavel (1832-1898), founder of the famous art gallery.

10. Aleksei Vasil'evich Bobrinskii (1831-1888), Marshal of Nobility in Moscow Province during 1875-83 and relative of Count A. A. Bobrinskii (see note 7 above).

11. Captain N. M. Baranov was appointed gradonachal'nik of St. Petersburg on March 8, 1881, on the urging of Pobedonostsev, who deemed him the needed "strong man" to crush the revolutionary movement in the capital. The appointment was opposed by Loris-Melikov. Baranov, however, played no important role and was dismissed on August 13. See Byrnes, Pobedonostsev, pp. 151-1 and 162, and P. A. Zaionchkovskii, Krizis samoderzhaviia na rubezhe 1870-1880-x godov (Moscow, 1964), pp. 304 ff.

12. F. L. Barykov (1830-1892), a member of the Kakhanov Commission.

13. The peasant department was created in 1884.

14. Rodichev's father.

15. Zashtatnyi gorod--a populated center enjoying the rights of a town but not serving as the administrative capital of a district (uezd). Krasnyi Kholm had been in the late eighteenth century the district capital (uezdnyi gorod), but soon lost this position to Ves'egonsk.

16. S. I. Zarudnyi (1821-1887) had been the prime mover behind the preparation of the judicial reform of 1864.

17. N. V. Murav'ev (1850-1908) was the acting public prosecutor at the trial of the assassins of Alexander II. At one point in his speech for the prosecution, Murav'ev, referring to the "grim figures of the tsaricides," was interrupted by laughter from Zheliabov, and responded, according to one version, "When men weep, then Zheliabov laughs. . . ." See the account of this incident in David Footman, Red Prelude (New Haven, 1945), p. 224. Murav'ev later became Minister of Justice, 1894-1905, and thereafter ambassador to Rome.

18. The idea of an all-class volost' which would have its own elected zemstvo much excited liberal opinion in late nineteenth-century Russia. See, for example, V. I. Lind, Melkaia zemskaia edinitsa (Moscow, 1903). Both Witte and Stolypin gave support to the idea. See Gurko, Features and Figures of the Past, pp. 699 and 722. Only after the February Revolution of 1907 was the peasant volost' transformed into an all-class territorial-administrative unit with the right to elect a zemstvo. The temporary statute on the volost'

zemstvo of 1917 is given in Robert Paul Browder and Alexander F. Kerensky, eds., The Russian Provisional Government, 1917 (Stanford, 1961), I, 284-90.

Chapter XII - Adres Tverskogo Zemstva

Originally published posthumously in Sovremennye zapiski, LII (1933), from the manuscript presented to the editors by Rodichev's daughter, Aleksandra Fedorovna.

1. V. A. Maklakov (1870-1959) was an outstanding spokesman of the moderate wing of the Kadet Party. In his memoirs he was often sharply critical of Kadet views and policies. See, for example, his article, "Iz proshlogo," Sovremennye zapiski, XXXVIII (1929), pp. 276-314, and Rodichev's rejoinder, ibid., LIII (1933), pp. 278-84. Maklakov's larger works should also be consulted: Iz vospominanii (New York: Chekhov Publishing House, 1954); Pervaia Gosudarstvennaia Duma: Vospominaniia sovremennika (Paris: Maison du Livre Etranger, 1939; and Vtoraia Gosudarstvennaia Duma: vospominaniia sovremennika (Paris: La Renaissance, 1947).

2. Sovremennye zapiski, XLI (1930).

3. After the resignation of Count Loris-Melikov in May, 1881, the Panslav Count N. P. Ignat'ev (1832-1908) succeeded as Minister of Internal Affairs until June, 1882. For a detailed study of his administration, see Zaionchkovskii, Krizis samoderzhaviia na rubezhe 1870-1880 godov, ch. 5.

4. Prince V. P. Meshcherskii (1829-1914), the well-known publisher of the conservative newspaper, Grazhdanin, which made the Tver' zemstvo one of its favorite targets. Not to be confused with Prince B. V. Meshcherskii of Tver' Province (see note 14 to Chapter VIII herein).

5. In 1860 Tolstoi had presented to Alexander II a memorandum, in which he proposed handing over outright to the peasants one-third of the land used by them plus their garden plots, the other two-thirds to remain in possession of the gentry. See Zaionchkovskii, Rossiiskoe samoderzhavie, p. 61.

6. Fifteen of the thirty-four members of the Kakhanov commission were "experts" chosen from the local gentry, chiefly governors and provincial and district marshals of the nobility. This group, on the whole quite reactionary in outlook, found its chief spokesman in A. D. Pazukhin. Ibid., p. 219. Pazukhin later became director of the chancellery in the ministry of internal affairs under Tolstoi.

7. I. D. Delianov (1818-1897), Minister of Education during 1882-1897, consistently pursued the goal of pacification of the universities and in 1884 won the emperor's approval of a new university statute which effectively destroyed independence of higher education in Russia. On Delianov, see the unpublished dissertation by Paul William Johnson, "Ivan Davidovich Delianov and Russian Educational Policy," Emory University, 1971.

8. Supported chiefly by Tolstoi, Delianov had argued against much opposition for the creation of a university in Siberia, but with only two faculties (historical-philological and medical) instead of the usual four. Ultimately Alexander III gave approval in 1888 to the establishment of a unversity in Tomsk with only a medical faculty. Ibid., pp. 248-49.

9. Pazukhin's project, completed in the spring of 1886, proposed the creation of the office of land captain (zemskii nachal'nik), to be staffed by appointments from the local gentry and to possess broad administrative and judicial powers over the peasantry. The elective office of justice of the peace (mirovoi sudia) was to be abolished. The Pazukhin project became law on July 12, 1889. See the discussion in Zaionchkovskii, Rossiiskoe samoderzhavie, pp. 366-401.

10. From Shevchenko's famous poem, "The Caucasus," written in protest of Russia's conquest of the Caucasus. The poet denounces the oppressive silence imposed by tsarist tyranny over all peoples of the Empire.

11. G. A. Zakhar'in (1829-1897), physician and professor at the University of Moscow.

12. Father John of Kronstadt (1829-1908), priest of the Kronstadt parish and one of the most revered members of the secular clergy. He was called to Livadia palace in the Crimea to administer the Last Sacrament to Alexander III.

13. The wife of I. I. Petrunkevich. On the preparation of the address, see also the memoirs of Petrunkevich, Iz zapisok obschestvennogo deiatelia: vospominaniia, pp. 289-90.

14. M. A. Stakhovich (1861-1923) later became a prominent spokesman of the Octobrist party in the first two Dumas.

15. See note 24 of Chapter X.

16. A deputy from Bezhetsk District during 1894-1903.

17. V. N. Trubnikov was also marshal of nobility for Tver' District during 1891-1898.

18. On Golovachev, see note 8 of Chapter VIII.

19. Princes N. S. and P. A. Putiatin, conservative deputies from Vyshnevolotsk District.

20. V. P. Gasler, deputy from Vyshnevolotsk District and later chairman of the provincial zemstvo board during 1907-1909.

21. See note 13 of Chapter VIII.

22. D. V. Stasov (1828-1918), lawyer and participant in the work of the Novgorod Zemstvo, brother of the famous art historian and critic, V. V. Stasov.

23. Count P. A. Geiden (Heiden) (1840-1907), was for many years active in the zemstvo movement. He became a leader of the Octobrist party and, later, the party of Peaceful Reconstruction.

24. Minister of Internal Affairs, 1889-1895. Not to be confused with P. N. Durnovo, who held the same post in Witte's ministry during 1905-1906.

25. Here Rodichev's memory fails him. The newly elected board for the term 1895-97 was composed of Kvashnin-Samarin, Dem'ianov, and B. B. Kostylev, not Kharlamov, who had been a member of the immediately preceding board. Following the government's rejection of the new board, it appointed A. S. Paskin (Bezhetsk District) as chairman and P. M. Kariakin (Tver' District) and F. V. Ott (Vyshnevolotsk District) as members. See Sbornik materialov, VI, 232-33.

26. It is generally agreed that the speech had been drafted by Pobedonostsev. See Byrnes, Pobedonostsev, p. 240, and Arthur E. Adams,

"Pobedonostsev and the Rule of Firmness," Slavonic and East European Review, XXXII (December 1953), pp. 132-39.

27. In August 1904.

28. A. M. Kalmykova (1849-1926) also figured in the history of Russian Bolshevism as a friend and benefactor of Lenin and Krupskaia. She owned a bookstore and publishing house in St. Petersburg. Among other items she published Lenin's Development of Capitalism in Russia. See Bertram D. Wolfe, Three Who Made a Revolution (New York, 1948), pp. 103-104 and 130.

29. The following note appeared in the present article as published in Sovremennye zapiski: "In a letter to A. F. Rodicheva (of June 23, 1933), P. B. Struve communicates: 'The open letter to Nicholas II from the first to the last word was written by me and we distributed it with the participation of my friends. Fedor Izmailovich is mistaken in his record in two respects: 1) in mentioning that the letter was subjected to his preliminary review (censorship). This was not and could not have been, for reasons of haste, even feasible. 2) A. M. Potresov lived not with A. M. Kalmykova (as I did), but had his own apartment on Ozernyi lane.'"

30. The complete text of the "Open Letter" is given in P. B. Struve, "My Contacts with Rodichev," Slavonic and East European Review, XII (January 1934), pp. 352-54.

31. See Appendix D herein for the text of this brochure, as given in the typescript in the Rodichev Collection. The brochure as published had a somewhat different title: Pervaia tsarskaia rech'. La Premier discours du Tzar (Geneva: Ukrainskaia tipografiia, 1895).

Chapter XIII - K Pervoi Dume

Originally published in Poslednie novosti of May 10, 1931, under the title "Iz vospominanii." I have retained sub-headings as in the original.

1. Ustiuzhna is in fact but one of several towns designated by various authorities as the scene of the action that inspired Gogol's Inspector General.

2. Evidently the local peasant elections to the uezd peasant electoral assembly.

3. On Korsakov, see Chapter IX herein.

4. See note 20 of Chapter X.

5. M. P. Poiarkov was chairman of the Ves'egonsk zemstvo board in 1906 and 1907.

6. Kashin--the name of a city and district to the south of Ves'egonsk.

7. S. F. Golovin, who was from Staritsa District, immediately southwest of Tver'.

8. The future prominent Octobrist.

9. See note 23 to Chapter IX.

10. S. D. Kvashnin-Samarin, an outstanding liberal figure in the Tver' zemstvo, was in fact elected to the State Council. See B. B. Veselovskii, Istoricheskii ocherk, p. 586. E. V. de Roberti (1843-1915), who served as deputy in the Tver' zemstvo assembly from 1883 to 1906, was a sociologist of international repute.

11. Platov, the historian of the Bolshevik movement in Tver' Province, attributes this deed to the local Socialist Revolutionary group. Revoliutsionnoe dvizhenie v Tverskoi gubernii, p. 211.

12. V. D. Kuzmin-Karavaev (1859-1928), jurist and professor at St. Petersburg University, was a zemstvo deputy from 1897 to 1906. Together with M. M. Stasiulevich and M. M. Kovalevskii he founded the Party of Democratic Reforms, which while adhering to basic liberal principles stood somewhat to the right of the Kadet Party.

13. Eight deputies to the State Duma were elected from Tver' Province. The deputy whose name Rodichev fails to recall was the peasant N. I. Romashov. See also Rodichev's account, "Vybory v Tveri," Rech' (March 28, 1906), p. 1.

14. S. A. Muromtsev (1850-1910), professor at Moscow University and one of the founders of the Kadet Party, became chairman of the First State Duma.

15. The Dowager Empress, widow of Alexander III and formerly Princess Dagmar of Denmark.

16. The Grand Duke Vladimir Alexandrovich (1847-1909) was the third son of Alexander III and the oldest surviving uncle of Nicholas II.

17. The "Kresty" was a prison in St. Petersburg, so called because of its shape in the form of a cross. Completed in 1892, it was the pride of the Russian prison administration. See M. N. Gernet, Istoriia tsarskoi tiurmy (2nd ed.; Moscow, 1952), III, 368-9.

18. Among those waving and yelling for amnesty was none other than Alexander Kerensky, the future Head of the Provisional Government in 1917, who had been arrested on charges of complicity in the preparation of armed rebellion. See his memoirs, Russia and History's Turning Point (New York, 1965), p. 70.

Chapter XIV - Fevral'skaia Revoliutsiia

In the Rodichev Collection there is a lengthy, hitherto unpublished, typescript entitled "Zapis' F. L. Rodicheva o 1917 gode," which is presented here as Chapters XIV through XVIII. Chapter titles are the editor's, with the exception of that for Chapter XV.

1. The Duma had been dismissed on December 16, 1916. It reconvened on February 13, 1917, and was then prorogued on February 25.

2. N. I. Astrov was an active member of the Moscow City Duma and of the Moscow Province Zemstvo. He later wrote, with P. P. Gronsky, The War and the Russian Government (New Haven, 1929).

3. P. N. Miliukov (1859-1943), the famous historian, Kadet leader, and Foreign Minister in the early weeks of the Provisional Government.

4. N. M. Kishkin (1964-1932), a physician, became Minister of Welfare in the last Provisional Government. Subsequently he worked in the People's Commissariat of Public Health.

5. Probably N. V. Nekrasov, Kadet Party member and deputy chairman of the Fourth Duma.

6. A. A. Rittikh (1868-1930), Minister of Agriculture from December 1916 to February 1917.

7. The Extraordinary Investigating Commission was created on March 4, 1917, to investigate malfeasance in office of former tsarist officials. See Rodichev's account of his activity on this commission in Chapter XVII herein.

8. S. S. Khabalov (1858-1924), commander of the Petrograd Military District in 1916 and during the February Revolution.

9. During that period of Russian history known as the "Time of Troubles" (1598-1613), Metropolitan Filaret of Rostov--later to become all-powerful as father of the future tsar Mikhail Romanov and as Patriarch--associated himself for a time with the second False Dmitrii, who was known as the "Thief of Tushino." The headquarters of this army of adventurers and plunderers was at Tushino, a hamlet northwest of Moscow.

10. A. F. Kerensky (1881-1970), Chairman of the Council of Ministers, July-October 1917.

11. A. I. Konovalov (1875-1948), prominent industrialist, served as Minister of Trade and Industry and as Vice-Chairman in the Provisional Government.

12. Director of the Department of Police from March to September in 1916.

13. Newspaper of liberal orientation, published in Moscow.

14. I. G. Shcheglovitov (1861-1918), Minister of Justice, 1906-1915, and last Chairman of the State Council, January-February 1917. He was arrested on February 27, and executed by the Bolsheviks the following year.

15. Kolpino--the last station before Petrograd on the Moscow-Petrograd rail line, about fifteen miles from the capital.

16. V. M. Purishkevich (1870-1920), extreme reactionary leader in the last three Dumas and one of the participants in the murder of Rasputin.

17. A. D. Protopopov (1866-1918), last Minister of Internal Affairs in Imperial Russia, greatly favored by both Rasputin and the Empress Alexandra. On the "Protopopov machine-gun legend," see George Katkov, Russia 1917: The February Revolution (New York, 1967), p. 264.

18. See note 24 of Chapter VII.

19. P. N. Pereverzev, a radical lawyer, became procurator in the Petrograd Court of Appeals under the Provisional Government and later Minister of Justice during May-July 1917.

20. General M. A. Beliaev (1863-?), Minister of War during January-February 1917.

21. Sokolov (1870-1928), social-democrat and lawyer, was present at the founding of the Petrograd Soviet and was the chief author of the famous Order No. 1. Although he remained in Soviet Russia after 1917, he seems never to have become a Bolshevik. P. A. Krasikov (1870-1939), a veteran Leninist, is not credited with participation in the formation of the Petrograd Soviet.

22. M. V. Rodzianko (1859-1924), Octobrist and Chairman of the State Duma since 1911.

23. At an unofficial meeting of members of the Duma on February 27, a thirteen-man Temporary Committee was selected, headed by Rodzianko and broadly representative of most elements in the Duma with the exception of the extreme Right and the Bolsheviks. On March 2 the Temporary Committee announced, through Miliukov, the new Provisional Government. The Committee continued to function until October 9, 1917. It may be noted that Rodichev was not a member of this Committee.

24. B. A. Engel'gardt, colonel of the General Staff and member of the State Duma, was on February 27 appointed commandant of the Petrograd Military Garrison and chairman of the military commission of the Temporary Committee.

25. V. V. Shul'gin (1878-?), Nationalist in Second, Third, and Fourth Dumas. With A. I. Guchkov, Octobrist leader, he received the tsar's abdication at Pskov on March 2.

26. M. I. Skobelev (1883-1939), Menshevik deputy from Baku in the Fourth Duma and Vice-Chairman of the Petrograd Soviet.

27. M. S. Adzhemov (1878-?), Kadet member of the Second, Third, and Fourth Dumas from the Don Cossack Territory.

28. Prince D. L. Viazemskii (1884-1917), at one time a deputy to the Petersburg City Duma, attempted in

the early days of the February Revolution to rally units of the garrison in support of the Temporary Committee. See also note 31 below.

29. A. I. Guchkov (1862-1936), leader of the Octobrist Party and Chairman of the State Duma in 1910-11, became Minister of War and Navy in the Provisional Government of March 2, 1917.

30. The Chairman of the Petrograd Soviet was, in fact, the Menshevik N. S. Chkheidze.

31. A hand-written note in the typescript at this point states that Prince Viazemskii was killed within a few days, while riding in an automobile beside Guchkov. This incident occurred on the night of March 1-2. See Katkov, Russia 1917, p. 176.

32. On March 1, the Grand Duke Kirill Vladimirovich (1876-1938), first cousin of the emperor and commander of the Marine Guards, pledged before Rodzianko the support of himself and his men to the State Duma, i.e., prior to the abdication of Nicholas II. His son, Vladimir Kirillovich, is the present head of the Romanov family.

33. M. M. Vinaver (1863-1926), one of the founders of the Kadet Party and a deputy to the First State Duma from St. Petersburg.

34. Rodichev was replaced by Karl Enckell, later to be active as an emissary to Soviet Russia during the Finnish Civil War.

35. P. E. Svinhufud (1861-1944), nationalist leader and President (talman: Swedish for president or speaker) of the Finnish Seim from 1907 to 1913, had been in Siberian exile since 1914. He became regent of Finland in 1918.

36. V. I. Markov (1859-1919), Rodichev's predecessor, had been in office since 1913.

Chapter XV - Poezdka v Finliandiiu

1. Prince G. E. L'vov (1861-1925), head of the Provisional Government during March-July 1917.

2. Vice-Admiral A. I. Nepenin, Commander of the Baltic Fleet during 1915-1917, was killed by

mutinying sailors on March 4, a few hours before Rodichev's arrival in Helsinki. See "Feveral'skaia revoliutsiia v Baltiiskom flote (Iz dnevnika I. I. Rengartena)," Krasnyi arkhiv, XXXII (1929), p. 110.

3. Evidently a slip on Rodichev's part; he means Maksimov, not Makarov. Maksimov seems to have been collaborating with the mutinous sailors, and had gotten himself "elected" commander of the Baltic fleet even before Nepenin's murder. See Rengarten's diary (note 2, above) and V Tsarskoi Stavke: vospominaniia admirala Bubnova (New York, 1955), pp. 334-5.

4. F. A. Zein (1862-1918), Governor-General of Finland from 1909 to 1917.

5. Baron S. A. Korf (1876-1924), a professor of jurisprudence and assistant to the Governor-General of Finland during the period of the Provisional Government.

6. Sveaborg--the Russian naval base at the entrance to the harbor of Helsinki.

7. Princess Paley, Souvenirs de Russie (Paris, 1923), pp. 73-4.

8. D. D. Protopopov (1856-?), Kadet member of the First State Duma, assistant to Rodichev in his capacity as Commissar on Finnish Affairs for the Provisional Government. He had been elected to the central committee of the Kadet Party in 1906, the same year as Rodichev.

9. For Rodichev's impressions from his Finnish trip see also "Beseda s F. I. Rodichevym," Rech', March 14, 1917, pp. 5-6. Another report on Rodichev's experiences in Helsinki is to be found in A. Lukin, "Strashnye dni," Poslednie novosti, May 18, 1930.

10. The Octobrist Stakhovich was Governor-General from March to September 1917.

11. Enckell took office on April 4 and held it thereafter until the overthrow of the Provisional Government.

12. A reference to Markov, former Minister State Secretary for Finland. See last paragraph of preceding chapter.

13. Tal'man--the Speaker or President of the Finnish Seim, in this case P. E. Svinhufud, who had just arrived in the Russian capital from Siberian exile. The banquet in his honor was held on March 14. See the report in Rech', March 15, 1917, p. 4.

14. This was the seventh congress, held in Petrograd during March 25-28, 1917.

15. M. L. Mandel'stam, Moscow layer and member of the central committee of the Kadet Party.

16. The Vyborg lynchings occurred on august 29. The victims were generals and other officers of the 42nd Corps who were suspected of support for General Kornilov's revolt (August 26-30, 1917). See Browder and Kerensky, eds., The Russian Provisional Government, 1917, III, 1615-6. Soviet accounts agree on the figure of eleven officers lynched. See M. I. Kapustin, Zagovor generalov (Iz istorii kornilovshchiny i ee razgroma) (Moscow, 1968), pp. 244-5, and N. Ia. Ivanov, Kornilovshchina i ee razgrom (Leningrad, 1965), p. 163.

17. The town of Kalushch in Galicia had been taken by Russian forces on June 28, 1917, during the offensive launched on the Southwestern Front. In the subsequent retreat of the Russians it and other towns in the area became scenes of widespread disorder, mutiny, and violence on the part of masses of soldiers.

18. Rodichev discusses the Moscow State Conference and the role of General L. G. Kornilov (1870-1918), then Commander-in-Chief of the Russian army, in Chapter XVIII.

19. Added in handwriting to the typescript at this point is the name: Count Pavel Mikhailovich Tolstoi. During 1917 Tolstoi worked in the political department of the Ministry of War. The assertion attributed by Rodichev to Kornilov, i.e., that 10,000 officers had been killed by Russian soldiers, is not to be found in the speech of Kornilov to the State Conference, for the text of which see Browder and Kerensky, The Russian Provisional Government, 1917, III, 1474-8.

20. The proposed Stockholm Conference never took place. Invitations had been sent out to all socialist parties and factions by a Dutch-Scandinavian organizing committee on

April 22, 1917 (N. S.), but opposition of governments and dissension among socialists rendered the plan abortive. This congress is not to be confused with the Stockholm (Third) Conference of the Zimmerwald movement, held in September 1917.

21. Grimm was a major figure in the anti-war Zimmerwald movement, and widely suspected, without foundation, of being a German agent. Miliukov refused him entry into Russia, but after Miliukov's resignation Grimm was permitted to enter, supported by socialist members of the coalition government formed in May. His independent action in soliciting information respecting the war aims of the belligerents from the Swiss Federal Councilor Hermann Hoffman deepened the belief that he was acting in Germany's interests. He was expelled from Russia in early June. For the Grimm affair, see Olga Hess Gankin and H. H. Fisher, eds., The Bolsheviks and the World War (Stanford University Press, 1940), pp. 613-29.

22. I. G. Tsereteli and M. I. Skobelev, both Mensheviks, became Ministers of Posts and Telegraphs and of Labor, respectively, in the period of the first coalition government (May 5 to July 2).

23. Alexandra Kollontai (1872-1952), a Bolshevik since 1915 and member of the Executive Committee of the Petrograd Soviet in 1917.

24. The text of the intercepted telegram is in Gankin and Fisher, eds., The Bolsheviks and the World War, pp. 621-2, and in Browder and Kerensky eds., The Russian Provisional Government, 1917, II, 1180.

Chapter XVI - Polozhenie v armii

1. The First Congress of Soldiers and Workers Deputies of the Western Front took place in Minsk during April 7-16. Approximately 1300 delegates and guests were present. Velikaia oktiabr'skaia sotsialisticheskaia revoliutsiia: khronika sobytii, vol. I (Moscow, 1957), p. 398.

2. V. I. Gurko (1864-1937), commander of the Western Front during March-May 1917. See his account of

the congress in his War and Revolution in Russia, 1914-1917 (New York, 1919), pp. 348 ff.

3. Kadet member of the Third and Fourth Dumas.

4. The defeat at the Stokhod river, a southern tributary of the Pripet, occurred on March 21, and was the result of a sudden German attack upon an isolated Russian beachhead on the western bank of the river. Politically, this German action weakened credibility in Germany's announced desire for peace and helped to restore a fighting spirit at the front. See Browder and Kerensky, eds., The Russian Government, 1917, II, 842 and 929-30.

5. Member of the Progressive Party and deputy to the Third and Fourth Dumas.

6. A. E. Badaev (1883-1951), veteran Bolshevik and member of the Fourth Duma.

7. Chairman of the All-Russian Union of Zemstvos on the Western Front.

8. Posner was then chairman of the Minsk Soviet. General Gurko says that Posner was then a Socialist-Revolutionary, only later became a Bolshevik. War and Revolution in Russia, 1914-1917, p. 340.

9. Rodzianko.

10. The congress was held during May 7-19.

11. According to the reportage in Rech', there were 265 votes for a resolution acknowledging the authority of the Provisional Government, which would be responsible to the soviets until the convening of the Constituent Assembly, another 246 votes for a resolution recognizing the Provisional Government as sole authority, while roughly another third of the delegates were absent. See the issues for May 14 and 16, 1917.

12. Member of the central committee of the Kadet Party.

13. Kokoshkin (1871-1918), professor of constitutional law and member of the central committee of the Kadet Party; later in 1917 became State Comptroller in the third Provisional Government.

14. On Linde and the April 20 demonstration against Miliukov's note on war aims, see William Henry Chamberlin, The Russian Revolution, 1917-1921

(2 vols.; New York, 1935), I, 143-5. On the April crisis in broader scope, see the memoirs of Irakli Tsereteli, "Reminiscences of the February Revolution: The April Crisis," Russian Review, XIV (1955), 93-108, 184-200, 301-21, and XV (1956), 37-48.

15. Kornilov resigned as Commander of the Petrograd Military District at the end of April; he had been recommended to this post on March 2 by the Temporary Committee of the Duma, and the emperor, in one of his last acts, had concurred.

16. The Herzen meeting was held on May 4 and included as speakers such luminaries as Miliukov, Rodichev, Plekhanov, and Vera Figner. See the announcement in Rech', May 2, 1917.

17. This speech was given at the Eighth Congress of the Kadet Party, held during May 9-12. For the speech, see p. 3 of Rech', May 11, 1917, and the "Open Letter to F. I. Rodichev" on p. 6.

18. Actually Guchkov resigned first, on May 1, followed by Miliukov two days later.

19. On this assembly, which met on April 27, the eleventh anniversary of the convening of the First State Duma, see Browder and Kerensky, eds., The Russian Provisional Government, 1917, III, 1258-67.

20. Rodichev now turns to the uprising in Petrograd known as the "July Days," i.e., the events of July 3-7, which resulted in a temporary setback to the Bolsheviks and saw the displacement of Prince L'vov by Kerensky as head of the Provisional Government.

21. For the published charges against the Bolsheviks, see Browder and Kerensky, eds., The Russian Provisional Government, 1917, III, 1364-5.

22. The home of the ballet-dancer Kshesinskaia had been seized by the Bolsheviks in March; the dacha of former tsarist minister Durnovo, situated on the Vyborg Side, had been taken over by anarchists. Both buildings were occupied by government forces on July 6.

23. A. S. Zarudnyi, Minister of Justice in the third Provisional Government and member of the Popular Socialist Party.

24. General P. A. Polovtsev was Kornilov's successor as Commander of the Petrograd Military District.

25. This was the attack of Kornilov's Eighth Army, beginning on June 23 and meeting initially with spectacular success. It followed by a week the earlier advances made by the Seventh and Eleventh Armies of the Southwestern Front into Galicia.

26. Rodichev refers to the meeting on the night of July 21-22 in the Malachite Hall of the Winter Palace, which sought to resolve the governmental crisis caused by Kerensky's inability to form a new cabinet after the July Days and by Kerensky's own resignation. The meeting was attended by representatives of the government and by the central committees of the major parties (excepting the Bolsheviks).

27. Then Deputy Chairman of the Provisional Government.

28. B. V. Savinkov (1879-1925), nominally a Socialist-Revolutionary, was at the time Commissar for the Southwestern Front. His speech is given in Rech', July 23, 1917, p. 4.

Chapter XVII - Sledstvennaia Komissiia

In the "Zapis' F. I. Rochicheva o 1917 gode" (presented herein as Chapters XIV-XVIII) the material given in the present chapter falls at the very end. For better chronological order I have placed this part of the "Zapis'" here, i.e., before the account in Chapter XVIII of Rodichev's later experiences in 1917 and early 1918.

1. Murav'ev was a Social Democrat who had won some measure of fame as a lawyer in political trials. According to V. A. Maklakov, he himself had first been offered the chairmanship by Kerensky. See his preface to La Chute du regime tsariste (Paris, 1927), p. 16.

2. Prince D. O. Bebutov (1859-1917), Kadet and member of the masonic movement. That he was an agent provocateur is asserted by Mrs. A. V. Tyrkova-Williams in her Na putiakh k svobode (New York, 1952), which is quoted in Katkov, Russia 1917: The February Revolution, pp. 163-4. Katkov believes that Bebutov while in Germany had been in contact with the intelligence department of the German

General Staff (p. 66, note 2). Rodichev may not have been cognizant of any of this.

3. Sokolov served on the Investigating Commission as the representative of the Executive Committee of the Petrograd Soviet.

4. M. Iu. Kozlovskii (1876-1927), veteran member of the Social Democracy of the Kingdom of Poland and Lithuania and later a Bolshevik, served on the Executive Committee of the Petrograd Soviet. Evidently he was an important link in the flow of German funds to the Bolshevik Party in 1917. See Katkov, Russia 1917: The February Revolution, pp. 109-10. I have been unable to determine Kozlovskii's connection with the "ritual case" mentioned by Rodichev, which may be a reference to the famous Beilis trial of 1913.

5. I. F. Manasevich-Manuilov (1869-1918), notorious blackmailer and one-time police agent, was arrested in August 1916; his trial ended just before the outbreak of the February Revolution. As he had been a close associate of both Stürmer and Rasputin, the case, in which he was found guilty of blackmail, caused a great scandal. Ibid., p. 67.

6. Zein, last tsarist Governor-General of Finland, had been arrested during the February Revolution.

7. Count V. B. Frederiks (1838-1927), Minister of the Imperial Court from 1897 to 1917.

8. General P. G. Kurlov (1860-1923), as Commander of the Corps of Gendarmes and assistant for police matters to the Minister of Internal Affairs, was in charge of security arrangements for the tsar's visit to Kiev in 1911, during which P. A. Stolypin (1862-1911), Chairman of the Council of Ministers since 1906, was assassinated.

9. S. F. Ol'denburg (1863-1934), secretary of the Imperial Academy of Sciences since 1904 and Minister of Education during July and August 1917, became a member of the Investigating Commission in April. See also note 21 of Chapter IX.

10. Senator S. V. Zavadskii, formerly the procurator of the St. Petersburg sudebnaia palata, was one of the two deputy chairmen of the Investigating Commission. He resigned from the Commission on May 16. Padenie tsarskogo rezhima: Stenografi-

cheskie otchety doprosov i pokazanii dannykh v 1917 g. v Chrezvychainei sledstvennoi komissii Vremennogo Pravitel'stva (7 vols.; Leningrad-Moscow, 1924-27), I, viii.

11. S. E. Kryzhanovskii (1862-1934), head of the chancellery of the State Council from 1911 to 1917.

12. N. E. Markov (1876-?), a leader of the extreme right in the Third and Fourth State Dumas. Known as "Markov the Second" from the practice of numbering, according to age, those deputies having the same last name.

13. N. A. Maklakov (1871-1918), extreme reactionary and Minister of Internal Affairs during 1913-15. He was the brother of V. A. Maklakov, the Kadet leader.

14. See note 17 of Chapter XIV.

15. A. N. Khvostov (1872-1918), Minister of Internal Affairs from September 1915 to March 1916 and a leader of the right in the Duma. Not to be confused with his uncle, A. A. Khvostov (1857-1922), who also served as Minister of Internal Affairs (July-September 1916).

16. N. A. Dobrovol'skii (1854-1918), Minister of Justice from December 1916 to the February Revolution.

17. A. A. Vyrubova (1884-1964), confidante of tsarina Alexandra and friend of Rasputin. At this time she was being kept a prisoner in the Peter and Paul fortress.

18. Dr. I. I. Manukhin, prison physician at the Peter and Paul fortress. On this incident see N. N. Sukhanov, The Russian Revolution 1917: Eyewitness Account (2 vols., edited, abridged and translated by Joel Carmichael; New York, 1955), II, 407-11.

19. A. A. Makarov (1857-1919), Minister of Internal Affairs in 1911-12 and of Justice from July to December 1916.

20. The Political Red Cross was a general name for those circles and groups that sought to help political prisoners and exiles. Their origins in Russia go back to the 1870s.

21. By the Provisional Government on March 12, 1917.

22. V. A. Tolmachev (1853-?), Commander of the Corps of Gendarmes in 1912-13.

23. Etienne de La Boétie (1530-1563), French magistrate and author of the famous essay against tyranny, Discours de la servitude volontaire.

24. Words traditionally ascribed to Axel Oxenstjerna (1583-1654), Chancellor of Sweden, on his departure to the peace congresses in Westphalia ("An nescia, mi fili, quantilla prudentia mundus regatur").

25. Narkom--narodnyi komissar.

26. S. P. Beletskii (1873-1918), Director of the Police Department in 1912-15, and Deputy Minister of Internal Affairs in 1915-16.

27. A. N. Naumov (1868-1937), Minister of Agriculture during 1915-16, was formerly active in zemstvo work in Samara Province. In the ministry he was favorably disposed towards zemstvo and other public initiative in meeting the growing difficulties in food supply.

28. A slip on Rodichev's part. Bobrinskii (see note 7 of Chapter XI) replaced Naumov, not Stürmer, in July 1916. In that same month Stürmer did quit as Minister of Internal Affairs (and was succeeded by A. A. Khvostov) and became Minister of Foreign Affairs (succeeding S. D. Sazonov). Stürmer was, of course, at the same time Chairman of the Council of Ministers.

29. S. S. Manukhin (1856-1921), Senator and former Minister of Justice (in 1905), headed the commission appointed by the government to investigate the Lena goldfields massacre of 1912.

30. A slip--Rodichev means Makarov, not Malinovskii.

31. The famous police agent, elected deputy to the Fourth Duma from the workers' curia in Moscow. See also note 36 of Chapter II.

32. On this unwitting collaboration of Lenin with the tsarist police see Wolfe, Three Who Made a Revolution, pp. 546-7.

33. General V. F. Dzhunkovskii (1865-1917), Commander of the Corps of Gendarmes and assistant to the Minister of Internal Affairs in 1913-15. He caused the dismissal of Malinovskii from police

service in May 1914, at which time Malinovskii also resigned from the Duma. Ibid., 549-50.

34. L. V. Kamenev (1883-1936), prominent Bolshevik veteran, executed during the Great Purges.

35. P. E. Shchegolev, the editor of the seven-volume Padenie tsarskogo rezhima, joined the Investigating Commission in July 1917 in his capacity as head of a special commission set up by the Provisional Government to investigate the activities of the tsarist police department. See Padenie tsarskogo rezhima, I, viii.

36. Serving as chief editorial assistant to the Investigating Commission was the famous poet A. A. Blok. Katkov has reported that the "whole record of the proceedings of the Commission is still preserved intact in the Soviet Union, and is even available to researchers there." See his Russia 1917: The February Revolution, p. 439.

37. M. P. Miklashevskii and L. Ia. Gurevich assisted Blok with the editing of the stenographic reports.

38. The report by Murav'ev to the First All-Russian Congress of Soviets is given in Padenie tsarskogo rezhima, I, ix-xxi.

39. At this point two brief paragraphs in Rodichev's manuscript have been omitted; the material duplicates that at the beginning of Chapter XVIII herein.

Chapter XVIII - Avgust-Dekabr' 1917

1. See the preceding chapter.

2. K. K. Chernosvitov (1866-1919), member of the Kadet Party and deputy to the first three Dumas.

3. A. F. Bobianskii (1853-?), member of the Kadet Party, lawyer, and deputy to the Third Duma.

4. V. F. Zeeler, member of the Kadet Party, and N. E. Paramonov (see note 5 below) were at the head of a citizens' committee set up in Rostov on March 2, 1917. See Velikaia oktiabr'skaia sotsialisticheskaia revoliutsiia: khronika sobytii, I, 46.

5. Paramonov, a Kadet, was a millionaire coal industrialist. Like Zeeler he later became active in the political affairs of the Volunteer Army. He also served the government of the Don region.

6. Founded in 1916.

7. Krug--an elected council in the Cossack territories. This krug met on August 2, 1917.

8. General A. M. Kaledin (1861-1918), Ataman of the Don Cossacks from June 17, 1917 to January 29, 1918.

9. General M. P. Bogaevskii (1881-1918), chief aide to Kaledin.

10. V. A. Kharlamov (1875-?), member of the Kadet Party and deputy from the Don region to all four Dumas.

11. Inogorodnie--peasants living in Cossack territories but non-members of the Cossack estate. Virtually aliens and rightless, the inogorodnie of the Don constituted in 1914 no less than 48 per cent of the population but owned only 10 per cent of the arable land. See Peter Kenez, Civil War in South Russia, 1917 (Berkeley-Los Angeles-London, 1971), pp. 38-9.

12. Evidently a reference to the action of the Kronstadt sailors on July 4, when they joined the great demonstration in front of the Tauride Palace.

13. Held August 12-15.

14. K. L. Bardizh (1868-1918), Kuban Cossack and Kadet member of all four Dumas, was Commissar in 1917 for the Provisional Government in the Kuban region.

15. Friedrich Adler (1879-1960), the son of the Austrian socialist Victor Adler, was condemned to death in 1917 for his assassination of the Austrian Prime Minister, Count Stürgkh, in the previous year; this sentence was later commuted to eighteen years hard labor, but Adler was freed by the Austrian revolution in November 1918.

16. These three famous veterans of the revolutionary movement--populist, anarchist, and Marxist, respectively--had returned to Russia in the spring of 1917--from Siberia, from England, and from Italy. All were supporters of the Provisional Government.

17. See Chapter XVI herein.

18. General M. V. Alexeev (1857-1918), Chief of Staff to Nicholas II and his successor as Commander-in-Chief during March-May 1917.

19. A. A. Bublikov (1875-?), engineer and Progressist in the Fourth Duma.

20. V. M. Chernov (1876-1952), founder and chief theoretician of the Socialist Revolutionary Party. He was Minister of Agriculture at the time of the Moscow State Conference.

21. D. B. Riazonov (1870-1933), veteran socialist and trade unionist, later to become director of the Marx-Engels Institute in Moscow.

22. Rodichev refers to a speech of conciliation made by Bishop Lamourette of Lyons in July 1792 to disputing factions in the French Legislative Assembly. The speech evoked a highly emotional but short-lived display of unity.

23. N. N. Shchepkin (1854-1919), member of the central committee of the Kadet Party and deputy to the Third and Fourth Dumas.

24. General A. I. Denikin (1872-1947), in 1917 Commander of the Western and Southwestern Fronts, successively; during 1918-20 leader of the famous Volunteer Army.

25. These words are from the fourth verse of the Orthodox hymn, "Kheruvimskaia pesn'," in which reference is made to angelic hosts bearing gifts. For this identification I am indebted to Dr. Denis Mickiewicz, Professor of Russian at Emory University.

26. V. B. Stankevich, lecturer in criminal law at St. Petersburg University and member of the Popular Socialist Party, was Commissar of the Provisional Government to army headquarters during September-October 1917. He personally led the relief detachment to the telephone exchange. See his Vospominaniia, 1914-1919 g. (Berlin, 1920), pp. 262-64.

27. Evidently a reference to Kerensky's concluding speech, which ended highly emotionally ("Let my heart turn to stone," etc.). For this speech, see Browder and Kerensky, The Russian Provisional Government, 1917, III, 1510-15.

28. General A. A. Brusilov (1853-1926), Commander-in-Chief from late May to mid-July 1917.

29. On this incident, see Brusilov's A Soldier's Note-book, 1914-1918 (Westport, Connecticut, 1971), pp. 316-7.

30. Jules Michelet (1798-1874), famous French historian.

31. P. B. Struve (1870-1944), noted economist, historian, and philosopher, who moved from Marxism (author of the 1898 Manifesto of the Russian Social Democratic Labor Party) to liberalism (editorship of Osvobozhdenie and membership in the central committee of the Kadet Party).

32. General A. I. Verkhovskii (1866-1941), Minister of War during September-October 1917.

33. All three were prominent figures in the Moscow business community. S. A. Smirnov and S. N. Tret'iakov were chairman and deputy chairman, respectively, of the Moscow War Industries Committee. In Kerensky's last government Smirnov became State Comptroller and Tret'iakov chairman of the Economic Council (designed to oversee national economic planning).

34. The Pre-Parliament, or Council of the Republic, was established by the Petrograd Democratic Conference in October and ultimately included 555 members. It was to function as a preliminary parliament until the convening of the long-awaited Constituent Assembly.

35. The State Duma was officially dissolved on October 6, along with the State Council.

36. Trotsky's speech as given in Browder and Kerensky, The Russian Provisional Government, 1917, III, 1728-9, makes no reference to Miliukov.

37. M. A. Spiridonova (1884-1941), a leader of the Left Socialist Revolutionaries.

38. General V. G. Boldyrev (1875-?), Commander of the Fifth Army in World War I and later active in the White forces in Siberia.

39. L. I. Aksel'rod (Ortodoks) (1868-?), veteran Menshevik, was in 1917 a member of Plekhanov's Edinstvo group.

40. Vera Figner (1852-1942), active in the populist movement of the 1870s and 1880s.

41. See note 12 to Chapter I.

42. E. D. Kuskova (1869-1958), prominent writer in the Social Democratic and, later, liberal movements, wife of S. N. Prokopovich, Minister of Food Supplies in Kerensky's last government.

43. N. N. Kutler (1859-1924), Kadet member of the Second and Third Dumas, earlier Deputy Minister of Internal Affairs and of Finance.

44. In Petrograd the elections were held during November 12-14. Of the Kadet ticket only Miliukov, Vinaver, Kutler, and Rodichev were elected.

45. Of approximately 700 deputies elected to the Constituent Assembly there were only 15 Kadets.

46. A. I. Shingarev (1860-1918), physician and Kadet, Minister of Finance (March-May) and of Agriculture (May-July) in 1917.

47. Countess S. V. Panina, step-daughter of I. I. Petrunkevich, was a member of the Central Committee of the Kadet Party and Deputy Minister of Welfare in Kerensky's last government.

48. This was the morning of November 28, i.e., that day set by the Provisional Government for the convening of the Constituent Assembly by its law of August 9.

49. A daily newspaper published in St. Petersburg between 1862 and 1901.

50. P. I. Novgorodtsev (1866-1925), Kadet and philosopher of jurisprudence.

51. See note 2 of Chapter XIV.

52. By a decree of the Council of People's Commissars on November 28 the leaders of the Kadet Party were declared enemies of the people and were to be arrested. Newspaper accounts of the time state that Rodichev was arrested, along with Panina, Kokoshkin, Shingarev, and others (Delo Naroda and Novaia zhizn' of November 30, 1917), but Rodichev eluded arrest at this time. A. L. Fraiman repeats the error in his Forpost sotsialisticheskoi revoliutsii (Leningrad, 1969), p. 166.

53. Prince P. D. Dolgorukov (1866-1927), one of the founders of the Kadet Party and member of the Second Duma.

54. The "private conference" of approximately fifty members of the Constituent Assembly began at two o'clock on the 28th. The deputies planned to hold daily meetings thereafter until enough members arrived to make a quorum. See James Bunyan and H. H. Fisher, eds., The Bolshevik Revolution, 1917-1918: Documents and Materials (Stanford, 1934), p. 356.

55. Shreider, a Socialist Revolutionary, had been elected Chairman of the Petrograd City Duma in 1917.

56. P. A. Sorokin (1889-1968), Socialist Revolutionary, secretary to Kerensky in 1917; later, professor of sociology at Harvard University.

57. M. V. Vishniak (b. 1883), Socialist Revolutionary and secretary of the Pre-Parliament and of the later Constituent Assembly.

58. E. Ia. Korsakova (née Makarova) was the widow of Rodichev's old friend from zemstvo days, Pavel Korsakov, who had died in 1908. See Chapter IX herein.

Appendix A - Pis'mo F. I. Rodicheva k E. P. Ushakovoi

This letter to a relative (Rodichev's mother was née Ushakova) recounts Rodichev's experiences following his departure from Petrograd in September 1918. He travelled first to anti-Bolshevik centers in southern Russia and then, in 1919, went abroad, never to return to his homeland.

1. Sofiia Fedorovna, who married G. F. Bernatskii.

2. In the original "Toropovo" is inserted at this point in handwriting.

3. The line of German occupation at this time extended just beyond Pskov, which had been held by enemy forces since February 26, 1918.

4. Rodichev's wife.

5. See note 9 to Chapter X.

6. Petliura's forces took Kiev on December 14, 1918, whereupon General Skoropadskii resigned the Hetmanate.

7. General Count Keller was Commander-in-Chief of the Hetmanate forces during November 19-26, 1918.

8. From mid-December 1918 until early April of the following year Odessa was occupied by a small French military contingent.

9. A daily newspaper, published since 1880.

10. See note 5 to Chapter XVIII.

11. At Gaspre was the estate of Countess S. V. Panina, the step-daughter of I. I. Petrunkevich, who lived there after his retirement from practical politics.

12. Bolshevik forces held the Crimea during March-April 1919.

13. Wife of I. I. Petrunkevich.

14. Rodichev had served as a volunteer in 1876 during the Serbian struggle against the Ottoman Empire. See Chapter VI herein.

15. M. V. Chelnikov (1863-?), Kadet member of the Second, Third, and Fourth Dumas, and Mayor of Moscow and Chairman of the Union of Towns in 1914-17.

16. Count V. A. Bobrinskii (1867-1917), Nationalist leader in the last three Dumas.

17. Prince L'vov, former head of the Provisional Government in March-July 1917, was then chairman of the Russian Political Conference in Paris, established to represent Russia in the peace settlement and to promote Allied support for the anti-Bolshevik movement. See John M. Thompson, Russia, Bolshevism, and the Versailles Peace (Princeton, 1966), esp. pp. 66-78.

18. These elderly females were Herzen's daughters Natalia (1844-1936) and Olga (1850-1953). Olga was the widow of the noted French historian, Gabriel Monod (1844-1912), founder of the Revue historique. I have not been able to identify

further their son, the "one-legged professor" mentioned by Rodichev.

19. Formerly in Denikin's service in South Russia with the Volunteer Army.

20. Rodichev's older brother, who died in 1919.

21. See Appendix B.

22. Struve was then the chief representative abroad of Baron Vrangel, last Commander of the Volunteer Army.

23. Grodno was occupied by Red forces in July 1920.

24. A. V. Krivoshein (1858-1923), Head of the Chief Administration of Land Organization and Agriculture during 1908-15, and chief assistant for civil affairs to Baron Vrangel in 1920.

25. Very probably V. L. Burtsev (1862-1942), the well-known ex-revolutionary, publicist, and exposer of the double-agent Azev.

26. Rodichev's younger daughter, Alexandra Fedorovna.

27. I. V. Gessen (1866-1943), a founder and member of the central committee of the Kadet Party; in emigration, he edited in Berlin the newspaper Rul' and the journal Arkhiv russkoi revoliutsii.

28. Maurice Conradi, a former Russian Army officer of Swiss descent, shot and killed on May 10, 1923 the Soviet diplomat V. V. Vorovskii, then in Lausanne. The Soviet press charged a conspiracy by Russian émigrés. Conradi's trial was held during November 5-16 of that year; he was acquitted.

29. Vasilii Belavin (1866-1925), installed as Patriarch Tikhon in November 1917, openly opposed the Soviet state for several years but capitulated in June 1923.

30. Monsignor Konstanty Budkiewicz, Vicar of St. Catherine's Church in Petrograd and deputy to the head of the Roman Catholic Church in Russia, Archbishop Cieplak, was sentenced to death after a trial in March 1923.

31. At this point in the typescript copy it is indicated that on the original letter are written, possibly by E. P. Ushakova, the words: "Answer this--my impression of Tikhon in Moscow 1923."

Appendix B - Pis'mo
F. I. Rodicheva k A. R. Lednitskomu

This lengthy letter to an old and dear friend was written by Rodichev over a period of several weeks in 1932, from the end of October to the middle of December. It is a remarkable summary and evaluation of Rodichev's life, which was to end the following February. The letter bears this address: Pension Lugrin, 64 Av. Rumine, Lausanne. Lednicki (1866-1934) was an outstanding leader of the Polish national movement, a member of the central committee of the Kadet Party, and a deputy to the First State Duma.

1. Rodichev's wife had died in February 1932.

2. Rodichev's brother-in-law.

3. Dziady ("Forefathers"), the great drama of the Polish poet Adam Mickiewicz.

4. The Address of 1879, a response to Alexander II's appeal of November 20, 1878, to the Russian public for aid in combatting the rising wave of terrorism. For the text of the Address, see Mneniia zemskikh sobranii o sovremennom polozhenii Rossii (Berlin, 1883), pp. 85-90.

5. This, the first congress of zemstvo-constitutionalists, met during March 1879.

6. Rodichev undoubtedly means V. A. Gol'tsev (1850-1906), the organizer of the congress and for years editor of Russkaia mysl'.

7. On this famous Address, see Chapter XII and Appendix D herein.

8. Lorenz von Stein, Die drei Fragen des Grundbesitzes (Stuttgart, 1881). Stein was a professor at Kiel and Vienna, and the author of an influential work, Der Sozialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs, published in 1842, which contributed greatly to the spread of socialist ideas in Germany.

9. Prince L. D. Viazemskii (1848-1909), member of the State Council, had intervened to protect the student demonstrators from beatings by police and cossack units sent to disperse them. The incident took place in 1901. See Gurko, Features and Figures of the Past, p. 100.

10. This was Leo Tolstoy, the famous writer. On his reaction to the Kazan demonstration, see Simmons, Leo Tolstoy, pp. 657-8.

11. Pravo was a weekly juridical newspaper appearing in St. Petersburg from 1898 to 1917.

12. A. Swietochowski (1849-1938), Polish writer, was the leader of the Progressive-Democratic Union formed illegally in December 1904, which had close contacts with the Russian liberals.

13. F. Rodichev, "Vopros advokatskoi nravstvennosti i prava," Pravo, January 25, 1904, cols. 230-34. I. V. Gessen (1866-1943) was on the editorial staff of Pravo and also co-editor, with Miliukov, of Rech'.

14. These meetings at Lednicki's spacious Moscow home at No. 1, Krivonikolsky Lane, resulted in warm and lasting friendship between Rodichev and Lednicki. The strength of their relationship is testified to by Maklakov in his "F. I. Rodichev i A. R. Lednicki," Novyi zhurnal, XVI (1947), pp. 240-51, and by Lednicki's son Waclaw, in his "Vokrug V. A. Maklakova," Novyi zhurnal, LVI (1959), pp. 241 and 249.

15. S. G. Worcell (1799-1857) participated in the Polish Revolt of 1830; subsequently in emigration he was a leader of the left wing among Polish exiles.

16. This deputation, headed by Prince Sergei Trubetskoi, was received by the emperor on June 6, 1905.

17. As a member of the First Duma's delegation to the Inter-Parliamentary Congress. During Rodichev's absence occurred the dissolution of the Duma and the issuance of the Vyborg Manifesto. As he had not signed the Manifesto, Rodichev was not barred from future Duma elections.

18. The "Shornikova affair," in which a female police agent, having infiltrated the Social-Democratic organization, fabricated documents linking the Social-Democrats in the Second Duma with conspiratorial activity in the armed forces. These documents were used as Stolypin's pretext for dissolving the Duma.

19. Roman Dmowski (1864-1939), deputy to the Second and Third Dumas and leader of the Polish National Democratic Party.

20. Poland's representation was reduced from 36 to 14.

21. While in prison N. G. Chernyshevskii translated and annotated sections of Kinglake's history of the Crimean War. This translation was published in 1869. See Venturi, Roots of Revolution, p. 145, and Sovetskaia istoricheskaia entsiklopediia, VII (Moscow, 1965), col. 244.

22. N. P. Shubinskii (1853-1920), Octobrist member of the Third and Fourth Dumas, had been a deputy from Kaliazinsk District to the Tver' provincial assembly during the 1880s and 1890s. Rodichev himself was elected to the Third Duma from the city of St. Petersburg, not from Tver' Province.

23. A. S. Paskin, Nationalist in the Third and Fourth Dumas, had been a leader of the right wing in the Tver' zemstvo as deputy from Bezhetsk District. Enjoying the favor of the governor of Tver', Paskin had been appointed chairman of the zemstvo uprava in 1894 after the administration's rejection of the elected chairman. See Veselovskii, Istoricheskii ocherk, p. 573.

24. General G. A. Skalon (1847-1914), Governor-General of Warsaw from 1905 to 1914.

25. Rodichev's speech was delivered on November 17, 1907, at the eighth sitting of the first session. The text is in Gosudarstvennaia Duma, Tretii sozyv, Stenograficheskie otchety, Part I (St. Petersburg, 1908), columns 390-97.

26. Purishkevich had addressed the Duma immediately before Rodichev.

27. "Murav'ev collar," i.e., the hangman's noose--a reference to the executions carried out in the Lithuanian provinces following the Polish revolt of 1863 by Governor-General M. N. Murav'ev.

28. Rodichev does not mention the fact that Miliukov also rose to his feet. Describing the incident of the "Stolypin necktie" remark years later, Miliukov recalled that he had felt it a "moral impossibility" to remain seated, but acknowledged that his act of rising "remained to this moment my cas de conscience." P. N. Miliukov, Vospominaniia (1859-1917) (New York, 1955), II, 21-2.

29. E. P. Gegechkori (1879-1954), Menshevik deputy to the Third Duma from Georgia.

30. Probably P. N. Krupenskii (1863-?), Nationalist member of the Duma from Bessarabia.

31. F. N. Plevako (1843-1908), Moscow lawyer and Octobrist deputy.

32. There was no challenge by Stolypin to a duel, as was rumored at the time. On this, see the letter by Rodichev's daughter Alexandra, "Pis'mo v redaktsiiu," Novyi zhurnal, XXXVIII (1954), pp. 302-4, in which she quotes from a letter to her from V. A. Maklakov, who explained the technical aspects of such a challenge. See also, on the Rodichev-Stolypin encounter, A. F. Rodicheva, "F. I. Rodichev i P. A. Stolypin (pis'mo v redaktsiiu)," Novyi zhurnal, XXXIV (1953), pp. 294-96, and A. Tyrkova-Williams, Na putiakh k svobode (New York, 1952), pp. 370-73.

33. This was the maximum penalty under the circumstances.

34. Harold Williams, linguist, journalist, and author of Russia of the Russians, was correspondent in Russia during 1904-1918 for several British newspapers. At this time he worked for the Morning Post.

35. Tyrkova-Williams was a member of the central committee of the Kadet Party.

36. Count V. A. Bobrinskii (1867-1927), Nationalist leader in the last three Dumas.

37. In 1909 a bill was introduced in the Duma to create a new Russian province of Kholm (Chmel, in Polish) from the western districts of the Polish provinces of Lublin and Sedlets (Siedlce). After long debate it became law in 1912. See the discussion in Edward Chmielewski, The Polish Question in the Russian State Duma (Knoxville, 1970), ch. 6, and in Avrekh, Stolypin i tret'ia duma, ch. 3.

38. Evlogii (1868-?), Orthodox Bishop of Kholm and member of the Second and Third Dumas, was a leading proponent of the separation of Kholm from Poland.

39. On this prohibition, see Miliukov, Vospominaniia (1859-1917), II, 19.

40. The law of June 1910, which seriously curtailed Finnish autonomy.

41. The bill for the establishment of zemstvo institutions in six western provinces (Kiev, Volynia, Podolia, Minsk, Mogilev, and Vitebsk), in which landowners (largely Polish) suffered serious discrimination, was introduced by the government in May 1910. Passed by the Duma but defeated by the State Council, it was promulgated under Article 87. See the discussions in Chmielewski, The Polish Question, ch. 5, and in Avrekh, Stolypin i tret'ia duma, pp. 108-50.

42. The date was February 25 (Old Style).

43. March 1, 1917 (Old Style) fell on a Wednesday, not Tuesday.

44. For Rodichev's activities in Finland see Chapter XV herein.

45. See Chapter XVII herein.

46. Here a hand-written note on the typescript gives the following names: N. I. R-v, Stoiunin, Kniazev, Tikhmenev, Isachenko, Glazberg.

47. The scientist V. I. Vernadskii, who married a cousin of Rodichev's wife and whose son was the American historian George Vernadsky.

48. Waclaw Lednicki (1891-1967), who had a distinguished career in Slavic literary scholarship and as a teacher in Polish, Belgian, and American universities. At the time of Rodichev's letter, he held the chair of Russian literature at the Jagellonian University of Cracow. After the outbreak of the Second World War, he came to America, where he was for many years professor at the University of California.

Appendix C - Bol'sheviki i Evrei

Originally published as a separate pamphlet by the Obshchestvo imeni A. Hertzen in Lausanne (no date). Written by Rodichev in the early period of emigration, probably around 1922, it refutes the antisemitic charge that Jews dominated the Bolshevik Party and calls for struggle against communism on the basis of full equality of peoples and religions.

1. N. S. Chkheidze (1864-1926), Menshevik leader, member of the Third and Fourth Dumas, and first chairman of the Petrograd Soviet in 1917.

2. See note 21 to Chapter XV.

3. Count Wilhelm von Mirbach (1871-1918), German ambassador to Soviet Russia, assassinated by the Left Socialist Revolutionary Blumkin on July 6, 1918.

4. General Brusilov, Commander-in-Chief during May-July 1917, in 1920 entered the Red Army and served in the Commissariat for Military Affairs. General A. A. Polivanov (1855-1920) was Minister of War in 1915-16; in 1920 he was a member of a special conference under the high command of the Red Army.

5. V. R. Menzhinskii (1874-1934) was the successor of F. E. Dzerzhinskii (1877-1926) as head of the OGPU (Unified State Political Administration) or secret police.

6. A. A. Ioffe (1883-1927), Soviet diplomat and member of Trotsky's opposition group in the 1920s.

7. A. A. Vilenkin had been in 1917 head of the army committee of the Fifth Army on the Northern Front; as such, he had been an ardent advocate of military discipline. See I. G. Tsereteli, Vospominaniia o fevral'skoi revoliutsii (2 vols.; Paris, 1963), II, 317-9.

8. On August 30, 1918, Leonid Kannegiser and Fanya Kaplan, both of whom were Jews and Right Socialist Revolutionaries, shot M. S. Uritskii, head of the Petrograd Cheka, and Lenin. Uritskii was killed.

9. Ia. M. Sverdlov (1885-1919) was at the time Chairman of the All-Russian Central Executive Committee and secretary of the Central Committee of the Russian Communist Party (bolsheviks).

10. Ia. Iurovskii, a Siberian Jew, directed the execution of the royal family on the night of July 16-17, 1918, at Ekaterinburg.

11. A. V. Lunacharskii (1875-1933), Commissar of Education from 1917 to 1929 and prolific writer on philosophical and literary themes.

12. Mass evacuations of Jews from border provinces began in March 1915. Official justification rested on alleged spying by Jews for Germany and on alleged hostility of Jews toward the non-Jewish population. See Salo W. Baron, The Russian Jew under Tsars and Soviets (New York, 1964), pp. 190-1.

13. Petliurists--followers of the Ukrainian nationalist leader S. V. Petliura (1879-1926) during 1918-20, with whose name is associated a number of anti-Jewish pogroms in 1919.

14. For the authoritative exposure of the so-called "Protocols of Zion" see the volume by Professor John S. Curtiss of Duke University, An Appraisal of the Protocols of Zion (New York, 1942). Professor Curtiss demonstrates that the Protocols were largely plagiarized from a book published in 1865 in Brussels, entitled Dialogue aux enfers entre Machiavel et Montesquieu; ou la Politique de Machiavel au XIX siècle. Written by a Parisian lawyer, Maurice Joly, the book was an attack upon Napoleon III.

15. Rodichev errs somewhat. The Protocols first appeared in Russia in P. A. Krushevan's newspaper Znamia in 1903. A religious mystic, S. A. Nilus, brought out editions in 1905, 1911, and 1917. G. Butmi published the Protocols in 1906. See Curtiss, pp. 107-8.

16. The first Zionist Congress was held in Basel in 1897.

17. S. F. Sharapov (1856-1911), editor and publisher of several newspapers and a strong opponent of Witte's economic policies.

18. Serafim of Sarov (1759-1833), last of the saints of Russia canonized by the Orthodox Church. Nicholas Motovilov, one of his most devoted followers, left a record of a long conversation with Serafim. See G. P. Fedotov, ed., A Treasury of Russian Spirituality (New York, 1948), pp. 266-79.

19. A. A. Lopukhin (1864-1927), Director of the Police Department in the Ministry of Internal Affairs during 1902-1905.

20. Germogen, Bishop of Saratov, Illiodor, a monk, and Feofan, inspector of the theological seminary in Petersburg, were all initially supporters of Rasputin. They all later suffered after having turned against Rasputin, who by then had secured his place at the court. One of his later supporters, Pitirim, was made Metropolitan of Petrograd in 1915.

21. General A. V. Kaulbars (1844-1929), Commander of the Armed Forces of the Odessa Military District

during 1905-1909. In October 1905, during the terrible four-day pogrom in Odessa, he refused to intervene against the pogromists and over 300 Jews died before the pogrom had spent itself.

22. Baron P. N. Vrangel (1878-1928), Denikin's successor in April 1920 as head of the Volunteer Army.

Appendix D - Pervaia Rech' Imperatora Nikolaia II (17 ianvaria 1895 goda)

Originally published in Switzerland as a separate brochure in 1895 (see note 31 of Chapter XII). The editor has used the typescript found in the Rodichev Collection. Rodichev's two accounts, given here and in Chapter XII, considerably overlap, but the editor has included them in full if only because they represent Rodichev's thoughts on this important event at two widely separated periods in his life.

1. A. K. Krivoshein (1833-1902), Minister of Means of Communication from 1892 to 1894. See note 5 below. Not to be confused with A. V. Krivoshein, who was Minister of Agriculture during 1908-1915.

2. P. V. Nekliudov, Governor of Orel Province, had in 1892 sent a company of soldiers against peasants of the village of Oboleshevo who had resisted illegal demands of a certain pomeshchik named Pushchin. Numerous peasants were arrested and beaten. The matter came before the Committee of Ministers in 1894. Nekliudov was judged guilty of illegal conduct and given a severe reprimand with entry in his service record. For details, see Zaionchkovskii, Rossiiskoe samoderzhavie, pp. 175-8.

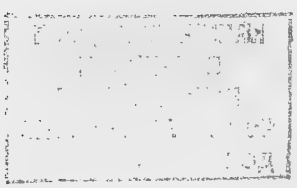
3. P. V. Orzhevskii (1839-1897), Governor-General of Vilna, Kovno, and Grodno during 1893-1897. See note 6 below.

4. "Annenkovykh" probably refers to General M. N. Annenkov (1835-1899), active during the 1880s and 1890s in directing the construction of various railroad lines and in seeking foreign financial support, especially from the Rothschilds. See P. A. Zaionchkovskii, ed., Dnevnik gosudarstvennogo sekretaria A. A. Polovtsova, 2 vols. (Moscow, 1966), especially pp. 280-3.

5. The dismissal of Krivoshein came at the end of 1894. Witte and the Minister of Justice, N. V. Murav'ev, had made known his acceptance of kickbacks from contractors in railroad construction. See S. Iu. Witte, Vospominaniia, I (Moscow, 1960), 540-1. Zaionchkovskii refers to Krivoshein as a "thief." Rossiiskoe samoderzhavie, p. 146.

6. The "massacre at Kraziai" took place in 1893. In this village near Kovno, Roman Catholic peasants resisted an order of Governor-General Orzhevskii that the local Benedictine monastery be closed, its buildings pulled down, and its property confiscated. The Governor of Kovno, one Klingenberg, called in 300 Cossacks to punish the peasants, and there followed killings, floggings, and rape. The Vilna court further sentenced a number of the villagers to varying terms of penal servitude. For details of this incident, see Constantine R. Jurgela, History of the Lithuanian Nation (New York, 1948), pp. 482-6, with quotations from Age Meyer Benedictsen, Lithuania: The Awakening of a Nation (Copenhagen, 1924). I am indebted to Professor V. Stanley Vardys of the University of Oklahoma for bringing this reference to my attention.

7. Evidently A. S. Ermolov (1847-1917), who was Minister of Agriculture and State Domains from 1894 to 1905.



35.00